

МАЛЕНКА РАМОС

ТАЙНА ДОМА МОРЕЛЛИ

«Реальность и мир сверхъестественного соединяются в мастерски написанном триллере».

Goodreads

Annotation

Пенни умерла в три часа ночи. В этот момент старые часы в гостиной дома сестер Морелли остановились. Тьма сгустилась, и миссис Оуэнс услышала, как кто-то постучал в ее дверь.

В то время шериф внимательно наблюдал за старой лесопилкой Брайдел-Вейл и видел свет в одном из разбитых стекол.

Неподалеку от него, в недавно снятом коттедже, писатель Джим Аллен спал спокойно, как и все остальные. Вот почему он не видел высокую темную фигуру, которая прошла очень близко к его окну.

Что-то изменилось той ночью в городе Пойнт-Спирит. Что-то, что может помешать спокойному течению их жизни, хотя они об этом еще не знают.

- [Маленка Рамос](#)
 -
 -
 - [Часть первая. «Привет»](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [Часть вторая. «Пляшите, черти»](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
- [Часть третья. Перекресток дорог](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)

- [56](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Маленка Рамос

Тайна дома Морелли

Malenka Ramos
EL QUE SUSURRA

© Беленькая Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Тот, кто не ведает
пролитой крови, кто не
смешивает ненависть и
любовь и возводит
храмы радости...*

Викториано Кремер

Часть первая. «Привет»

Было три часа утра, когда высокие напольные часы в коридоре остановились. В три часа утра маленькая Пенни умирала. Мать в платье из темной тафты и с жемчужным ожерельем на шее вошла в комнату, упала на кровать, ударила кулаком по матрасу и зарыдала. Затем сложила руки на груди и взмолилась Богу, чтобы забрал поскорее и ее тоже.

Элизабет видела, как тетушки пронеслись по коридору и захлопнули дверь в комнату умершей сестры. Слышала отчаянные крики и безутешные рыдания матери, проклинавшей безжалостный рок и всю свою жизнь. Элизабет была не в силах даже пошевелиться. Вцепилась в ночную рубашку, сжала пальцами тонкую хлопковую ткань и уставилась на свои босые ступни, стоявшие на деревянном полу. Пенни больше нет. В три часа утра ее бедная хилая сестренка перестала бороться за жизнь. Позади месяц адского жара, бреда и ночных кошмаров, когда проклятая зараза пожирала ее изнутри, лучшие врачи города тщетно пытались подобрать лекарство, а мать, вне себя от горя, ежедневно ходила в церковь помолиться, чтобы Бог услышал ее и сжалился над несчастной маленькой жизнью, которая могла оборваться в любой момент.

Но Бог не помог сестре той ночью. Не помогал и матери, когда Карлота и Амелия, тетушки Элизабет, оттаскивали ее от кровати, а она, хватаясь за изножье, в отчаянии кричала, что хочет еще немного побыть со своей девочкой. Человек из похоронной конторы явился через полчаса. Тетушки попытались запереть Элизабет в комнате, но она успела увидеть безжизненное тело Пенни на кровати и потерявшую разум мать, которая металась по коридору, цепляясь руками за перила, желая одного: остаться и не покидать свою маленькую мертвую дочь.

Элизабет знала, что сестра умрет. Возможно, она лучше матери была готова к тому, что в конце концов случилось. Но самое страшное было не это. По-настоящему страшно ей стало, когда она увидела мать. Мать, которая всю жизнь была образцом сдержанности и безукоризненных манер, чей ровный голос неизменно успокаивал Элизабет, когда она спрашивала: «Ну что, Пенни лучше?» – а мать отвечала, что Пенни, конечно же, лучше, что ей будет все лучше и лучше и повода для беспокойства нет, девочка обязательно поправится. Сейчас же мать была на грани безумия: цепляясь за перила, она царапала ногтями черешневое дерево, и впервые в жизни Элизабет увидела, как мать рыдает. Это напугало ее так сильно, что у нее

сдавило сердце и стало трудно дышать. Ее мать, это воплощенное достоинство, превратилась в клубок спутанных черных локонов, рассыпанных по лицу. Тетушка Карлота потянула мать за руку, и рукав разорвался.

– Он знал! – повторяла она, рыдая. – Знал с того дня, как девочка родилась! Карлота, ты его тоже видела! Ты видела его так же, как и я, – в тот день, возле кровати!

Элизабет понятия не имела, что имеет в виду мать. Одна из тетушек увела ее в комнату. Как раз в этот миг лопнули материны бусы: жемчужины рассыпались по полу, запрыгали по ступеням, закатились во все углы нижнего этажа. Эти бусы были для матери настоящим сокровищем, однако она и не заметила, что они разлетелись по всему дому. Элизабет машинально наблюдала, как суетится тетушка Амелия, загоняя ее в комнату. Наконец дверь за ними захлопнулась так резко, что воздух дрогнул, а сама Элизабет покачнулась, будто вот-вот потеряет сознание.

– О, Элизабет, бедная девочка, – причитала Амелия. Она опустилась на кровать, потянула Элизабет за руку и усадила рядом с собой. – Ужасно, ужасно! – приговаривала она.

Перед глазами Элизабет все еще стояла мать, и жемчужины скакали по ступенькам.

– Нужно собрать жемчуг, – пробормотала она. – Это мамины любимые бусы. Папин подарок.

– Твоя сестра, – воскликнула тетушка. – Пенни! Ах, боже мой, за что? Ей было всего двенадцать! Двенадцать лет!

Эта ночь длилась целую вечность. Амелия сидела возле Элизабет, пока та не уснула. Зато она не плакала. Не плакала не потому, что ей не было жалко сестру, и не потому, что ее так сильно поразил ужасающий вид матери в платье с порванным рукавом. А просто потому, что не могла. Не могла – и все. С утра дом наполнился людьми. Родственники и друзья, соседи, едва знакомые Элизабет, подходили к телу сестры, молча смахивали слезу и утешали мать, осоловелую от таблеток, которые доктор Фостер заставил ее проглотить несколько часов назад. Она едва держалась, сидя у гроба Пенни. Протягивала руку каждому, кто подходил, а затем белым шелковым платочком вытирала слезы. Она говорила с трудом, глаза смотрели куда-то мимо стульев, предназначенных для посетителей. Она не замечала Элизабет, которая, сидя между двумя тетушками, также принимала соболезнования: одни похлопывали ее по щеке, другие произносили слова сочувствия, третьи лишь робко приветствовали.

– Ты сильная девочка, – шептала Карлота. – Ведешь себя как взрослая. Твоя мама все замечает, радость моя.

– Тетя, а бусы?

– Не беспокойся, мы уже все собрали. Пол Кур, ювелир, починит их, как только все закончится.

* * *

Преподобный Роберт, местный пастор, подошел первым. Наклонился и неловко потрепал Элизабет по щеке. На его добродушной физиономии изображались участие и скорбь. Доктор Алан Фостер тоже был там, с матерью и тетушками. Элизабет узнала его издали по черному пальто и цветастому шарфу, который он обычно повязывал, когда холодало. Доктор жил по соседству и, когда стало очевидно, что Пенни больна всерьез и его опыта не хватает, стал утешителем матери, не забывая при этом давать своевременные врачебные советы. Он проверял, как бьется сердце Пенни, измерял давление и температуру, контролировал прием жидкости, чтобы не наступило обезвоживание.

– Как ты, малышка? – спросил Алан, наклонившись к Элизабет. – Не забывай: что бы ни случилось, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо, Алан. Я в порядке.

– Вижу, что и преподобный Роберт здесь... – доктор пожал руку пастору и вновь повернулся к Элизабет. – Похоже, собрались все родственники твоего покойного отца и почти все соседи, – добавил он. – Ты должна быть сильной, Элизабет. И помни о том, что я сказал. Обещаешь?

Этот человек больше всех напоминал Элизабет отца. По правде сказать, отца она давно бы уже забыла, если бы не портреты в рамочках, красовавшиеся на камине, с которых мать каждое воскресенье заботливо вытирала пыль.

– Обещаю, – растерянно прошептала Элизабет.

– Ты всегда можешь обратиться к нам за помощью, – добавил пастор. – Вдруг тебе станет одиноко и захочется о чем-нибудь поговорить... Все что угодно, Эли.

– Хуже всего было в эти последние дни, – ответила Элизабет дрожащим голосом. Вытерла нос, и глаза ее наполнились слезами. – Мама в ужасном состоянии.

Доктор и пастор понимающие переглянулись. На мгновение Алан

коснулся рукой плеча Элизабет.

– Детка, – вмешалась в их разговор Амелия. – Пойди поцелуй маму. Обними ее. Ей тяжело, и ты ей нужна, Элизабет.

Алан поцеловал девочку в лоб, после чего она направилась в другой конец гостиной. Заметив ее приближение, мать подняла глаза, и на лице у нее промелькнула усталая, чуть напряженная улыбка. Элизабет догадывалась, что мать ее жалеет, что, несмотря на крайнее утомление и таблетки, она понимает, что Элизабет – всего лишь подросток, которому тоже сейчас непросто.

– Мамочка, я люблю тебя.

Она крепко прижалась к матери, та обняла ее и крепко поцеловала в щеку. Мокрые от слез губы матери оставили на коже влажный след.

– Ты его видела? – внезапно спросила мать срывающимся шепотом. – Ты его когда-нибудь видела?

Элизабет нахмурилась и отрицательно покачала головой. Мать схватила ее за руку и притянула к себе.

– Скажи честно, очень тебя прошу.

– Мама, я не понимаю...

– Даю слово, ругать не буду, только скажи правду. – Она промокнула платком глаза и крепко схватила девочку за руку. – Ты его видела? Элизабет, это для меня очень важно.

– Ничего не понимаю. О ком ты говоришь?

Мать так плотно сжала губы, что рот превратился в прямую линию, а лицо сделалось напряженным, страдающим. Когда она страдала, ее красота становилась еще заметнее.

– Того, Кто Шепчет... Ты видела его? Скажи!

Элизабет пришло в голову, что мать сошла с ума. Тетушка Амелия заметила, что сестра дергает племянницу за руку, и заподозрила неладное. Соседи и родственники были далеко и не обращали на них внимания; однако Алан и пастор тоже обернулись, услышав слова, слетевшие с уст Мэри Энн от нестерпимой душевной боли.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду. Я никого не видела, – Элизабет едва сдерживала рыдания. – Ты просто плохо себя чувствуешь, мама...

– Пообещай, что обязательно все мне расскажешь, – бормотала мать. – Пообещай, что не будешь его слушаться. Это я во всем виновата! – крикнула она; тетушки спохватились и заспешили в их сторону. – Обещай, что не позволишь ему себя обмануть, как это случилось со мной!

– Алан, – взмолилась Карлота: – Мэри Энн, возьми себя в руки!

Амелия нетерпеливо отстранила Карлоту и наклонилась, чтобы

поцеловать и обнять Мэри Энн. Та чуть заметно покачивалась, рыдая навзрыд:

– Это мы, это наша вина. Главное, чтобы она его не встречала. Не дай ему забрать и ее тоже, Амелия. Не дай демону ее обмануть. Теперь Элизабет моя единственная дочь. Единственная!

Этого Элизабет не вынесла: она бросилась вверх по лестнице, спряталась у себя в комнате и заперлась изнутри, чтобы ее никто не трогал. Она прилегла и тут же уснула. По всей вероятности, она проспала много часов подряд, потому что, когда проснулась, было темно. Судя по звукам, доносящимся снизу, посетители еще не разошлись. За окном было слышно, как прибывают и уходят люди, посчитавшие своим долгом выразить соболезнования. Машины останавливались у ворот, возле крыльца толпились соседи. Но садовые ивы взирали на эту суету равнодушно. Их ветки едва заметно трепетали – по крайней мере так казалось Элизабет. Это выглядело странно, потому что траурные платья женщин на лужайке у дома развевал крепкий осенний ветер. Она прикрыла глаза, ей снова хотелось плакать. Качели тихонько покачивались над травой. Элизабет вспомнила, как любила их Пенни.

– Спой, Элизабет! Спой и покачай меня! – звучало в памяти.

– На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин. На каменной дороге танцует принцесса.

Мир больше не был совершенным, как прежде. Лилии на высоких прямых стеблях, обрамляющие сад, едва виднелись в осенних сумерках. Каждое лето они буйно цвели, горделиво возвышаясь над кустами и африканскими ромашками, позади деревянных качелей и ивы с округлой лиственной кроной. Все изменилось для Элизабет в тот вечер. Куда бы ни устремила она свой взор, воздух сочился печалью.

Да, Пенни умерла. В три часа утра. Когда все только-только начиналось.

Кэтрин Вудс была, что называется, профессиональной гадалкой с хорошей репутацией. В свои семьдесят два года эта женщина по-прежнему сохраняла ясный ум, и ее небольшой бизнес функционировал более-менее сносно. Не сказать, чтобы она сказочно разбогатела, раскидывая картишки по просьбе обитателей городка, продавая фигурки святых или талисманы на удачу, однако все это позволяло ей жить комфортно, содержать собственный домик, покупать все самое необходимое и даже оплачивать медицинскую страховку, о чем она беспокоилась всю жизнь.

Кэтрин была ирландкой, более пятидесяти лет прожившей в Новом Свете, как имел обыкновение называть эту страну ее дед. Когда-то она изучала философию и филологию, объездила весь мир, но после смерти мужа осела здесь, в Пойнт-Спирите – спокойном, но не самом захудалом городке, где было достаточно магазинов и симпатичных людей, которые уважительно относились к ее ремеслу и даже прибегали к ее помощи.

Всякий раз, когда позволяли опухающие ноги, она отправлялась в церковь помолиться. Ей нравилось расчесывать волосы гребнем, подаренным матерью еще в детстве. Гребень был инкрустирован перламутром, щетинки были мягкие и не царапали кожу. Представить невозможно более роскошного гребня. По правде сказать, никто больше никогда не преподносил ей таких чудесный подарков. Ее это не слишком расстраивало – так или иначе, теперь Кэтрин уже была старухой; однако она терпеть не могла, когда ее жалели, была независима, решительна, надевала ботинки на шнурках оливкового цвета, лучшее платье и шла себе в церковь маленькими шажками, иногда опираясь на палочку – в том случае, когда из-за плохого кровообращения у нее случались судороги в икрах или она слишком уставала, чтобы вовремя поспеть на двенадцатичасовую службу. Свои белоснежные волосы она порой собирала в высокий кокетливый пучок, а в иные дни они свободно спадали из-под шляпки, подобранной в тон к платью.

То утро выдалось странным, даже тревожным. Время от времени Кэтрин прислушивалась к собственным ощущениям. Несколько раз за ночь она просыпалась в необъяснимой тоске, сердце учащенно билось, и холодный пот покрывал каждый сантиметр тела. Быть может, виной тому был кошмарный сон, который она силилась, но никак не могла вспомнить? Ночью, ворочаясь под пуховым одеялом, она несколько раз слышала

странный звук, будто бы кто-то наблюдал за ней, притаившись в углу комнаты. Будто бы что-то невидимое замерло, выжидая. Пару раз она собиралась позвонить Лоррейн, однако быстро передумывала, опасаясь ее напугать. Лоррейн работала помощницей в крошечной консультации Кэтрин: записывала время приема, встречала клиентов, упаковывала талисманы и фигурки святых в картонные коробочки. Она отвечала на звонки, оплачивала счета, отправляла заказы по каталогу, а также занималась Интернетом, который Кэтрин считала явлением чересчур современным и сложным, но ее компаньонка неизменно твердила, что за продажами через Интернет будущее. Лоррейн, на двадцать лет моложе хозяйки, была вдовой и получала неплохую пенсию – работа в консультации была для нее чем-то вроде хобби, с которым она, надо заметить, справлялась на отлично.

Все эти случайные мысли крутились в голове у Кэтрин, пока она сидела у себя на деревянной веранде в кресле-качалке, попивая чай, и машинально смотрела на машины, проезжавшие мимо одна за другой. В то утро люди казались ей нервными, и этому было объяснение. Несколько дней назад умерла девочка из семьи Морелли: Кэтрин рассказал про это Томми, помощник шерифа, когда проходил мимо ее дома. Она даже побывала на мессе, которую преподобный Роберт Маркусо служил за упокой души малышки, и побывала на собрании, организованном мэром, где собирали пожертвования в пользу семьи сестер Морелли, а вместе с ними – целый урожай цветов и венков. Разумеется, ей то и дело задавали досужие вопросы: «Кэтрин, ты наверняка что-нибудь знаешь. Ты же ясновидящая»; «Что говорят карты?»; «Как ты думаешь, у нее был шанс выжить? Могло ли произойти чудо?»

Можно подумать, все так просто. Она не любила сочинять сказки, и уж тем более не лечила лейкемию. Она всего лишь раскладывала карты, и те разговаривали с ней, вот и все. Она могла дать кое-какие советы, когда кому-нибудь из соседей требовалась ее маленькая помощь, но терпеть не могла лгать или преувеличивать свою силу. Она не была колдуньей и не обладала даром ясновидения или предсказания. Карты были ее ремеслом...

Сейчас, сидя в одиночестве на сосновой веранде своего дома, она любовалась домиками и изящным церковным шпилем, возвышавшимся позади них. День выдался на удивление холодным: тонкая хлопчатобумажная куртка едва согревала Кэтрин. Она потопала ногами, обутыми в закрытые тапочки, и вернулась в дом. Несколько секунд молча стояла, осматривая гостиную, маленький транзистор на телевизоре, подушки, обвязанные крючком, картины, развешанные по стенам. Наконец

домашнее тепло проникло в тело. Она бегло взглянула на камин, на аккуратно сложенные дрова, заготовленные к вечеру. Пахло лавандой. На журнальном столике полукругом стояли портреты в рамках. Была там и прелестная фотография: они с Лоррейн на качелях в саду позади дома. Кэтрин взяла фото со столика и провела кончиком пальца по лицу подруги. Лоррейн носила распущенные волосы, гриву средней длины орехового цвета, которую лихо зачесывала набок. У нее было продолговатое лицо, всегда нарумяненные щеки, губы она красила яркой помадой. Когда Кэтрин видела Лоррейн в последний раз? Обычно они не виделись максимум два дня. Она машинально набрала номер телефона, все еще держа в руках фотографию и испытывая приступ необъяснимой тревоги, настолько острой, что не могла вспомнить, чувствовала ли когда-либо прежде нечто подобное. Номер не отвечал. Может, Лоррейн приболела? Надо одеться и поскорее ее навестить.

Она подошла к крыльцу Лоррейн в двенадцать часов дня. Дом располагался всего в квартале от ее дома, но для Кэтрин преодолеть такое расстояние было все равно что пересечь лес в снежную бурю. В то утро ноги болели сильнее обычного, и даже трость не помогала избавиться от судорог. Она поднялась на три ступеньки, держась за деревянные перила, и несколько раз нажала на звонок. Никто не открывал. Она вспомнила, что обычно Лоррейн прятала ключ под половичком на тот случай, если вдруг потеряет ключи или уедет в Торонто навестить сестру и Кэтрин придет полить цветы. Она подошла к окну, сиюминутно разглядеть сквозь полупрозрачные занавески. Спальня подруги располагалась почти напротив двери, и она ожидала увидеть свет, который бы указывал на то, что Лоррейн больна и спит. Но света не было. Она с усилием наклонилась, пошарила рукой под половичком и нашла ключ. Вытерла лоб платком и отперла дверь. Сразу же за дверью стояла удушающая жара. Казалось, отопление несколько дней работало в полную силу. Перепад температур был почти сокрушительным.

– Лоррейн, – позвала она, тяжело вваливаясь в гостиную, – ты дома? Я звонила в дверь, но ты не открыла. Это я, Кэтрин, – добавила она.

В следующую секунду любопытство сменил ужас. Она не в силах была отвести глаз от увиденного, а сердце забилось так, что казалось, вот-вот разорвется. Тело Лоррейн висело на одной из потолочных балок, широко открытые глаза вылезли из орбит, голова склонилась набок, а язык вывалился наружу. На ней была ночная рубашка в зеленый цветочек, одна тапка лежала на полу, а другая кое-как держалась на правой ноге.

Старуху охватила паника, но она не могла сдвинуться с места. Сделала

шаг назад и ударилась затылком о полку, так что стоящие на ней книги с грохотом посыпались на пол. Она закричала – громко, испуганно, отчаянно:
– Лоррейн, ради всего святого! Лоррейн!

Она задышалась. Затем поднесла руку ко рту, будто бы желая заглушить собственные вопли и унять страх.

Подошла к висящему телу. Несколько мгновений ей казалось, что ее сейчас хватит инфаркт, что час ее пробил. К горлу подкатывала тошнота, а грудь сдавила такая острая боль, что Кэтрин согнулась пополам.

– Боже, – простонала она. – Боже мой!

Одеревеневшие синеватые ноги Лоррейн уже начали опухать. В правой руке она сжимала открытый тюбик красной губной помады. Что это, зачем? Кэтрин мутило. Она нащупала позади себя кресло и грузно в него опустилась. Это было мучительно, невыносимо. Только бы не отключиться, не потерять сознание. Она обернулась, увидела собственное отражение в зеркале на изящном трюмо и чуть не умерла от страха.

– Как же это... Бог мой...

Прямо на зеркальной поверхности красовалась надпись цвета свежей крови:

ПРИВЕТ

В тот миг, когда шею Лоррейн высвобождали из смертельных объятий телефонного провода, а вокруг Кэтрин Вудс толпились медики, тщетно пытаясь ее успокоить, Джим Аллен сидел на веранде своего дома, попивая пиво и покачиваясь в кресле-качалке. По части работы утро выдалось исключительно плодотворным. Он исписал двадцать страниц и готов был в том же ритме проработать остаток дня. Услышав издалека вой сирены, он задумался. Что это может быть? Последние дни выдались для Пойнт-Спирита не слишком веселыми, и ситуация в целом, а также невольные мысли о том, как переживут три несчастные женщины смерть девочки, угнетали Джима. В этом забытом Богом городке он прожил всего два месяца, но уже чувствовал себя своим. Именно об этом предупреждал его Ларри, литературный агент, когда он только еще задумался об уединении и собирался снять домик: вряд ли у него получится жить вдали от людей и стать отшельником.

– Люди в маленьких городках, Джим, ужасные педанты, – рассуждал Ларри. – Я не имею в виду, что они лезут в чужие дела или всех поголовно осуждают, но пойми, невозможно снять дом в городишке с двумя тысячами жителей и ни с кем из них не познакомиться, не сблизиться, ну, ты меня понимаешь. Сходи в бар, потусуйся с людьми, будь приветлив с ними.

– Какого черта, Ларри? Я собираюсь писать роман, а не тусоваться.

Ларри закатил глаза.

– Я все понимаю, но это тебе не чертова столица. Ищешь спокойствия? Перемен? Отлично. Но не вздумай прятаться от людей, как какой-нибудь столичный пижон. Ты им сразу не понравишься, а тебе там жить целых шесть месяцев. Пойми, Джим: ты для них не автор детских книжек, которому приспичило написать роман для взрослых и для этого понадобился покой. Ты – выскочка, который черт знает что о себе вообразил и не желает знаться с деревенщиной. Им только повод дай – и они запросто испортят чужаку жизнь. Уж поверь мне, приятель, я знаю, про что говорю.

Этим он и занялся в первые же недели жизни в Пойнт-Спирите. Сходить в город, пообщаться с соседями. Пусть воспринимают его как простого открытого человека, приятного во всех отношениях. «Рубаху-парня», как говорила его бабушка Маргарет, которая, хоть и славилась склонностью к затворничеству, умела быть симпатягой, и это не стоило ей

чрезмерного труда.

– Честно говоря, Джим, я вообще не понимаю, зачем тебе уезжать из Сан-Франциско и селиться в дыре. Мог бы написать свой роман во время рекламного тура с «Приключениями Катрины».

– Ларри, я хочу отдохнуть. Уехать как можно дальше от Сан-Франциско и пожить в тихом местечке, где меня никто не знает.

Некоторое время агент молча смотрел на него округлившимися глазами, затем на его полном, холеном лице изобразилась смиренная гримаса.

– Мы продали больше миллиона экземпляров «Катрины». Если в этой стране есть кто-то, у кого есть дочь, но нет книжки про Катрину, сообщи мне, пожалуйста. Лично вышлю ему всю серию.

Джим неизменно впадал в уныние, когда Ларри заговаривал с ним о работе. Ларри был коренастый и упитанный хищник от литературы, явно имевший высокий шанс заработать инфаркт раньше пятидесяти. Он ревностно следил за Джимом из «оперативного центра» (так он называл собственный кабинет), не слишком доверяя своему автору, хотя и мирился с его чудачествами: другого выхода у него все равно не было.

– «Катрина» никуда не денется, Ларри, – рассеянно пробормотал Джим. – Я же обещал выдавать две-три истории в год. Тебя это не должно волновать. Но пойми, я не могу посвятить всю свою жизнь приключениям девочки-подростка, как бы ни были высоки продажи. Я должен вернуться к серьезным романам...

– Поступай как знаешь, – перебил его Ларри. – Главное – не становись извращенцем.

Джим расхохотался.

– Смейся, смейся, – ворчал Ларри. – Тебе тридцать семь, а ты не женат. Для девчонок ты – воплощение крутизны. Тем более в деревне. Тип вроде тебя, без жены, которую бы все знали, с внешностью интеллектуала, к тому же пишущий книжки для девочек, имеет все шансы. Старайся быть осторожным.

– Ты издеваешься? – все еще смеясь, Джим направился к двери.

Неужели Ларри и вправду верил в то, о чем говорил?

– Звони каждую неделю! – крикнул агент ему вдогонку, когда он уже направлялся к лифту. – Да, чуть не забыл: «Катрину и заколдованный дом» готовят к переизданию!

«Круто, Ларри. Но мне плевать, честное слово», – чуть было не сказал Джим агенту.

– Замечательно, – воскликнул он, прежде чем двери лифта закрылись

перед его носом.

* * *

Первые дни в городе были довольно изнурительны для такого человека, как Джим. Пешком он обычно передвигался лишь в том случае, когда нужно было от кого-то улизнуть. Он обошел весь Пойнт-Спирит и выучил расположение пяти улиц, впадавших в главную артерию города. Одна из них вела к лучшей пивной в здешних местах – «Укулеле»: славному местечку в стороне от бульвара, который в вечернее время наполнялся людьми, достаточно просторному и уютному, чтобы убить часок-другой. В центре города располагалась площадь со сквером, напротив – здание почты, офис шерифа, маленькая библиотека, несколько магазинов и симпатичная кофейня под названием «Коконут». На улице, расположенной севернее, он обнаружил еще кое-какие заведения: прачечную, две ремесленные лавочки, один или два простеньких ресторана и, наконец, церковь. Последняя удивила Джима. Белое здание с фасадом из кирпича, колокольней и четырьмя колоннами, которые поддерживали и одновременно украшали центральный вход. Джима потрясло это сказочное строение, окруженное газонами и деревьями, а также изгородью высотой около полуметра. Узенькая дорожка, мощенная плиткой, вела к крыльцу. Увидев церковь впервые, он постоял напротив, любуюсь ее архитектурой и стараясь насладиться не только красотой, но и необычным чувством, которое вызвало в нем это место... «В такой церкви Катрина могла бы венчаться», – подумал Джим. «Она подходит тебе, Катрина», – пробормотал он, сделав глоток пива.

Он поставил кружку на столик из тикового дерева и устроился в кресле поудобнее. Было холодно. Он потер руки и застегнул молнию на куртке. Ему пришло в голову, что было бы неплохо нанести визит вежливости этим трем несчастным женщинам, когда похоронная суета останется позади. С его стороны это было бы благоразумно, и не важно, что он прожил в их краях совсем недолго. Несколько раз он встречал Карлоту Морелли в супермаркете. Своеобразная женщина. Взгляд жесткий и непроницаемый. Гладкие волосы убраны в аккуратный пучок или высокий хвост, такой тугой, что глаза делаются крупнее и выразительнее. Роберт Маркусо, священник, поведал Джиму, что она – старшая из трех сестер, но в свои сорок два года ни разу не была замужем. Видел он и вторую сестру,

среднюю. Кажется, ее звали Амелия. Красивая, смуглая, как и мать умершей девочки, она показалась Джиму слишком уж худой, и только волосы у нее были прекрасные – длинные и волнистые. Сестры жили неподалеку от него, через пару улиц, а может, и того меньше. Когда по вечерам он отправлялся на прогулку или шел в «Укулеле» к Лоретте, он иногда видел ее силуэт сквозь занавески второго этажа.

– Хорошие женщины, но судьба у них непростая, – сказал Роберт накануне вечером, сидя за пивом в баре Лоретты. – Виктор, муж Мэри Энн, погиб, когда Пенни было всего несколько месяцев. Он был летчик-трюкач, обожал самолеты. Был отличным мужем и отцом: очень заботился о девочках. Страшное горе.

– Его фамилия не Берри случайно?

– Точно: Отважный Берри, – улыбнулся пастор. – Он часто уезжал, но отсутствовал максимум дня три-четыре. Возвращался с подарками для девочек и жены. Отличная крепкая семья, очень типичная для Пойнт-Спирита. По воскресеньям ходили в церковь, принимали участие во всех благотворительных акциях, всегда готовы были прийти на помощь... У Берри заклинило двигатель на одном из показов в окрестностях Портленда за день или за два до Четвертого июля^[1]. Помню, они готовили на праздник целый воздушный спектакль. Я плохо разбираюсь в трюках, но этот парень лучше всех умел закручивать самолет штопором и лететь вниз по спирали. Опасный маневр, но пилоты вроде него справлялись. Хотя мне лично всегда казалось, что самолет, летящий на огромной скорости носом вниз, невозможно контролировать на сто процентов. В итоге он рухнул на лес, вспыхнул пожар, выгорело несколько гектаров деревьев. Страшная трагедия.

– Да, неприятно, – ответил Джим.

Его преосвященство допил пиво и посмотрел на часы.

– Я рад, что вам безразличны жители нашего города, мистер Аллен. Пойнт-Спирит – славное место. Я здесь родился и прожил всю жизнь.

– Пожалуйста, зови меня Джим.

– Отлично, Джим, – улыбнулся священник. – Кстати, Лоретта мне сказала, что ты пишешь роман. Ты мог бы использовать наш город как место действия для твоих героев.

– Неплохая идея, – отозвался Джим. – Этот город явно влияет на мое воображение. Хотя, честно сказать, мне не приходило в голову использовать его для романа. Я пока ничего не решил. В голове множество идей, но ничего определенного.

Пастор улыбнулся и пожал плечами. В первый миг знакомства Джиму

пришло в голову, что этот человек слишком молод для привычного образа пастора, не говоря уже о физической привлекательности и неизменном оживлении, которое пробегало по рядам прихожан, когда он появлялся на воскресной службе.

– Ни о чем не беспокойтесь, господин Аллен, – вручая ключи от дома, сказала Лоретта, хозяйка не только бара, но также и домика, который он снял, – его преподобие непременно зайдет к вам познакомиться. Выпьете с ним по глоточку, и он расскажет вам про наш город, чтобы вы не чувствовали себя чужаком, – сказала она и улыбнулась, от чего лицо ее просияло, а морщинки ожили. – Вообще-то трудно назвать его пастором в привычном смысле этого слова; с моей точки зрения, он слишком красив и вообще отличный парень. Уверена, вы подружитесь.

Лоретта беседовала с ним, опершись на локти, и ее огромные груди величественно возлежали на барной стойке из каштанового дерева. Она покуривала длинную тонкую сигарету, украдкой косясь на телевизионную панель, висящую на потолке.

– Не ожидал встретить человека моего возраста, избравшего для себя церковное служение. К тому же такого общительного. Обычно представляешь себе куда менее симпатичных парней, живущих более уединенно.

Услышав последнюю фразу, его преподобие расхохотался.

– Я тоже, представь себе, – ответил он. – Вообще-то я протестант и вполне могу иметь семью. Видимо, с годами стану пожилым парнем, не лишенным некоторого шарма, – он улыбнулся.

Джим тоже улыбнулся и допил пиво.

– Вот именно, Роберт. Ты протестант. Еще не все потеряно, – лукаво ответил он. – Честно сказать, я не слишком разбираюсь в религии.

– Это неудивительно. На самом деле никто толком не знает, в чем различия между нами, протестантскими пасторами, баптистами и католическими священниками. С годами мы все больше удаляемся от иллюзорного мира, в который неизбежно превращается религия. В городках, таких как этот, все по-другому. Вы в своих мегаполисах живете в особом измерении.

* * *

Звук подъезжающей к дому машины нарушил его размышления. Джим

привстал. В первый момент из-за густой пыли, поднявшейся из-под колес, ему не удалось рассмотреть, кто сидит за рулем синего внедорожника, свернувшего к дому, когда же автомобиль остановился у крыльца, из него вышел преподобный Роберт. Пастор захлопнул дверцу и зашагал к веранде. На ходу поправил брюки и застегнул пиджак. Его волосы казались еще более светлыми на фоне темной одежды.

– Все в порядке? – крикнул Джим, заметив на лице пастора беспокойство.

Тот поднялся на крыльцо и протянул ему руку.

– Ехал по дороге и увидел тебя на крыльце. Прости, что помешал, но случилось кое-что очень неприятное. В общем... нужно поговорить.

Джим пригласил его в дом. На веранде было слишком холодно. Пастор, смотревший сначала себе под ноги, затем испуганно озирающийся по сторонам, казался растерянным, даже жалким. Он вошел следом за Джимом и сразу же плюхнулся в первое попавшееся кресло из тех, что стояли в просторной гостиной. Роберт поднял глаза и осмотрелся, хотя вряд ли его слишком заботило то, как Лоретта оформляет дома для постояльцев, или же тот факт, что картины с букетами и натюрморты в золоченых рамах плохо сочетаются с современной обстановкой. Скорее он пытался подобрать нужные слова, чтобы рассказать о чем-то, что его не на шутку встревожило.

– Что-то не так на похоронах девочки? – спросил Джим, начинавший терять терпение.

– Прости... Я в растерянности. Еду из дома Кэтрин Вудс. Должно быть, ты не успел с ней познакомиться. Она, как бы это выразиться... предсказательница. Раскладывает карты и рассказывает, что видит. Сегодня утром Кэтрин обнаружила тело Лоррейн Оуэнс, своей компаньонки: она висела на одной из потолочных балок в гостиной собственного дома. В петле из телефонного провода. – Он умолк, пристально посмотрел на Джима. Тот все еще стоял, сложив на груди руки и глядя на него во все глаза. – Я даже не успел толком попрощаться с теми, кто присутствовал на похоронах Пенни Берри!

– Это случайно не хозяйка лавочки, где продаются волшебные фигурки? – спросил он, вспомнив, что видел ее витрину во время одной из своих вечерних вылазок.

– Точно, мы с тобой проходили мимо. Это она. Кэтрин у нас в городе знают все. Славная она женщина, Джим. А у Лоррейн все вроде бы было в порядке. Не понимаю, как ей могло прийти в голову такое сотворить. Я едва успел перекинуться с Кэтрин парой слов. Бедняге за семьдесят, когда я

зашел ее проведать, она была в истерике. Ее чуть было не забрали в больницу, но в конце концов дали какие-то таблетки, и она немного успокоилась, по крайней мере хоть что-то могла сказать. Я боялся, что у нее не выдержит сердце. Пока я у нее сидел, они трижды ее прослушивали. Можешь представить, в каком состоянии бедная старушка.

– Ужасная история, – пробормотал Джим. – А может, у Лоррейн была депрессия, о которой никто не догадывался?

Роберт отрицательно покачал головой. Руки он держал на коленях, крепко сжав кулаки, глаза его казались еще более голубыми и ясными, чем обычно. Джиму померещилось в нем что-то еще, чего он не мог сформулировать.

– И ведь ни с кем про такое не поговоришь, – добавил Роберт. – Какой смысл? Сам-то я толком ничего не видел. Томми Нортон, помощник шерифа, уверяет, что в доме не было ничего подозрительного, однако эта женщина утверждает, что...

– погоди, Роберт, – перебил его Джим. – Я тебя не понимаю. В каком смысле ты ни с кем не можешь поговорить? Чего именно ты сам не видел?

Его преосвященство поднял глаза и уставился на Джима.

– Она так за меня ухватилась, что чуть руку не сломала, Джим. Она была просто вне себя. Якобы, войдя в дом и обнаружив тело, увидела красную помаду в руке Лоррейн. А полчаса назад она мне поклялась, что на зеркале была надпись «Привет» заглавными буквами. С какой стати человек станет писать слово «привет» перед тем, как повеситься?

– Скорее всего, старушке померещилось. В состоянии шока чего только не увидишь.

Джиму пришло в голову, что пастор хочет выговориться, чтобы не выглядеть чокнутым в глазах жителей городка. Он прошелся туда-сюда по выцветшему ковру в бежевых и малиновых завитушках, стараясь осмыслить ситуацию.

– Может, так оно и есть, но я только что был у Кэтрин, и она показалась мне очень странной. Я ее знаю с детства, Джим. Она не умеет лгать. С другой стороны, в чем-то ты прав: может, она действительно так испугалась, что ей померещилось. Она была сама не своя...

– Не стоит сейчас голову ломать, – сказал Джим. – Пройдет несколько дней, поговоришь с ней уже более спокойно, и, может, версия прозвучит уже по-другому. Хочешь кофе? Как раз собирался разжечь камин. Горячий кофе пойдет тебе на пользу.

Роберт согласно кивнул. Джим отправился на кухню, догадываясь, что, пока его нет, пастор наверняка с любопытством рассматривает безобразные

кресла, обтянутые потертой кожей, и стол из каштанового дерева, который, как ни странно, худо-бедно сочетался с прочей мебелью. Растапливая камин и заваривая кофе, он объяснял пастору, что дом пришелся ему по душе, что он напоминает традиционную хижину, а сочетание камня и дерева придает ему налет современности, который Джиму нравится, не говоря уже о больших окнах, выходящих на север, и живописной низкой кровле, достигающей почти до первого этажа, так что к ней можно прикоснуться рукой.

– Такие дома строили европейцы в восемнадцатом и девятнадцатом веках, – продолжал Джим, ставя поднос на стол в центре гостиной. – Они распространялись вместе с переселенцами вдоль Аппалачских долин, в Мэриленде, двух Каролинах и Джорджии. Мне они нравятся. Но в таком городе, как Сан-Франциско, вряд ли встретишь нечто подобное.

– На самом деле это всего лишь временные убежища для солдат в период Гражданской войны, – отозвался Роберт. – Наш городок был основан в 1880 году в разгар лесопромышленного бума. Стиль большинства домов, которые ты здесь видишь, напоминает лесопилку Брайдел-Вейл. В прежние времена поселки и городки возникали, как правило, вокруг лесопилок. Пойнт-Спирит не исключение, хотя время и регулярные пожары отодвинули город от леса в сторону юга и изменили облик домов.

Несколько секунд они молчали. В противоположном конце гостиной трещал разгоравшийся в камине огонь. Беспокойство Роберта немного улеглось, и он выглядел более умиротворенным.

– Завтра собираюсь зайти к сестрам Морелли, принести им соболезнования, – сказал Джим. – Раз уж ты здесь, хотелось бы услышать твое мнение. Разумно ли это с моей стороны? Что, если старшая сестра погонит меня вон со шваброй в руках?

Роберт усмехнулся.

– Карлота напугает кого хочешь, но на самом деле она совсем не злая, – мягко возразил он. – Мне кажется, это неплохая идея. Они будут вам рады. К тому же они очень образованные дамы, много читают. Я несколько раз видел их библиотеку в южной части дома. Ты не поверишь: у них потрясающая коллекция оригинальных изданий. Вам обязательно нужно познакомиться, – воскликнул он и снова улыбнулся. – Ох, Джим, наверное, я тебя напугал. Когда меня что-нибудь выбивает из колеи, я становлюсь невыносимым.

– Да ладно тебе. Ты один из немногих в этом городишке, с кем я общаюсь. Мне приятно знать, что ты пришел именно ко мне.

Постепенно напряженное выражение покинуло физиономию пастора. Тепло от камина распространялось по всему дому. Он снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула, стоявшего ближе к креслу. Теперь на нем была белая рубашка. К удивлению Джима, под тонкой тканью на теле священника явственно различался какой-то рисунок. «Похоже, справа на груди он носит татуировку», – отметил Джим про себя. Не слишком задумываясь об этом новом открытии, он отошел к окну, чтобы не смущать гостя чрезмерным вниманием.

– Спасибо за кофе, – проговорил Роберт, ставя на стол пустую чашку. – Честно сказать, в жизни не сталкивался ни с чем подобным. Люди уверены, что ты сохраняешь спокойствие в самых нелепых ситуациях, они наблюдают за твоим поведением и ждут ответа на вопросы. Но сегодня в присутствии этой старушки я вел себя не слишком решительно.

Перед мысленным взором Джима мигом предстала незнакомая женщина, висящая в петле напротив зеркала и сжимающая в руке красную губную помаду.

– Иногда реакция человека шокирует не меньше, чем само событие, – сказал он. – Подозреваю, что, если бы я увидел приятельницу или просто знакомую в состоянии паники, я бы тоже испугался.

Это замечание подействовало на охваченного сомнениями Роберта. Он поднял глаза на Джима.

– Да, ты прав.

На верхнем этаже располагался уютный кабинет с деревянными половицами и ковром гранатового цвета. Там, на старинном столике, стоящем напротив окна, Джим оставил ноутбук. На мгновение у него возникло навязчивое желание распечатать на принтере двадцать первых страниц нового романа и сжечь их в камине.

Это была случайная мысль, глупая и нелепая, однако она на удивление настойчиво лезла Джиму в голову, пока он рассматривал сад за окном и две голые ивы, которые раскачивал ветер. «Что-то не так», – отчетливо произнес у него в голове незнакомый голос. Непонятная сила завладела сознательной частью его разума, которая все еще функционировала, – нечто, что казалось диким и в то же время неизбежным для такого типа, как Джим.

ПРИВЕТ

Явственно различил он. На миг ему страстно захотелось, чтобы это происходило на самом деле.

Алан вышел из дома. Чувствовал он себя так, словно по нему проехался экскаватор. Сел в машину и на миг задумался, глядя на дверь госпожи Оуэнс. Он попытался представить, что пережила Кэтрин: ужас, сомнения, чувство вины. А как она сейчас? Нужно заехать в церковь, поговорить с Робертом. Вернуться к Мэри Энн, проведать ее, а главное, девочку: это следовало сделать незамедлительно. Время поджимало, Алан чувствовал себя изможденным, измученным. Он посмотрел на часы. За весь день у него маковой росинки во рту не было, и желудок сводило от голода. «Надо бы перекусить», – подумал он. Прикрыл глаза и постарался не обращать внимания на голод. Кэтрин Вудс обязательно придет в себя, но уже никогда не будет прежней. Да что там: весь город уже никогда не будет прежним. И сам он прежним уже не будет, даже если ему удастся благополучно пережить все эти беды. Он опустил зеркало и осмотрел свое лицо. Морщинки под глазами и в уголках рта проступали более отчетливо. В темной шевелюре сверкнули седые серебряные волоски. Два или три. А сколько их будет завтра? Сотни? Эти досужие мысли вернули его к неуютной и мрачной реальности. Он кашлянул, завел мотор «Форда» и бросил последний взгляд на дом.

Он приближался к центру Пойнт-Спирита. Мысли же были об одном: какие причины могли подтолкнуть эту достойную во всех отношениях женщину к такому опрометчивому поступку? Алан не видел никаких оправданий, ни единой достаточно веской причины. Среди обитателей города не случалось ни ссор, ни бурных выяснений отношений, ни давних обид, выходивших за рамки обычных бытовых дразг, типичных для обитателей небольших городков... Нет, ничего подобного не приходило ему в голову. Пойнт-Спирит был спокойным местом: светлые, почти белые деревянные домики с двускатными крышами, рождественские огоньки на верандах, сады вокруг домов, отгороженные белой изгородью, неизбежные компоненты традиционной американской мечты... Две церкви, пять кафешек, четыре скромных ресторана, парочка забегаловок... Мысленно он отмечал каждое из этих заведений, по мере того как они проносились мимо стекол его старенького «Форда». Он свернул на Виллидж-стрит, чтобы сделать небольшой крюк и проехать мимо банка, а заодно заправки, принадлежащей Молоски. В их кафешке пекли лучшие во всем округе блинчики с медом, и он решил перекусить, прежде чем звон в ушах и

головная боль, постепенно дававшие о себе знать, испортят остаток дня. Ему надлежало производить хорошее впечатление на пациентов, а для этого необходимо позавтракать, посетить туалет и по крайней мере в течение нескольких часов выглядеть человеком дельным, решительным, обладающим нравственной силой в те моменты, когда люди так в ней нуждаются. Он взял картонную папку, лежавшую на заднем сиденье, в ней хранилась вся информация, которую он собрал после первого анализа ситуации, – но тут же положил ее обратно, словно она обожгла ему руку.

Припарковавшись перед кафе, Алан увидел сержанта Томми Нортон: тот заправлял служебный автомобиль. Это был бойкий молодой человек со светлыми каштановыми волосами, оливковой кожей и живыми глазами. Пять лет отслужил в армии: год в Ираке, два года в отряде парашютистов, затем в ВВС. В общем, малый что надо, без страхов и сомнений. Даже в таком деле, как это...

– Добрый день, доктор Фостер. Неужто желудок что-то еще принимает?

Алан застегнул пальто на верхнюю пуговицу, улыбнулся и направился к двери в кафе.

– А что делать, Томми? Нужно подкрепиться. Впереди полно работы, не могу же я грохнуться в обморок перед кроватью пациента.

Томми улыбнулся, повесил шланг на крюк и сел в машину.

– Держитесь, доктор. Сегодня собачий денек.

– Вот и я о том же, Томми.

Алан вошел в кафе, даже не взглянув на двоих посетителей, стоявших у стойки. У него было неприятное ощущение, что, как только люди его узнают, они немедленно вытянут шеи и наперебой примутся задавать вопросы, и придется спасаться бегством. Но все вроде бы было спокойно. Мелиса, хозяйка заведения, приветливо кивнула и молча подала кофе, едва он вернулся из уборной и уселся на табурет. Джонс, старый лесоруб, дружески похлопал его по спине и вернулся к своей чашке кофе и булочкам, а какой-то парень сражался с проигрывателем в глубине кафе, стараясь подобрать диск, который понравился бы его девушке, сидевшей через два столика от входа. Тишина показалась Алану неестественной, даже гнетущей, и легче ему стало только тогда, когда Мелиса своим сладким голосом спросила, что он будет заказывать.

– Блинчики, пожалуйста. Я спешу.

– Секундочку, доктор Фостер, – с готовностью отозвалась она. – Холодный сегодня денек. Патрик, закрой же наконец эту проклятую дверь! – крикнула она парню с проигрывателем. Повернулась спиной к

стойке, зачерпнула из стеклянной миски белесого теста и принялась капать на раскаленную сковородку белые растекающиеся кругляшки, которые на глазах зарумянились.

– Мне показалось, в городе пустовато, – продолжала Мелиса, переворачивая блинчики на сковородке. – Наверное, из-за холода...

– Хватит болтать, Мелиса, – перебил ее лесоруб. – Не видишь, доктор пришел перекусить. В это время года всегда холодно, ничего особенного тут нет.

– Да ладно тебе, Джонс. Все в порядке... Продолжай, Мелиса.

Та поправила шапочку, защищавшую ее смоляную шевелюру, и машинально коснулась пальцами воротника форменной розовой курточки. В глазах ее мелькнул страх.

– Все будет хорошо, – пробормотал Алан, пододвигая к себе тарелку с блинчиками.

– Эта Лоррейн была не в себе, – юноша поставил нужный диск, уселся напротив девушки и теперь без стеснения рассматривал Алана. Тот тоже покосился на юношу. – Да, доктор. Лоррейн последнее время вела себя странно. Она живет неподалеку от меня, и было заметно, что она чего-то боится. Что-то здорово ее напугало, понимаете?

Старый лесоруб презрительно фыркнул, затем попросил Мелису подлить кофе.

– Слышь, Патрик...

– Не перебивай его, Джонс. Все мы – жители одного города, соседи. Нас не так много, и мы более-менее знаем друг друга. Продолжай, Патрик.

Просьба доктора удивила Патрика. Он выпрямился и несколько секунд смотрел в окно. Смуглая девица-тинейджер, сидевшая напротив него, невозмутимо жевала блинчики, не глядя по сторонам.

– Мать говорит, что в последние дни миссис Оуэнс вела себя как чокнутая, – продолжал Патрик. – Почти не смыкала глаз. В этом месяце мать работает на складах Форджес в ночную смену и видела ее около двух дней назад. Как-то за обедом она нам рассказала, что ночью та выглядывала на улицу из-за занавесок, будто бы пряталась от кого-то, и вид у нее был безумный. Странно, нет? С какой стати человек в своем уме будет сидеть всю ночь за занавеской? Она что, ждала зомби-апокалипсиса?

– Парень прав, – подытожил лесоруб. – Я тоже встретил ее случайно накануне вечером. Проходил мимо и поднял руку, чтобы ей помахать. Она была бледная, как смерть. И глаза прямо бешеные, чуть на лоб не вылезали. В ответ даже не кивнула. Спряталась за занавеску и исчезла. Не думаю, что эта Оуэнс спятила, никто не сходит с ума за два дня, но вела она себя

странно.

Алан хмурился, безуспешно пытаясь осознать то, что говорят Патрик и лесоруб, но не успел он и рта в ответ раскрыть, как девушка, сидевшая напротив, подняла голову и робко произнесла:

– Одного не могу понять: как такая женщина, как Лоррейн, симпатичная, всегда со всеми приветливая, так изменилась за одну ночь. Будто привидение увидела, честное слово. Как в ужастике: жертва прячется за дверь, поджидая, что с ней вот-вот расправятся, а ты не можешь понять, почему она не убегает и не зовет на помощь.

Мелиса, которая, не выпуская из рук кофейника, прислушивалась к разговору, обернулась.

– Да ладно вам, – проворчала она. – Несчастливая женщина просто-напросто впала в депрессию, а никто и не догадывался. Одиночество – нехороший звоночек. Скорее всего, она с ним не справлялась. А может, все еще горевала по мужу: тот умер много лет назад, а она, бедняжка, так и не пережила его смерть.

– Никто не меняется за одну ночь, – упрямо бубнил лесоруб.

Алан заплатил за завтрак и поднялся с табурета.

– Мне пора идти. В любом случае сейчас нам пригодятся любые сведения. У Лоррейн, насколько мне известно, семьи не было, а единственный человек, с которым она была в дружеских отношениях, не в том состоянии, чтобы давать показания.

– Лично мне никогда не нравилось ни это ее ремесло, ни магазинчик со странными куклами, – презрительно заявила Мелиса. – Вроде бы продают фигурки святых, а на самом деле впаривают людям под видом амулетов всякую дребедень. Чтобы скрасить их унылое существование. Меня это пугает. Никто не знает точно, как все это действует. Люди сами себя сводят с ума.

Алан покачал головой. Мелиса опустила глаза, но в следующий миг улыбнулась с детской непосредственностью.

– Давайте не будем распространять слухи, – заключила она, – городок у нас маленький. У этой женщины были проблемы, о которых мы не знали, и в итоге она приняла ошибочное решение. К тому же в такой неудачный момент. Сперва девочка, теперь она... Это большое несчастье, но не стоит распускать всякие сплетни, очень вас прошу.

Патрик улыбнулся, но в следующий миг снова сделался серьезным.

– Не беспокойтесь, доктор Фостер, – произнес он. – Удачи вам.

Простившись со всеми, Алан вышел в сентябрьский холод, который в этом году выдался на удивление ранним. Он замотал шею своим пестрым

шарфом и направился к машине. Было уже почти пять часов пополудни, когда он подъехал к дому. Поставил машину в гараж и, скрипнув калиткой, перебрался на лужайку соседок, отгороженную от его участка изгородью. В ту осень, несмотря на низкую температуру, сад выглядел превосходно. Ледяной холод будто бы и не коснулся чудесных вьюнков, величественных ив, нежных африканских маргариток.

«Зима в сентябре, – подумал Алан. – Бред какой-то».

Он позвонил. Дверь открыла Амелия Морелли. Лицо Амелии было угрюмым и печальным, однако стоило ей увидеть доктора, как выражение его переменялось. Ее волосы были убраны в пучок, напоминающий гладкий каштан, прикрепленный на затылке и обрамленный парочкой выбившихся локонов. На Амелии было платье оливкового цвета, прикрывающее колени. Короткий вязаный кардиган, наброшенный на сутулые от горя плечи. Алан чмокнул ее в щеку, она едва заметно улыбнулась и пригласила его в дом.

– Рада тебя видеть. Мы провели ужасную ночь, – проговорила она в прихожей. – Снимай пальто и шарф. Мы включили отопление. Просто не верится, что в разгар сентября стоит такой холод. Сейчас принесу чай.

Вспомнив, каким измученным и опустошенным было лицо Мэри Энн в день похорон, как безутешно она рыдала, как покраснели худые щеки, он вновь ощутил тоску и жалость.

– Где девочка? – спросил он, усевшись за стол в гостиной.

– Отдыхает. Можешь навестить ее после чая, – коротко ответила Амелия. – У тебя замерзли руки, и я знаю, что случилось с Оуэнс. Ужасный день. Выпей-ка сперва это.

Алан невесело улыбнулся.

– Ты напоминаешь мне мать, Амелия. Придется тебя послушаться. Как чувствует себя Мэри Энн?

– Не очень, – продолжала Амелия, и звучание ее бесцветного голоса не изменилось. Она уселась за стол перед Аланом и разлила чай по двум фарфоровым чашкам с золотым ободком по краям. – Почти не спала. Карлоте пришлось дать ей успокоительное, которое ты нам оставил, но она все равно рыдала и несла какую-то околесицу. Как бы она не сошла с ума, Алан. Боюсь, второго удара она не вынесет.

– Я сделаю все возможное, чтобы этого избежать. Но скажи-ка мне вот что...

Амелия посмотрела на Алана по-детски доверчиво. Он заметил, что она чуточку подрумянила щеки и накрасила губы перламутровой помадой.

– Да, слушаю тебя...

– Что за чертовщина была на поминках? Что твоя сестра говорила Элизабет?

На самом деле он отлично помнил все, что сказала Мэри Энн дочери. Помнил, как отчаянно умоляла она Элизабет быть осторожной. В тот миг ее слова воспринимались как следствие панической атаки или бог весть чего еще, но чем больше он о них размышлял, чем напряженнее вспоминал в безмолвии ночи, тем более зловещими и бессмысленными они казались.

– Алан... – ее умоляющий голос оборвался. Амелия вздрогнула. Пальцы забегали по фарфоровой чашечке, рот исказился от волнения и страха. – Честное слово, мы не сумасшедшие. Я хочу, чтобы ты знал, чтобы ты понял, что...

Алан взял ее руки и крепко сжал.

– Я слушаю тебя.

– Что-то случилось в ту ночь, когда умерла девочка... Я пока не уверена... Если бы это произошло еще раз, я растерялась бы точно так же. Но не могу же я сомневаться в том, что видела собственными глазами. Это не выходит у меня из головы ни на минуту.

Она замолчала и всхлипнула.

– Продолжай, прошу тебя... – мягко произнес Алан.

– Я проводила Эли в ее комнату. Мы не хотели, чтобы девочки видела сестру мертвой. К тому же Мэри Энн была в ужасном состоянии. Еще на заре Карлота позаботилась о том, чтобы Пенни хорошо выглядела: омыла, нарядила в любимое платье, чтобы на следующий день все увидели, какая она прелестная. Племянница умерла в три часа, незадолго до рассвета. Стоило немалых сил оторвать Мэри Энн от ее кровати, но мы справились. Отвели сестру к себе, а потом я долго сидела с Эли. Обняла ее и задремала. Не знаю, сколько прошло времени. Но, когда проснулась, в комнате что-то было...

– Что значит – что-то было? Ты имеешь в виду, что кто-то туда пробрался? Кто-то из местных?

Амелия покачала головой и опять всхлипнула. Достала из кармана платок и прижала его к губам, словно пытаясь сдержать слезы.

– Нет... это не был кто-то из местных. Я испугалась. Это была тень, она пряталась в углу комнаты. Тень в форме мужчины, высокого и худого. Я видела его совершенно отчетливо, в комнату через окно струился свет, ночь была лунной. Он стоял в углу неподвижно и пристально смотрел на нас. Боже... Это было так страшно. Панический ужас меня парализовал. Я не могла оторвать глаз от этого темного сгустка, который словно разглядывал нас, изучал. Не помню, сколько времени я так сидела, но в

какой-то момент эта штука начала медленно перемещаться. Тут я перепугалась еще больше. Несколько минут неподвижно на нее смотрела, убеждая себя в том, что это всего лишь халат одной из моих сестер или какая-то другая одежда, висящая на плечиках. Нет, она не шла: она двигалась так, словно под ногами у нее рельсы. Очень плавно... – Амелия вздохнула и вытерла слезы. – Я испугалась, ударила ладонью по стене и включила свет. Но в комнате было пусто... Оно ушло. Его уже не было.

– Ты же наверняка рассказала про это сестрам, – произнес удивленный Алан. – Видишь ли, когда сильно переживаешь...

– Нет, Алан, нет! – воскликнула она, перебив его. – Все вы, врачи и ученые, вечно твердите одно и то же. Но я видела его своими глазами. Я не идиотка, не дуручка, не сумасшедшая. Разумеется, я глубоко потрясена смертью моей маленькой племянницы, но я знала, что это произойдет. Я была готова к ее смерти, это не результат паранойи, или как вы ее зовете на вашем медицинском жаргоне.

– Прости, не хотел тебя обидеть, – пробормотал Алан: меньше всего на свете ему хотелось расстроить ее еще больше. – Я всего лишь пытаюсь найти логическое объяснение.

– И все это уже не в первый раз, – продолжала она. – Можешь считать нас кем хочешь. Честно говоря, плевать я на это хотела.

– Сестра говорит правду, – дрожащий голос Карлоты прозвучал неожиданно громко. Алан обернулся и несколько секунд неподвижно смотрел на вошедшую.

Карлота обошла стол и уселась рядом с ними. Ее большие испуганные глаза оказались прямо напротив Алана.

– Я тоже его видела, но не так отчетливо. Когда Пенни была совсем маленькой, мы иногда оставляли ее в кроватке наверху, а сами тем временем занимались домашними делами, или кто-нибудь отводил Элизабет в школу. Малышка хорошо засыпала, когда лучи солнца падали ей на лицо, поэтому сестра придвигала кроватку к окну и отдергивала шторы. Однажды утром я пылесосила наверху коридор. Дверь в комнату Пенни была открыта, поэтому, занимаясь своими делами, я одним глазом посматривала на кроватку. Но в какой-то момент отвлеклась. Мэри Энн уже отвела Элизабет в школу. И вдруг прибегает с криками: мол, кто это там с девочкой, наверху какой-то человек, она его видела в окне, когда поднималась на крыльцо. Я растерялась. Боже правый! В дом никто не входил. Кто, черт возьми, мог пробраться в детскую, если посреди коридора стоит мой пылесос, громадный, как пароход? И тут я его увидела: он стоял у кровати. Проклятая тень в форме мужчины: склонившись над

девочкой, она что-то шептала. Она разговаривала с Пенни!

Выслушав откровения Карлоты, Алан смутился. Он не мог поверить тому, что слышал. Он этого не понимал. Задумчиво посмотрел на Карлоту, затем скользнул взглядом по лицу Амелии.

– А потом тень посмотрела на меня, – продолжала Карлота. – Вид ее был ужасен. Я точно знаю, что это был мужчина: у тени был рост и фигура мужчины. Она чуть заметно подрагивала, словно была чем-то вроде голограммы, но не двигалась, пристально наблюдая за моей реакцией. И тут я услышала голос сестры: Мэри Энн стояла позади меня. Я почувствовала легкое прикосновение к плечу, но потом она застыла, словно заледенела. Никогда не забуду те глаза, Алан, – глаза тени: такие большие и темные, что казалось... Казалось, это существо явилось из самой преисподней. Оставалось неясным, что делает эта штука возле кровати Пенни. Но самое ужасное в этой истории – поведение сестры. Я была уверена, что она, как тигрица, кинется защищать свое дитя, как поступала всегда, всю жизнь. Однако, к моему удивлению, она стояла неподвижно, взгляд ее был прикован к фигуре, руки бессильно свисали вдоль тела, а на лице застыло выражение замешательства и сомнения. – Карлота вздохнула и поправила заколку. Голос ее звучал серьезно, даже торжественно. Она держалась со свойственной ей холодностью, едва глядя на Алана. Но в какой-то миг взгляд остановился на его лице, зрачки вонзились в его глаза, точно иглы. – Сестра смотрела на него как замороженная. Мне казалось, что я вот-вот грохнусь в обморок перед этим существом, или кем оно там было, однако Мэри Энн совершенно успокоилась: полупрозрачное создание будто бы ее загипнотизировало. Оно смотрело на сестру долго, пристально... В конце концов, я закричала от ужаса. Существо вздрогнуло, отодвинулось назад и испарилось – по крайней мере мне так показалось, потому что в эту секунду сестра пришла в себя и ворвалась в комнату Пенни, словно за ней черти гнались. Но в комнате уже никого не было. А теперь говори все что хочешь, Алан. Про галлюцинации, посттравматический стресс из-за смерти Виктора, еще что-то. Я его видела собственными глазами и моя сестра тоже.

Повисла неловкая тишина. Амелия с излишней поспешностью поднялась с кресла.

– Может, зря я тебе все это рассказываю, – сказала она. – Ты врач, Алан, а среди людей твоей профессии мало кто верит в подобного рода вещи. Но я знаю одно: эта тень действительно побывала в нашем доме. Впервые мы видели ее несколько лет назад, а затем она появилась снова... Мы думали, это всего лишь случайность. Загадочное явление, которое

видели две сестры, хотя Мэри Энн клянется, что встречала его время от времени и потом тоже, каждый раз у кровати Пенни...

Амелия остановилась у окна и оперлась руками о мраморную столешницу: у нее больше не было сил говорить. Неподвижно глядя на ее искривленную от напряжения спину, Алан тоже не мог произнести ни слова. Мысли путались, к тому же его до крайности смущал страх, звучащий в голосах сестер, когда они рассказывали эту историю, – отчетливый, невыразимый ужас.

– Я раньше не верила в такие вещи, Алан, – сказала Карлота. Ее старшая сестра задумчиво смотрела куда-то вниз, ее руки покоились на столе. – В жизни не смотрела все эти передачи по телевизору – про призраков и все такое. Меня даже верующей сложно назвать. Но вокруг нашей семьи за эти последние годы на моих глазах происходили странные события. Надеюсь, ты не думаешь, что все это спектакль, разыгранный тремя сумасшедшими тетками.

– Но почему вы раньше про это не говорили? – спросил Алан: он сам удивился, как странно прозвучал его голос.

– Зачем? – откликнулась Карлота. – Чтобы ты принял нас за чокнутых? Ты и сейчас вряд ли нам веришь. Вроде бы и рад поверить, потому что мы твои знакомые и ты нас уважаешь, но все равно не можешь.

– Но я бы вам хоть как-то помог! – воскликнул он. – Я живу в соседнем доме. Мы бы вместе искали объяснение. Должно же оно быть.

Амелия не ответила. Ее сестра машинально барабанила пальцами по столу, затем внезапно выпрямилась и сложила руки перед грудью, словно собираясь помолиться.

– Если мы сейчас рассказываем тебе это историю, Алан, если мы так или иначе обратились к тебе за помощью, все это по одной-единственной причине: мы умираем от страха.

Алан насторожился. Какая-то мысль пришла ему в голову: он повернулся к Карлоте так резко, словно его подбросила вверх спрятанная в кресле пружина.

– Элизабет его видела. В тот самый вечер.

«Не дай ему забрать и ее тоже. Теперь она моя единственная дочь». В это мгновение слова, произнесенные Мэри Энн во время похорон Пенни, приобрели новый, более отчетливый смысл.

– Как... кого видела? Но это же безумие...

Это галлюцинация, вертелось в мозгу у доктора. Массовая галлюцинация, порожденная эмоциональным потрясением. В этом предположении имелась доля смысла, особенно если учесть, сколько

верующих в одно и то же время видят чудо, неподвижно глядя в одну точку и ожидая появления ангела или Пресвятой Девы; тем не менее в каком-то уголке его сознания теплилось глубокое доверие к сестрам. Он знал их много лет. Много лет подряд разделял с ними стол, а также всевозможного рода споры и беседы. Ему нравилась Мэри Энн, быть может, он даже был влюблен в нее. И обожал обеих девочек.

– ...рядом с качелями, – пробормотала Амелия.

– Что? – Алан с усилием прервал свои мысли.

– Она видела его возле качелей. Мы как раз поужинали, и она качалась на качелях. А вернувшись домой, заявила, что около клумбы с лилиями стоял какой-то человек. Молодой, но странный. По крайней мере так ей показалось, потому что выглядел он нечетко, расплывчато. Как выразилась Элизабет, ей будто бы вдруг понадобились очки для дали. Когда мы ее спросили, где именно он стоял, она ответила, что точно не знает: он начал перемещаться, услышав наши голоса, а когда она вновь посмотрела в ту сторону, его уже не было.

– Да, необычная история, – заключил доктор, помолчав. – Поднимусь-ка наверх, навещу девочку и Мэри Энн. Продолжим наш разговор в другой раз. Если вы уверены, что в доме кто-то бывает, одних я вас здесь не оставлю. Кто бы это ни был, мне все равно. Чуть позже мы все обсудим. Уверен, этому есть какое-то объяснение. А если его нет, мы его непременно отыщем.

Обе женщины кивнули одновременно. Амелия подошла к столу и принялась сосредоточенно убирать тарелки и чашки.

– Возможно, Элизабет спит.

– Хочу убедиться, что с ней все в порядке, – пробормотал доктор, направляясь к лестнице.

Он чувствовал себя так, словно ему в брюки залили два килограмма цемента. Все тело налилось тяжестью, а головная боль после некоторой передышки снова напомнила о себе, на этот раз более настойчиво. Он ступал по ступенькам медленно, осторожно. Все услышанное казалось бессмысленным и диким, тем не менее он не переставал напряженно о нем размышлять. Поднявшись наверх, повернул вправо и остановился у первой двери. Она была закрыта. Он повернул ручку и заглянул внутрь. Элизабет крепко спала, укрытая пуховым одеялом. Он подошел к ее кровати, наклонился и поцеловал в лоб. Осторожно, чтобы не разбудить. Прежде чем выйти, осмотрел комнату: стеллаж, уставленный детскими книжками и фарфоровыми куклами в бархатных платьицах, среди которых неуклюже громоздился мишка, которого два года назад сам Алан выиграл на ярмарке

в тире. Он несколько секунд помедлил, любуясь безмятежным личиком Элизабет, затем, стараясь ступать как можно тише, покинул комнату. Еще две двери в глубь коридора, и он увидит Мэри Энн. Он тихонько нажал на ручку, предварительно дважды стукнув в дверь костяшками пальцев, чтобы предупредить о своем появлении. Чуть заметный порыв ветра коснулся его лица. Алан посмотрел на окно в уверенности, что это Мэри случайно оставила его приоткрытым; однако окно было закрыто. Мэри Энн лежала на кровати, длинные пряди ее волос живописно рассыпались по простыне, словно она плыла. Увидев ее, он улыбнулся. Она была бледна, но на белых щеках виднелись слабые пятнышки румян, а губы были подкрашены нежной розовой помадой. Он уселся на край кровати и взял ее руку.

– Алан... – пробормотала она. – Хорошо, что ты пришел.

– Привет, радость моя. Как ты сегодня себя чувствуешь?

Он прикоснулся ладонью к ее лбу. Затем провел двумя пальцами по щекам, отодвинул прядь волос, чтобы как следует полюбоваться ее лицом. Ее худоба стала еще более заметной. Должно быть, у Мэри Энн маковой росинки во рту не было со дня смерти Пенни, и это беспокоило Алана.

– Лучше... Я лучше себя чувствую, Алан. Прилегла немного: разболелась голова, но, надеюсь, эта ночь пройдет лучше, вот и стараюсь не спать. Таблетки, которые ты мне прописал, помогают отдохнуть, хотя я от них отупела.

– Ничего, это нестрашно. Принимай одну таблетку перед сном и одну утром. Будешь себя лучше чувствовать.

Мэри Энн протянула руку и прикоснулась к щеке Алана. Одеяло сползло, и краем глаза доктор заметил, что на ней белая ночная рубашка, под которой ничего нет. Сквозь прозрачную ткань просвечивали груди. Он отвел глаза, но она перехватила его взгляд.

– Спасибо, что ты нас навестил. Я очень благодарна тебе за все, что ты для нас делаешь.

– Не надо ни за что меня благодарить, Мэри. Я всегда в твоём распоряжении.

– Знаю, – проговорила она чуть слышно. – Спасибо.

Интересно, как надлежит ему поступить? Если он накинет на нее одеяло, она поймет, что он видел ее полуголую; если же оставит все как есть, она все равно об этом рано или поздно узнает и подумает, что он нарочно рассматривал ее наготу и ничего не сказал. Все эти досужие мысли за долю секунды пронесли у него в голове. Но вот она повернулась в кровати, и, к его громадному облегчению, одеяло вернулось в исходное положение.

– Сколько лет мы уже знакомы, Алан? – лениво спросила она. – Шесть? Семь?

– Около того. Я переехал сюда семь лет назад. В тот день ты привела в клинику Элизабет с гастроэнтеритом. Да, точно: семь лет прошло.

Теперь он вспомнил точно. Жена недавно умерла, и он переехал в Портленд с единственной целью: оказаться подальше от всего, что напоминало бы прежнюю жизнь.

– Ты лучше других понимаешь мои чувства, Алан... И всегда понимал лучше всех, потому что ты уже прошел этот крестный путь. Но со временем боль притупляется, правда же?

Алан опустил глаза.

– Конечно, Мэри. К ней привыкаешь. Это надо пережить, а ты сильная, радость моя. Сильная и молодая. Впереди целая жизнь. У тебя есть очаровательная девочка, уже почти девушка.

И вновь тот же ветерок, дрожание занавесок, пойманное краем глаза. Он повернулся к окну, уверенный, что они действительно шевельнулись, но ничего не увидел. Под потолком чуть слышно звякнула люстра.

– Я знаю. Я нужна Элизабет.

Она приподнялась на локте, одеяло сползло, и перед ним вновь открылась ее нагота, различимая под белой тканью рубашки. Алан нервно пошевелился. На миг ему показалось, что Мэри все понимает, но ей это безразлично. Нет, такого не может быть. Она всегда была скромной и порядочной женщиной. Ни разу не давала повода думать противоположное, хотя степень его участия в жизни ее семьи с годами возрастала.

«Но теперь у нее нет больной дочери, Алан. Мэри больше не придется о ней заботиться, и она станет более свободной. У нее найдется время и для тебя», – этот голос в голове, похожий на чуть слышное дуновение ветра, его озадачил. Он отодвинулся от Мэри Энн, машинально осматривая широкую кровать с деревянным изголовьем, массивную мебель, делавшую комнату уютной, не слишком ее захламляя.

– Что-то случилось? – ее голос звучал словно издали. – Алан!

– Нет, я просто устал. Сегодня странный день. Кстати, где градусник?

– На тумбочке.

Она нагнулась, чтобы выдвинуть ящик, и его глазам бесстыдно предстали ее обнаженные бедра. Он ни разу не видел Мэри Энн в такой короткой прозрачной рубашке, под которой ничего не было. Без всякого сомнения, эта нагота будет сопровождать его еще долго.

– Послушай, радость моя... – взмолился он, пока она рылась среди бумаг, проспектов и коробочек с лекарствами.

– Он где-то здесь. Собственными руками сунула его в футляр и положила в этот ящик.

– Мэри... – занавески снова качнулись. У него возникло странное подозрение, что рядом кто-то есть. Он почувствовал внутри головы болезненный укол. И шепот, похожий на шум.

– Вот он, – воскликнула она наконец и повернулась к Алану. Ее глаза округлились от испуга. – Что случилось?

Мэри Энн уселась на подушку: теперь она казалась ему очень возбуждающей. На лице у нее застыл вопрос. Присмотревшись, она поняла, что Алан что-то видит.

– Боже, – она по-змеиному юркнула назад под одеяло, придерживая его руками, как маленькая испуганная девочка. – Честное слово, Алан: я такого не надевала. Клянусь, я легла в обыкновенной длинной рубашке! Господи, я же почти голая!

– Наверное... Наверное, ты ошиблась и случайно взяла с полки другую рубашку.

Мэри Энн смущенно заморгала. Алан застыл, лицо его побледнело.

– Да, я не включала свет. Я думала, что...

– Ничего страшного, успокойся. – Алан готов был умереть на месте. Шепот умолк, зато его возбужденная плоть отзывалась теперь настолько очевидно, что сложно было это скрывать. – Давай-ка тебе температуру померяем.

Градусник все еще держала Мэри Энн.

– Мне жаль... Мне правда очень жаль, – прошептала она. – Боже, стыд какой.

Мэри Энн сунула градусник под мышку. Затем улеглась и прижала руки к груди. Понемногу она успокаивалась. Неприятный момент остался позади.

– Я врач, Мэри, – Алан готов был соврать, чего прежде не позволял себе ни разу в жизни. – Я привык к голому телу, я вижу его перед собой ежедневно. Тебе не о чем беспокоиться, дорогая.

«Ха-ха-ха» – чей-то смех отчетливо прозвучал у него в голове; Алан резко обернулся.

– Ты слышала?

– Слышала – что?

Она пожала плечами.

– Ничего. Наверное, твои сестры смеются внизу. Давай-ка градусник. – Он посмотрел на ртутный столбик и улыбнулся. – Температура нормальная, но ты очень бледна. Ничего не ешь в последнее время. Надо обязательно

как следует питаться. Ты похудела, хотя казалось бы, куда больше. Первоначальная наша задача – твое питание. Тебе ни в коем случае нельзя терять вес, Мэри.

Он сунул градусник в пластмассовый чехол и положил обратно в ящик столика.

«У нее соблазнительные груди, не так ли, доктор?» – вновь прозвучал все тот же голос.

– Ты слышала?

– Я сказала, что ты очень хороший человек.

Алан наклонился, нежно поцеловал ее в лоб и накрыл одеялом. У него возникло впечатление, что разговора в гостиной попросту не было или с тех пор прошло много лет, а все, что происходит сейчас в этой комнате, казалось ему нереальным. Он хотел обнять ее, но не решился.

– Я завтра снова зайду. Отдыхай. И, прошу тебя, Мэри... ешь нормально...

Он поднялся с кресла. По крайней мере попытался. Мэри взяла его за руку и пристально смотрела ему в лицо. Ее губы были крепко сжаты, а на глазах выступили слезы.

– Мне страшно, Алан, – прошептала она. – Страшно за дочку... За меня, за сестер...

– Если я тебя сейчас обниму, я пропал. – От собственных слов у Алана закружилась голова. Что он несет? Как смеет?

Она приоткрыла рот, словно собираясь что-то сказать. Осторожно приподнялась, придерживая свободной рукой на груди одеяло, и посмотрела ему в глаза. В этот миг Алан воплощал собой полнейшее отчаяние, слабость и уязвимость.

– Можно я тебя обниму...

Она прильнула к нему всем телом. Погладила шею, обхватила руками. Алан неловко обнял ее в ответ. Одеяло соскользнуло, и он почувствовал у себя на груди ее горячее тело со всеми его волнующими изгибами, ее нежная худая щека прижалась к его лицу. Он ощутил испуганный трепет, который излучал каждый сантиметр ее кожи.

– Не оставляй нас, Алан... – шепнула она ему в ухо. Он вздрогнул. – Не позволяй, чтобы он что-нибудь с нами сделал...

Он открыл глаза и напрягся всем телом: слова отозвались у него в сознании, словно явное доказательство того, что он не мог, да и не хотел понимать. Он обнял ее еще крепче, чувствуя сквозь рубашку ее груди. Но он ничего не замечал. Слишком внимательно следил за движением занавесок. Теперь он видел совершенно отчетливо: они шевелились.

В школе Дэнни Колеман был одним из немногих детей, которые присутствовали на похоронах Пенни Берри. Мать понимала, что ему это необходимо, и написала заявление на имя директора школы, чтобы тот отпустил ее сына попрощаться с подругой. Родители относились к Дэнни с уважением, хотя ему было всего лишь двенадцать лет. Не по годам разумный, рассудительный мальчик, чуть замкнутый и молчаливый – вот каким был Дэнни. Была у него и еще одна черта: он очень образно, живо и разумно рассуждал, неожиданно взрослыми выглядели его продолговатое лицо, большие светлые глаза и даже выющиеся русые волосы. Другие дети то и дело задирали Дэнни, но его это будто бы не касалось. Иногда его обзывали «педиком», «девчонкой» или «красоткой», а все потому, что он не любил кидаться камнями, соблюдал правила дорожного движения, когда катался на велосипеде, не смотрел бейсбол и не играл в видеоигры. Иногда во дворе школы на него нападали мальчишки, и ему приходилось защищаться. Он терпеть не мог насилие, но, несмотря на худобу, в большинстве случаев высокий рост и ловкость позволяли ему отражать любое нападение. Пенни за него заступалась, и это их сблизило. Они вместе ходили в школу, субботними вечерами частенько смотрели какой-нибудь фильм, а иной раз наведывались на старую лесопилку и, сидя на опушке леса, любовались городком, листали журналы и грызли сладости или фрукты, которые приносили с собой в рюкзаках.

Но в последние месяцы все коренным образом изменилось. Пенни не выходила из дома. Ее мама сказала Дэнни, что ему больше не нужно приходить, потому что к девочке моментально липнет любая зараза: насморк или вирус. Он все понял, он был сообразительным ребенком, к тому же с состраданием относился ко всему, что происходит вокруг, и очень переживал, когда Мэри Энн упавшим голосом попросила его, чтобы он хотя бы изредка звонил ее дочери: разумеется, он бы и сам звонил без особых указаний с ее стороны.

Его единственная подруга исчезла навсегда. Боль от разлуки стала для него новым переживанием, которое было трудно скрывать. Он сидел на кровати, и у него не было сил бороться с печалью. Глаза наполнились слезами, ему казалось, что он того и гляди разрыдается. На столе напротив кровати стояла фотография: он и Пенни на веранде ее дома. Глядя на это фото, казалось, что ничего плохого случиться не может. Отец всегда

говорил, что у Берри один из самых красивых и больших домов в Пойнт-Спирите: в колониальном стиле, с двускатной крышей и восемью окнами на переднем фасаде. Он сосчитал эти окна одно за другим, поджидая Пенни, чтобы вместе идти играть.

– Только таким и может быть дом настоящего героя, – сказал Пол Колеман как-то вечером, когда семья прогуливалась по городу перед походом в кафе-мороженое. – Виктор был великий человек, храбрец, каких мало, к тому же оставил им какое-никакое, а состояние, застраховав свою жизнь. Предусмотрительный был малый. Хорошо, что сестры переехали к Мэри Энн. Она не могла бы в таком большом доме одна с двумя дочурками, одна из которых младенец.

Дэнни помнил, с каким лицом выслушала его мать это замечание отца. Лорна покачала головой и заметила, что не понимает, какая разница между вдовой и вдовцом, имея в виду доктора Алана Фостера из соседнего дома, который жил один. Тем не менее отец был искренне уверен, что это две разные вещи. На женщин нападают гораздо чаще, чем на мужчин. Дэнни не было согласен с отцом, но в тот вечер не стал возражать. Остаток прогулки мать перечисляла причины, по которым стоило думать так, как она, и больше отец не произнес ни слова, пока они не вышли из кафе-мороженого.

– Солнышко, с тобой все в порядке?

Лорна Колеман осторожно просунула голову из-за приоткрытой двери и улыбнулась мальчику, сидевшему неподвижно.

– Все хорошо, мама, просто я думал о Пенни.

Мать тихонько приблизилась к сыну и уселась рядом на кровать. Положив руку ему на плечи, с нежностью прижала его к себе.

– Мужайся, сынок. Ты сильный мальчик, ты это переживешь.

Дэнни улыбнулся, хотя не был уверен, что она права. Сейчас ему было трудно такое представить.

– Представляешь, только что отыскала на чердаке очаровательный пейзаж. Нарисован маслом на дощечке. Скорее всего, остался от бабушки. Куплю для него рамку и повешу у тебя в комнате. Пойдем, посмотришь, какой он чудесный, а заодно что-нибудь съешь. Он, правда, немного потемнел, но на стене будет смотреться отлично. Вот тут и повесим, – Лорна указала рукой на стену. – В общем, сейчас увидишь. Уверена, тебе понравится.

Она поцеловала его в висок и решительно встала. Мать Дэнни обожала картины и рисунки. Дэнни не мог до конца понять этого увлечения, он не видел ничего особенного в том, чтобы скупать картинку, нарисованные кем-то другим, подбирать к ним рамы и увешивать весь дом пейзажами и

букетами в кувшинах. Он никогда не сказал бы про это матери. Он знал, с каким удовольствием она занималась своим коллекционированием. К тому же она не работала, и ей приходилось много времени проводить дома в одиночестве. «Главное для нее – это способ чем-то себя занять, – рассуждал он. – Ничего страшного, что кувшины безвкусны, а дом похож на аляповатый музей, увешанный случайными экспонатами».

– Вот, полюбуясь, – воскликнула Лорна, возвращаясь в комнату. Она уселась рядом с сыном и улыбнулась. – Здорово, правда? Мне очень нравится.

Дэнни взял у нее дощечку и всмотрелся в пейзаж. На дощечке изображалось что-то вроде долины. В глубине пейзажа располагался домик с оранжевой крышей, белыми стенами и маленькими окошками. За домиком виднелись горы, паслись овечки, а в середине композиции изображался пруд, в непосредственной близости от которого сушилось развешанное на веревке белье. Пронзительная синева неба перемежалась белыми пятнами, похожими на облака, только очень далекие. Дэнни внимательно склонился над дощечкой, но не мог обнаружить в пейзаже ничего выдающегося. Мать смотрела на него выжидающе, находка явно ее взволновала, и у него не было сил ее разочаровывать.

– Очень здорово, мама. Ты права, это будет отлично смотреться в моей комнате.

– Я знала, что тебе понравится, солнышко. Оставлю ее у тебя. Завтра отвезем в мастерскую, и ты выберешь раму.

Она встала и снова чмокнула его в висок. Мать была очень красивая женщина, хотя с некоторых пор непонятно, зачем осветляла свои чудесные каштановые волосы: вместо того чтобы подчеркивать естественную красоту, русый оттенок ее старил.

– Спасибо, мама.

– Не за что. Пойду что-нибудь тебе приготовлю. Спускайся поскорее.

Проговорив это, она вышла, а Дэнни так и стоял посреди комнаты с дощечкой в руках, не зная толком, что с ней делать. Кончиками пальцев провел по грубой рыхлой поверхности. Затем поднес картину к глазам и сосчитал овечек – их было три, хотя в глубине пейзажа виднелось дерево, из-за которого торчали задние ноги четвертой овечки. Забавно, подумал мальчик. В это мгновение что-то привлекло его внимание. Он сузил глаза и всмотрелся в домик, точнее, в одно из его окон.

– Ух ты. Как интересно.

Он выдвинул ящик стола, достал небольшую лупу с несколькими увеличениями и поднес к картине. К его удивлению, в одном из окошек

виднелось что-то вроде человеческого лица. Внутри домика явно кто-то был, как бы ни абсурдно звучало подобное предположение.

– Кому пришло в голову рисовать на картине лицо, если его почти не видно? – пробормотал Дэнни, продолжая всматриваться в крошечный овал. – Да и овечкин зад позади дерева тоже выглядит как-то странно.

Он провел пальцем по крошечному прямоугольнику окна. Ему пришло в голову, что это случайное пятнышко или мазок краски, принявший форму лица, но было очевидно, что это не так. Он внимательно осмотрел дощечку через лупу, надеясь обнаружить в одном из уголков подпись автора. Но там ничего не было. Тогда он перевернул дощечку, и холод пробежал у него по спине. На тыльной стороне красовалась надпись:

ПРИВЕТ

– Привет, – прошептал мальчик, будто бы отвечая автору пейзажа. Некоторое время в недоумении таращил глаза на карандашную надпись, снова перевернул пейзаж и замер. – Ничего себе...

Долина изменилась. По крайней мере так показалось Дэнни, когда он повертел дощечку в руках и снова увидел домик и пейзаж. Он готов был поклясться, что небо уже не было таким синим, а белые пятнышки приобрели сероватый оттенок и даже будто бы стали чуть темнее. Он переместил лупу и навел ее на пруд и веревку с висящим бельем, которое будто бы раскачивал ветерок. Лицо в окошке стало более заметным, более отчетливым. Если в первый раз Дэнни казалось, что это случайный мазок бежевой краски с двумя точечками, теперь, поднеся лупу к окну, он ясно видел, что у лица совершенно точно есть глаза: заметны были даже брови, а на голове – что-то вроде шляпы. Он сосредоточенно хмурился, изучая каждую мелочь. Когда лупа добралась до овечек, он не удержался и вскрикнул, а пальцы выронили лупу. Четвертая овечка исчезла. Он уже не видел две задние ноги, не видел и овечьиною зада, чуть выступавшего из-за дерева. Сейчас он видел... ее морду! Получается, все сделалось наоборот? Но этого не может быть! Охваченный паникой, не веря своим глазам, он наклонился и дрожащей рукой подобрал лупу с пола. На этот раз овечка смотрела прямо на него, взгляд ее больших черных глаз был сосредоточен на невидимой точке, а уши свисали по обеим сторонам головы.

– Нет, это какая-то ерунда, – прошептал мальчик.

И тут морда овечки изменилась. Это произошло медленно: губы едва заметно разъехались в стороны. Рот кривился насмешливо и недобро, и,

наконец, на морде появилась что-то вроде зловещей улыбки. Увидев ее, Дэнни вскрикнул, швырнул картину в угол комнаты и бросился на кровать так порывисто, что стукнулся головой о деревянное изголовье. Некоторое время мальчик сидел нахохлившись, обхватив руками колени и не зная точно, что делать дальше. Все тело дрожало, он смотрел на картину, лежавшую на полу рисунком вниз, так что видна была карандашная надпись.

– Спускайся, полдник на столе! – крикнула мать. Дэнни вздрогнул, сердце от неожиданности чуть не выпрыгнуло из груди.

– Иду... – шепнул он чуть слышно.

Он собрал все силы и прыгнул с кровати. Подошел к лежавшей в углу дощечке, склонился над ней, осторожно протянул руку. «Мне показалось», – подумал он. Должно быть, он был так поглощен мыслями о Пенни, что разум решил над ним пошутить, обвести вокруг пальца. Он перевернул дощечку и несколько мгновений пристально всматривался в пейзаж. Никаких перемен. Он провел рукой по вспотевшему лбу, затем вытер влажную ладонь о штанину. Четвертая овечка стояла на своем месте – задние ноги едва виднелись за деревом, словно она решила спрятаться. Дэнни перевел взгляд на домик, осмотрел пятнышко краски в форме лица, затем изучил небо. Вздохнул с облегчением и положил картину на стол. Небо было по-прежнему синим, три овечки мирно глазели на горы, и все было как раньше. Дэнни чуть не расхохотался.

– Дэнни, ты где застрял? – снова крикнула мать. – Спускайся, солнышко!

– Иду! – откликнулся Дэнни.

Вышел за дверь и побежал по коридору к лестнице.

Он неподвижно всматривался в ненастную ночь. Лицо его было задумчиво и напряженно. Приятное тепло, струившееся из здания полицейского участка, настойчиво приглашало внутрь; но он по-прежнему любовался холодным воздухом и темным небом, на котором не было видно ни единой звезды, – небом, предвещавшим скорую бурю. Шериф Ларк пожил на свете достаточно, чтобы как следует изучить внезапные и необъяснимые перемены погоды, но за последние тридцать лет даже он не мог припомнить такой холодный и темный сентябрь. Он окинул взглядом площадь и теплые желтые огни, мерцавшие в окнах кофейни «Коконут». До него донесся аромат крепкого кофе. Этот соблазнительный запах витал вокруг кофейни в любое время суток.

От размышлений Ларка отвлек шум приближавшегося автомобиля. Где-то слышался голос Элен, которая перемещалась по участку со свойственной ей подвижностью. Эта женщина горела на работе, она явно перерабатывала, но поражало Ларка не это. Каким образом толстуха двигалась ловко и быстро, как рысь, а ее неизменная юбка-карандаш при этом не лопалась? Тихонько покашляв, он наблюдал, как Томми паркуется напротив участка.

– Привет, Ларк. Как у вас дела? – спросил Томми, вылезая из машины.

– Шериф. Привет, шериф, – поправил его Ларк. Он прочистил горло, повернулся и сплюнул. Затем подтянул ремень с кобурой повыше. – Думаю, завтра будет дождь.

Томми подошел к нему и потер руки.

– Холодина ужасная, – он обернулся и посмотрел на лес, темневший за домами. – Надеюсь, что ненадолго. Электрические компании ждут не дождутся, когда в городе включат отопление.

– Отложи на завтра доклад по делу Оуэнс и ступай домой, – приказал ему Ларк. – Вряд ли у нас сегодня будет много работы. Все вроде спокойно. А если что, Элен пробудет в участке еще несколько часов.

Томми хотел что-то ответить, но внезапные шаги и голоса заставили его повернуть голову. По улице шагали двое мужчин. Когда они приблизились, он узнал преподобного Маркуса и писателя, который снимал у Лоретты домик.

– Неужели кто-то осмелился выйти на улицу в такую холодрыгу, – воскликнул шериф и снова закашлялся. – Добрый вечер, ребята.

– Здравствуйте, шериф. – Роберт замерз: озябшие руки он прятал в карманы куртки. – Привет, Томми...

– Как дела, пастор? Собираетесь перекусить? Время ужинать.

– Заглянем к Лоретте, у нее же и поужинаем. Вы знакомы с Джимом Алленом, новым ее постояльцем? Джим, это шериф Ларк и его помощник Томми Нортона.

Ларк покосился на человека, стоявшего слева от пастора, и на лице его изобразилась кривоватая улыбка. Ну и тип. На носу очки без оправы, волосы всклокочены, как у пижонов, которые рассуждают в телевизоре на утренних теледебатах. Высокий, почти такого же роста, как и пастор, но более худой.

– Вы, если не ошибаюсь, писатель.

– Именно так, – ответил тип, улыбнувшись.

– Внучка обожает ваши сказки, – буркнул Ларк. – Если найдется свободная минутка, заходите к нам, подпишите ей книжку. Думаю, она обрадуется, хотя ей всего десять лет.

– В любое время, шериф. Вы теперь знаете, где я живу.

Ответ пришелся Ларку по душе. Не сказать, чтобы чужаки вызывали у него горячую симпатию при первом же знакомстве, но впечатление было благоприятным, что, впрочем, не мешало ему считать этого типа выпендренником.

– По-моему, доктор Фостер направился туда же, – продолжал Томми. – Я заметил, как он прошел по улице. Точнее, увидел пестрый шарф и подумал, что это он. Доктора Фостера ни с кем не спутаешь. Даже если туман и ничего не видно, все равно узнаешь по шарфу.

– Это точно. Такие шарфы – фирменный стиль Алана, – Роберт усмехнулся. – Ладно, друзья, доброй ночи. Надеюсь, до костей не промерзнем.

– Вам тоже всего доброго. – Томми повернулся спиной, собираясь направиться в участок. – Рад познакомиться, мистер Аллен. Надеюсь, вам у нас понравится и вы не пожалеете о своем решении тут пожить.

– Думаю, так и будет.

Когда двое исчезли за углом, Томми вошел в участок вслед за Ларком. Тепло ударило в лицо, но вместо удовольствия он ощутил слабость и озноб во всем теле.

– Ого! Сколько показывает термометр? Сорок градусов? Эта женщина решила нас уморить?

Усмехнувшись, шериф направился в кабинет.

– Эй, Элен, уменьши-ка отопление! – крикнул он.

Элен повернулась на своем вертящемся стуле и выгнула брови, словно кто-то ее оскорбил. Она отрицательно покачала головой и внимательно посмотрела на Томми. Взгляд Томми был прикован к какому-то предмету, лицо стремительно бледнело.

– Эй, Томми, что с тобой? – насмешливо спросила Элен. – Испугался марионетку?

Томми смутился.

– Терпеть их не могу. Какого черта ты прицепила сюда эту гадость? Просто кошмар.

– Эта марионетка – подарок моего племянника из Портленда, так что следи за словами. Ничего особенного в ней нет. Мальчик собственными руками ее раскрасил. Изо всех сил старался, чтобы тетя знала, как он ее любит.

По правде сказать, выглядела кукла и впрямь жутковато. Тощая дылда в бесформенной хламиде, изображающей свитер. Темно-синие штаны и кепка разносчика пиццы. Но самым неприятным было лицо. Большие угольно-черные глаза, рот, приоткрытый в форме буквы «о», два алых пятна на щеках. Многочисленные нити, на которых было подвешено нелепое создание, придавали ему гротескный вид. Покосившись на Томми, Элен презрительно сложила на груди руки.

– Сколько можно сидеть с такой физиономией? Неужели и правда кукол боишься?

– Не то что боюсь, – отозвался Томми, хотя в глубине души действительно их побаивался, – просто они мне не нравятся. Есть люди, которые не любят клоунов. А я не люблю марионеток.

– Господи... Тридцать лет парню, весь из себя вояка, а боится дурацкой куклы длиной в полметра!

Томми собирался что-то возразить, но тут из кабинета вышел шериф. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Проклятые мальчишки снова залезли на лесопилку, – проворчал он.

Элен и Томми повернулись к окну.

– Почему вы так думаете?

– Там какие-то огни. Конечно, это мальчишки: курят гашиш и пьют пиво. Каждый раз одно и то же: пустые бутылки и окурки. Поганцы! Добром это не кончится: что-нибудь да случится рано или поздно. Если мне еще раз попадется этот Патрик или мальчишка Графтов, заставлю целый месяц подметать весь город, а в задницу воткну метлу!

– Сгоняю-ка я туда, – предложил Томми. – Мне по пути: все равно проезжаю мимо. Пора разобраться с этим делом.

– Правда заедешь? – строго спросил Ларк. – А то я и сам могу. Если это они, я им дуло засуну...

Элен захохотала хриплым заразительным смехом и затрясла головой. Короткие темные волосы заплясали вокруг лица, придавая ей сходство со шваброй.

– Вот я и говорю, лучше мне поехать, – смутился Томми.

– Забавный ты парень. Вот я в твоём возрасте...

– Ох, да ладно вам, – воскликнула Элен. – Хватит на сегодня баталий. Сообщи по рации, Томми, если возникнут проблемы.

– А ты убери подальше эту штуку, – отозвался Томми, направляясь к двери. – Вряд ли понадобится рация. Заслышав патрульную машину, они разбегутся кто куда, как тараканы, а я поеду домой и лягу в горячую ванну. Но, если что, звякну.

В ответ Элен скорчила свирепую гримасу, взяла марионетку и подергала ее за ниточки.

Через четверть часа Томми припарковал машину на посыпанной гравием стоянке напротив лесопилки. Можно было бы заехать прямо на территорию, но тогда бы мальчишки разбежались, а ему хотелось как следует их напугать. Он заглушил мотор и окинул взглядом громоздившееся перед ним унылое строение. Позади лесопилки печально и зловеще темнел лес. Где-то в глуши этого леса при желании все еще можно было отыскать остатки старой железнодорожной ветки. Томми нащупал в бардачке фонарик и хотел было прихватить рацию, чтобы позвонить Элен, но передумал: мальчишки могли услышать ее потрескивания. Он осторожно прикрыл дверцу машины и зашагал по дорожке. Гравий тихонько скрипел у него под ногами. И правда: внутри здания виднелся свет. Томми не знал точно, что это, фонарик или лампа: окна фабричного корпуса были разбиты и покрыты пылью, и огоньки мерцали еле-еле. Справа возвышалось второе здание, деревянное, похожее на первое, но поменьше. Обе постройки были тем немногим, что осталось от некогда процветавшей лесопилки. Ларк рассказывал, что когда-то в давние времена там было шесть или семь корпусов вроде тех, что остались, а на берегу реки стояла мельница, однако от них почти ничего не сохранилось. Только главное здание фабрики.

Через несколько минут Томми приблизился к темной громаде фабрики. Огромная уцелевшая труба вонзалась в темноту неба, подобно маяку. Снаружи виднелись деревянные балки, на которых держалась вся конструкция цеха. Наверняка мальчишки не знали, как опасно залезать в такие ветхие строения. Он поднял фонарик. Слабый луч света скользнул по

земле. Вокруг валялись обломки кирпича и битые стекла, стены подпирали длинные деревянные жерди. Внутри слышались какие-то звуки. Томми обошел здание и оказался у отвесной подъездной дороги, уходившей в чащу леса.

– Как бы в реку не упасть, – пробормотал он, высвечивая фонариком черноту.

Слабый треск за спиной заставил его обернуться. Внутри фабрики явственно слышались шаги. На всякий случай Томми вернулся туда, откуда пришел: к центральному входу.

– Эй, парни, хватит на сегодня! Гасим сигареты и расходимся по домам! – крикнул он, шаря впереди себя фонариком.

Но никто не отозвался. Длинная увесистая балка преградила Томми путь. По балке пробиралась крупная крыса, до него донеслись звуки, напоминавшие сбивчивое дыхание.

– Фу, гадость! А ну быстро вылезайте! Хватит шутить: или выходите сами, или я вас вытащу за шиворот собственными руками и отвезу к шерифу!

Впереди что-то шевельнулось, но луч фонарика был слишком слаб и терялся во мраке. Томми сделал еще несколько шагов. До него донесся слабый звук, который шел откуда-то с другой стороны. Слева темнело несколько бревен. Клац, клац, клац...

– Какого черта?..

Томми продвинулся еще немного и напряг зрение. Какая-то темная масса отделилась от черноты и неуклюже двигалась ему навстречу. У него мелькнула мысль, что это мальчишка, к тому же пьяный: в его движениях было нечто странное, да и шел он не пойми куда.

– Патрик? Это ты? Честно говоря, не смешно.

Фигура ускорила шаг. Она двигалась быстро, размахивая руками и делая широкие шаги. Внезапно Томми испугался, что у него не выдержит сердце. Движущийся навстречу темный силуэт не мог принадлежать никому из мальчишек, он и человеком-то, скорее всего, не был. С бешено колотящимся сердцем Томми отступил назад и направил фонарик на фигуру, которая остановилась на полпути. Точно: сердце не выдержит.

– Привет, приятель.

Томми вскрикнул и повалился навзничь. Острая боль вонзилась в подреберье, смертельный ужас сковал все его тело.

Перед ним стояла гигантская марионетка.

– Что за тупая шутка!

Существо снова зашагало, высоко поднимая острые колени и

одновременно делая махи руками. Томми пополз наружу, не сводя глаз с нелепой штуковины: ее тело покрывало черное одеяние, голова смахивала на котелок. Запавшие глаза были едва различимы, а тонкие нарисованные усики придавали физиономии глумливый вид.

– Пошел вон! Убирайся! Кто ты такой? Не подходи ко мне!

Томми кое-как поднялся с земли, выронил фонарик и побежал в сторону площадки, посыпанной гравием, однако лязгающий звук преследовал его по пятам.

– Я догоню тебя, Томми! – проговорила штуковина низким гнусавым голосом.

Клац, клац, клац... Томми обернулся. Марионетка двигалась все быстрее. Руки ходили туда-сюда, точно поршни: чем короче становилось расстояние между куклой и Томми, тем более размашисто они двигались.

– Ради всего святого! Что за фигня?

Томми задыхался. Он оглянулся еще раз, оступился и покатился вниз по склону холма. Теперь он был на лесной опушке, в стороне от лесопилки. Ногу свела судорога. «Только бы сердце выдержало», – думал он, заползая в неподвижную тень деревьев. С другой стороны дороги донесся голос Элен, что-то бубнившей в рацию, но он не разобрал ни слова. Клацанье приближалось, дьявольская марионетка хихикала противным сумасшедшим голосом.

– Эй, Томми! А вот я тебя догоню, дружок! Иди ко мне, подергай за веревочки, станцуй со мной хулу!

Клац, клац, клац... Клац, клац, клац... Гнусавый голос умолк. Томми затаился между двумя поваленными стволами. Он видел, как марионетка топчется посреди подъездной дороги, растопырив руки и приняв хиваясь. Ее пальцы неустанно шевелились, тонкие кривые ноги будто бы пританцовывали.

– Иди-ка сюда, Томми, я тебя выпотрошу... Эй, Томми, а Томми? – выкрикивало существо. Оно сосредоточенно нюхало воздух и от этого выглядело еще более жутко. – Дружок, а дружок, иди ко мне!

Томми закрыл глаза. Нащупал пистолет, неслышно достал его из кобуры и навел на темневшую впереди стену. Но существо куда-то исчезло.

– Где ты, сукин сын? – чуть слышно прошептал Томми. Нога болела все сильнее. Он пощупал штанину: она была мокрая от крови.

– Что бы тебя подрал, гадина ты эдакая... Нет, этого просто не может быть. Это чья-то чертова шутка.

– Томми! Знаешь, что я с тобой сделаю? Сдеру с тебя кожу – ме-е-едленно, полосочку за полосочкой!

Гнусавый голосишка донесся ближе. Сердце Томми готово было выскочить из груди и покатиться под гору. А тут еще проклятая дрожь в руках. Он поднял пистолет выше, прислонился спиной к дереву и прицелился в пустоту – туда, откуда доносился противный голос. Но чертова марионетка не подавала признаков жизни. Стояла мертвая тишина. И вдруг где-то совсем рядом листья зашуршали, и из кустов прямо перед носом у Томми высунулась улыбающаяся рожа.

– А вот и мы! – рявкнула она и захохотала. – Давай, иди к папочке...

– Ты слышал? – Джим обернулся в сторону улицы, вынул изо рта недокуренную сигарету и всмотрелся в ночную тьму.

– Что?

– Странный звук. Как будто...

– Салют или петарды, – пожал плечами доктор Фостер, затворяя за собой дверь бара. – Если не войдем внутрь, замерзнем насмерть.

Роберт повернулся в направлении, которое указывал Джим, но ничего не услышал.

– Я ничего не слышу. Думаю, Алан прав: где-то устроили праздник. Входи, Джим, я проголодался как собака. Попросим Лоретту, пусть приготовит по-быстрому что-нибудь сытное, а то живот сводит.

Они заняли столик подальше от двери. Джим заметил, что по вечерам в будние дни жители Пойнт-Спирита не слишком любили выходить из домов, и не удивился, не обнаружив в заведении ни единого посетителя. Лоретта скучала за стойкой. Ее соломенно-русые волос были уложены по моде восьмидесятых в подражание Бонни Тайлер, а глаза густо подведены. Яркий макияж придавал ей вульгарный вид. Бледно-розовые бриджи и рубашка с блестками не делали его более изысканным. Но Лоретту это не волновало. Джим понял это в тот день, когда она вручила ему ключи от дома. Тогда она явилась с живописным начесом на голове, в фиолетовых тенях и зеленом платье «вырви глаз». Ему даже приблизительно не удалось определить ее возраст. Со временем Джим прикинул, что Лоретта старше его как минимум лет на пятнадцать.

– Добрый вечер! – каркнула она из-за прилавка своим низким голосом. – Ваше преподобие... доктор... писатель... О, да у нас прямо собрание перспективных холостяков! Жаль, что вы не предупредили меня заранее. Я бы пригласила всех незамужних девушек города, – она зашлась хриплым хохотом и поправила ляжку лифчика.

– Обожаю твои шуточки, Лоретта.

– Спасибо, ваше преподобие. Эх, будь я на двадцать лет моложе!

На стене в глубине бара красовалась пара натюрмортов, в точности таких, как у Джима в гостиной. Несколько мгновений он их рассматривал, затем повернулся к Роберту и Алану. Взял меню и, усевшись поудобнее, принялся внимательно изучать ламинированную карточку, где перечислялись блюда, которые можно было заказать на ужин. Ничего

выдающегося: бутерброды, комплексные обеды, салаты и несколько разновидностей пирогов.

– Рад знакомству, Джим, – приветствовал его доктор. – Роберт мне про вас рассказывал, но у меня не было возможности познакомиться с вами лично.

Глаза доктора покраснели от усталости, он был заметно встревожен. Ничего удивительного, учитывая, что он был близким другом семьи Морелли. И все же в нем чувствовалось нечто большее, какое-то затаенное напряжение, как будто внешнее поведение было всего лишь верхушкой айсберга.

– Жаль, что я прибыл в ваш город в такое непростое время. Похоже, я принес Пойнт-Спириту одни несчастья.

Роберт улыбнулся, потер пальцами глаза и положил руки на стол.

– Глупости, – отозвался Алан. – Мы столько лет жили безбедно. Черная полоса не может тянуться вечно. Даже Роберт, который провел здесь всю жизнь, не припомнит две такие трагедии подряд. Обе нанесли нашему городу глубокую рану. Юная девушка, едва распустившийся цветок. Да и Лоррейн – кто бы мог такое вообразить? Когда подобное случается, люди спрашивают себя, нет ли в этом их вины. Надеюсь, вы меня понимаете.

– Ты появился в этих местах задолго до меня, не так ли? – спросил Роберт; Алан кивнул. – Не замечал ничего необычного?

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю. Чего-то такого, что не вписывается в привычные рамки.

Виляя бедрами, подошла Лоретта. Достала из кармана рубашки шариковую ручку, сложила вдвое блокнот и обворожительно улыбнулась.

– Ну, что-нибудь выбрали? В комплексе номер четыре неплохие бифштексы, а картофельное пюре свежее, домашнее, я сама его делаю.

– Да, давайте комплекс номер четыре, – откликнулся Джим.

Остальные тоже согласно закивали. Посоветовавшись, заказали несколько кружек пива и дождались, пока Лоретта удалится на кухню.

– Честно сказать, не совсем понимаю, куда ты клонишь, Роберт, – продолжил доктор. – Нет, я ни разу не видел ничего, что не вмещалось бы в рамки обыденного. А почему ты спрашиваешь?

Джим покосился на Роберта, и тот опустил глаза. На его лице мелькнуло выражение тревоги и страха.

– Ладно, – произнес он наконец. – Расскажу кое-что. Но умоляю, не смейтесь и оставьте при себе рассуждения о здравом смысле. Не так-то просто решиться на откровения, и очень бы не хотелось, чтобы люди

приняли меня за параноика.

– Договорились. Но, пока ты не расскажешь, вряд ли мы что-то сможем обсуждать.

И Роберт рассказал историю о самоубийстве, которую несколько часов назад поведал Джиму у него в хижине. Чем дальше он рассказывал, тем более удивленной и обескураженной становилась физиономия Алана, пока на ней наконец не обозначилось искреннее беспокойство. Пастор умолк, и некоторое время трое мужчин сидели молча, размышляя об услышанном. Джим думал о Лоррейн, висящей под потолком напротив зеркала с тюбиком губной помады в окоченевших пальцах. Эта сцена не выходила у него из головы, она преследовала его. Может, стоило бы изложить ее письменно, подумал он, но почувствовал себя циником и отказался от этой идеи.

– Что ж, Роберт, – проговорил Алан упавшим голосом, – раз уж мы про такое заговорили, могу и я рассказать кое-что. В тот вечер я отправился навестить Мэри и Элизабет. Вряд ли это как-то связано с Лоррейн, но, честно говоря, не знаю, что и думать. Помнишь припадок, который случился с Мэри у гроба Пенни?

– Да, когда она крикнула сестрам, чтобы они не давали кому-то приблизиться к девочке. Что она не позволит забрать у нее единственную дочь... Ты это имеешь в виду?

Алан вкратце пересказал то, что услышал от Амелии и ее сестры Карлоты. Несколько секунд он сомневался, стоит ли описывать сцену в комнате Мэри Энн, но общаться с пастором имело смысл только искренне, иначе нечего было упоминать эту дикую историю. Возможно, совместно с Робертом и писателем они могли бы докопаться до правды.

– Ну и дела, – пробормотал изумленный Джим. – Мягко говоря, шокирующий рассказ. А ты уверен, что эти женщины не увлекаются спиритизмом и прочими чудачествами?

– Это исключено. Я знаю их много лет, это очень разумные женщины; кроме того, начало истории уходит еще в те времена, когда погиб Виктор. Почему они мне не рассказывали про это раньше? Ведь я живу по соседству и провожу в их обществе много времени. Они знают, что, если что-нибудь понадобится, ко мне всегда можно обратиться за помощью.

– И мне они ничего не говорили, – сообщил Роберт. – Притом что большинство людей в подобных случаях прежде всего ищут поддержку церкви.

Лоретта, цокая каблуками, принесла поднос с тарелками. Затем включила телевизор и уселась на табурет.

– Надеюсь, мой сериал вам не помешает? Не успела посмотреть вчера вечером и не записала, – объясняла она.

Джим улыбнулся.

– Ты у себя дома, – ответил он. – Имеешь право делать что хочешь.

– А вы мои гости, – Лоретта за словом в карман не лезла. – Если надумаете переехать в Пойнт-Спирит, уступлю вам это заведение за самую что ни на есть привлекательную цену, и тогда уже вы будете его хозяином.

Джим отметил, что это неплохая идея. Но в следующее мгновение на экране замелькали титры, и Лоретта погрузилась в сериал.

– Джим, а что ты про все это думаешь? Понимаю, что нехорошо спрашивать в лоб, но ты приехал издалека, почти ничего тут не знаешь, и твоя точка зрения может быть наиболее объективной.

Роберт и Алан выжидающе уставились на Джима. Тот пожал плечами. Он не сталкивался с подобными явлениями, но как писателю ему все это чрезвычайно любопытно. В этот миг решение было принято окончательно: он уничтожит все двадцать страниц своего творения и начнет другое, новое, в котором опишет упомянутые события, которых скопилось уже немало. Он заметил, что пастор и Алан смотрят на него выжидающе, и без аппетита доел свое пюре.

– Я не верю в привидения, – произнес он наконец. – Точнее, ни разу в своей жизни их не встречал. С другой стороны, ты утверждаешь, что сестры не из тех, кто выдумывает страшные истории, им было стыдно в этом признаться. Может, им действительно что-то померещилось, и ты как врач сможешь объяснить эти видения какой-нибудь теорией о бессознательном. Очевидно одно: что-то их напугало. Я считаю, что первым делом мы должны обследовать дом. По крайней мере это хоть как-то успокоит людей, которые в нем живут. Дом старый, деревянный, неудивительно, что по ночам в нем появляются всякие звуки.

– Именно, – отозвался Алан. – Именно так я и думал, пока в комнате Мэри со мной не произошло то, о чем я вам рассказал. Понятия не имею, как это объяснить. Ни разу в жизни ни с чем подобным не сталкивался. И все же как человек – не как врач, а в первую очередь как человек – я уверен: там что-то было. Не знаю, в чем дело: откуда взялись эти колебания воздуха, эти сквозняки... Не могу объяснить... Но главное, шепот.

– Черт возьми, еще и шепот, – нахмурился Джим. – Пожалуй, это самое странное.

– То есть ты хочешь сказать, – начал пастор, – что мы найдем рациональное объяснение и причина галлюцинаций исчезнет?

– Я в этом уверен. Осмотрим чердак. Очень может быть, там

обнаружится полчище крыс или мышей, которые бегают по всему дому, проникая сквозь мельчайшие отверстия. Вот тебе и шаги по ночам. А может, прячется старый паровой котел, это объяснит порывы ветра, которые проносятся по старым воздуховодам...

– Но они говорят о каком-то человеке, Джим, – перебил Алан. – О человеке, которого Элизабет встретила в саду. Это мужчина из плоти и крови. А тень над кроваткой Пенни? Склоняюсь к тому, что речь идет о массовой галлюцинации. В первом случае ее причина – смерть Виктора, во втором – Пенни. Ужаснее всего то, что бедные женщины не спят по ночам. Бессонница со временем еще более все осложнит. Посттравматический стресс сам по себе может вызвать галлюцинации, и не только слуховые. Паранойю никто не отменял.

– Вы вроде бы собирались зайти утром к сестрам Морелли, выразить соболезнования, – напомнил Роберт. – Если что, могу составить вам компанию. А Алан заглянет одновременно с нами, но вроде как сам по себе. Так будет выглядеть более естественно. У Карлоты непростой характер, вряд ли ей понравится, что кто-то сочтет ее историю плодом галлюцинации.

– Мне кажется, что это неплохая идея, – согласился Алан. – Я мог бы зайти часов в пять.

– Итак, решено. Завтра отправимся к ним все вместе и послушаем, что они скажут, – заключил Роберт. – Я тоже неплохо знаю сестер и уверен, что, если подойти к делу деликатно, они согласятся на сотрудничество.

После ужина все простились возле кафе, и каждый зашагал в свою сторону. Минут через пять Алан нагнал Джима, однако по дороге они почти не разговаривали: каждый думал о завтрашней встрече у Морелли. Доктор пожелал доброй ночи и повернул в свою сторону, а Джим все еще думал об услышанном, а заодно о том, не позвонить ли своему литературному агенту, чтобы тот навел справки о прошлом Пойнт-Спирита. А что если написать книгу о тайнах этого городка, основываясь на реальной истории? Джим взвешивал все детали, и чем дальше уходил он от центра, тем интереснее и ярче представлялась ему будущая книга. Поглощенный раздумьями, он машинально посмотрел на часы: было уже больше одиннадцати. Тьма вокруг сгустилась. Он уже шагал по дорожке, ведущей к калитке, как вдруг увидел фигуру, прислонившуюся к металлической ограде. Завидев его, фигура выпрямилась. В сумерках Джим различил джинсы, кроссовки и какой-то сверток в руке. Подойдя поближе, он с удивлением узнал Элизабет Морелли, поджидавшую его возле дома. На девушке было вязаное пальто, такое пушистое, что ноги ее выглядели

совсем тонкими. Поверх каштановых волос красовалась зеленая шерстяная шапочка с помпоном. Элизабет с невинным видом протянула ему руку, и Джим машинально ее пожал.

– Простите, мистер Аллен, я знаю, что уже поздно. Но мама сказала, что вы – автор «Катрины», и я принесла вам книжку, чтобы вы подписали.

Удивленный как самим фактом визита, так и выбранным для него часом, Джим неподвижно глядел на протянутый ему экземпляр «Катрины и волшебного ключа».

– Да уж, так поздно я никого не ждал. Ты ведь та самая Элизабет, верно?

Девушка кивнула. Ее белоснежная кожа контрастировала с розовым ротиком, а глаза были большие, ясные.

– Понимаю, что поздно. Но я уже несколько раз к вам заходила и звонила в дверь. Я подумала, что вы отправились куда-то поужинать, и вернулась через пятнадцать минут.

У него сжалось сердце, а в ушах отчетливо прозвучал голос его литературного агента: «Старайся не выглядеть извращенцем».

– Значит, ты уже пятнадцать минут здесь стоишь?

– Мне не холодно, – улыбнулась девушка.

Джима переполняли сомнения. Что делать: действительно подписать книжку глухой ночью на ледяном ветру в скупом свете лампочки, облепленнойдохлым мухами, или отправить девчонку восвояси?

– А не слишком ли поздно для прогулок? Мама знает, где ты?..

Джиму показалось, что Элизабет покраснела. Ему стало жаль девушку. Он открыл калитку и пригласил ее в дом.

– Маме нездоровится, а тетюшки легли пораньше. Хотя Амелия знает, что я пошла к вам подписать книгу.

– Ну и отлично. Проходи. Надо согреться. «Старайся не выглядеть извращенцем, – повторял он себе. – Извращенцем... Извращенцем...» Между прочим, я как раз завтра утром собирался навестить твою семью, – сказал он, отпирая дверь дома. – Раньше было неудобно. Но я ваш сосед, и мне хотелось бы принести соболезнования твоей маме и тетям. Входи, не стесняйся. Могу приготовить тебе горячий шоколад и растопить камин.

– Было бы замечательно, – сказала она, снимая шапочку. – Спасибо, мистер Аллен. Эту книжку мне подарил папа, когда я была маленькая. Он ее привез из поездки. А я убиралась недавно и ее нашла. Я знала, что у меня есть книжка про Катрину, но не знала точно, где она. Мне бы очень хотелось, чтобы вы ее подписали.

– Конечно, с удовольствием, – ответил Джим, направляясь на кухню. –

Ты добавляешь сахар?

Заваривая шоколад и подкладывая в камин дрова, он осторожно рассматривал девушку. Элизабет не поднимала глаз и даже не взглянула на интерьер домика. Она сидела неподвижно, держа на коленях книжку. «Воспитанная девушка», – подумал Джим. Печальная и немного рассеянная. Скорее всего, это из-за того, что произошло в их доме. Склонившись перед камином, он видел краем глаза, как она шевельнулась и сняла наконец ужасное пальто, в котором пришла. Теперь на ней оставалась лишь тонкая розовая блузка с длинным рукавом. Малышка наверняка продрогла до костей, ожидая его возле дома. Джим вновь ощутил щемящее чувство жалости.

– Посмотрим, что там у тебя за книжка, – произнес он, присаживаясь рядом. – Похоже, одно из первых изданий. Вышла в 2002 году, тринадцать лет назад. Похоже, ты с ней бережно обращалась.

– Папа говорил, что книжки нужно беречь. Он их привозил мне в подарок.

Несколько секунд Джим размышлял, что бы такое написать Элизабет на память. Первое, что пришло в голову: «Самой красивой девушки в Пойнт-Спирите» – такая надпись ей бы точно польстила. Но в следующий миг он передумал. Взял со стола ручку и написал: «Самой нежной и очаровательной девушке. С огромной симпатией». Похоже, Элизабет осталась довольна.

Она улыбнулась. Провела пальцами по свежим буквам и вздохнула с облегчением.

– Принесу тебе твой шоколад. Да и себе заодно.

Вернувшись, он поставил на стол две чашки и перебрался к камину, чтобы подложить газеты и взбодрить огонь. Если не поддерживать в доме тепло, внутри становилось сыро и холодно. На расстоянии ему показалось, что Элизабет дрожит. Его внимание привлекло ее лицо: в отличие от матери и тетушек, у нее были каштановые волосы и зеленые глаза, которые она, скорее всего, унаследовала от отца. Девушка протянула руку, взяла шоколад и сделала большой глоток.

– Как вкусно, мистер Аллен! Вы очень добры. Спасибо.

– Не за что. Можешь называть меня Джим... Расскажи, как ты поживаешь? Наверняка все еще не ходишь в школу, верно?

– Да, я уже несколько недель пропускаю занятия. Учителя решили, что меня лучше освободить от учебы, у меня с ней все в порядке. Иногда повторяю пройденные темы, когда нечем больше заняться. Ну и... по математике отстала, но совсем чуть-чуть. Доктор Фостер мне иногда

помогает.

– Это хорошо. Алан отличный парень. Как раз сегодня я ужинал с ним и с пастором. Оба очень симпатичные люди.

Элизабет едва заметно улыбнулась. Щеки у нее разругнулись, завитки волос свободно спадали на плечи. Когда она поднимала глаза, Джим немного терялся. И не потому, что девушка была хорошенькая и к тому же смышленная. Это еще полбеда. Куда сильнее действовал на него образ, который Элизабет в нем пробуждала. Дело в том, что она в точности напоминала рисунок углем, который один его приятель из Сан-Франциско сделал много лет назад в качестве иллюстрации для книжек про Катрину. Сходство было просто потрясающее.

– Ты – вылитая Катрина, – машинально заметил он и тут же раскаялся в своих словах. Однако девушка нисколько не расстроилась, услышав такое сравнение. Наоборот, обрадовалась. Уставилась на него и даже поставила чашку на стол. – Да, представь себе.

– Серьезно? Потому-то папа и купил мне эту книгу! Но я бы никогда не осмелилась в этом себе признаться. Очень приятно, что автор сам так считает. Я очень-очень тронута.

Джим тоже был тронут... Он мигом вообразил Элизабет на пороге церкви, как в книжке, – в белом платье, с узкой красной ленточкой вокруг головы.

– Да, случаются совпадения. Пей-ка шоколад, пока не остыл.

«Если немедленно не выпьешь сок, он потеряет все свои полезные свойства» – так говорила Джиму мать. Эта фраза заставила его почувствовать себя стариком, и он уныло склонился над чашкой. «Извращенец, извращенец, извращенец», – твердил у него в голове голос Ларри.

– А для взрослых вы напишете книгу? – спросила Элизабет.

Вопрос застал Джима врасплох. Он полюбовался языками пламени, все еще размышляя про Ларри. Девушка смотрела на него с любопытством. Внезапно в голову ему пришла идея, которую он бы никогда не решился озвучить в других обстоятельствах, но сейчас она казалась не лишеной смысла и, возможно, кое-что помогла бы прояснить. Он снял очки и потер переносицу. Несколько секунд обдумывал ответ.

– Мы, писатели, не очень-то любим болтать о своих планах, – произнес он. Элизабет пожала плечами. Джим улыбнулся. – Но тебе я открою секрет. Если ты обещаешь никому про него не рассказывать. Возможно, когда-нибудь мне даже понадобится твоя помощь. Кстати, обращайся ко мне на «ты».

– Можно?

Он кивнул.

– Так вот. Хочу написать роман про небольшой провинциальный городок и связанную с ним страшную тайну, – продолжал он. – Может быть, это будет призрак или что-то в этом роде. Ничего кровавого, я не собираюсь писать об убийствах. Но тут, в Пойнт-Спирите я ощутил атмосферу тайны, которую долго искал. Как тебе такая идея?

– Мне кажется, это будет хорошая книга, – сказала Элизабет, убирая завиток со лба. Затем поставила чашку на стол и спросила: – А вы уже начали?

– Пока собираю материал, – ответил он. – Это тоже часть творческого процесса. Ты ведь сохранишь мою тайну?

Девочка строго посмотрела ему в глаза.

– Не беспокойтесь, – ответила она. – Я никому не скажу. Знаете... Однажды я видела призрак и не испугалась.

«Touché», – произнес Джим про себя.

– Не может быть, – он сделал вид, что не верит.

– Правда-правда. Всего на несколько секунд. Я даже не уверена, был ли это действительно призрак.

Некоторое время Джим молча ее рассматривал. Казалось, Элизабет размышляла над собственными словами. Она сложила руки на коленях и выпрямилась, неподвижно глядя на стол. Затем подняла голову и продолжила:

– Даже не знаю, с чего начать. Я сидела за домом на качелях и вдруг увидела мужчину: он стоял, прислонившись спиной к ограде в дальнем конце нашего участка. Мои тетушки очень ухаживают за садом, и у нас полно цветов, всяких лилий и прочих растений. Этот человек словно завис над ними, не касаясь, и его силуэт был будто бы размыт. Он был красивый, – добавила она, – и молодой. Но одежда на нем была странная, какая-то несовременная: такие костюмы с жилетками носили раньше. А внизу – белая рубашка.

– Ты с ним разговаривала?

– Нет, только смотрела. Потом он стал виден более отчетливо, но тут меня окликнула тетушка, точнее, какие-то голоса раздались возле дома, а когда снова повернулась, его уже не было. А можно еще шоколада?

– Конечно, – ответил Джим, вставая. Через несколько минут он вернулся в гостиную с полными чашками и сахарницей и поставил их на обеденный стол. – Очень интересная история. И похоже, ты действительно не испугалась.

– Нет, честное слово, – воскликнула она. – Не знаю, как это объяснить, но, когда я его увидела, внутри меня словно кто-то шепнул, чтобы я не пугалась, потому что он не хочет обидеть меня и все такое... На самом деле кто угодно бы испугался, увидев человека, висящего в воздухе над цветами, но вышло по-другому. Я чувствовала, что не должна бояться. Потом я все рассказала моим тетушкам, но они не поверили. Только Карлота посмотрела на меня как-то странно, а потом ушла к себе в кухню. Вот и все. Тетушки не верят в призраков. Маме я решила ничего не говорить, потому что подумала, что это не обязательно, к тому же она не очень хорошо себя чувствует.

– Да, понимаю.

Элизабет поспешно допила шоколад и посмотрела на часы.

– Помню только, что выглядел он печальным. А потом исчез. – Она надела пальто и шапку и взяла книжку. – А сейчас мне пора домой. Ты был очень любезен... Джим.

– Рад с тобой познакомиться. Хочешь, я отвезу тебя?

– Нет, спасибо, я хочу вернуться пешком. Тетушки уже спят, и шум мотора их разбудит. Я добегу. Отсюда это всего через полторы улицы, я не замерзну. – Она улыбнулась.

Джим поднялся и подошел к двери.

– Тогда до завтра, дорогая Элизабет. Я очень рад нашему знакомству, честное слово.

– До завтра, Джим. Спасибо за все.

Он видел, как она поспешно удаляется в сторону ограды, открывает скрипучую калитку, аккуратно прикрывает ее за собой и бежит вниз по улице. Вскоре он улегся в постель. Только когда девушка ушла, он почувствовал, как сильно устал. В следующую минуту он уже крепко спал. Ему снилась женщина, висящая на балке под потолком. Женщина без лица, с зажатым в кулаке золотистым тюбиком губной помады. Стоя поодаль, он с ужасом и болезненным любопытством смотрел на едва заметно покачивающееся тело. Перед женщиной стоял старинное трюмо: семь ящичков с ручками в форме раковины и зеркало. Слова «привет», написанного на поверхности зеркала, он не увидел. Пол толстым слоем покрывала пыль, как будто в течение многих лет в доме никто не жил. Он встал на колени, уперся руками в пол. Брюки испачкались, но он не обращал внимания. Поверх слоя пыли он вывел указательным пальцем: «И ТЕБЕ ПРИВЕТ».

Африканские маргаритки зацветали весной. Они росли в самом живописном уголке сада, над которым днями напролет самоотверженно трудилась тетушка Карлота, добиваясь от лилий на клумбах максимальной красоты. Завершали буйство растительности ивы – невысокие деревья с шарообразными кронами, которые приобрели в Пойнт-Спирите большую популярность благодаря тому, что придавали композиции изящество и очарование. Когда Элизабет, окруженная этим сказочным пейзажем, качалась на качелях, она чувствовала себя Алисой в Стране чудес. Но сейчас, приближаясь к дому, она размышляла о другом. На самом деле она солгала, объясняя, что тетушки в курсе ее ночного визита. Однако другого выхода не было, и теперь ее будто бы окутывала целая паутина опасений и тревог. Джим Аллен был невероятно привлекательный мужчина! Да, он намного старше ее, зато у него молодежливое лицо, высокие скулы, чудесные, немного растрепанные матово-блестящие черные волосы и умные глаза. Но больше всего поражал Элизабет в этом человеке не интеллект, свойственный всем начитанным и образованным людям, а небрежное отношение к собственной известности, о которой при общении он попросту забывал – по крайней мере именно так казалось со стороны. Джим не задумывался о том, насколько он привлекателен для обыкновенных людей, которые его окружали.

Внезапно ее охватила эйфория, неистовый восторг, свойственный юным девушкам, которых очаровал культурный и образованный взрослый мужчина. Выйдя за порог его дома, Элизабет не избавилась от этого чувства и мечтала только о том, как бы увидеть его вновь. Ей хотелось говорить с ним о книгах, о чудесном городе Сан-Франциско, где она мечтала побывать, о его стремлении творить, изучать, познавать. Ей хотелось рассказать ему обо всех книгах, которые хранились в их домашней библиотеке, а может быть, даже показать ему эти книги.

Все эти мысли, желания, ощущения толпились у нее в голове, когда она вошла в дом и, стараясь ступать как можно тише, поднялась наверх. Если проснутся мама и тетки, ее ждут неприятности, да и беспокоить их не хотелось. Она неслышно прошла по коридору и на цыпочках вошла в комнату. Медленно закрывая за собой дверь, оглянулась: коридор и лестницу окутывал сумрак. Ни единого звука, ни единого движения воздуха не достигало ее ушей. Когда же она наконец оказалась под защитой своего

крошечного святилища, осторожность сменилась выбросом энергии. Она скинула с себя шапочку и кроссовки, поспешно разделась, надела ночную рубашку и нырнула под одеяло.

– Сожалею, что тебе наврала, – прошептала она: завтра Джим должен был явиться к ним в дом, и ее невинной лжи грозило разоблачение. – Но я так хотела с тобой познакомиться, а это был единственный способ.

Элизабет закрыла глаза, но сон не шел. Она возбужденно ворочалась с боку на бок, вспоминая Джима. Все ее существо было переполнено его обворожительной улыбкой. Несколько мгновений она припоминала, как растерянно выглядел Джим, обнаружив ее около своего дома. Не удержалась и захихикала. Лицо у Джима Аллена было выразительное – возможно, он сам не догадывался, до какой степени. Она поняла это в тот миг, когда увидела его в ночном сумраке. И потом, позже, – как жадно и преданно он на нее смотрел! А потом сказал, что она похожа на Катрину.

«Покажу ему письмо», – размышляла Элизабет. Это письмо они с Пенни нашли прошлой весной на чердаке и решили никому не показывать. Это была их тайна. Пожелтевший, ветхий листок бумаги она хранила в шкапулке, обтянутой изнутри бархатом, в тайнике с двойным дном и ни разу не перечитывала; у нее было ощущение, что это послание, эта очаровательная эпистола, каким-то непостижимым образом связано с призраком – в том случае если речь шла только об одном призраке, а не о нескольких. По крайней мере оно принадлежало людям, которые жили в их доме еще до того, как отец его купил. Она вспомнила красивый почерк, ровный наклон букв, элегантные завитушки, украшавшие это признание в любви, такое искреннее и возвышенное. А еще – страх...

Тот, Кто Шепчет. Так назвала его мать в тот день, когда хоронили сестру. Но Элизабет ничего не поняла. Она не знала, что означают эти слова. И не могла объяснить смертельный ужас, застывший в глазах матери, когда она их произнесла. Да, что-то случилось много лет назад, когда Пенни была еще младенцем, а ее, Элизабет, мать отводила в школу за ручку. Вернувшись в обед, Элизабет обнаружила, что тетушки чем-то встревожены. Кроватьку Пенни вынесли из комнаты и поставили в гостиной, и по какой-то необъяснимой причине ни одна из сестер, включая мать, не отходили от нее ни на шаг. Элизабет было четыре года, и в тот день ее маленький разум не отметил ничего необычного. Тетушка Карлота объяснила, что комнаты наверху проветриваются и сквозняки могут навредить здоровью младенца. Позже, годы спустя, она вспомнила тот эпизод, который видела глазами маленькой наивной девочки, и ей стало ясно: тетки и мать что-то от нее скрывали. И сейчас, будучи почти уже

взрослой шестнадцатилетней девушкой, она сознавала: в то далекое апрельское утро что-то напугало ее семью, напугало до такой степени, что они боялись отойти от сестренки. Может, это был он – человек в безупречном костюме-тройке с волнистыми волосами? Но... если это был он, что плохого мог сделать юноша с печальными глазами? Или же в доме было что-то еще и это что-то напугало ее семью?

Несмотря на все эти мысли, страшно Элизабет не было. Лицо человека, которого она видела в саду, было серьезным и сосредоточенным. А глаза – печальными. И все же она так и не решилась рассказать про него матери и теткам. Она не могла признаться, что в те краткие секунды, в продолжение которых рассматривала человека, ее переполняли тревога и беспокойство. Даже Джиму она не сказала, по крайней мере в их первую встречу, что созерцание высокого изящного силуэта наполнило ее предчувствием, что очень скоро что-то произойдет, случится что-то ужасное и никто не сможет этому помешать. И все же – почему он явился именно к ней?

«Да, я видела человека в саду и он был похож на призрак, – размышляла Элизабет. – Но глаза его выражали печаль, отчаяние... и что-то еще. А потом он так странно улыбнулся, как будто что-то замышлял. От таких улыбочек мороз идет по коже. Сразу ясно: жди беды. Двусмысленность сбивает с толку, заставляет тебя сомневаться».

– Тот, Кто Шепчет... – прошептала она. Занавески тихонько качнулись в ответ, но она не заметила. – Скажи, кто ты?

И, произнеся эти слова, она уснула, думая о своей сестре.

Ночную тишину уснувшего города наполняли таинственные звуки. Если напрячь слух, можно было уловить множество едва различимых шумов, доносившихся из каждого уголка. Где-то вдали, окутанный облаком пыли, автомобиль несся по сельскому шоссе, соединявшему Пойнт-Спирит с Брайдел-Вейлом. Брэди Роуз мурлыкал себе под нос, подпевая песенке, доносящейся из радио. Из рта у него торчал косяк, скрученный собственными руками. Патрик Грант, сидевший за рулем, мысленно перебирал варианты отмазок, которые имелись у него про запас на тот случай, если отец внезапно обнаружит, что единственный отпрыск не собирается поступать в этом году в университет.

Тяжелый осенний туман сползал по горному склону и заволакивал окрестности. А Патрик размышлял о причинах своего упорного нежелания заниматься чем-либо, связанным с учебой. В Принстон ему неохота, в Гарварде тусуются одни задроты в галстуках, а Йель и Стэнфорд прислали краткое, но вежливое письмо, в котором его благодарили за проявленный интерес, а в последнем абзаце пнули под зад. Разумеется, во всем этом Патрик видел знак судьбы, указывающий на то, что ему стоит выбрать какую-то иную жизнь, а не ту, которую задумали для него родители. Мать всю дорогу твердила, что Портлендский университет не так уж плох, к тому же, учась там, ребенок будет поближе к дому. Патрик был парнем ленивым и не привыкшим к серьезным усилиям, тем не менее такая идея была ему не по душе. Ему хотелось чего-то покруче. Не тратить же на учебу еще пять лет жизни! С другой стороны, не хочется становиться таким, как мать, которая вкалывала в своем магазине на полторы ставки, чтобы обеспечить сносную жизнь семейству из трех человек, а заодно и вторую ипотеку за дом – виной всему была папашина страстишка к игре и его собственное чрезмерное увлечение игровыми автоматами.

– Да ладно тебе, Патрик. Ты же не собираешься застревать в этом чертовом городишке на всю жизнь, – проворчал Брэди, не отрывая глаз от несущейся навстречу дороги, и протянул приятелю косяк. – Как и все мы. Довольно тупо с твоей стороны, чувак, отказываться от Портленда. В первый год яйца от учебы слегка попотеют. Заодно будешь продавать сэндвичи. Ну да, а чего такого-то? Зато уедешь отсюда.

Патрик лениво повернул голову и выгнул брови.

– Можно подумать, ты знаешь, что делать с жизнью...

Брэди повернулся, сунул руку под сиденье и достал банку пива. Шумно ее откупорил, залив пивом джинсы, но это нисколько его не расстроило.

– Неблагодарный ты чувак, – пробормотал он.

– Неблагодарный? – Патрик расхохотался. – Ну ты даешь! И чего ты все время используешь такие тупые словечки? Это ж надо! Какого черта вообще означает это твое – «неблагодарный»?

– Короче, неблагодарный чувак, – спокойно продолжал Брэди, – я и правда хочу свалить из этого городишки. Хотя бы на время. Может, на год. А потом, глядишь, и вернусь весь такой – на красной спортивной машинке, с офигенной работой. Твоя проблема в том, чувак, что ты влюбился в эту твою Суси, а ей до университета еще целый год. А прикинь такой вариант: ты отказываешься от Портленда, а Суси про это узнает и посылает тебя куда подальше.

Слова Брэди внезапно вызвали в Патрике приступ необъяснимой паники. Он поднял глаза и всмотрелся в темноту ночи. Не произнес ни слова, глубоко затянулся гашишным дымком, нажал на газ и в два счета оказался у поворота дороги, окружавшей холм, на котором располагалась лесопилка.

– Не могу понять, – прошептал Брэди, – почему бы тебе не подумать о себе, приятель.

– Не беспокойся, чувак. Я о себе целыми днями думаю. Но у нас с тобой разные обстоятельства. Я не про Суси, а про кучу всего, что свалится на мою мать, если мне не дадут эту чертову стипендию. Ты хороший студент, и папаша у тебя не гребаный транжира и не игровой маньяк. К тому же у тебя этот чертов талант к живописи, а это само по себе открывает перед тобой кучу дверей. А я? Так, дерьма кусок.

Патрик задумчиво уставился на извилистую полосу шоссе и на далекие огоньки, мерцавшие в той стороне, где притаился Пойнт-Спирит. Его охватило глубочайшее уныние. Он понимал, что Суси вряд ли останется с ним на всю жизнь: все хорошее рано или поздно кончается. Сколько раз он про это думал? Наверное, слишком много. Иногда, запершись в комнате и не включая свет, он спрашивал себя, может ли юношеская любовь испортить всю оставшуюся жизнь, может ли человек продолжать жить после того, как ему разбили сердце или если он видит, что отношения неизбежно подходят к концу. Для Суси разрыв был бы вполне естественным делом и означал бы свободу, но для него это был бездонный темный колодезь.

– Тупо все это, – хмыкнул Брэди и отхлебнул пиво. – Давай смотри на

дорогу, неблагодарный чувак, а то впишемся в дерево. Способность к живописи у меня есть, но это не означает, что в итоге я не превращусь в уличного мазилу, который рисует шаржи за пару долларов. Гарантий никаких.

Он нажал на кнопку радио и поменял канал.

– Оставь то, что играло, Брэди, – буркнул Патрик: его выводила из себя противная манера Брэди не дослушивать песню целиком. – Мне нравилось то, что было.

– Неблагодарный... – насмешливо буркнул Брэди. – Включи дальний свет, не видно ни шиша.

Радио изрыгнуло серию неопределенных потрескиваний, и салон старенького «Шевроле» заполнил странный женский голос: «На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин. На каменной дороге танцует принцесса».

Услышав эту нелепую песенку, парни переглянулись и расхохотались.

– Что за фигня? – воскликнул Брэди. – Прямо как моя сестренка Роуз на школьной перемене.

– Убери это дерьмо, чувак.

Брэди нажимал на кнопки, но нежный голосок упорно бубнил одно и то же: «На каменной дороге танцует принцесса...»

– Держи косяк покрепче, чувак.

– Брэди, блин, смени радиостанцию!

«У нее чудесный гребень из мелких жемчужин», – не умолкало радио.

Патрик оторвал взгляд от шоссе и принялся сам лихорадочно жать все кнопки подряд в уверенности, что приятель ненароком сломал отцовское радио, но необычная ситуация его забавляла. Внезапно он вскинул голову: какая-то темная фигура откуда ни возьмись появилась посреди дороги и, покачиваясь, понеслась им навстречу.

– Патрик! – крикнул Брэди, но приятель крутанул руль влево.

– Чертово дерьмо! Это же Томми! Но, блин, какого черта?..

Машина угодила колесом в канаву, затем подпрыгнула и стремглав понеслась по лесу. Патрик ударил по тормозам, но машина не слушалась.

– Господи! – завопил он.

– Блин, Патрик, здесь же деревья! Тормози, идиот! Тормози!

– Тормоза не работают!

– Придурок! Мы сейчас...

Это было последнее, что Патрик услышал. Голос друга затерялся где-то в дальних уголках его сознания: «Шевроле» врезался в дерево, взвыл и

закрутил вхолостую колесами, уничтожая все на своем пути, пока наконец не застрял в одном из ущелий и не застыл мордой вниз.

Облачко пыли поднималось над рощей, а радио по-прежнему напевало: «На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин... Привет, чуваки!»

Она потуже затянула пояс, чтобы ледяной ночной воздух не заползал под пальто. Надела перчатки, повязала шарф и вышла из дома. Как только она оказалась за дверью, в лицо ей ударил порыв ветра. Амелии хотелось, чтобы температура хотя бы немного повысилась, даже если при этом начнется снегопад. Никогда не привыкнет она к такому суровому климату, к этим зимним ночам, когда сырость и холод пробирают до костей. Она любила снег, однако дождь вызывал в ней необъяснимое уныние, иной раз даже меланхолию. Она посмотрела на тучи, которые сейчас, в эту ночную пору, стремительно неслись, закрывая собой небо. Ей хотелось увидеть звезды. Шагая по улице, она думала о своей племяннице Элизабет. Как ужасно, что ничего нельзя сделать. В этом заключалась та часть ее обязанностей тетушки, которую она ненавидела: как бы она ни старалась, как бы ни хлопотала день за днем, рано или поздно возникали ситуации, которые она не могла контролировать, не могла разрулить с той поспешностью, какую все от нее ждали. Пытаясь утешить младшую сестру после гибели мужа, она понимала, что это и есть горькая правда жизни, с которой невозможно смириться.

«Тот, Кто Шепчет», – вспомнила Амелия. В какой-то миг у нее закружилась голова: ей показалось, что на противоположной стороне улицы стоит какой-то человек.

Она шла по обледенелому тротуару, и мучительные мысли постепенно отступали. По пути ей встречались затянутые льдом лужицы. Несколько раз приходилось замедлить шаг, чтобы не поскользнуться на плитках и не упасть. За спиной слышались торопливые шаги, она обернулась, чтобы увидеть, кому они принадлежат. Но улица была пуста. В такую холодную ночь люди старались поменьше выходить из дома, а огоньки фонарей были слишком слабы, чтобы разглядеть дальний конец бульвара. Амелия продолжила путь, пока шаги не слышались совсем близко, так что пришлось посторониться. К ней приближался какой-то человек в наброшенном на голову капюшоне. Амелия испугалась и попятилась.

Человек остановился и скинул капюшон.

– Боже, Роберт... Чуть до смерти не напугал! В темноте я подумала, что это привидение. Что ты здесь делаешь?

– Просто решил пройтись. Ты же знаешь, со мной такое случается. Да и тебе, вижу, не сидится дома. Куда путь держишь?

Амелия почувствовала, как забилось сердце, и глубоко вздохнула. В обществе пастора она всегда немного терялась.

– Так, вышла прогуляться. Сестра наконец уснула, а Карлота с племянницей смотрят кино по телевизору. Хотела подышать свежим воздухом...

Роберт одарил ее обворожительной улыбкой и потупился, словно чего-то недоговаривая.

– Скажи... Не согласишься ли ты со мной поужинать? Просто так, это тебя ни к чему не обязывает. Уже поздно, но вдруг ты захочешь сделать глоточек вина и поболтать.

Лицо у Амелии вспыхнуло, как от пощечины. К счастью, было темно, и пастор ничего не заметил. Кожу на щеках будто бы жгли раскаленные угли. Румянец, который она всю жизнь ненавидела, предательски разливался по всему телу. Она так и не привыкла краснеть.

– Ох... не знаю, дорогой Роберт... Я до сих пор не оправилась от испуга, – соврала она. – А впрочем, согласна. Спасибо за приглашение.

– Правда? Отлично! Обожаю готовить. Иной раз это единственный способ обратить ближнего в свою веру. Готовлю исключительно для других, – улыбнулся пастор.

Он махнул рукой, приглашая следовать за собой. Они пересекли темный бульвар и вскоре оказались возле его дома. Жилище пастора полностью соответствовало своему хозяину: классический особняк, отделанный светлой древесиной, под двускатной серой крышей. Сколько раз Амелия спрашивала себя, почему ей так любопытно рассматривать чужие дома, и всегда приходила к одному и тому же выводу: они много рассказывают о людях. Она неторопливо поднялась по ступенькам, рассматривая сад: аккуратно подстриженная живая изгородь, тусклые фонарики вдоль дорожки. Роберт шагал впереди. Он открыл дверь, отодвинул москитную сетку и пригласил ее внутрь. Гостиная также напомнила сад: уютная, прибранная. Кресла цвета охры, камин; вдоль стен – открытые стеллажи, уставленные рядами книг... Стол с каменной столешницей, деревянные лестницы, перила, выкрашенные белой и серой краской. Очень милый дом.

Амелия сняла пальто, робко приблизилась к обеденному столу, круглому и просторному, и уселась на один из стульев. Роберт отправился в кухню проверить, не сгорело ли жаркое в духовке, и она наконец расслабилась и даже успокоилась. Этот гигант со смуглым лицом и светлыми глазами покорила ее сердце. Она любовалась гостиной, а в голове шевелился привычный уже вопрос: как могло случиться, что такой человек,

как Роберт, до сих пор не женат? Подумав об этом, она снова покраснела. От нее не укрылось, что Роберт украдкой на нее посматривает. Она предлагала помощь в приготовлении ужина, но он отказался. Налил немного вина и разжег камин, чтобы тепло проникло в каждый уголок его дома.

Двигаясь ловко и бесшумно, Роберт накрывал стол, и через несколько минут все было готово.

– Подумать только: жаркое в духовке, пробежки по улицам, порядок в доме. Ты – завидная партия, – пошутила Амелия, прихлебывая вино из бокала. – Странно, что такой мужчина, как ты, не женат и даже ни с кем не встречается. Между прочим, у тебя чудесный дом.

Пастор вскинул брови, от чего глаза его сделались огромными.

– То же самое я мог бы спросить о тебе, дорогая Амелия. Но ответа на твой вопрос у меня нет. Скорее всего, просто потому, что я так и не встретил подходящего человека. К тому же современным девушкам со мной скучно.

Амелия улыбнулась и смущенно покашляла. Он смотрел на нее пристально, не мигая: от этого взгляда ей делалось неуютно.

– Не смейся. Я серьезно. Так что ты скажешь про себя?

– Пожалуй, я тоже пока не встретила правильного человека. – Она пожевала кусочек мяса, и на ее лице отразилось удивление. – Ого, Роберт, да ты действительно превосходно готовишь. Очень вкусно!

– Думаю, твоя жизнь изменилась за эти годы. Ты поглощена сестрами и племянницей. Иной раз у человека не остается времени для себя самого...

– Сложно выбирать между долгом и личной жизнью. Мне от многого пришлось отказаться, когда я решила заботиться о сестре и племянницах... Да, ты прав... я почти не думала о себе... – она посмотрела на пастора с благодарностью и улыбнулась. – А тебе не приходило в голову уехать из Пойнт-Спирита?

– Еще бы. Много раз. Когда-то я занимался наукой, которая занимала все мое время, а здесь я лишен этой возможности. Но уехать непросто. Существуют узы, которые привязывают меня к этому месту.

Амелия осушила бокал. Все, пить она больше не будет. Ей и так хорошо. Сколько времени прошло с тех пор, как мужчина последний раз угощал ее ужином, приготовленным собственными руками? Часто ли кто-то расспрашивал ее о себе самой? Однако напиваться не следовало, тем более она давно не пила, поэтому было рискованно.

– Человек привыкает к одиночеству, – продолжал Роберт. – С

партнером всегда сложнее. Думаю, ты со мной согласишься. Твоя жизнь принадлежит только тебе, ты все делаешь, когда захочешь, никто не роется в ящичке с носками, где ты навела порядок...

– Верно, – Амелия улыбнулась, но в следующей миг снова стала серьезной. – Отец часто говорил, что одиночество – состояние настолько комфортное, что все происходящее вокруг беспокоит человека гораздо меньше. Любовь делает нас уязвимыми. Думаю, ты меня понимаешь. Жить в одном доме с другом или братом – совсем не то, что жить вместе с супругом. Супружество порождает связь иного рода, а заодно и зависимость. С другой стороны, если ты одинок, кое-что дается сложнее.

– Например, сходить в кино?

Амелия рассмеялась.

– Да, сходить в кино.

Повисла тишина, которая ни ему, ни ей не казалась напряженной. Роберт вытер губы салфеткой, соединил пальцы рук и поставил локти на стол.

– Ты сильная женщина, Амелия, и занята благородным делом, помогая сестрам.

– Не льсти, – улыбнулась она.

Роберт с невинным видом пожал плечами.

– Разве это лесть? Я всегда считал, что в житейских перипетиях вы, женщины, гораздо выносливее нас, мужчин. Да, мы сильнее физически: крупнее, грубее... Допустим, я могу поднять автомобиль одной рукой, но как только речь идет о переживаниях... – он умолк, подбирая слова. – Вы, женщины, мудрее и решительнее.

Амелия отодвинула тарелку и задумчиво разглядывала белую вышивку на скатерти.

– Ты очень добр к нам, Роберт. Ты всегда нам помогаешь, так же как и Алан. Мы тебе очень благодарны.

– Какие пустяки. Не нужно никаких благодарностей.

Амелия вспомнила, как впервые увидела пастора в церкви. Звучание его голоса показалось ей тихим, несмелым, но самое главное – искренним. Роберта никто не перебивал, даже если ответ его был неточен или же он сам признавался, что не знает ответа. А у Амелии в голове вечно вертелась одна незатейливая мысль: стоящий на кафедре Роберт Маркусо казался божеством.

Роберт вышел из-за стола. Через мгновение он вернулся, неся на подносе фрукты и кусочки мандаринового торта.

– Ради сестры ты оставила Сан-Франциско, преподавание, всю свою

обустроенную жизнь. Неслыханная щедрость. Но со временем тебе все же придется подумать о себе самой.

Амелия аккуратно положила ложечку на край фарфорового блюдца и подняла глаза на Роберта. Тот смотрел на нее своим мягким, добрым взглядом, но на лице его явно читалось, что ей необходимо задуматься над этой фразой.

– Ты прав, но это непросто. Есть вещи, которые я не могу оставить прямо сейчас.

Пастор кивнул. Казалось, он уловил ее неуверенность и беспокойство. Он покачал головой и взял Амелию за руку, словно желая вернуть в реальный мир.

– Со временем все встанет на свои места. Проблема в том, что все происходит слишком быстро. У тебя прелестная племянница, и сейчас очень важно, чтобы Мэри Энн нашла в себе хотя бы немного внутреннего света и выбралась из колодца. Все прочее устроится само собой. Ты молодая, красивая.

Рука Роберта все еще лежала на ее руке. Подумав об этом, Амелия ощутила легкий озноб и осторожно высвободила руку.

– Хочешь кофе?

– Спасибо... Я... Надо отправить сообщение Карлоте, не хочу, чтобы она беспокоилась. Я пообещала, что скоро вернусь.

Она посмотрела на часы: нет еще и одиннадцати. В доме у пастора было уютно, ей хотелось, чтобы вечер продлился чуточку дольше. Роберт откинулся на спинку стула и вдруг протянул руку и несмело провел пальцами по ее волосам. Этот ласковый жест напомнил ей об отце: легкая, беглая ласка близкого человека, желающего своим прикосновением сказать: «Все будет хорошо». Затем он вновь отправился на кухню, а она исподволь наблюдала, как он открывает дверцы и ящики, как с присущей ему спокойной уверенностью заряжает машину для варки кофе. Черные спортивные штаны и толстовка его молодили. Она не могла определить возраст Роберта, хотя точно знала, что старше его на год или два. В этом человеке ей нравилось все, но в первую очередь – смирение и терпение, которые предполагала его профессия. К тому же он был остроумен, что редко встречается в людях, настолько привлекательных внешне. Ей нравились его манеры, его ненавязчивый способ прикасаться к ней, отсутствие попыток вызвать ее на откровенность, а также скрытого желания, которое она обычно встречала у мужчин в определенные моменты, за ужином или беседой. Погрузившись в эти мысли, она почувствовала себя занудой. А может, пора бы уже перестать беспрерывно

анализировать поведение других людей? Она снова перевела взгляд в сторону кухни: опершись на черную гранитную столешницу, пастор распечатывал пакет с сахаром, собираясь высыпать его содержимое в фарфоровую сахарницу. Внезапная мысль вернула Амелию в реальность, и она поспешно отправила сообщение Карлоте, чтобы та не волновалась. Она старалась не замечать пробуждавшееся в ней желание. Когда же вновь посмотрела на Роберта, желание это сделалось почти нестерпимым. Ей хотелось его поцеловать. Она всегда об этом мечтала... Она повернулась к окну, и холодок пробежал у нее по коже. Она вновь ощутила чужое присутствие. Словно кто-то осторожно рассматривал ее с той стороны оконного стекла. «Это деревья», – успокаивал рассудок. Ветки ив, роняющие на окошко чуть заметные тени. Но уверенности в этом у нее не было.

Там, снаружи, что-то было, и это что-то было недобрым...

– Итак, мой вечерний забег не состоялся, но я этому только рад. Ты даже не представляешь, как я люблю поболтать...

Голос пастора вывел ее из задумчивости, она покраснела, как свекла. Снова этот проклятый жар в щеках! Кажется, Роберт тоже его заметил: ставя на стол поднос с кофейными чашками, он покосился на нее немного озадаченно.

– С тобой все в порядке?

Амелия глуповато улыбнулась и с преувеличенной поспешностью схватила одну из чашек.

«Нет, ничего не в порядке. Похоже, я влюбилась», – подумала она, но вслух произнесла:

– Я просто задумалась. Видишь ли... трудно принять все это, Роберт. Иногда мне кажется, что вот сейчас открою калитку, войду в сад, а там на качелях – Пенни.

– Это надо пережить, Амелия. Но ты обязательно справишься.

– Жаль, что испортила тебе пробежку. – Ей хотелось сменить тему. Она наклонилась к чашке и чуть не поперхнулась.

– Перестань, что за глупости? Я и пробежку-то еще толком не начал: так, прогуливался. Сперва разминаюсь, а потом уже перехожу на бег. К тому же мне нравится твое общество.

– У тебя уютно... Так непривычно ужинать в обществе мужчины, – пробормотала Амелия. Румянец так и не сошел полностью с ее лица, хотя прошло много времени. Но в целом она чувствовала себя лучше. – С мужчинами даже во время ужина приходится защищаться. А мы с тобой так славно болтаем...

Роберт усмехнулся и похлопал ее по плечу.

– Даже не знаю, стоит ли воспринимать это как комплимент.

– И я не знаю, – добавила она. – Но все именно так.

Она покосилась на внешнюю часть его руки. Ни намека на растительность, ни единого волоска. Пастор делает себе эпиляцию? Почему-то эта нелепая мысль подействовала на нее так сильно, что от волнения у нее голова пошла кругом.

– К сожалению, утратил спортивную форму за столько лет, – произнес Роберт, ставя на стол недопитую чашку. – Ты, наверное, решишь, что я полоумный, но иногда мне кажется, что я родился не в свое время. Я ценю мелочи, жесты... Наблюдаю иной раз за тем, как общается друг с другом молодежь у нас в городе, и просто оторопь берет.

– Рассуждаешь, как старенький дедушка, – улыбнулась Амелия. – Сколько тебе лет? Мы так давно знакомы, а я до сих пор не знаю.

– Тридцать восемь. Да, я рано состарился, так получилось. Я оставил прежнюю профессию, чтобы стать пастором, потому что когда-то обещал своему деду. Я всего лишь хочу, чтобы мир менялся чуть медленнее, и если того же самого хотят старики, значит, ты угадала...

Он придал своему лицу страдальческое выражение.

– Какой же ты старик? – возмутилась Амелия. – Как тебе не стыдно! Я на год старше тебя... Алан говорил, что раньше ты изучал психологию. Тут мы с тобой в некотором смысле совпадаем. Ты отверг уже состоявшуюся жизнь, выбрал другой путь. – Она улыбнулась. В один миг к ней вернулась уверенность в себе, которую она потеряла, перешагнув порог этого дома. – Ты славный парень, Роберт, и никакой не старик... – она погладила его по руке. – Ты всего лишь защищаешь принципы, которые много лет назад вышли из моды.

Амелия вздохнула и откинула за плечи свои длинные волосы. В кофте, надетой поверх платья, становилось жарковато. Она расстегнула верхнюю пуговицу и откинулась на спинку стула. Внезапно ей захотелось еще вина, но она взяла себя в руки и решительно встала.

– Уходишь?

– Завтра много дел. Помогу тебе вымыть посуду, и...

– Помогать совсем не обязательно, – отозвался Роберт. – Возвращайся домой и отдохни. Спасибо, что посидела со мной.

Она направилась к двери, но обернулась и чмокнула его в щеку. На мгновение она закрыла глаза: ей так хотелось остаться в этом доме. Роберт мягко отстранился и с улыбкой открыл входную дверь.

– Поцелуй от меня сестер и девочку.

Амелия кивнула и еще раз его поблагодарила. Затем надела пальто и вышла на улицу. Вскоре она уже шагала к дому. В душе она чувствовала пустоту. Она вспоминала, как впервые увидела Роберта, когда приехала в Пойнт-Спирит после смерти Виктора. Вспомнила ряды церковных скамеек, доходящих почти до клироса. Он сидел в первом ряду, напротив алтаря. Шагая по центральному проходу, она видела впереди широкую сгорбленную спину. Казалось, сидящий молится. Его локти упирались в колени, а переплетенные пальцы загораживали лицо. Заметив ее приближение, он выпрямился и посмотрел на нее своим мягким понимающим взглядом...

– Эта похоть сожрет тебя, детка...

Амелия обернулась. Бешено забилося сердце. Кто это сказал? Улица была пуста. От дома Роберта ее отделяло всего несколько метров, но что-то будто бы двигалось с ней рядом – что-то, чего видеть она не могла, но при этом ясно ощущала чужое присутствие.

– Напрасно терзаешься. У этого святоши куда больше тайных грешков, чем у тебя... – голос хихикнул. – Если бы ты только знала, что он хотел бы с тобой сделать, со всех ног понеслась бы назад и кинулась ему на шею... Тупая ты сучка.

– Кто ты? – крикнула она, и голос эхом отозвался у нее в голове.

– Огонь, пожирающий тебя изнутри... – снова хихикнул шепот.

Она сделала шаг назад, споткнулась о бордюр и плюхнулась задом на мостовую. До нее донесся странный порыв ветра: ледяной, но в то же время обжигающий сквозняк дохнул ей в лицо, заплясал вокруг тела, просочился между ног.

– Ну же, Амелия?

– Дождь, – пробормотала она, теряя сознание. – Слишком сильный дождь...

* * *

Открыв глаза, она обнаружила себя в гостинной преподобного Роберта. На лбу у нее лежало что-то вроде влажной марли. Роберт с кем-то разговаривал по телефону.

– Не беспокойся, – донеслось до нее. – Как только дождь утихнет, отвезу ее домой. Она ушиблась. Конечно, я что-нибудь ей дам, не может же она возвращаться в таком виде.

Ее густые волосы рассыпались по диванным подушкам цвета охры. Она потрогала виски: голова болела нестерпимо. Она не могла вспомнить, что с ней произошло. А впрочем...

– Роберт, ты здесь?

Преподабный нажал отбой и поспешно вернулся в гостиную.

– Уф, перепугала меня до смерти. Ты упала возле дома и ударилась головой о мостовую. К счастью, я как раз вышел вынести мусор. Ты... ты лежала на тротуаре, раскинув руки и ноги. Господи...

Амелия не знала, плакать ей или смеяться.

– Этот голос... – пробормотала она. – Как ты сказал? Раскинув руки и ноги?

Роберт присел на диван. Убрал с ее лба прядь волос, запутавшуюся в мокрой марле.

– Представь себе. Даже не знаю, какими словами описать, как это выглядело. Боже, до чего ты меня напугала. Должно быть, поскользнулась на льду. Я позвонил твоей сестре, предупредил, чтобы не волновалась. Отвезу тебя домой, тебе пока не стоит самой передвигаться.

«Раскинувшись»... Это слово очень не понравилось Амелии. Она приподнялась на локте. Платье было мятым, мокрым, подол перепачкан грязью.

– Тебе надо снять эту одежду. Принесу тебе что-нибудь переодеться.

– Ох, Роберт...

Она говорила шепотом. Его преподабие взбежал по лестнице, перескакивая через ступеньку, и вряд ли слышал ее слова. Перед глазами Амелии стояла безобразная сцена: ее тело лежит на тротуаре, распластавшись в форме морской звезды. Ей хотелось расхохотаться, но боль в голове и в боку сделалась такой сильной, что она застонала. Похоже, и вправду крепко приложилась.

– Думаю, это тебе подойдет, – послышалось на лестнице.

Роберт спустился в гостиную и разложил на столе спортивные штаны, рубашку и свитер с высоким воротом. Амелия заподозрила, что ее нижнее белье тоже промокло насквозь, как и все остальное, в чем вскоре и убедилась, усевшись на диване и одернув задрвшуюся юбку.

– А может, горячий душ? – пробормотал пастор, напрасно стараясь выглядеть серьезным. – Прости, Амелия... Но ты сейчас...

– Ужасно выгляжу? – Она поспешно сняла с волос несколько прилипших листьев, марля шлепнулась на пол с противным мокрым звуком. – Боже, да я вся мокрая! В грязи с ног до головы. Не представляю, как это могло случиться. Страшно представить, в каком виде ты меня

подобрал. Стыдобища...

Она вздохнула и опустила глаза.

– Да, и вымокла, ну и что? – заметил Роберт. – Ничего другого не могу тебе предложить, к сожалению... – Похоже, теперь и он чувствовал всю нелепость ситуации. – Пойду поищу что-нибудь, чтобы надеть вниз. В конце коридора ванная, можешь принять душ. Полотенце я принесу.

– Какой кошмар, – Амелия увидела собственное отражение в одном из окон гостиной и окончательно пала духом. – Я похожа на мокрую крысу!

Почему-то это восклицание вызвало у Роберта приступ безудержного веселья. Он захохотал, как будто нервное напряжение разом оставило его и ситуация разрешилась.

– Буду тебе очень благодарна, – сказала Амелия. – Не надевать же штаны на голое тело. Понимаю, ты не из тех мужчин, которые хранят у себя в шкафу забытое девушками белье, но что-нибудь у тебя найдется.

– Да, выражаешься ты с редкостной прямоотой, – подметил Роберт. – Пойду принесу полотенце и поищу что-нибудь подходящее. Мне жаль, Амелия... Прости меня за этот смех. Когда я нашел тебя на тротуаре, у меня от страха чуть инфаркт не случился, но сейчас я вижу, что ты в порядке и все это выглядит даже по-своему забавным.

– Раскинувшись...

– Типа того, – пастор не выдержал и опять улыбнулся. – Ничто не укрылось от дерзкого взгляда.

– Господи...

Он вышел на улицу вынести мусор, когда машина пастора затормозила у ворот перед домом. Запахнул махровый халат, чтобы уберечься от холода, и замедлил шаг. Пастор приоткрыл окошко со стороны пассажирского сиденья и поздоровался.

– Не слишком ли поздний час для прогулок, а, Дэнни?

Он всегда беспокоился за этого мальчика, особенно когда узнал про драки на перемене, оскорбления на детской площадке и регулярные визиты в отделение неотложной хирургической помощи, пока мальчик не научился давать сдачи. Со временем Дэнни как будто привык, и многое ушло в прошлое: страх идти в школу, беспокойства о том, что скажут одноклассники, если он не запишется в бейсбольную команду. Иногда он заходил в церковь и присаживался на последний ряд. Никто из прихожан не обращал внимания на двенадцатилетнего мальчика. Люди были слишком озабочены тем, чтобы Бог исполнил их очередное несбыточное желание, чтобы заметить сгорбленную фигурку, которая, открыв рот, внимала проповеди преподобного Роберта, а также чудесным историям, которые пастор заимствовал из Библии и пересказывал своим мягким спокойным голосом. Изредка Дэнни и пастор ели мороженое в кофейне «Коконут», что крайне не понравилось матери Дэнни, когда она об этом узнала. Не зря она то и дело твердила, что вся эта церковная чепуха – молитвы, слезы, раскаяние – всего лишь старомодные глупости. Ее почему-то раздражал веселый и оптимистичный Роберт Маркусо, и Дэнни так и не добился от нее, что именно ее беспокоило. Что-то, конечно же, было... Но он про это не знал.

– Привет, Роберт. Я только на секунду, вынести мусор.

– Одевайся теплее, Дэнни, – посоветовал пастор. – Сейчас холодно, простудишься. Я провожаю Амелию Морелли. Дорога – сплошной каток.

Мальчик улыбнулся. Пастор умел поднять ему настроение несколькими самыми простыми словами. Иногда Дэнни испытывал сильнейшее желание побеседовать с ним наедине, рассказать про все свои страхи и потаенные желания. Мальчик понимал, что только с этим человеком может поговорить обо всем, что пастор его поймет, потому что заботится о слабых и уязвимых – а именно таков Дэнни. Он чувствовал себя одиноким, очень одиноким, и главное – слабым.

– Спасибо, преподобный Роберт. Спокойной ночи, – сказал мальчик и

помахал рукой.

Роберт дождался, пока Дэнни скроется в доме и закроет за собой дверь, и, немного успокоившись, продолжил путь. Дэнни проследил, как удаляются габаритные огни внедорожника. Только когда они исчезли в тумане, клубившемся над дорогой, он наконец поднялся к себе в комнату. Мать смотрела кабельное телевидение, по которому шел один из ее любимых сериалов, а отец дремал в кресле с газетой на груди, уронив недокуренную сигарету в пепельницу, откуда поднимались клубы дыма.

– Привет, солнышко.

– Добрый вечер, мама, – отозвался мальчик.

Картина красовалась перед ним на стене, подвешенная на затейливый зеленый крючок. Простая сосновая рама обошлась матери всего в четыре доллара. Все по-прежнему: у четвертой овечки видны лишь задние ноги, белье сушится на веревке. Крошечное окошко с едва различимым пятнышком в центре. Ясное синее небо над горами и зеленой лужайкой.

Дэнни посидел на краешке кровати, рассматривая картину. Этот пейзаж непостижимым образом притягивал его внимание, очаровывая и одновременно пугая. На мгновение ему показалось, что белье на веревке качнулось. Овечки не шевелились, но облака, нарисованные легкими, почти прозрачными мазками, явно плыли по небу.

– Неужели опять? – прошептал мальчик. Он готов был поклясться, что ему в лицо дохнул ветер: потоки воздуха, напитанные ароматом цветущей лаванды. Что-то коснулось его лица, он перевел взгляд: его дрожащие пальцы осторожно сжимали стебелек растения. Синеватые колючки ясно вырисовывались на фоне белого махрового халата. Дэнни замер. – Как это может быть...

Медленно поднялся, держа травинку в руках. В лицо дохнуло полуденным жаром, изображение на картине начало стремительно меняться. Теперь там был человек. Он стоял возле каменного домика. Человек в черной шляпе и пальто. С неподвижными, будто мертвыми глазами.

«Нет, этого не может быть. Это невозможно. Невозможно. Невозможно», – мысленно произнес Дэнни.

Он повторил это про себя раз, другой, медленно пятясь к кровати и не в силах оторвать глаз от человека, который по мере приближения Дэнни становился все больше, все объемнее. Оказавшись на кровати, мальчик сначала прижался к изголовью, затем перескочил через него, теряя голову от страха. Ему хотелось кричать, звать родителей, но он был не в силах даже шевельнуться, произнести слово или хотя бы заплакать. Охваченный

паникой, он слышал, как деревянная рама трещит и бьется о стену. Уголок комнаты, доступный его взгляду, качнулся и поплыл. Он зажмурил глаза в то самое мгновение, когда лампочки в люстре под потолком замигали и одна за другой погасли и комната погрузилась во мрак. Мальчик поглубже вдохнул, проглотил слюну пересохшим ртом. Он попытался издать какой-нибудь звук, но горло не слушалось. Тело ему больше не подчинялось.

«Боже, сделай так, чтобы он ушел. Не дай ему схватить меня. Не дай ему ко мне прикоснуться», – мысленно взмолился Дэнни.

Он открыл глаза: это была единственная часть тела, которую он все еще мог контролировать. Человек в шляпе и длинном пальто стоял перед ним. Желтоватый свет уличных фонарей отбрасывал ему на лицо причудливые тени. Человек смотрел на Дэнни. И тут все переменялось. Тело Дэнни двинулось вперед. словно невидимые сильные руки переставляли его босые ступни, направляя в сторону изножья кровати, человека, картины – в самую преисподнюю.

«Он меня убьет!» – вскрикнуло сознание.

Дэнни почувствовал, что рот зашит рыболовной леской. Это ощущение вызвало приступ тошноты. Он лежал на кровати лицом вверх, раскинув руки, словно его собирались распять. Неведомое существо смотрело на него, склонившись над кроватью в нелепой и неуклюжей позе. У Дэнни заныло в животе, но физическую боль невозможно было сравнить с приступом панического ужаса, от которого в какой-то миг стиснуло грудь, так что мальчик начал задыхаться. Глаза существа были выразительны и огромны. Злодейски изогнутая линия рта поползла в обе стороны: существо улыбнулось.

«Боже, помоги!» – хотел закричать Дэнни.

Свистящий шелест заполнил комнату. Что-то ударило мальчика по лицу. Голос матери, далекий, едва различимый, коснулся его сознания.

– Твоя боль... за мою боль... – проговорило существо низким, хриплым голосом. – Привет... Дэнни...

И настала тьма.

Не было и одиннадцати утра, а Джим Аллен уже трижды переговорил со своим литературным агентом, дважды – с друзьями из Сан-Франциско, а заодно отправил несколько деловых писем. Целый час изучал высланную Ларри информацию. Очки раскалились от жара, выходящего из камина. Чем больше подробностей поступало к нему из большого города, тем сильнее росло вдохновение. Ларри позвонил рано утром и выложил все, что удалось узнать, хотя ему по-прежнему оставался неясен внезапный интерес Джима к старой лесопилке и крошечному городишке. В 1898 году лесопилка была куплена филиалом деревообрабатывающей компании Мори. Собственник компании, некто Тобиас Мори, состоятельный француз, привлеченный в Пойнт-Спирит развитием железной дороги и ресурсами, которые скрывал в себе холм, закупил машины и сырье, чтобы запустить производство. Он переоборудовал всю лесопилку, возведя два больших фабричных здания, а также много мелких построек, представлявших собой что-то вроде домиков для рабочих. Роскошью там и не пахло, это были хибары с крошечным палисадником, все на одно лицо, но достаточно привлекательные и уютные, чтобы большинство обитателей Пойнт-Спирита страстно возжелали принять участие в этом проекте.

– К 1900 году Тобиас Мори подписал несколько контрактов на аренду лесных участков и нанял работников, которые в первые же дни обшарили весь лес, оставляя на деревьях метки. Поначалу жители не знали, что все это означает. Но вскоре стало известно, что это бригады, которые проводят размежевание, чтобы в скором будущем проложить узкоколейку и связать лесопилку с остальным миром. У этого человека были хорошие отношения с нужными людьми из правительства. Все это сулило ему большую прибыль, да и Пойнт-Спирит нуждался в рабочих местах, не говоря уже об упомянутых домиках.

По словам Ларри, в развитии грандиозного проекта имелась всего одна проблема. Кое-кто в городе был недоволен захватом территорий и всячески выражал свое несогласие, но после нескольких арестов и посадок недовольные испугались, и протест против вырубki деревьев заметно угас. Когда тело одного из бунтовщиков выловили из реки, в Пойнт-Спирите настала блаженная тишина. Отныне Тобиас Мори мог делать все что вздумается, лес начал кормить не только городок, который получал от этого прямую выгоду, но и его собственную компанию.

– Коротко говоря, город разделился на две части, – продолжал Ларри. – Для жителей, которые работали на компанию, Тобиас построил около дюжины деревянных домов, образовавших небольшие кварталы по четыре квадратных участка, соединенных улицами. Население выросло втрое. С некоторых пор Пойнт-Спирит представлял собой как бы два города: старый, который ты знаешь, и новый, состоящий из деревянных построек, который вырос у леса рядом с лесопилкой. Тобиас Мори привез из Франции семью: жену, двоих детей. Одного звали Люсьен, он был женат на девушке из хорошей семьи. Разумеется, их сопровождал целый штат прислуги и горничных, готовый позаботиться о том, чтобы хозяева ни в чем не нуждались, пока длится эксплуатация или арендный контракт. Вот и все, что я могу тебе рассказать.

– А что с ними стало? – спросил Джим.

– Тобиас умер от инфаркта в 1923 году. Два года раньше умерла жена. Со смертью Тобиаса лесопилка пришла в упадок. Так закончилась эпопея, которую ты теперь знаешь. Когда-то вокруг главного здания располагалось несколько мастерских: гидropневматические машины, сушильные печи, циркулярные пилы... Если не ошибаюсь, сейчас от них ничего не осталось.

– Сохранился двухэтажный цех. Кажется, там обрабатывали бревна, которые доставляли на мулах. Их распиливали на балки, доски, или черт его знает, что с ними делали. Хорошо бы что-нибудь почитать про это, Ларри. В общем, как я понял, данные об этой семье после 1923 года отсутствуют.

На противоположной стороне линии Ларри покашлял, переворачивая страницы.

– Точно, ни слова про них. Ничего начиная с 1923-го. Чем ты там занимаешься, а, Джим?

Но Джиму не хотелось пересказывать своему агенту события последних дней.

– Чистое любопытство. Городок очаровательный, вот я и решил разузнать, нельзя ли вытащить из его прошлого какую-нибудь захватывающую историю.

Последняя фраза прозвучала вполне убедительно: Ларри что-то промямлил в ответ и нажал отбой.

Остаток утра Джим читал и перечитывал электронные письма и сайты в Интернете. Он обнаружил еще кое-что, но в целом о семье Тобиаса Мори практически не было упоминаний. Пообедав наваристым супом из пакетика и телячьей отбивной, он прилег вздремнуть прямо в гостиной. Его разбудил

звонок в дверь. Он взглянул на часы: половина пятого. Точно, они с пастором договаривались навестить сестер Морелли. Джим собрал бумаги, рассыпанные на столе и на полу. Ему пришло в голову, что не стоит посвящать кого-то в итоги расследования до тех пор, пока он сам не поймет, по какому пути двинется его работа – конечно, в том случае если среди этих завалов бумаги найдется хоть одна ниточка, которая приведет его к сюжету для книги.

За дверью Джим обнаружил антитезис обеспокоенного человека – так несколько дней назад он назвал про себя Роберта. Лучи солнца косо падали пастору на лицо, и синие глаза казались совсем светлыми, почти прозрачными. На нем были потертые джинсы и бордовый свитер с треугольным вырезом, из-под которого виднелся воротник черной шерстяной рубашки. Он снял перчатки и вошел в дом. Джим пожал протянутую руку и торопливо принялся собираться, опасаясь, что скоро начнет темнеть.

– Работал всю ночь? – поинтересовался пастор, оглядывая листы бумаги, предусмотрительно перевернутые тыльной стороной кверху.

– Скорее все утро. А у тебя отдохнувший вид.

Пастор поблагодарил Джима за комплимент и согласился на чашечку кофе, пока тот приводит себя в порядок. Через двадцать минут они направлялись в сторону трех сестер. Когда они вылезли из машины, в окошке первого этажа сразу увидели Мэри Энн, которая с кем-то разговаривала. Несложно было догадаться, что Алан Фостер уже на месте: рядом с Мэри Энн отчетливо различался краешек черного пальто. Большая часть сцены была скрыта, однако они заметили, что младшая сестра Морелли улыбается, и сделали вывод, что чувствует она себя лучше. В этот миг дверь открыла Амелия Морелли. Она так покраснела, что казалось, будто ее голова вот-вот взорвется от внутреннего давления – Джим ни разу не видел, чтобы за столь короткий срок человек становился таким пунцовым.

– Мистер Аллен, вы даже не представляете, как мы вам рады. Девочка тоже очень обрадуется. Она читала ваши книжки. Их когда-то подарил ей отец. Меня зовут Амелия...

Вежливо протянув Джиму руку, она шевельнула пальцами, чтобы скрыть, как они дрожат. Амелия была брюнетка, старавшаяся по возможности не показывать окружающим свою красоту. Однако в то утро она выглядела непривычно: в ярком платье по колено и вязаной кофточке была обворожительна. Она робко взглянула на пастора, и тот поцеловал ее в щеку.

– Привет, Роберт. Спасибо тебе за вчерашнее.

Джим покосился краем глаза на Роберта, но тот не обратил внимания, и оба проследовали за Амелией в дом.

– Проходите в гостиную. Карлота сейчас приготовит кофе и чай, а Мэри Энн, как мне кажется, сегодня намного лучше.

– Хорошая новость, – кивнул Роберт: он снял пальто и повесил его на вешалку возле двери. – Как твоя голова?

Амелия улыбнулась и села напротив них.

– Нормально. Представляешь, Джим, упала вчера на улице прямо возле дома преподобного Роберта, и ему пришлось мне помогать. Я поскользнулась... на тротуаре.

– Мне очень жаль.

– Ничего страшного, – откликнулась она, перевела взгляд на Роберта и снова покраснела. – Потеряла равновесие... А заодно и уверенность в себе.

Интересно: Джиму только казалось или эта женщина действительно была от Роберта без ума?

В эту минуту Карлота Морелли внесла поднос, уставленный фарфоровыми чашками и блюдечками. Как всегда, сдержанная, чопорная: волосы, убранные в пучок, темное платье с глухим воротом, неизменные кургузые башмаки, придававшие ей старомодный вид.

– Наша Амелия развалилась прямо посреди города, мистер Аллен, – пояснила она: голос у нее был сухой, бесцветный. – Его преподобие обнаружил ее в неопишемом виде.

– Карлота, прошу тебя!

Бедняжка не знала куда деваться. Роберт улыбнулся.

– Неужели правда? – вмешался Джим.

– Да, мы немного понервничали, а потом долго смеялись. Ничего особенного, – добавил Роберт.

– Ну и хорошо, раз так, – подытожила Карлота. – Прошу вас, наливайте себе сами. Пирожные куплены в «Коконате». Я сама сходила за ними несколько часов назад. Свежее некуда. Большое спасибо, что вы нас навестили, мистер Аллен. Наша маленькая Элизабет так мечтала с вами познакомиться.

Внезапная догадка пронзила мозг Джима Аллена. «Что значит – познакомиться?! – мысленно воскликнул он. – Вот уж извращенец так извращенец».

Разумеется, Джим никогда бы не подумал, что маленькая Элизабет ему солгала, но ему пришлось допустить, что именно так все и было: он заметил, с каким смущенным видом спускалась девочка по лестнице с

книгой в руке. Теперь это была не «Катрина и волшебный ключ», а «Катрина и заколдованный лес».

– А вот и она, – воскликнул Роберт.

Поравнявшись с Джимом, девушка замерла и проглотила слюну, но не произнесла ни слова.

– Рад познакомиться с тобой, Элизабет, – проговорил Джим. Глаза девушки блеснули, будто он произнес волшебные слова.

– Я тоже рада... – она уселась возле него.

– Он подпишет тебе книгу, Эли, – вмешалась Амелия. – А на полке у тебя наверняка есть и другие. Отец подарил тебе несколько таких книг. Когда мне сказали, что автор вот-вот посетит наш дом, я их искала, но, к сожалению, не нашла. Вы к нам надолго, мистер Аллен?

– Пожалуйста, говорите мне «ты», а не то я чувствую себя старым. Пока что снял у Лоретты домик на шесть месяцев. Понятия не имею, сколько времени займет у меня новая книга. А у вас чудесный дом. Похоже, вы сохранили это фамильное гнездо в его первоначальном виде.

Карлота улыбнулась. Ей было всего сорок два, но выглядела она значительно старше. Дело было не только в одежде, но и в старомодных манерах, подчеркнутых отсутствием макияжа.

– Давайте все будем друг к другу на «ты», если никто не возражает, – улыбнулась она. – Мой шурин сохранил большую часть колониальной мебели, оставшейся от прежних хозяев. Обожаем старую мебель из древесного массива, а заодно персидские ковры. Летом москитные сетки над кроватями отпугивают комаров, а все вместе придает дому первозданный вид, не правда ли?

Джим заметил, что вкус Карлоты напоминает его собственный. Элизабет не открывала рта. Она сидела так близко, что он чувствовал жар ее напряженного тела.

– Мы видели Алана наверху у Мэри Энн. Кстати, Мэри выглядит гораздо лучше, чем в последний раз, – заметил Роберт.

Карлота нахмурилась и посмотрела на побледневшую Амелию.

– Как вы сказали?

– Мы видели Алана в окне, когда подходили к дому.

Амелия резко встала.

– Что случилось? – Джим ничего не понимал.

Карлота взглянула поочередно на обоих мужчин и племянницу.

– Это... это невозможно. Алан не приходил к нам сегодня.

Собравшиеся замерли в полнейшем молчании. Наконец Карлота повернулась на каблуках, как заводная кукла, и направилась к лестнице,

ведущей вверх, но Роберт ее остановил, крепко схватив за руку.

– Мы с Джимом пойдем первые. Амелия, побудь с девочкой в гостинной. И никуда отсюда не уходите.

– Что происходит? – захныкала Элизабет.

– Все в порядке, радость моя. – Джим поднялся и вслед за Робертом и Карлотой направился к лестнице, силясь представить, что их ждет наверху.

Длинный коридор устилала ковровая дорожка. Они шли гуськом: шествие замыкала Карлота Морелли, впереди шагал Роберт. Оба были уверены в том, что видели Алана наверху: они готовы были поклясться в этом. Внезапно на Джима дохнуло необычным жаром. Дверь в комнату Мэри Энн была приоткрыта и едва заметно вибрировала, словно ее покачивал сквозняк, струившийся одновременно в двух направлениях.

– Ничего не замечаешь? – шепотом обратился Джим к Роберту.

– Температура как будто повысилась. Карлота, стой здесь.

Пастор положил руку на ручку двери и осторожно нажал. Он увидел спину Мэри Энн, которая сидела на кровати и смотрела в окно. Но в следующую секунду реальность смешалась, становясь полнейшей нелепицей. Перед Мэри Энн, слегка склонившись над ней, стоял мужчина. Его темные глаза располагались на уровне ее плеча: они смотрели на сидящую пристально, неподвижно. Никакой жары в комнате не наблюдалось, наоборот, было холодно. Движение воздуха колыхнуло шторы. Человек выпрямился и окинул вошедших ледяным взглядом. Все это длилось секунду, однако каждая деталь происходящего врезалась в память Джима и Роберта, словно прошло несколько часов. Одежда незнакомца выглядела странно: она была несовременной. Темные волосы, высокие скулы – именно таким они запомнили его лицо, тонкое и одновременно зловещее. Мэри Энн по-прежнему сидела неподвижно. Лицо было чуть повернуто, нос отбрасывал глубокую тень. Человек улыбнулся: его улыбка плохо сочеталась со всей мизансценой. Дверь резко захлопнулась, ударив Роберта по лицу. Преподобный отшатнулся, толкнув стоявшего за его спиной Джима.

– Ничего себе! – воскликнула ожидавшая в коридоре Карлота.

Она устремилась в сторону комнаты и вцепилась в ручку двери, силясь ее открыть. Дверь не поддавалась. У Роберта пошла носом кровь. С трудом поднявшись на ноги, он оттолкнул Карлоту и несколько раз с силой дернул дверь на себя, пока та наконец не поддалась. Когда он вбежал в комнату, мужчины не было. Мэри Энн лежала на кровати. Она спала. Это казалось совершенно невероятным. Такого просто не могло быть! На нижнем этаже слышались шаги и голос Амелии, потом кто-то взбежал по лестнице и

понесся по коридору в их сторону. Алан влетел в комнату, как взмыленная лошадь. Его глаза испуганно заметались, пока не остановились на спящей Мэри Энн. Затем он обратился к Роберту:

– Возьми платок и прижми покрепче. Если что, я рядом.

Джим подошел к Мэри Энн, чуждой к происходящему.

– Клянусь: две минуты назад она разговаривала с каким-то человеком, – проговорил он.

– Ничего не понимаю.

– Дверь захлопнулась. Роберт был впереди, а возле Мэри стоял мужчина. Когда мы подходили к дому и посмотрели в окно, нам показалось, что это ты!

– Мэри, ты меня слышишь?

– На нем был темный костюм. И жилет. Клянусь, здесь только что был какой-то человек!

– Мэри Энн, – повторил Алан, проведя рукой по ее безмятежному лицу.

– Мэри Энн! – крикнула Карлота.

Своим воплем она чуть не оглушила Джима. В следующий миг он одним прыжком оказался у шкафа и дернул дверцу:

– Куда он делся, черт возьми?

– Мэри? – Алан беспокоился все сильнее, но глаза Мэри Энн наконец открылись. – Мэри...

Мэри приподнялась на локте и растерянно огляделась. Выражение ее лица было не заспанным, а скорее удивленным: какой-то незнакомый мужчина как одержимый рыскал в ее шкафу. В углу безутешно рыдала Карлота. Алан следил за Мэри Энн с беспокойством и любопытством.

– Что происходит? Кто этот человек?

Обернувшись к двери, она увидела пастора с окровавленной рукой и платком, прижатым к носу.

– Ничего не понимаю, – проговорил Джим Аллен.

Он заметил, что красивая худая женщина, лежавшая на кровати, внимательно за ним следит, и взгляд ее выражает сомнение, удивление и растерянность.

Мэри была точной копией Амелии Морелли, но на несколько килограммов меньше. Такие же черные волнистые волосы, чудесные глаза. Крайняя худоба делала ее еще более нежной, изящной и в то же время уязвимой.

– Вы – знаменитый писатель, – пробормотала она, посмотрела на Алана и моргнула. – А что случилось? Кажется, я спала. Но что вы все тут

делаете?

Алан потянулся к ней, чтобы обнять, но она испуганно отодвинулась, догадываясь, что на нее все смотрят и что-то явно произошло.

– Он был здесь, Мэри. Рядом с тобой, понимаешь? То существо, человек...

– Карлота, прошу тебя...

– Алан, объясни ей все. Мы его видели. Он был с тобой, Мэри, и ты...

Алан ощутил глубокую печаль, заглянув в огромные глаза Мэри Энн: та явно была удивлена тем, что только что услышала. Ее состояние его беспокоило: Мэри была сильной женщиной, но сейчас она выглядела испуганной и беззащитной.

– Я видела его во сне... Я сидела на кровати, а он говорил мне на ухо всякое-разное...

– Это был не сон! – крикнула Карлота. – Он дверь захлопнул! И нос пастору разбил!

Все еще не проронив ни слова, Роберт подошел к кровати Мэри и уселся в ногах.

– С тобой действительно кто-то был, Мэри. Мы все его видели. Скажи, эти видения, которые тебя преследовали после смерти Виктора, – ты о них рассказывала, когда хоронили Пенни – как-то связаны с этим существом?

Что она могла ответить на эти расспросы? Алан был врачом и смотрел на нее так, словно она его пациентка. Никто не понимал ее страха и отчаяния. Никто бы не поверил, сколько тоскливых лет провела она у кровати дочери, дожидаясь, пока призрак появится и отнимет ее девочку. Зарыдав, она обняла Алана и отрицательно покачала головой.

– В комнате был мужчина, Алан, – произнес Джим, он остановился посреди спальни, сложив на груди руки. – Стоило ему нас увидеть, как дверь захлопнулась перед нашим носом. Это не бред, не коллективная галлюцинация – или как вы, врачи, такое называете. Этот парень стоял перед Мэри Энн и улыбался.

– Где моя дочь?

– Не беспокойся, Мэри: она с Амелией в гостиной, – отозвался Алан.

– Я нормально себя чувствую, – сказала она, приподнимаясь. – И хочу ее увидеть. А еще мне нужно принять душ и одеться. Но главное, я должна знать, что с девочкой все хорошо.

– Я тебе помогу, – сказала Карлота.

Джим силился привести свои мысли в порядок. Вокруг сестер хлопотал Алан, все еще крайне взволнованный и испуганный. Мэри Энн по-прежнему горько плакала: ей было жаль себя. Было очевидно, что

сознательно она не участвовала в этой загадочной встрече и теперь чувствовала себя беспомощной, не способной противостоять тому, чего не понимала ни она сама, ни кто-либо другой.

Чуть позже, в гостиной, сцена по-прежнему выглядела странно: Алан ни на шаг не отходил от Мэри Энн, Карлота нервно барабанила ногтями по столу, а Роберт, запрокинув голову, прижимал к носу платок, который дала ему Амелия.

– Надеюсь, таблетки ей больше не понадобятся, – вздохнула Амелия. – Какое счастье, что Алан с нами. Сестра в самом деле чувствует себя лучше. Каждый раз, когда она встречает это существо, у нее случается приступ паники. Сейчас ей подобного не вынести.

– Долго же они разговаривают... – заметил Джим.

– Иногда простая беседа помогает лучше всяких таблеток, Джим, – отозвался Роберт, низким голосом напомнив популярного телеведущего.

– Мистер Аллен, – Элизабет посмотрела Джиму в глаза. – Я хотела вам показать библиотеку отца. Пойдемте?

Джим улыбнулся.

– Разумеется, мисс, с превеликим удовольствием.

Они пересекли первый этаж и вошли в просторную комнату, уставленную стеллажами с книгами. Джим украдкой наблюдал за девушкой. Разумеется, она позвала его вовсе не за тем, чтобы показывать эти в самом деле бесценные книги. Перед ним была одна из частных коллекций, которая в другой момент поглотила бы его с головой на долгие часы. Но только не после того, что произошло, и не рядом с этой девушкой.

– Мне жаль, что я тебе соврала, – прошептала Элизабет. – Но тетушки никогда бы не отпустили меня с тобой познакомиться. С тех пор как умерла сестра, они носятся со мной как с хрустальной вазой. Мне сложно куда-нибудь вырваться одной.

Лицо девушки, освещенное тусклым светом люстры, выглядело до крайности опечаленным, она явно раскаивалась из-за этой досадной оплошности, которая для Джима не имела ровным счетом никакого значения.

– Тебе не стоит ни в чем себя винить, Элизабет. Я все понимаю, мне тоже когда-то было шестнадцать. Я лишь немного растерялся, но в твоём поступке нет ничего предосудительного.

Элизабет подошла ближе. В этот миг Джима осенило: он объехал весь мир, но лишь здесь, в этом затерянном в глуши городишке, обнаружил наконец истинное воплощение своей Катрины: Катрина в джинсах и розовой майке, Катрина с чудесными каштановыми волосами,

отливающими золотом. А эти изумрудные глаза! Он вспомнил зловещий силуэт рядом с ее матерью, и у него перехватило дыхание.

– У меня кое-что есть для тебя, – прошептала она и бережно взяла его за руку. – Прошлой весной мы нашли на чердаке письмо. Мы с Пенни часто там играли. Тетушки о нем не знают, и мне бы не хотелось, чтобы они его видели.

– А почему ты решила показать это письмо мне? – спросил он, рассматривая листок пожелтевшей бумаги.

Она опустила глаза и пожала плечами.

– Сама не знаю. А разве с тобой такого не случилось: вроде бы должен что-то сделать, а зачем – непонятно? Мне кажется, тебе надо его прочитать. Быть может, ты единственный, кто поймет значение всех этих слов.

Джиму страстно хотелось обнять ее, защитить, но он сдержался. Элизабет почти касалась его плеча. Она не догадывалась о сильнейшем впечатлении, которое производило на него все, что было с ней связано.

«Глупенькая Катрина, – подумал он, – если бы ты знала, какой властью надо мной обладают твоя красота и печаль».

– Твое доверие – большая честь для меня, – в конце концов проговорил он. Все его чувства были поглощены юным очарованием Элизабет. Он сунул листок в карман и тыльной стороной руки прикоснулся к ее щеке. – Я прочитаю письмо сегодня же вечером и скажу, что о нем думаю.

Сдержанная обстановка библиотеки и скупой желтоватый свет, падавший девушке на лицо, делали ее похожей на призрака.

– Если хочешь знать, я не боюсь этого человека, – призналась Элизабет. Она оперлась о массивный деревянный стол, на котором также лежали книги, и вздохнула. – Он не желает нам зла. Но иногда меня пугает то, что я чувствую.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне кажется, он на кого-то очень злится. Вчера вечером я многое от тебя скрыла. Вдруг ты решишь, что я чокнутая, а мне не хотелось производить на тебя плохое впечатление. Но, после того что случилось сегодня у нас дома, тебя, надеюсь, не испугает, если я кое в чем признаюсь.

– Честно говоря, – откликнулся Джим, – я и сам почему-то подумал, что ты от меня что-то скрываешь.

Девушка прикусила губу и попыталась осознать все то, что в этот момент проносилось у нее в памяти. Затем с достоинством вскинула голову, и в ее красивых, все еще детских глазах вспыхнул недобрый огонек, плохо сочетавшийся с нежным обликом.

– Мама испугана. Она считает, что этот человек охотится за ее

дочерью. Она винит его в смерти Пенни, потому что несколько раз видела его возле кровати, когда Пенни спала. Я никогда не относилась к этому всерьез и постаралась не выглядеть испуганной, когда на похоронах мать сказала, чтобы я держалась от него подальше. Я думала, что эти истории со временем забудутся, пока сама его не увидела. И это был не единственный раз.

– Ты рассуждаешь как взрослый человек. Мне бы хотелось, чтобы ты была со мной откровенна, Элизабет.

Панцирь, который до поры до времени скрывал ее чувства, стремительно таял. Губы ее задрожали.

– Я знаю: случится что-то плохое. Я знала про это, когда умирала сестра. И еще раньше – в тот день, когда увидела этого человека в саду над лилиями. Он зол, очень зол. Понятия не имею, на кого он злится. У него внутри люта я ненависть, Джим. И все же я уверена: причина этой ненависти – не мы. Сестра умерла от лейкемии, и он знал, что она умрет, когда увидел ее в кровати. Поэтому он являлся, следил за ней. Уверена, что после ее смерти, после того как ее закопали на кладбище, это существо нарочно поджидало меня в саду.

– Оно с тобой разговаривало?

Повисла напряженная пауза.

– Элизабет, он пытался с тобой заговорить? Он сказал тебе что-нибудь?

Джим пытался разобрать выражение ее лица, но видел только щеки, покрасневшие от переполнявших ее чувств. Он сделал шаг, взял Элизабет за руку и крепко сжал, словно желая почувствовать ее еще ближе.

– Пенни его любила... Она рассказывала про этого человека, когда еще никто не знал, что нас ждет, даже мама. Она напевала песенку, когда качалась в саду на качелях. Как-то раз она призналась, что этой песенке ее научил грустный человек и, когда она ее пела, ему было приятно. Он выглядел чуточку более счастливым, и Пенни это нравилось. Она всегда говорила, что этого человека прислал папа, чтобы он за нами присматривал. Но она ошибалась. Он был здесь еще до нас...

– Ты мне так и не сказала, удалось ли тебе с ним пообщаться, – напомнил Джим.

Элизабет вздохнула и машинально коснулась его пальцев.

– Я видела, как он плачет, – ответила она. – А потом все как-то спуталось. Я думала, что сплю и вижу сон, но он действительно стоял у окна. Он горько рыдал и что-то бормотал. Тихо, едва слышно. А потом внезапно умолк, и лицо исказила ненависть. «Их боль за мою боль», – вот и

все, что он сказал. И исчез.

Услышав на другом конце телефонной линии дрожащий голос шерифа Ларка, Алан сразу понял: что-то произошло. И, скорее всего, произошло что-то скверное. Старик был так встревожен, что потерял обычную уверенность в себе. Он не стал объяснять, почему доктор Фостер понадобился ему так срочно. Все знали, что Ларк – человек непростой. Так было с тех пор, как он овдовел. Вечно чем-нибудь раздражен. Хотя Алан понимал, что раздражение – всего лишь маска, за которой шериф пытается скрыть печаль или одиночество. Он давно уже заметил это свойство в людях ранимых, хрупких. Особенно если они потеряли друзей или близких. Спасаясь от одиночества, Ларк с головой уходил в работу. Вначале ему помогал Томми Нортон, парень из большого города, решительный, влюбленный в свое дело, к тому же приятный в общении. Затем появилась Элен Дункан, женщина внушительных габаритов, отважная и мужественная, как сержант кавалерии. Родственников в Пойнт-Спирите у Элен не было, и она проводила в участке много часов, что саму ее нисколько не волновало. Ее умений и сноровки хватало, чтобы сработаться с неуживчивым шерифом. Кое-кто в шутку поговаривал, что ей даже передались ужимки Ларка: его манера посматривать искоса, склонность к крепкому словцу, когда что-то его не устраивало. Но, несмотря на все, жители Пойнт-Спирита симпатизировали Ларку и вот уже много лет чувствовали себя в безопасности. Все знали старого шерифа, все его уважали. Ему прощали его едкий и временами склочный характер, охотно его терпели и даже по-своему любили.

– Тут такое дело, доктор Фостер, – заговорил шериф, едва Алан прижал к уху трубку, – у нас проблемы, и было бы здорово, если бы вы приехали. Срочно приезжайте, слышите? Дело важное.

Алан уселся за руль автомобиля. Несколько секунд он рассматривал дом Мэри Энн, уютные окошки, белые занавески с незамысловатым узором, фасад из красного кирпича и маленькие оконца с окантовкой в виде арок.

– Так что там случилось, Ларк?

Комиссар помолчал. Затем откашлялся и произнес:

– Лучше бы вы подъехали. Терпеть не могу мобильные телефоны. Эти их антенны посреди пшеничных полей излучают всякую дрянь, вы что, не знали? Лично я уверен в этом.

– Вас понял. Сейчас буду.

Какой смысл спорить об антеннах? Ларк – один из тех людей, которым всюду мерещатся заговоры. Его последнее замечание вообще ни в какие ворота не лезло, и, прежде чем нажать отбой, доктор с трудом сдержал переполнявшую его ярость. Тем не менее через двадцать минут он был на месте. Припарковался на стоянке, специально огороженной для полицейских машин. Несколько человек, одетых в костюмы, которых он прежде никогда не видел, вышли из дверей, сели в чудной автомобиль, припаркованный неподалеку от машины Алана, и умчались в неизвестном направлении. Медленно разматывая шарф, доктор растерянно смотрел на облако пыли, поднявшейся из-под колес.

– Идемте, доктор Фостер, – раздался голос Ларка, поджидавшего его на крыльце. – Берите свой чемодан и следуйте за мной.

Какого черта тут происходит? Кто все эти люди? Доктор пытался что-то понять, всматриваясь в сутулую спину Ларка, которая мелькнула между двумя колоннами, подпиравшими козырек полицейского участка. Затем сложил шарф и спрятал в карман пальто.

– Что случилось?

– Спросите лучше, чего не случилось, доктор. Форменное несчастье. Просто ужас один.

Судя по всему, «несчастье» и правда должно было быть форменным. Элен сидела на своем рабочем месте, изможденная и очень бледная. Ее щеки пересекали темные полоски потекшей туши. Алану показалось, что в руках она держит что-то вроде марионетки, точнее, то, что от этой марионетки осталось: веревочки перепутались, руки и ноги вывернуты и сломаны. Элен вытащила из ящика носовой платок и громко высморкалась. Она не заметила, что кто-то вошел. Уронила на стол ворох веревок и дощечек и, положив голову на ладони, безутешно зарыдала.

– Господи, да что у вас тут происходит?

– Сегодня в полдень мы обнаружили на склоне холма «Шевроле» Гранта. Его увидели туристы, которые проезжали мимо на автобусе и остановились сделать свои дела. Патрик и Брэди Роуз погибли в аварии. Парни откуда-то ехали, машина была набита пивными банками и гашишем. Похоже, не справились с управлением и улетели в кювет. А все эта чертова дорога вокруг лесопилки – чего там только не случалось. Сплошные повороты.

– Они мертвы? – воскликнул Алан. – Патрик и Брэди погибли?

Ларк вытаращил на него свои маленькие серые глазки и медленно покачал головой.

– Именно так. Их семьи отправились в Портленд несколько часов назад. Когда парней нашли, оба находились в машине. Не хочу вдаваться в детали, но результаты срочной экспертизы показали, что умерли они мгновенно. Оба тела – сплошные раны и ушибы. У мальчишки Грантов перелом основания черепа, а у Брэди... лицо так изуродовано, что его едва опознали. Бедняги забыли пристегнуться. Скоро придут результаты вскрытия, но, думаю, они лишь подтвердят мои слова.

– Это же ужасно. Чудовищно, – пробормотал потрясенный Алан.

– Будь я проклят, если хоть что-то понимаю в современной молодежи. Напьются, накурятся и лезут на дорогу. Воображают себя хозяевами мира. Родители уже у нас побывали. На них лица нет. В общем, хорошего мало, доктор. Ох как мало.

– Боже... Просто поверить не могу. Только вчера встретил Патрика в кафе на заправке. – Алан вытер ладонью лоб и покосился на зареванную Элен. – Но я-то чем могу вам помочь? Мне сказали, что судебная экспертиза уже занялась этим делом. Те люди, которые недавно от вас вышли, скорее всего, из полиции Портленда.

Шериф посмотрел на него немного странно и сжал челюсти так сильно, что на щеках заиграли желваки. Он неуверенно переминался с ноги на ногу и то и дело прикасался к шляпе. Было заметно, что он нервничает.

– Есть еще кое-что, – в конце концов проворчал он. – Это не связано с нашим делом, но есть причины, по которым мы пригласили именно вас. Вчера ночью мой помощник заехал на лесопилку. Ничего особенного, просто мы увидели огни вдалеке и решили, что это мальчишки. А сегодня он не вышел на работу. Элен ему позвонила домой. Рация не отвечала, и мы начали волноваться. В одиннадцать утра старик Джонс, лесоруб, который когда-то там работал, обнаружил его машину неподалеку от фабричного корпуса. И никаких следов Томми. Старый дурак то и дело охотится в лесу и знает Брайдел-Вейл как свои пять пальцев. Я отправил агента Перкинса. Черт побери, а? В этом мерзком городишке с двумя тысячами жителей никогда ничего не случалось. У Перкинса выпало несколько выходных подряд, вот он и заехал глянуть, какого черта там происходит. Джонс обнаружил пятна крови на склоне возле реки. Мы решили, что парень споткнулся и упал вниз. Но раз так, откуда взялись две пустые гильзы среди веток? Вот чего мы понять не можем. Когда летишь с чертового пандуса, ружье не выстреливает.

– Да, но при чем тут я?

– Погодите, доктор. Часа через два Томми Нортон нашелся – он брел куда глаза глядят по дороге на Брайдал-Вейл. В трех километрах от места,

где нашли погибших парней. В руке – полностью разряженный служебный пистолет. Не буду рассказывать, в каком виде был Томми, когда его нашли. Сами сейчас увидите. Одна нога изуродована – должно быть, где-то ударился. А главное, парень сильно не в себе. Полностью спятил.

– Вы говорите, он здесь? А почему не в больнице?

– Да, здесь. Его заперли в одной из камер.

Последние слова Ларка окончательно сбили Алана с толку.

– Заперли? Но что он сделал?

Ларк снял шляпу.

– Черт возьми, доктор, – прорычал он сквозь зубы, – никто его не запирает. Перкинс посадил его в машину и доставил сюда. Томми не произнес ни слова: молча вылез из машины и вырвал у меня из рук ключи от камер, чтоб его черти взяли. И там, внизу, запер сам себя.

– А заодно сломал мою куклу, – прорыдала Элен, убирая с лица намокшие от слез волосы. – Он обезумел. Спятил. Видели, что он сделал? Мне ее племянник подарил!

– Выходить наружу отказывается категорически, – продолжал Ларк. – Бормочет себе под нос какую-то галиматью. Понятия не имею, где черти его носили и какого фига он спятил. Кричит, что его преследует огромная марионетка. Вы слышите? Марионетка за ним гонится! Что за чертово дерьмо! Ворвался сюда перекошенный, весь какой-то потерянный, как будто наглотался таблеток и тычется теперь, не разбирая куда. Увидел марионетку Элен – и давай ее колошматить. Остальное вы знаете. Сидит внизу и отказывается выходить из камеры.

Алан был в шоке. Но потряс его не путаный и бессмысленный рассказ Ларка, а известие о трагической гибели двоих подростков. Боже правый! Остался ли в этом мире еще хоть какой-то здравый смысл? Привидение, угрожающее его любимой женщине, соседка, полезшая в петлю, а теперь еще это. Что происходит? Мысли беспорядочно толпились у Алана в голове, пока он вслед за Ларком спускался по лестнице, ведущей на цокольный этаж, где располагались камеры. Никогда прежде не был он в этом лабиринте, состоящем из узких коридоров. Справа показалась металлическая дверь с крошечным стеклянным оконцем посередине; судя по скрипу и тому усилию, с которым шериф ее отпер, весила она не менее тонны. За ней открылось просторное помещение, с двух сторон которого тянулись ряды камер с толстыми стальными решетками. Общим числом их было шесть. Вскоре он увидел и Томми: тот сидел на лежанке в последней из камер, дальней от двери. Он все еще был в полицейской форме. Голова, свисающая между колен. Взгляд, устремленный в пол. Правая штанины

Томми представляла собой сплошные лохмотья, сквозь которые виднелась исцарапанная нога, безобразная рваная рана и остатки травинок и мелких веток. Вся форма была перепачкана глиной и пропитана водой. Когда он поднял голову и посмотрел на вошедших, Алан увидел темные круги вокруг глаз, опухшие веки и ссадину на губе, которая тянулась до самой щеки. Выглядел Томми ужасно, не считая выражения паники, отразившейся у него на лице при виде Ларка.

– Я никуда отсюда не пойду! – крикнул он. – Слышите? Пока эта тварь не сдохнет и не отправится напрямиком в ад!

– Томми, я Алан. Ты меня узнаешь?

Полицейский с трудом оторвал взгляд от шерифа и взглянул на Алана.

– Я не идиот, доктор Фостер, и проклятую память мне не отшибло. В том-то и проблема... Боюсь, что никогда она не очистится, эта чертова память... – он всхлипнул.

– Томми, я должен войти в камеру и осмотреть твои раны, – продолжал Алан. – Тебе придется отпереть дверь и пустить меня внутрь.

Синие глаза Томми вновь уперлись в Ларка долгим, пронзительным взглядом. Алан понимал, что парень слишком напуган и не владеет собой. Вежливо обратившись к Ларку, он попросил оставить их с Томми наедине. Тот выбранился сквозь зубы, но отошел от камеры и исчез в коридоре.

– Томми, – начал Алан, – давай-ка я осмотрю твою ногу, а заодно и рану на губе. А потом просто уйду. Я не буду заставлять тебя выходить из камеры, если тебе так этого не хочется. Обещаю.

– Не разрешайте им меня отсюда вытаскивать, доктор, – простонал Томми. – Эта штука... эта штука поджидает меня снаружи. Я всю ночь от нее удирал. Здесь она меня не достанет, правда же? Нет, здесь она меня не тронет.

Он судорожно ощупал лежанку, затем посмотрел на потолок и стены камеры.

– Томми, пожалуйста, открой дверь. – Неприятное чувство бессилия охватило Алана. С каждой секундой Томми становился все более возбужденным, более взвинченным. – Смотри, у меня с собой саквояж. Я мог бы обработать твою рану на ноге, если ты мне, конечно, позволишь это сделать. Дам тебе лекарство, чтобы ты почувствовал себя лучше и мы могли бы поговорить, если ты этого хочешь.

– Поговорить? – взвизгнул Томми и дико заржал. – О чем говорить? Мне никто не верит. Все считают, что у меня съехала крыша. Знаете, что я вам скажу? Ваши таблетки мне ни черта не помогут. Мне поможет только одна таблетка, доктор: та, которая отключает память. Вы и представить

себе не можете, что это было. Я ее видел собственными глазами, – проговорил он, раскачиваясь. – Вы не поверите: это была кукла. Представьте себе, марионетка! И знаете еще что? Я в эту тварь выстрелил. Да, я это сделал. А что мне еще оставалось? Она бросилась на меня, как гиена. Я был уверен, что она меня убьет. Вы не представляете, что значит бежать вниз по чертовой горе, когда за тобой гонится такая гадина.

Он умолк. Руки дрожали, глаза перебегали с места на место. Алан не мог прийти в себя после того, что услышал. Как такой опытный, закаленный человек, как Томми Нортон, мог оказаться в такой бредовой ситуации и выглядеть так плачевно? Внезапно он заметил, что Томми пристально на него смотрит. Его глаза наполнились слезами.

– Я не вру, доктор Фостер. Клянусь Богом, – всхлипнул он. – Эта штукавина пряталась на лесопилке, а потом на меня бросилась. А я же марионеток терпеть не могу! Как раз говорили про них с Элен, когда я собирался в это проклятое место. Я думал, это кто-то решил пошутить. Патрик забавляется и его чертова компашка.

– Как ты сказал? Ненавидишь марионеток?

– Не выношу! – запальчиво воскликнул Томми. – С детства. Сколько себя помню, всегда они меня с ума сводили. Короче, я сделал свою работу и хотел было ехать домой... Тут-то он и выпрыгнул на меня... Господи...

Алан совсем растерялся. И все же какая-то часть его сознания готова была поверить словам парня.

– А теперь выслушай меня, Томми. Я хочу, чтобы ты открыл дверь и я мог сделать свою работу.

– Да с какой стати мне вас пускать, доктор? Чтобы меня вытащили отсюда и отправили домой, а там ко мне снова явилось это чудище?

– Нет, Томми. Я просто должен обработать твои раны. И еще потому, что я тебе верю.

От удивления парень открыл рот.

– Вы это просто так говорите.

– Не просто так. Не могу тебе назвать причину, по которой верю, но причина есть. Тут кое-что произошло, и я вынужден тебе верить. А больше я ничего пока сказать не могу.

Алан вспомнил о человеке в комнате Мэри, о свистящем шепоте. Он заметил, как Томми потянулся рукой куда-то за спину и с болезненной grimасой почесал поясницу. Он не знал, что и думать: не ожидал от местного доктора, что тот поверит в его бредовую историю, и на всякий случай пытался просчитать, что все это значит. В следующее мгновение он с трудом поднялся на ноги и подошел к решетке. Вблизи он показался

Алану еще более жалким. Губы дрожали, правая щека раздулась и превратилась в сплошной синяк.

– Не вздумайте шутить надо мной, доктор. Прошу вас, не обращайтесь со мной как с чокнутым. Если я выйду отсюда, тварь меня прикончит.

– Я не хочу, чтобы так случилось, и вовсе не издеваюсь над тобой. Мои личные обстоятельства сложились таким образом, что я готов тебе поверить, но больше я ничего сказать не могу. Я не выгоню тебя отсюда, Томми, однако сильно сомневаюсь, что это решение проблемы. Ты сам прекрасно знаешь, что не сможешь провести остаток жизни здесь. В последние дни в Пойнт-Спирите кое-что случилось, и не у всякого наготове есть рациональное объяснение. Не знаю, утешит это ли тебя, но поверь: не ты один попал в странную ситуацию. Томми... – пробормотал он, – позволь тебе помочь.

– Помочь? Но как?

– Для начала я должен обработать твои раны. Иначе они загноятся. Сдашь на анализ кровь и мочу. Если хочешь, чтобы тебе верили, первым делом ты должен рассеять сомнения людей, которые готовы тебе помочь.

После этих слов лицо Томми сделалось чуть менее напряженным. Он снова почесал спину где-то на уровне почек. Сунул руку в карман штанов, достал связку ключей и протянул Алану.

– Только по-честному, доктор, – снова заныл он. – Если обманете, я не переживу.

Пока доктор Фостер осторожно расстегивал на Томми рубашку и с изумлением глазел на слово ПРИВЕТ, нацарапанное чем-то острым у него на спине, в двух километрах от полицейского участка испуганная Лорна Колеман выбежала из дома и понеслась по улице, громко призывая на помощь. Они с мужем жили неподалеку от центра. Сидя в парикмахерской Пэтси, Лоретта Порто, хозяйка «Укулеле», и Роуз Бейкер, учительница начальной школы, с удивлением наблюдали, как она пересекла площадь и побежала в сторону клиники. Бобби Холл, владелец «Коконута», вышел из своего заведения, испуганный женским визгом. Когда Лорна скрылась за вращающейся дверью клиники, он остановился со скалкой в руке, и лицо его выражало недоумение. Оливер Перкинс, второй помощник шерифа, который как раз зашел выпить кофе, выскочил на улицу вслед за Бобби и зашагал в клинику. Лоретта прижалась носом к витрине парикмахерской. Ее подружка, сидевшая неподвижно, потому что как раз в это время ей делали мелирование, изнывала от любопытства.

– Что там, Лоретта? Что снаружи?

– Лорна. Вбежала в клинику совершенно невменяемая.

Роуз вытаращила глаза, выражая изумление. Голова у нее была сплошь увешена кудельками из фольги, брови представляли собой две белые полосы: Пэтси только что нанесла специальный состав для осветления.

– Может, что-то случилось с Полом или Дэнни? – спросила Пэтси. – Боже правый!

– Пола Колемана не бывает в это время дома, Пэтси, – заметила Роуз. – Он в Олбани, в агентстве по продаже недвижимости. Торчит днями напролет у себя в конторе. Может, не дозвонилась до мужа или еще чего. Надеюсь, Дэнни в порядке.

– Все равно Алана Фостера нет в клинике, – откликнулась Лоретта. Распахнув дверь, она закурила свою обычную длинную сигарету. – Я видела, как около часу назад он отправился к шерифу. Скорее всего, ему сообщили про аварию, в которую попали двое тех несчастных ребят.

– Да, но доктор Лопес и Терри, который фельдшер, на месте. Честно сказать, ни разу не видела Лорну в таком состоянии. Наверняка мальчик поранился или упал. Может, даже сломал себе ногу или руку.

– Ох, Лоретта, – пробормотала Роуз. – Только этого нам не хватало. Нового несчастья. Будем надеяться, что тревога ложная и ничего ужасного

не случилось. Глянь-ка, – она кивнула на окно. – Уже выходят.

Три женщины устремили взгляд на вращающуюся дверь клиники. Лицо Лорны Колеман было искажено до неузнаваемости. Плечи укрывал плед. Молоденькая докторша что-то ей объясняла, но взгляд ее по-прежнему блуждал, как у пьяницы, которого только что разбудили после недолгого сна. Перкинс, не особо следивший за своей физической формой, вспотел, как свинья. Ему не было и сорока, но выглядел он гораздо старше, и дело было не в брюшке, которое становилось все более заметным, и не в начинающих седеть волосах, а в общей неряшливости и запущенности. Под мышками отчетливо выделялись темные круги пота.

– Похоже, дело – дрянь. – Пэтси подошла к Лоретте и сморщила носик, чтобы лучше видеть всю сцену. – Лорна вопит не умолкая. А сейчас они с Перкинсом пошли куда-то вместе. Похоже, доктор звонит Алану.

– У этого парня в конце концов крыша поедет, если мэрия не возьмет ему на подмогу кого-то еще. Подумать только: на все болячки в округе три человека.

Роуз пощелкала языком и повернулась к зеркалу в своем вращающемся кресле.

– Если что-нибудь посерьезнее, – проворчала она, – мы все окажемся в Портлендской больнице. А с другой стороны, чем ему заниматься? Эх, лично я с удовольствием бы за него взялась...

– Роуз, – прикрикнула на нее Пэтси. – Следи за языком.

Лоретта усмехнулась и снова посмотрела на улицу.

– Эта Лорна всегда была такой милашкой. Не представляю, как она ухитрилась выйти замуж за Пола. Ох уж этот Пол... Могла бы стать первой красавицей округа, а в итоге влачит жалкое существование.

Пэтси – черный халат поверх платья в цветочек, светлые волосы убраны в высокий хвост – посмотрела на нее пристально, но ничего не сказала.

– Чего смотришь? – спросила Лоретта.

– Ты серьезно, Лоретта?

– Что – серьезно? Когда ты так смотришь, ты похожа на Леди Гагу. Чего такого я сказала?

– Между прочим, Лорна вышла замуж беременная. Я думала, ты в курсе всех наших сплетен.

Лоретта вздохнула. Она выбросила сигарету, захлопнула дверь парикмахерской и замерла, уперев руки в бока. Живя в крошечном городишке, ты передаешь общественности авторские права на всю свою личную жизнь. Никто ничего не может сделать по секрету от остальных. И

если по какой-то причине – или же случайно – в прошлом ты накуролесил, так до конца жизни и тащишь за собой мешок с ошибками и неудачами. Люди не забывают – и не хотят забывать – дерьмо, в которое однажды наступили другие.

– С какой стати современная женщина не имеет права завести ребенка без какой-то никчемной свадьбы? – усмехнулась Лоретта.

Роуз поджала губы. Она сидела, вытянув перед собой руки со свежевыкрашенными ногтями и почти не шевелясь, если не считать вращения кресла туда-сюда. Прямо член экипажа «Аполлона-13».

– С такой, если она живет в городишке типа нашего, – ответила она.

Женщины смотрели на Лоретту пристально, недружелюбно. Холодок пробежал у нее по спине.

– Странно, что за такое короткое время произошло столько неприятностей, – произнесла она, меняя тему.

Лорна Колеман уселась в машину Перкинса, и оба исчезли за углом. Бобби все еще беседовал с доктором Лопес, а Лоретта с трудом преодолела в себе желание бегом устремиться к ним.

Она готова была поклясться, что на долю секунды видела под арками у входа в почтовое отделение высокого человека в черной шляпе.

Не успел Джим Аллен вернуться домой, как позвонил доктор Фостер. Разговор был краток, однако Джим долго не мог прийти в себя. Что происходит? Как за такое короткое время в этих краях могло произойти столько бед? Он не находил объяснений. Он понимал, что Алан – человек одинокий и в городе у него очень немного друзей. До недавнего времени его поддерживал пастор – что, безусловно, было существенно, – но этот звонок, это признание, которое Алан сделал насчет Томми, указывало на то, что доктор доверяет только ему и может опереться только на него одного. Это пугало и тревожило Джима, потому что он толком не знал, как в такой ситуации действовать и чем помочь.

– Это выбило из колеи весь город, – заметил Алан тем ровным, бесцветным тоном, на который неизменно переходил, когда случалась крупная неприятность. – Не нахожу объяснения происходящему, Джим. Томми – нормальный парень. Как он ухитрился выцарапать у себя спине этот «привет»? Но ведь и Роберт говорил, что Кэтрин Вудс видела в зеркале у Оуэнс такую же надпись. Парень не мог ничего написать у себя спине, это невозможно. Это просто бред какой-то!

Секунду Джим лихорадочно размышлял, не связаны ли последние события с призраком, духом, или с тем, кого он видел. Логика отошла на второй план, и слова Элизабет всплыли у него в мозгу, как эхо, доносящееся из неведомого далека: «Их боль за мою боль».

– Я звонил Роберту. Про гибель парней он знал, но понятия не имел о том, что произошло с Томми. Это был шок, особенно когда он услышал про надпись на спине. Потом он со всех ног бросился к Кэтрин. Думаю, пастор пытается найти ответ, как и всякий другой человек, оказавшийся в подобной ситуации.

– А как поступят с ребятами? Пойнт-Спирит организует им похороны?

– Полагаю, что да. Обе семьи живут в нашем городе. Однако точно я ничего не знаю. Что еще тебе сказать? С кем попало про такое говорить не станешь, к тому же нам вряд ли поверят. Не стану же я их убеждать, что доверяю Томми, потому что собственными глазами видел призрака в доме Мэри Энн Морелли?

Джим поинтересовался, что про все это думает шериф. Алан хмыкнул и несколько секунд молчал.

– Я взял у парня кровь на анализ, потом он сдал мочу, – произнес он

наконец. – Старик Ларк уверен, что Томми накачался какой-то дряни, от которой случаются галлюцинации. Что ж, я его понимаю. В других обстоятельствах я бы, наверное, думал то же самое. Ларк пообещал, что эту ночь Томми проведет в камере и будет оставаться там по крайней мере до тех пор, пока не придут результаты анализов. Я сам доставлю их в клинику. А что еще он может думать, Джим? Томми набросился на секретаршу. У бедной женщины была марионетка, которую ей подарил племянник: она ее прицепила к пластиковой ширме на своем рабочем месте. И что вы думаете? Как только Томми ее увидел, он просто взбесился.

– А если анализы будут плохие?

– Рано или поздно Томми должен вернуться домой, – уклончиво ответил Алан. – И дай бог, чтобы парень не сделал какую-нибудь глупость.

Отключив телефон, Джим погрузился в мрачные раздумья. Двое молодых ребят погибли на рассвете. За несколько дней до этого на потолочной балке в собственной гостиной повесилась женщина. А теперь еще и помощник шерифа клянется и божится, что за ним гналась гигантская марионетка, чтобы его убить. Как быстро и необратимо сдается здравый смысл, стоит абсурду нанести свой удар! Все, чему его учили в детстве, приобретало черты условности. У него не было времени даже на то, чтобы снять куртку или присесть в кресло и перевести дух. Засунув руки в карманы брюк, он вышел на веранду и пристально наблюдал, как беспорядочно бьются на ветру гибкие ивовые ветки. Похоже, в Пойнт-Спирите чуть ли не в каждом саду произрастала хотя бы одна такая ива. А кое-где и раскидистый дуб. Точно Джим вспомнить не мог, хотя, гуляя по улицам городка, часто любовался садами. Его воображение неспешно плыло над крышами Пойнт-Спирита, как вдруг пальцы нащупали в кармане уголок письма. Осторожно, чтобы не помять, он извлек его из кармана и уселся в кресло-качалку.

10 августа 1923 года, Пойнт-Спирит

Это было первое, что он увидел, аккуратно расправив пожелтевший листок бумаги.

Дорогая Джорджина!

Вероятно, это последнее письмо, которое я отправлю тебе перед отъездом, милая моя кузина. Ситуация весьма осложнилась с тех пор, как скончался

свекор. После его ухода мой супруг погрузился в глубочайшую меланхолию, и, несмотря на то что сейчас он постепенно приходит в себя, я за него очень переживаю.

Видит Бог, ничто не держит нас в этом месте. Люсьен не желает продолжать дело своего отца, да и никогда не желал. Нам с тобой отлично известно, что ради любви к отцу он принес в жертву мечты и страсть к музыке. И сейчас, когда отца не стало, ничего не привязывает моего супруга к здешней жизни. Ему не терпится вернуться в Париж, возобновить работу... Однако люди этого не понимают. Мне приходится опускать глаза всякий раз, когда мы гуляем по улицам Пойнт-Спирита, и, признаюсь тебе откровенно, я боюсь за себя, за Люсьена, за дитя, которое ношу во чреве. Возможно, все это лишь пустые тревоги, порожденные ситуацией, в которой все мы оказались. Но так или иначе весь город восстал против торговцев древесиной и промышленников. Людей пугает, что лесопилку продадут и они останутся без работы.

В следующий раз напишу тебе уже из Парижа. Моей перепиской занимается одна из служанок, которой я полностью доверяю. Ты не поверишь, Джорджина: я даже здешней почтой стараюсь не пользоваться. Иногда мне кажется, что все мы заперты в клетке, откуда нам не позволят выбраться.

В голову все время лезут печальные и тревожные мысли. А может, я просто хандрю.

Скучаю по тебе, моя дорогая кузина, и всем сердцем надеюсь, что разлука будет недолгой и очень скоро мы снова будем вместе.

С любовью и благодарностью,

Беатрис Мори

Он неподвижно рассматривал пожелтевший листок, затем сложил его и сунул в наружный карман куртки. Это письмо являлось неоспоримым доказательством того, что некогда в доме сестер Морелли в самом деле

проживало семейство Мори. Что, если в доме все это время присутствовало нечто, не желавшее его покидать и годами жившее бок о бок с сестрами? Он не знал, что именно тяготило этих людей. Не знал даже толком, кем были эти люди. Вероятно, речь шла о той самой семье, а раз так, он выбрал верный путь, выясняя судьбу лесопилки. Сто лет назад дом принадлежал Тобиасу Мори и его семье, от которой не осталось и тени после смерти патриарха. У Джима снова возникло предчувствие, что от него ускользает что-то очень важное. Люди так просто не исчезают, тем более во времена не столь отдаленные. Возможно, семья Люсьена Мори уехала и обустроилась в Париже. Но раз так, почему Ларри и другие его помощники в Сан-Франциско ничего про них не нашли? А может, они изменили имена? Проще говоря, спрятались?

Внезапно Джим вспомнил слова деда, которые слышал в далеком детстве: «Ива – символ тоски и разбитого сердца».

«Если присмотреться, в каждом из этих садов есть хотя бы одна ива, – подумал он. – Тоска безмолвия, горькие слезы разбитого сердца... А может, эти ивы росли здесь всегда и ничего такого не означают?..»

Роберт отметил, как дрожала чашка чая всякий раз, когда Кэтрин брала ее в руки, чтобы сделать глоток. Пожилая женщина явно нервничала, хотя, встречаясь с ним глазами, по привычке принимала загадочный вид, за которым, быть может, прятала страх. Пастор не понимал, что выражает ее усталое, измученное лицо. Для этого нужно было разгадать значение каждой морщинки, внимательно изучить взгляд, отмеченный недоверием и сомнением.

Волосы Кэтрин были кое-как убраны в пучок. Когда она вставала, чтобы сходить за чем-нибудь на кухню, тапочки волочились по полу, издавая шаркающий стариковский звук. На платье в цветочек пастор заметил масляное пятно, поверх красовался затрапезный кухонный передник, к тому же старушка забыла надеть нарядные кольца, прежде украшавшие ее пальцы, а заодно и жемчужное ожерелье, которое, по словам самой Кэтрин, она не снимала, потому что это был подарок мужа.

Утрата близкой подруги и страшная сцена, невольным свидетелем которой она стала, вынудили ее в некотором роде махнуть на себя рукой; именно такое впечатление сложилось у Роберта, когда он в тот вечер вошел в ее дом. Эта женщина, обычно такая веселая и неунывающая, теперь напоминала несчастную и покинутую мисс Хэвишем, персонаж Диккенса, в подвенечном наряде, стоявшую перед столом со множеством блюд, к которым она не притронется.

– Накануне смерти Лоррейн я знала: что-то случится, – проговорила она глухим, печальным голосом, выслушав Роберта. – Я чувствовала его присутствие в ту ночь, пытаюсь уснуть. Со мной такое случается. Но вы же понимаете, с кем попало про это говорить не станешь. Примут за сумасшедшую. А мне и так неплохо жилось, не было нужды привлекать к моим способностям дополнительное внимание.

– Вы имеете в виду призрак? Тот, который я видел у Мэри Энн?

– Возможно, – ответила она. – Надеюсь, вам не покажется полной чушью то, что я вам сейчас расскажу. Этот мир населяют не только люди, но и духи. Духов видят люди, обладающие особым даром. Такие как я, например... Духи любопытны, им не нужно особого повода, чтобы наблюдать за людьми. Одни приходят и уходят. Другие пытаются вступить с людьми в контакт, чтобы что-то сообщить или просто поучаствовать в их жизни. В ту ночь это существо за мной наблюдало. Оно не делало попыток

заговорить. Но я его чувствовала. И каким-то образом оно сообщило: что-то вот-вот произойдет.

– Сообщило? Значит, оно с вами как-то общалось.

– Нет, ваше преподобие. Иногда духи сообщают информацию произвольно, она как будто привязана к ним. Но я умею считывать нужные сведения так, что духи этого даже не замечают. В ту ночь я уловила странный свистящий звук и поняла, что надо срочно позвонить Лоррейн. А потом все это случилось... Ужас, просто ужас.

Старушка заплакала. Роберт поднялся со своего места и сел рядом с ней.

– В городе кошмар, – всхлипнула она. – Эти ребята... и этот «привет»: клянусь, я видела его в зеркале.

Старушка вытерла слезы кружевным платочком, который достала из кармана фартука. У Роберта защемило сердце. Он взял ее за руку.

– Успокойтесь, миссис Вудс. Все мы сейчас переживаем тяжелые времена. Честно говоря, не представляю, как вести себя в подобной ситуации, но мы обязаны держать себя в руках.

– У всего есть причина, – произнесла Кэтрин чуть слышно, поднося платок к носу. – Такие вещи просто так не случаются, ваше преподобие. Надо понять, как эти происшествя связаны между собой, выяснить, что общего между всеми этими людьми. Поверьте: что-нибудь да найдется. Вы прожили здесь всю свою жизнь. Ваши предки тоже родились и выросли в Пойнт-Спирите. Вы лучше, чем кто бы то ни было, сумеете разобраться в происходящем, а заодно выяснить, кем является это существо и чего ему надо.

– Выяснить причину этих смертей невозможно. Они случайны. А ваша подруга совершила самоубийство, – отозвался Роберт, машинально трогая свой поврежденный нос. Перелома в итоге не обнаружили, однако след от удара все еще болел. К тому же пастор боялся, что у него снова откроется кровотечение. Этого только не хватало. Особенно на глазах у этой несчастной женщины.

– Именно этого он и добивается, – продолжала Кэтрин. – Мало того: с каждым разом он будет все сильнее. Он не просто предупреждает – он смеется над нами. Он нас даже приветствует! Вы понимаете, что я хочу сказать?

Роберт откинулся на спинку стула, машинально рассматривая портреты, расставленные на полках, тумбочках и столиках. Дрожащей рукой старушка взяла чашку и сделала глоток. За окнами ветер яростно раскачивал ветки деревьев. Краем глаза Роберт заметил какого-то человека,

бежавшего по улице. Он не спеша встал и приблизился к окну. Гортензии, украшавшие крыльцо, тоже подрагивали от ветра. Роберт внимательно осматривал улицу. В кармане брюк ожил телефон, но пастор не обращал на него внимания.

– Карты не лгут, ваше преподобие, – сказала Кэтрин. На этот раз в ее голосе звучала уверенность. – Я уже несколько дней не вылезаю из дома, боюсь попасться на глаза соседям: замучают дурацкими вопросами. И не нужно мне их сочувствие, не хочу видеть их кислые лица. Вы – священник и вряд ли верите, что карты говорят правду. Однако готова поклясться, не опасаясь, что вы примете меня за идиотку: карты никогда не лгут, они уже рассказали мне очень много.

Роберт медленно повернулся к Кэтрин. Глаза у старушки были широко открыты, тело напряжено, спина выпрямлена, руки лежали на столе. Перед ним вновь была испуганная Хелен Бонэм Картер в роли мисс Хэвишем.

– Похоже, призрак, который вы с писателем застали в комнате Мэри Энн Морелли, и тот, кто делает все эти вещи, – одно и то же существо. Сложно представить, что их несколько. Лично я уверена: это одних и тех же рук дело. Вы говорите, сестры видят его много лет подряд. Это началось после смерти Виктора, отца девочек, не так ли?

– Да, все верно.

– Это очень плохо, ваше преподобие, – продолжала она. – Вряд ли он навредит этой семье, но и добра от него не жди. В нем много ненависти, эта ненависть сопровождает его с самого начала. Такие существа дремлют и до поры до времени никак себя не проявляют, пока что-то их не разбудит. Во всех раскладах карты говорят мне о боли и несчастьях, о какой-то угрозе и бедствиях, которые сами собой не минуют.

– Миссис Вудс, скажите честно: что нам делать? Как, по-вашему, правильнее всего было бы поступить? – перебил ее Роберт, возвращаясь на свое место. – Я понимаю, что задавать вам такие вопросы не совсем логично, учитывая, что я священник. Но сейчас мне кажется, что обычная молитва нам не поможет, поймите меня правильно. У меня есть вера, но я не решаюсь просить у Бога объяснений...

Кэтрин невесело усмехнулась.

– Не решаетесь, потому что знаете, что это бесполезно... Но молиться вам все равно придется, когда это существо перед вами появится.

Роберту стало не по себе: это было уже слишком.

– По вашим словам выходит, что дух желает общаться исключительно с Мэри Энн. Когда вы вошли в комнату, он пропал. Но коварная улыбка, которая, по-вашему, была у него на лице, означает одно: он ждал этой

встречи, он искал ее. Найдите связь между всеми людьми, с которыми в последнее время произошло нечто необычное, дайте ей имя – это единственная возможность ему противостоять. Ищите причину. Повторяю: всему на свете можно найти какое-то объяснение.

* * *

Когда Роберт вышел из дома Кэтрин Вудс, у него заболела голова. Городок словно вымер. На улицах стояла непривычная тишина. Шагая к церкви, пастор перебирал в памяти лица людей, с которыми после смерти Пенни случилось какое-нибудь несчастье. «Найдите связь», – снова и снова мысленно повторял он. Он вошел в деревянную калитку и направился к крыльцу церкви, как вдруг у него возникло чувство, что кто-то за ним наблюдает. Он повернул голову вправо и посмотрел на другую сторону улицы, но взгляд был словно затуманен: кружилась голова, его мутило. Он с трудом попал ключом в замочную скважину, перешагнул порог и запер за собой дверь. Опустился на скамейку в последнем ряду, перевел дух. Пошатываясь, добрал до пресвитерия. Дверь в крошечный кабинет была приоткрыта. Открыв ее, он чуть не потерял равновесие. Где-то поблизости должен быть стол. Все еще держась за ручку двери, чтобы не грохнуться на пол, он закрыл глаза. Он старался не обращать внимания на толчею образов, наводнявших его сознание. «Амелия», – пробормотал он.

– Что со мной происходит? – произнес он чуть громче слабеющим голосом.

Кабинет закружился вокруг него. Казалось, все превратилось в ярмарочную карусель, а Роберт сидит на одной из лошадок, вращающихся по кругу.

«Бог – это не любовь, Роберт, – прозвучало у него в голове. – Это разрушительная и несправедливая сила. Он наказывает своих детей, бросая их на произвол судьбы. Взять хотя бы тебя...»

В какой-то миг он утратил чувство реальности. Рухнул на ковер, кое-как дополз до ножки стола, ухватился за нее руками, с усилием поднялся на ноги и застыл, сгорбившись над столешницей. Что он должен сделать? Возможно, что-то важное, но сейчас он не помнил, что именно. Телефон настойчиво жужжал в кармане штанов.

– Еще чаю, ваше преосвященство? – услышал он голос миссис Вудс.

«Ты хороший человек», – голос Амелии также отчетливо прозвучал в

его голове. Он повернулся к диванчику, стоявшему у противоположной стены возле шкафа. «Хороший человек, хороший человек, хороший человек...»

Он повалился на пол лицом кверху. Над головой, словно в замедленной съемке, проносились лопасти вентилятора. Он не помнил, как его включил, не помнил толком даже беседу с миссис Вудс всего лишь несколько минут назад. Что с ним? Он увидел, как над ним склоняется лицо Амелии, искаженное недоброй и лукавой улыбкой. Длинные пальцы погладили его по щеке.

– Знаешь, Роберт, – насмешливо, с вызовом проговорила она, – а ведь мы с тобой можем быть не просто друзьями. Представь себе: ты и я. Ханжа и лицемер – чем не пара?

– Амелия... Со мной что-то происходит...

Лицо Амелии качнулось подобно голограмме. Она по-прежнему улыбалась. Ее рука воровато скользнула по его груди, он чувствовал, как одна за другой расстегиваются пуговицы на рубашке, как жаркие пальцы прикасаются к его пылающей коже. Внезапно что-то его обожгло.

– А вот и она! – победно воскликнул голос. – А что, миленькая татуировка! Такая модная и такая неожиданная на теле служителя церкви. Ну-ка расскажи, что она означает, лицемерный ты лжец, – прошептала она, заглядывая Роберту в глаза и свободной рукой ощупывая ему пах. – Уж я-то знаю, что у тебя за секрет... Я в курсе всех твоих темных страстишек и знаю, как заставить тебя признать очевидное.

– Этого не может быть... – он стиснул зубы, стараясь сбросить наваждение. Острая головная боль становилась все сильнее. – Нет...

– Даже боль не мешает тебе ее хотеть. Вот оно, твое желание, дружок пастор. У меня под пальцами...

Качнувшись, Амелия лизнула его щеку. Будто бы разряд тока ударил в грудь. Он изогнулся, подумав, что умирает.

– Ты... ты не Амелия.

Нахальные пальцы шарили у него между ног. Изображение вновь дрогнуло, превращаясь в ухмыляющуюся мужскую физиономию. Рядом с Робертом на коленях стоял мужчина – тот самый, которого он встретил в комнате Мэри Энн.

– Итак, что мы видим? Всемогущий Бог покинул человека, которого так обожал... – ехидно проговорил голос. – Отвечай, пастор: где твой Господь?

Роберт попытался что-то произнести, но дышать становилось все тяжелее: боль была обжигающей, нестерпимой. Расплывчатая фигура

становилась более отчетливой. Рука в перчатке лежала на обнаженной груди Роберта. Мужчина был молод, лицо его было бледно, а глаза темны, как и его душа.

– Зачем ты это делаешь? Кто ты?

Жесточайшая судорога сотрясла его тело. Он чувствовал, как бешено колотится сердце под мягкой кожей перчатки, лежавшей поверх татуировки, как рука обжигает жаром. Тело Роберта пылало!

– Но ты не последний... – прошептало существо, распрямляясь и отступая. – Нет, ты не...

Боль утихла в тот самый миг, как существо убрало свою руку. Он видел, как колыхнулось пальто, когда оно к нему повернулось, как внезапно оно ссутулилось и прикоснулось пальцами к шляпе, словно кланяясь на прощание.

– Кто ты? – только и успел спросить Роберт, теряя сознание.

Ночью Мэри Энн видела во сне древний лес. Она шла по тропинке между пышной зелени огромных деревьев, подол ее длинного платья задевал за ветки, превращаясь в лохмотья. Но она этого будто не замечала. Важно было одно: ей нужно бежать, бежать как можно быстрее. Женщина в старомодной шляпке и с черной косой, змеившейся между лопаток, умоляла Мэри Энн держаться подальше от дома: только в лесу она почувствует себя в безопасности. Но ей было страшно, очень страшно. Она увидела ручей и наклонилась напиться. Лицо, отразившееся в чистой воде, принадлежало женщине, похожей на нее. Но это была не она. Мэри Энн прикоснулась ладонями к щекам, смочила затылок и выпрямилась. К ней приближались чьи-то голоса. Вдалеке замаячили факелы. Похожие на горящие спички, они то и дело исчезали за необъятными стволами деревьев и появлялись вновь, теперь уже ближе.

Она всматривалась в ночь, различая все ее тайные, приглушенные звуки, и одновременно старалась найти выход из безнадежного отчаяния. Позади рощи, на склоне горы, среди пышных древесных крон виднелась громада лесопилки. Мэри Энн двинулась в ее направлении, стараясь прятаться в тени деревьев. Голоса звучали все ближе, и она вовсе не была уверена, что впереди ждет надежное убежище, где можно укрыться от этого кошмара. Но от кого она убегает? И почему ей так страшно?

Она проснулась внезапно, в холодном поту. Остаток ночи уснуть так и не удалось. Не было семи утра, когда она наконец встала. Как ни странно, чувствовала она себя бодрой и отдохнувшей. Она обошла весь дом в поисках каких-либо признаков присутствия таинственного человека, но ей уже не было страшно. Нет, в доме его нет. Возможно, именно поэтому она чувствовала себя лучше. Она была почти уверена, что существо вытягивало из нее энергию всякий раз, когда появлялось. Она мгновенно теряла силы. Отчасти из-за этого боль, связанная с потерей дочери, становилась гораздо сильнее, острее. Первую половину дня она занималась домашними делами, сопровождаемая пристальными взглядами Карлоты и Амелии, которые то и дело спрашивали, действительно ли она себя хорошо чувствует и достаточно ли окрепла для хозяйственной суеты. Она знала одно: эта активность – как раз то, чего требовал ее рассудок; ей необходимо было чем-то себя занять.

Элизабет обрадовалась, застав мать в бодром расположении духа.

– Я рада, что тебе лучше!

Мэри Энн улыбнулась, затем подошла к дочери вплотную и поцеловала в щеку.

– Не уверена, что это надолго. Но сегодня я правда чувствую себя гораздо лучше, солнышко.

Элизабет поделилась планами на день, заметив между прочим, что после обеда отправится в библиотеку, где просидит до вечера. Мэри Энн это показалось отличной идеей.

– Перекушу с Сарой в «Коконуте». Ты же знаешь, у меня не так много подруг и мне бы хотелось хотя бы изредка встречаться с ними. Тем более если ты чувствуешь себя хорошо.

Ворвавшись как ураган со стопкой простыней в руках, Карлота повернулась к Элизабет и удивленно выгнула брови.

– Как ты сказала? До вечера? – воскликнула она возмущенно.

Элизабет покосилась на бледное лицо матери. Внезапно ей стало жаль их обеих, и она решила не лгать.

– Возможно, на обратном пути я зайду к Джиму Аллену. Если ты не против, мам...

Карлота уронила простыни на столешницу и, уперев руки в бока, уставилась на девушку, как охотничий пес на добычу.

– Что, прямо к нему домой? И что ты собираешься там делать, позволь спросить?

– Карлота, прошу тебя, успокойся... – взмолилась Мэри Энн, – пусть она сама все объяснит!

Элизабет рассказала про книги, которые ей когда-то подарил отец. Она была уверена, что их всего две, но, порывшись в одном из ящиков на чердаке, нашла еще три книги. Ей бы очень хотелось, чтобы Джим Аллен их тоже подписал. Она пояснила, что писатель живет относительно рядом, в домике Лоретты Порто, хозяйки «Укулеле». Она побудет у него совсем чуточку. С ним так интересно разговаривать. Несмотря на объяснения, Карлота по-прежнему была мрачнее тучи. Яростно вращая глазами, она глядела то на сестру, то на племянницу. Мэри Энн тоже смотрела на дочь, но ее взгляд выражал нежность и грусть.

– Ладно, Эли. Но будь благоразумна. Договоримся так: разрешаю тебе зайти к нему с условием, что я лично заберу тебя до ужина.

– Мэри Энн, ты что, спятила? – воскликнула Карлота, все еще держа руки на талии. – Вообрази, что скажут соседи, увидев, как шестнадцатилетняя девчонка является в дом к мужчине!

Элизабет зарделась, бросилась в объятия матери и страстно ее

поцеловала.

– Не думаю, что соседям есть дело до того, что делает и чего не делает моя дочь. К тому же я сама ее заберу. Пусть лучше Эли проведет вечер, болтая о книгах, чем в компании гормональных подростков.

– Но Мэри Энн...

– Это мое решение, – заключила она. Пригладила пальцами каштановые завитки Элизабет и поцеловала ее в лоб.

Элизабет выскользнула из кухни и понеслась к себе наверх собираться, а Карлота все еще стояла, уперев руки в бока и почти не шевелясь, даже не моргая.

– Мы не должны слишком ее опекать.

– Еще совсем недавно ты так не считала, – презрительно ответила Карлота.

Мэри Энн посмотрела на сестру с глубочайшим сочувствием.

– Видишь ли, я боюсь за дочь, когда она здесь, в нашем доме. Под одной крышей с этим... Кем бы он ни был.

Карлота скисла, но ничего не ответила. Она мрачно взглянула на сестру, собрала волосы в хвост и принялась складывать простыни. Мэри Энн улыбнулась своей обычной улыбкой – снисходительной и немного лукавой, которой она не улыбалась уже очень давно.

– Что-то я не припомню, – заметила она, – с каких пор тебя беспокоит, что думают другие. Держи за тот уголок, а то простыня волочится по полу.

– С тех пор как одна из моих сестер флиртует с местным пастором, – нахально ответила Карлота, взяла простыню и с вызывающим видом встала напротив сестры.

Мэри Энн покосилась на дверь, но Амелии видно не было. Она опасалась, что через некоторое время обнаружит ее багровую от стыда, с опухшими глазами.

– И еще, – не унималась Карлота, – Эли шестнадцать, а этот ваш писатель – мечта девчонок ее возраста: красивый, обеспеченный, знает жизнь. Господи, да он запросто может... – она понизила голос, будто собиралась что-то сказать по секрету, и придвинулась к Мэри Энн почти вплотную: – Он запросто может воспользоваться ею.

– Виктор был старше меня почти на двадцать лет. И меня это не пугало, – пожалала плечами Мэри Энн. – Когда мы познакомились, мне было примерно столько же, сколько Элизабет. Не думаю, что мы должны беспокоиться о том, что моя дочь имеет или не имеет права чувствовать. Чем больше запретов и препятствий, тем сильнее девушке ее возраста хочется взбунтоваться. Вдобавок Элизабет потеряла сестру и отца. Я не

собираюсь спорить с ней и делать ее еще более несчастной.

– Он из Сан-Франциско, Мэри! А ты не боишься, что он влюбится в твою дочь и разобьет ей сердце?

Мэри Энн положила сложенную вдвое простыню на стол и ласково обняла Карлоту за плечи.

– Не стоит беспокоиться из-за ерунды, Карлота. Если бы у меня был шанс вытащить дочь из этой дыры, я бы не сомневалась ни секунды. И если ей доставляет удовольствие болтовня с этим писателем, препятствовать их общению я не собираюсь. Впервые за много дней я чувствую себя лучше и не стану никому ничего запрещать.

Карлота поцеловала ее как раз в тот миг, когда дверь распахнулась и вбежала Амелия, держа в руке мобильный телефон.

– Звонил Алан. Что-то случилось с сыном Лорны Колеман, – выпалила она, переводя дыхание и убирая со лба растрепанные волосы.

Карлота и Мэри Энн переглянулись.

– Дэнни? Тот, который дружил с Пенни? – Мэри Энн опустилась на стул. – Что произошло?

– Утром он проснулся какой-то странный. Врачам Лорна сказала, что он неважно себя чувствовал. Она решила, что это грипп, и уложила его в кровать. До обеда он спал. Когда она принесла ему еду, Дэнни так и не проснулся. Он ни разу не заговорил, а когда наконец спустился вниз, вид у него был ужасный. Он выглядел как помешанный. Через два часа впал в кататонический ступор: глаза широко открыты, а сам не шевелится. Вот ужас-то! Застыл, уставившись в стену. Стоит и не двигается!

– Не может быть!

– Алан говорил еще что-то, но я ничего не поняла. Это все, что я могу вам рассказать. Просто кошмар, что творится в городе.

– Господи помилуй!

– Он звонил узнать, не видели ли мы Роберта. Весь вечер хочет с ним о чем-то переговорить, но телефон не отвечает, и дома его нет.

– Может, он в церкви? – предположила Мэри Энн.

– Алан как раз туда направлялся.

Мэри Энн вздохнула. Было заметно, что у нее дрожат руки.

– Это он... – прошептала она.

– О ком ты говоришь? – Амелия ничего не поняла.

– Это он, Амелия. Тот, Кто Шепчет... Все, что происходит, – его вина.

Я это точно знаю.

Карлота взяла ее руку и крепко сжала.

– С чего ты взяла?

– Я уже не чувствую его так, как раньше. Он слишком занят. Собирается кому-то мстить.

– Что ты такое несешь, – не выдержала Карлота. – Ничего не понимаю.

Глаза Мэри Энн перебежали с предмета на предмет, она явно пыталась что-то вспомнить.

– Что-то ужасное случилось в лесу. И он взбешен. Он сам мне об этом сказал.

– Когда?

– Не знаю. Иногда я вижу странные сны. Чаще всего, просыпаясь утром, я ничего не помню, но иногда они похожи на чьи-то воспоминания... Я думала, что это ночные кошмары, которые все видят время от времени. Но с тех пор, как умерла Пенни, я вижу их постоянно.

– Что ему от нас нужно? – Амелия едва сдерживала слезы. Она уселась на один из стульев и вздохнула. – Почему, почему все это происходит?

– Не знаю, – заплакала Мэри Энн. Она запрокинула голову, стараясь успокоиться, но губы дрожали. – Понятия не имею, что ему надо от меня. Все время боюсь, что он хочет что-то от моей дочери. Он стал гораздо решительнее с тех пор, как умерла Пенни. Любое несчастье его притягивает, Амелия. Но сейчас все иначе. Пенни с ним разговаривала, вы знали об этом? Она беседовала с ним, а мне казалось, что она бредит, потому что она была уже на волоске от смерти. А теперь сплошные беды и несчастья! Это все он!

– Мэри, пожалуйста, успокойся.

– Он питается нашим горем, Карлота. Каждая слеза, каждая агония, каждый крик ужаса – его пища. И с каждым разом он все сильнее.

– Но Дэнни – ребенок! Почему ты думаешь, что виноват именно он? Какой ему прок обижать ребенка?

Мэри Энн посмотрела на сестер и задумчиво покачала головой.

– Этого я не знаю...

Пол Джонс припарковал свой «Бронко» семьдесят восьмого года в переулке, соединявшем центр города с улицей Коламбия. Крошечная гавайская танцовщица, украшавшая приборную панель, качнулась, поводя бедрами из стороны в сторону, в то время как сам Пол размышлял, по какой дороге двинуться дальше. У него были две цели, и обе одинаково важные. В ту ночь кто-то разорвал цепь, обозначающую границы его владений и украшенную табличкой, которая гласила:

**ВНИМАНИЕ: ЗДЕСЬ ПРОЖИВАЕТ ЛЕСОРУБ! ОН
КУСАЕТСЯ**

Но это еще не все. Сама табличка была вымазана собачьим дерьмом. Вот так, ни много ни мало. Он даже вообразить не мог, кому понадобилось подобное святотатство. Любой житель их городка прекрасно знал, что характер у Джонсона не подарок, к тому же старик вооружен. Отец вечно твердил, что лучшая защита имущества от незваных гостей – дробовик. Сам Пол был счастливым владельцем «Винчестера» и «Ругера М77», не считая двух револьверов, которые прятал в шкафу у себя в комнате, а заодно и мелкашки: убить не убьешь, но напугать можно. Однако сейчас он преспокойно стоял на верхотуре, откуда открывался вид на город, прикидывая, как поступить – направиться ли первым делом на бензоколонку Молоски и взять пару бутылок Jack Daniel's или заглянуть в скобяную лавку и купить еще одну цепь из самого крепкого железа, какое найдется. Но в итоге все это показалось ему тупой и бессмысленной тратой времени. На самом деле он медлил не потому, что не мог выбрать, куда ехать в первую очередь, а потому, что был взбешен, очень взбешен, и хотел успокоиться. Он протянул руку, вытащил из бардачка пачку «Пэл-Мэл», достал сигарету и прикурил, выпустив одно за другим несколько дымных колечек. Затем нажал на газ и медленно покатил по улице. Танцовщица снова задвигалась, покачивая ручками вправо-влево.

– Решай ты, Лула Поп, – строго обратился он к красотке, – куда повернуть: налево или направо?

Танцовщица замерла, указывая длинными резиновыми ручками вправо. Решение было принято: сначала он едет в скобяную лавку и только потом за виски. Он собирался повернуть, как вдруг прямо перед собой увидел минивэн доктора Фостера. Доктор, необычайно серьезный и

сосредоточенный, махнул ему рукой и умчался в неизвестном направлении. Джонс проводил глазами автомобиль, скрывшийся за поворотом, и продолжил свой путь. Интересно, зачем Алану Фостеру минивэн, спросил он себя, выпуская очередное колечко дыма. Живет один, детей нет.

Вскоре старик купил цепь – такую толстую и тяжелую, что ее не разорвет и сам дьявол. Заехал на заправку, после чего направился в сторону дома. На заднем сиденье его автомобиля ехали два пластиковых пакета и ящик пива «на всякий пожарный». Джонс жил на окраине Пойнт-Спирита в старом доме из клееной стружки, который в любой момент мог рухнуть, но Джонс особо не парился. Ему было восемьдесят, и дом запросто мог его пережить. Он припарковал «Бронко» напротив крыльца и чуть не заработал инфаркт, когда вылез из машины и увидел табличку, все еще измазанную собачьим дерьмом. Кто-то оторвал буквы, а сверху красной краской написал:

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ: ЛЕСОРУБ – ТИПИЧНЫЙ СТАРЫЙ МУДАК

Физиономия Джонса вспыхнула, как спираль в обогревателе. Он поправил пряжку на ремне, на котором держались его мешковатые вельветовые штаны, и достал с заднего сиденья пакеты и ящик с пивом. Поравнявшись с плакатом, яростно пнул его ногой. Тот подлетел в воздух и шлепнулся на газон, а Джон широкоим шагом зашагал к крыльцу, изрыгая на ходу отборные ругательства. Аккуратно отпер дверь, так что ни одна бутылка пива не упала, и вошел внутрь. Пахло сыростью и запустением. Недокуренная сигарета все еще торчала у Джонса изо рта. Он поставил пакеты на стол в гостиной и прислушался: отчего-то ему стало не по себе. Что-то было не в порядке. Очень не в порядке. Он проследовал в кухню, чтобы убрать пиво в холодильник, и замер будто парализованный: все стены, мебель, а заодно и электроприборы были в собачьем дерьме. Волна тошноты покатила от желудка к горлу. Пришлось выплюнуть сигарету и зажать рот рукой, иначе бы его стошнило. Кто сотворил это свинство? Он взял окурки и бросил его в мойку. Нет, в это невозможно поверить! Он повернулся, чтобы выбежать вон. Терпеть тошнотворную вонь было невозможно.

Ванная располагалась справа. Джонс бросился туда: очередной приступ подсказывал, что, если он не поспешит, его вытошнит прямо на ковер. Вошел в ванную комнату. Крышка унитаза была поднята, он встал на колени, склонился над унитазом и выbleвал из себя все вплоть до утренней

каши. По-прежнему стоя на коленях, смотрел, как вода из бачка уносит остатки рвоты. Затем поднял глаза на шторку, закрывавшую ванну. Поискал на ощупь полотенце, чтобы вытереть пот со лба, но не нашел. Повернул голову к раковине. Им вновь овладели ярость и отвращение. На зеркале виднелась надпись заглавными буквами, сделанная чем-то красным: «ПРИВЕТ, ЛЕСОРУБ-ПРЕДАТЕЛЬ».

В семь вечера Алан Фостер обнаружил преподобного Роберта Маркусо в церкви на полу в состоянии полнейшего отчаяния. По крайней мере, так доктору показалось с первого взгляда. Роберт дышал с заметным трудом. Насколько знал Фостер, он не страдал ни астмой, ни болями в груди. Одновременно на другом конце города Джим Аллен получил электронное письмо из Сан-Франциско, совершенно сбившее его с толку. У него не было времени, чтобы осознать прочитанное: юная Элизабет позвонила в дверь его дома, и сообщение пришлось закрыть, чтобы она его не увидела.

В три минуты восьмого шериф Ларк начинал терять терпение, слушая судорожные всхлипывания Томми Нортон в камере внутренней тюрьмы. Он видел в окно, как проехала машина «Скорой помощи», увозившая Дэнни Колемана в больницу Портленда. Мать, скорее всего, сидела внутри машины рядом с носилками, на которых лежал ее сын. Позади ехал Пол Колеман на своем немецком автомобиле. Шериф не обращал внимания на причитания сидящей за соседним столом Элен, которая все еще старалась починить подаренную племянником марионетку. Она безнадежно всхлипывала, как девчонка, которую бросила первая любовь, и ругала Томми, обещая прибить на месте, если он хоть пальцем притронется к ее кукле. Не заметил шериф и красного пикапа старика Джонса, который пронесся как молния, даже не притормозив на зебре перед библиотекой. С каждым годом старик становился все более вздорным, пора бы подумать о том, чтобы отобрать у него водительские права, не говоря уже о разрешении на пользование оружием. Не хватало только, чтобы в один прекрасный день доходяга попал в аварию или подстрелил кого-нибудь из соседей.

В семь часов тридцать две минуты Амелия Морелли готовила в кухне ужин, пока Карлота, ее старшая сестра, вышивала в гостиной. На втором этаже Мэри Энн, сидя на кровати, расчесывала волосы. Если все пойдет по плану, она заберет Элизабет перед ужином, а затем заглянет к Алану. Благодаря доктору она чувствовала себя лучше, и им многое предстояло обсудить.

Бар Лоретты Порто был в этот час забит народом. Самое время перехватить пивка до наступления пятничного ужина, пока по небу бегут серебристые облака, предвестники скорого дождя. Сидя за одним из столиков, Роуз Бейкер и парикмахерша Пэтси болтали о возможных

причинах загадочного недуга, сразившего Дэнни Колемана. Роуз вела у мальчика уроки в школе и, не обращая внимания на шушуканья и сочувственные возгласы, справедливо заметила, что подобные вещи случаются лишь в том случае, если ребенок перенес травму. Пэтси ответила, что на него, возможно, повлияла смерть Пенни, но Роуз не была в этом уверена, поскольку знала, что Дэнни – ребенок сильный, к тому же необычайно зрелый для своего возраста, хотя и не исключала, что случившееся могло отразиться на его здоровье.

За два столика от них только что вошедший Пол Джонс, махнув рукой, подозвал Лоретту и заказал бутылку виски. В носу у него все еще стояла вонь собачьего дерьма. Он старался не думать о том, как вернется домой и будет убирать это безобразие. Набраться как следует перед возвращением в этот ад – уж тогда-то никакая вонь ему не помешает, даже если он утонет в дерьме с головой. В супермаркете Джонс купил несколько банок едкого щелока, четыре пары резиновых перчаток и баллончики с освежителем воздуха, способные ароматизировать целую армию. Поймать бы этого чертового сукиного сына! Уж он его хорошенько проучит! Пустит пулю в задницу. Закопает в лесу, и пусть его черви жрут.

Было семь сорок три, когда дверь «Укулеле» распахнулась. Мужчина в шляпе и черном пальто вошел в бар и уселся за свободный столик. Лоретта его не заметила, потому что как раз в этот момент сражалась с пультом от телевизора, безуспешно пытаясь включить какой-нибудь музыкальный канал. Зато Роуз Бейкер повернулась, чтобы его рассмотреть. Человек был высок ростом и внешне достаточно привлекателен: в своем ковбойском наряде он казался таинственным и романтическим. А главное – был не из местных. Пэтси вполголоса заметила, обращаясь к подруге, что выглядит этот тип как уличный торговец из подросткового комикса, из тех, что распахивают пальто и бормочут: «Эй, чуваки, у меня кое-что для вас есть». Однако на Роуз он произвел впечатление очаровательного и загадочного незнакомца. По ее мнению, парень явно прибыл издалека и решил немного отдохнуть и развеяться. Вид у него и правда был на редкость своеобразный, хотя, к чести его, надо заметить, что не на каждом проходимце подобная шляпа сидела бы так ловко.

В семь часов сорок шесть минут один из посетителей, игравших в дартс, потребовал от приятеля, чтобы тот повторил свою последнюю фразу. Приятель, который понятия не имел, что имеется в виду, развел руками и улыбнулся, как вдруг получил крепкий удар кулаком в зубы. Молоски, хозяин заправки, сидел у барной стойки, когда двое его соседей устроили потасовку. Один был длинный, сутулый, с неизменной зубочисткой в зубах,

которую вынимал, лишь собираясь сделать глоток пива. Молоски остолбенело глазел на драку, пока Лоретта замахивалась пультом на обоих дерущихся, а третий тем временем пытался их разнять. Внезапно он явственно услышал, как Рубенс, местный почтальон, сидевший через две табуретки, поинтересовался, хорошо ли сосала его мамаша. Он вытаращил глаза, не веря тому, что слышит. Рубенс был трусоватый заморыш, наполовину лысый и редко подававший голос, и все-таки он готов был поклясться, что последняя фраза вылетела именно из его рта, особенно после того, как Рубенс улыбнулся вызывающей улыбкой. Разумеется, секунды не прошло, как он запустил в голову почтальону стакан с джином. Теперь в кафе была уже не одна драка, а две. Стулья летали по всему заведению: как только кто-нибудь из посетителей вмешивался, пытаясь разнять дерущихся, на него также обрушивался град тумачков. Лоретта укрылась за стойкой. Пэтси и Роуз Бейкер дергали дверь, чтобы выскочить вон из кафе, но дверь заклинило. Вокруг разгоралось настоящее побоище. Единственным, кто сохранял самообладание, был старый лесоруб Джонс, который тихонько попивал свой виски в глубине заведения, будто происходящее совершенно его не касалось, да человек в шляпе, преспокойно разглядывавший происходящее. В конце концов Пэтси заявила Роуз, что та бы давно уже открыла чертову дверь, если бы не жирная задница. Роуз посмотрела на нее с ненавистью, толкнула дверь еще раз, та поддалась, и обе шлепнулись на тротуар. Человек в шляпе покинул заведение одновременно со стулом, разбившим одно из окон. Стул вылетел наружу, грохнулся в нескольких сантиметрах от женщин и разлетелся на две части. Человек даже не взглянул, в порядке ли бедняжки. Роуз видела, как он зашагал по тротуару, дошел до перекрестка и исчез за углом. Должно быть, у нее помутилось в голове, но она готова была поклясться: странный тип что-то тихонько напевал.

Часть вторая. «Пляшите, черти»

*О, сверкающие,
сверкающие волосы!
О, рот! О, трепещущие
губы, напоминающие
плод, только что
сорванный с дерева!
Может ли голодный
сохранять спокойствие
рядом с таким
богатым урожаем?
Любовь, еще недавно –
целая симфония,
нашептывает песенки
На кладбищенских
лужайках со сломанной
лютней в руках.*

*Эрнест Кристофер
Доусон*

Джим увидел, как Элизабет подходит к калитке, опустил крышку ноутбука и встал, чтобы открыть ей дверь. Он не заметил ее нарядного платья, видневшегося из-под пальто. Его мысли были поглощены фотографией, которую ему прислал Ларри, и неведомыми людьми, запечатленными объективом старинной камеры.

– Не надо смотреть на меня как на привидение, – пошутила Элизабет, снимая пальто и маленький рюкзачок, висевший за спиной. Джим впустил ее в дом, все еще думая о фотографии.

– Прости, – промолвил он. – Я работал, а когда я на чем-то сосредоточен, мне сложно вернуться к реальности.

Девушка улыбнулась. Сегодня глаза ее блестели особенно загадочным блеском.

– Если хочешь, могу уйти. Не хочу тебе мешать.

– Не беспокойся, я как раз собирался передохнуть. – Джим запер за ней дверь и переместился в середину гостиной, где она стояла, сложив руки на груди. Только теперь он заметил, как она хороша. Настоящая маленькая женщина в нарядном платье: «Катрина и ее платье», «Катрина и извращенец из Пойнт-Спирита». – Нам снова придется врать твоим тетям и матери?

Она расхохоталась.

– Нет, Джим. Мама заберет меня перед ужином. Я сама попросила у нее разрешения зайти к тебе ненадолго.

– Неужели? – он опустил на стул. – Интересно было бы узнать, под каким предлогом ты отпросилась. Думаю, ни одной матери не понравится, что дочь-подросток отправилась в гости к мужчине старше ее.

Элизабет покраснела, но в следующий миг горделиво вскинула голову и степенно уселась рядом с ним.

– Моя тетушка Карлота просто вне себя. Говорит примерно то же, что и ты. А мама, наоборот, не против, чтобы мы общались. Мой отец... он тоже был старше матери. Я люблю разговаривать со взрослыми, а с одноклассниками мне скучно.

Джим усмехнулся и снял очки.

– Ладно, Элизабет. Надеюсь, ты не откажешься от моего фирменного шоколада.

– О, это еще одна причина, почему я здесь, – кокетливо ответила

девушка.

Джим посмотрел на нее с удивлением, затем улыбнулся и встал.

– Как скажете, мисс, – проговорил он. – Две ложечки сахара, не так ли?

Элизабет кивнула, и Джим отправился на кухню. В этот миг девушка готова была что-то добавить, но осеклась: ей вспомнился сон, которому она до той минуты не придавала значения.

– Представляешь, мне приснился тот человек. И он говорил о тебе, – выпалила она. – Сказал, что ты обо мне позаботишься. Забавно, правда?

– Позабочусь? А больше он ничего не сказал? – Джим рассеянно сунул руку в ящик с посудой и достал две ложки и чашки.

– Мне кажется, ты ему нравишься. Он сказал, что ты здесь не случайно. Во сне я качалась на качелях, а он меня раскачивал. Я его не видела, он стоял сзади, но я слышала, что он говорит.

Точно. Это случилось в Сан-Франциско в прошлое Рождество. Сейчас Джим отлично все помнил, хотя тогда это происшествие показалось ему абсолютно бессмысленным. Как-то раз после одной из презентаций «Катрины» он решил прогуляться по городу. Дело было в тот день, когда мысль о том, чтобы написать серьезный роман, приняла отчетливые очертания, все его существо требовало чего-то другого, новой задачи, которой можно было отдать себя полностью. Внезапно он почувствовал озноб, на мгновение остановился, любуясь небоскребами и кондоминиумами на Саут-Бич. Этот старинный, слегка обшарпанный район за последние десятилетия изменился до неузнаваемости. В нем не осталось и тени от того, каким Джим его помнил. Он возобновил свой путь и устремился к переходу, чтобы оказаться на другой стороне улицы. Рождественские огоньки озаряли каждый уголок, они виднелись повсюду, от кампуса Мишен-Бэй до самых дальних домов, которых достигал его взгляд. Несколько бегунов в спортивных костюмах поравнялись с Джимом, и он посторонился, чтобы их пропустить. В окнах маленьких домиков виднелись рождественские гирлянды, куклы в красных платьях с белыми шапочками, наряженные елки. Джим стоял на краю тротуара, дожидаясь, чтобы на светофоре зажегся зеленый и можно было перейти улицу. Он смотрел на противоположный тротуар. Пятеро или шестеро пешеходов так же, как и он, ждали зеленого света. Все было как всегда, пока он не увидел того человека. Он ощутил странную пустоту в груди. Казалось, незнакомец наблюдает за ним, прислонившись к фонарю, стоявшему чуть в отдалении от края тротуара. Не обращая на него внимания, Джим перешел на другую сторону. Эпизод стерся бы из памяти, если бы через несколько улиц он вновь не увидел этого человека. Джиму стало не по себе. За ним следят?

Невозможно представить, как сумел этот тип переместиться так быстро и при этом не обогнать Джима. Или он его просто не заметил? На этот раз незнакомец поджидал его у витрины кондитерской возле столиков, стоявших на тротуаре. Черное пальто едва не до пят, руки в перчатках неподвижно свисают вдоль бедер. Джим прошел мимо. А может, все это напрасные тревоги и этот второй тип только похож на первого? Или у него с головой не в порядке? Джим оглянулся и ускорил шаг. Пожалуй, вид у типа и впрямь был подозрительный, несмотря на элегантность. Но не более того. Откуда в таком случае взялся этот иррациональный страх? Сердце колотилось мелко и часто. Джим подошел к проезжей части, чтобы поймать такси и завершить вечернюю прогулку. Незнакомец снова маячил в конце улицы. Джим замер. Суতোлока бульвара, шум машин доносились до него словно издали. Человек был бледен – смертельно бледен! Джим поднял руку и решительно зашагал в его сторону. В ушах противно звенело, свист будто бы подталкивал его вперед. Он зажал ладонями уши. Человек тоже сделал шаг навстречу. Джим остановился и согнулся пополам, как от боли. Теперь он его не видел.

«Бум, бум, бум...» – стучало сердце.

– Эй, мистер! – донесся издали чей-то голос.

Человек стоял неподалеку от Джима, но смотрел при этом на мостовую. Джим повернулся и искоса его рассматривал. Тип улыбался, указывая на что-то, чего Джим видеть не мог. У него болела голова, но звон постепенно стихал, и противный свист звучал уже не так пронзительно.

– Мистер, вы садитесь или как? – раздалось где-то рядом.

«Давай, садись в свое такси, Джим...» – раздался голос у него в голове.

Он повернулся влево. Водитель-индус сердито выглядывал из окошка такси. Он нервничал, не получая ответа.

«Я вас не вызывал, – мысленно ответил Джим. – Это сделал тот человек».

Но решительно шагнул к автомобилю. Надо срочно покинуть это место. Незнакомец исчез, словно испарился.

– Ты в порядке, приятель? – спросил таксист.

– Да. Голова закружилась. Спасибо.

Машина тронулась. Джиму хотелось домой. Мимо проносились дома, магазины, кафешки. Странного типа видно не было. Джим все еще дрожал. Казалось, он боялся собственного страха, такого нелогичного и ему не свойственного.

«Давай, садись в свое такси, Джим...» – все еще отдавалось в ушах.

Он был уверен, что кто-то его окликнул по имени и даже взял под руку, когда он уже был готов упасть в обморок из-за неприятного, сводящего с ума звука. Что это было? Он не знал.

«Это случайность, это всего лишь глупейшее совпадение», – размышлял он.

Да, Джима окликнули по имени.

И человек был в пальто.

* * *

– Эй, Джим? – Стоя в дверях, Элизабет пристально смотрела на него. – Ты себя нормально чувствуешь?

Он вспомнил, что в руках у него две чашки шоколада, но не мог вспомнить, как разогревал в микроволновке молоко.

– Слушаю тебя, радость моя. Прости, я замечтался. – Он кашлянул. – Иногда я слишком рассеян. Ты мне рассказывала, что видела во сне этого человека и он заявил, что я буду о тебе заботиться.

Они вместе вернулись в гостиную, и он протянул девушке одну из чашек с шоколадом. Элизабет устроилась в кресле, вытянула ноги и скинула туфли. Джим снова видел Катрину в этих нежных, женственных очертаниях, которые постепенно приобретало взрослеющее девичье тело.

– Да, только это он и сказал. И больше ничего. Потом чуть сильнее подтолкнул меня, а когда качели вернулись обратно, его уже не было. Глупый сон, вот и все.

Джим не был уверен, что это всего лишь глупый сон. Краем глаза он заметил зеленые чулки Элизабет. Платье того же тона. Девушка походила на ученицу католической школы в форменной одежде. Нет, неудачное сравнение. Он вновь погрузился в раздумья, потом машинально перевел взгляд на деревянный стол. Он силился вспомнить, что заставило его выбрать именно этот город, а не какой-либо другой. Нет, ничего особенного на ум не пришло. Обычное стечение обстоятельств, не более. Но такие стечения обстоятельств и есть настоящее волшебство. Что вообще заставляет людей идти направо, вместо того чтобы пойти налево? Сесть в этот самолет, а не в другой, который разобьется где-нибудь посреди Анд? Как складываются те или иные «совпадения», как Джим обычно их называл, имея в виду привычные жизненные коллизии.

– А если это и правда случайность? – спросил он. Вопрос был задан не

девушке, а скорее себе самому. – Не помню, почему я здесь оказался. Ткнул пальцем в карту. Место уединенное, но не слишком. Туристов не особенно много. Неподалеку крупный город. Должен тебе признаться, отчасти я ипохондрик.

Элизабет захихикала, склонившись над чашкой.

– Амелия, моя тетушка, точно такая же, однако я не припомню, чтобы она хоть раз серьезно болела. Ну, ты понимаешь – когда лежишь с температурой и все такое...

– Да, как раз собирался спросить: твоей тете Амелии нравится пастор?

Такая искренность и прямота вызвали у Элизабет приступ хохота.

– По-моему, да, – ответила она. – Заметно, скажи? Я бы никогда не спросила у нее прямо, она стеснительная и сразу покраснеет, как свекла. Когда пастор к нам приходит, она так переживает, что даже руки дрожат.

– В целом все это не кажется мне безрассудным. Роберту тридцать восемь или тридцать девять лет, правильно?

– А тетушке сорок, хотя она выглядит моложе. К тому же она красивая.

Несколько секунд Джим о чем-то размышлял, потом посмотрел на девушку. Она сидела совсем рядом. Ее ступни касались его штанины, обеими руками она держала чашку и смотрела неподвижно перед собой в невидимую точку.

«Дорога в ад напоминает тело молоденькой девушки, героини детских книжек, с розовыми губами и зелеными глазами», – думал Джим.

– А что ты думаешь насчет Алана? Отличный мальчик, не так ли?

– Я люблю Алана. Он для меня как отец. Всегда заботился о маме и тетях. А еще я знаю, что он влюблен в маму.

– А мама отвечает ему взаимностью?

– Конечно. Болезнь Пенни мешала ей жить собственной жизнью. Думаю, что сейчас, когда Пенни не стало...

Слова застряли у нее в горле, по щеке сбежала слеза. У Джима сжалось сердце. Он поставил шоколад на стол, взял из ее руки чашку и обнял, чтобы хоть немного успокоить.

– Ну же, Элизабет. Не надо было ничего у тебя спрашивать, прошло слишком мало времени.

– Прости, – всхлипнула она.

– Не плачь, детка.

Голова Элизабет оказалась между его ладоней. Джим легонько поцеловал ее волосы, запах духов опьянил его. Что он творит? Он что, спятил? Внезапно девушка подняла лицо и крепко поцеловала его в губы. Электрический разряд прошел по всему его телу от макушки до пяток. Он

не смел шелохнуться. Девочка прижималась к его рту своими губами, и все вокруг наполнялось цветочным ароматом ее духов. На мгновение ему слышались звуки скрипки. Голос Ларри пронзил его мозг. «Извращенец», – эхом прокатилось в голове, заставив резко отстраниться.

– Нет, Элизабет. Мне кажется, это не слишком хорошая идея. Да нет, это просто безумие. Чистейший идиотизм.

В глазах Элизабет все еще стояли слезы.

– Я не ребенок, – произнесла она с нажимом. – Мне уже почти семнадцать.

– Ах, ну раз так, ты меня успокоила. – Он поднялся и взял обе чашки, собираясь наполнить их снова. Себе он на этот раз решил добавить джина. – Нет, это нехорошо.

– Ты надо мной смеешься?

– Как тебе такое в голову пришло? – воскликнул он. – Но меня не утешает тот факт, что тебе уже почти семнадцать. Мне тридцать семь, детка. А если бы в дверь позвонила твоя мать? Увидела бы в окно, как ее дочь...

Джим растерянно посмотрел на девушку и пожал плечами. Отрицать очевидное означало бы лгать самому себе. Он безумно желал ее, и это было слишком заметно. Взгляд Элизабет скользнул вниз к его промежности. Она сделала усилие, чтобы не улыбнуться. Джим смутился.

– Черт побери, – пробормотал он, вскакивая с кресла. – Налью еще шоколада, а когда вернусь, мы забудем об этом досадном происшествии. Кстати, хочу тебе кое-что показать. Сейчас подходящий момент для этого. Честно говоря, все это дерьмо, которое сейчас происходит в городе, сводит меня с ума. Оно всех нас сводит с ума, детка.

Войдя в кухню, Джим поставил чашки на столешницу и поискал на полке шоколад. Когда он обернулся, Элизабет стояла перед ним. Босая, волосы распущены, слезы текут по щекам вперемешку с тушью для ресниц. Она встала на цыпочки и еще раз жадно поцеловала его в губы.

– Прошу тебя, не надо, – взмолился он. Но она будто не слышала.

Губы были горячими, влажными. На вкус они оказались солеными из-за слез, катившихся по щекам. Джим попытался отстраниться, но уперся в столешницу. Деваться было некуда. Длинные девичьи руки обвились вокруг него, как гибкие змеи. Он чувствовал себя беззащитным.

«Чего ты ждешь, дружок? – раздался голос в голове. – Такая юная и так тебя хочет».

– Элизабет...

– Это всего лишь поцелуй, Джим, – пробормотала она.

– Да прoстит меня Бог.

Сделав все возможное, чтобы Роберт пришел в себя, Алан попытался выяснить, что же все-таки случилось, но пастор мало что помнил. Пришел в церковь, увидел какого-то человека, тот с ним заговорил – вот и все, что удалось вытянуть. А потом человек внезапно исчез, вентилятор больше не крутился, и воздух уже не был таким густым. Пастор дышал с трудом, в груди что-то болело. А затем он увидел Алана, услышал его голос, ощутил прикосновения рук. Алан уложил его на пол и налил стакан холодной воды, чтобы привести в чувства.

Нащупывая у пастора пульс, доктор в двух словах рассказал про Дэнни. Роберт слушал его с таким видом, будто весь мир летит в пропасть.

– Дэнни Колеман?

Он смертельно побледнел, ему показалось, что он вот-вот снова потеряет сознание. Алан испугался.

– Его только что отвезли в больницу Портленда и...

Роберт слышал его словно издали. Алан доставил его домой, потребовал немедленно улечься в постель и пообещал навестить на другой день, категорически запретив волноваться. А сейчас Роберт ехал в сторону Портленда. Всего сорок миль отделяло его от возможной катастрофы, но это едва ли его волновало.

«Найдите связь между всеми людьми, с которыми в последнее время произошло нечто необычное». – Он отчетливо помнил каждое слово госпожи Вудс. И главное, знал ответ.

Подъехав к стоянке, Роберт не стал парковаться, как обычно, поближе к выходу. Оставил машину на первом же свободном месте и вошел в одну из боковых дверей. Справа на стене висела схема больницы, на которой различными цветами были обозначены отделения. Он отыскал педиатрическое. Сердце колотилось, как бешеное, но чем выше он поднимался в лифте, тем спокойнее становилось у него на душе: абсурдность ситуации сказывалась на его рассудке неожиданным образом.

Вот и второй этаж. На стенах коридора, выкрашенного в различные оттенки голубого и розового, изображались домики с садами, семья, держащаяся за руки... В глубине отделения – сестринский пост, освещенный желтой лампочкой, за ним молоденькая медсестра. Роберт собрался было спросить, в какой палате лежит Дэнни, как вдруг кто-то взял его за руку и решительно потянул за собой.

– Роберт, ты не можешь... не можешь. – Лорна Колеман с такой силой вонзила пальцы в его предплечье, что он чувствовал ее ногти сквозь шерстяной свитер.

Она едва могла говорить. Волнение душило ее. В свободной руке – бумажная салфетка. Все лицо в поплывшей косметике, размазанной туши и слезах. Светлые волосы убраны в высокий хвост. Лорна Колеман показалась ему моложе, чем в воспоминаниях. Да, изредка он ее вспоминал, чего греха таить. Но только изредка.

– Что случилось?

– Не знаю! – воскликнула она. Посмотрела в обе стороны коридора и легонько подтолкнула Роберта в сторону одной из палат, которая, по счастью, пустовала. – Тебе нельзя здесь оставаться. Пол поехал за родителями, они будут здесь с минуты на минуту. Ты не должен так со мной поступать. Только не сейчас, умоляю тебя.

– Лорна, говори, что произошло. Я не уйду отсюда, пока не увижу Дэнни. Мне плевать на то, что твой муж здесь.

Лорна заплакала еще горше. Она уселась на одну из пустых кроватей и в отчаянии закрыла руками лицо.

– Я правда не знаю! Дэнни... Вчера все было хорошо, но, когда я пришла его будить, он не разговаривал. Его как будто подменили!

Роберт провел рукой по лбу и несколько тоскливых мгновений размышлял, как вести себя в сложившейся ситуации. Лорна на глазах теряла остатки здравомыслия. Она раскачивалась, упершись локтями в колени, глаза безумно метались туда-сюда, слово ища выход из этого безумия.

– Ему сделали анализы, – продолжала она. – Но ничего не нашли. Врач спросил то же, что и доктор Фостер: не было ли у мальчика травмы, чего-то такого, что могло бы его заставить погрузиться в себя. Я рассказала про смерть Пенни. Врач сказал, что причина может быть в этом: когда в жизни ребенка, особенно возраста Дэнни, случается что-то травмирующее, боль от потери держится очень долго. Нет, этого не может быть... С Дэнни все было в порядке. Клянусь, с ним все было хорошо!

– Поверь, это никак не связано ни с болью, ни с травмой, которую он пережил из-за смерти той девочки. Лорна, у нас в Пойнт-Спирите что-то происходит.

Она вытаращилась на него, разинув рот. На мгновение Роберту показалось, что она того и гляди выскочит из палаты и побежит по коридору, вопя что есть мочи. Лорна была импульсивна и чересчур усердно копалась в собственных чувствах: типичная женщина с обустроенной

жизнью, принеся мечты в жертву ради создания идеальной семьи.

– Лорна, – начал он, опускаясь перед ней на корточки. – Ты должна выслушать меня очень внимательно. И главное, ты должна мне поверить.

– Роберт, ты меня пугаешь. Что происходит?

– Ты знаешь, прошлой ночью Патрик и Брэди погибли в аварии. А несколько дней назад погибла госпожа Оуэнс. – Лорна кивнула. Выглядела она ужасно, и Роберт не был до конца уверен, доходят ли до нее его слова. Он положил руки ей на колени и немного подождал, прежде чем продолжить. – Томми Нортон, помощника шерифа, нашли на дороге, которая огибает лесопилку. Когда его доставили в полицию, он заперся в одной из камер. До сих пор там сидит. Он очень напуган: уверяет, что за ним гонится чудовище.

– Роберт, – всхлипнула она. – Зачем ты мне все это рассказываешь? Какое это имеет отношение к моему мальчику?

– Выслушай меня, пожалуйста. Я уже давно размышляю над этой ситуацией. Все потерпевшие – уроженцы Пойнт-Спирита, их предки тоже были отсюда. Лоррейн в детстве здесь не жила, но ее отец и дед – из нашего города. То же и с остальными. Но есть еще кое-что: их предки, родители или деды, работали на лесопилке Брайдел-Вейл.

– Ради всего святого, Роберт, – захныкала Лорна. – Что общего у Дэнни со всеми этими людьми? Куда ты клонишь? Мой сын... Я не из этих мест, а его отец...

Роберт посмотрел на нее с яростью, сжал челюсти и втянул в себя столько воздуха, сколько вмещали легкие. Задушить ее было бы слишком, а вот встряхнуть, как соломенное чучело, обещало хоть какой-то свет в конце туннеля. Разговаривать с Лорной все равно что с бетонной стеной: она как будто забыла все свое прошлое, переступив порог этой чертовой больницы.

– Его отец – я, а моя семья из Пойнт-Спирита.

– Нет... – Ее будто заклинило. – Не делай со мной этого. Только не сейчас!

– Чего именно ты боишься?

– Ты не можешь этого сделать! – упрямо твердила Лорна.

Между ним и Лорной существовала пропасть. За несколько секунд Роберт вспомнил одну из немногих ночей, которую он провел с ней двенадцать лет назад. В то время это была заносчивая, самоуверенная красавица, готовая присвоить весь мир. После пары кратких и торопливых свиданий ему пришлось уехать на несколько месяцев, когда же он вернулся, Лорна была помолвлена с Полом. И вдобавок беременна.

– Ты скрыла от меня правду, Лорна, – сказал он. – Ты мне солгала. Ты

ушла от меня к Полу, беременная вышла за него замуж, даже не зная толком, от кого ребенок. А сейчас ты мне говоришь, чтобы я этого не делал? Да это же просто идиотизм какой-то!

– Я не знала, что ребенок от тебя!

– Ты догадывалась. Не говоря уже о внешнем сходстве Дэнни со мной. Вот почему ты не разрешаешь ему ходить в церковь и делаешь все возможное, чтобы его не видели рядом со мной. Сколько лет я молча наблюдал, как растет мой сын, и все это ради того, чтобы у него была идеальная семья. И я тебя понимаю! Но сейчас в городе происходят странные вещи, что-то пытается отомстить его жителям, один из которых – мой сын. Это ты понимаешь?

– Ты уехал. Я же не знала точно, вернешься ли ты. Я не хотела никого обманывать, я просто испугалась! Роберт, если ты войдешь в эту палату, а Пол вернется со своей семьей, они сразу все поймут! Ты разрушишь мою жизнь!

Пастор терял терпение. Лорна была вне себя, она не слышала его и не понимала трагичности происходящего.

– Господи... – пробормотал он. – Ребенок терпит адские муки, и посттравматический стресс тут ни при чем. А ты думаешь только о том, чтобы я не вмешивался в твою жизнь.

Стоя на коленях перед Лорной, Роберт закрыл руками глаза. Надо найти решение, которое устроит всех. Он старался рассуждать трезво, но у него плохо получалось. Немедленно войти в палату и попытаться поговорить с Дэнни. Он поднялся на ноги. Кружилась голова, его мутило. Перебирая множество возможностей и припоминая, сколько раз Дэнни с любопытством его рассматривал, он положил руку на грудь, как раз на то самое место, где была татуировка, сделанная им двенадцать лет назад, и принялся думать о мальчике. «Я ношу твое имя у себя на теле с того момента, как узнал о том, что ты есть», – мысленно проговорил он.

Лорна продолжала хныкать, прижимая к губам бумажную салфетку и прикрыв глаза. Но плач ее мгновенно стих, как только дверь палаты распахнулась и перед ними возник Пол Колеман. Вокруг глаз у него темнели круги, рубашка была измята.

– Оставь его в покое, Лори, пусть делает то, что считает нужным, – обреченно проговорил он.

Роберт остолбенел. Он стоял напротив двери, позади на кровати сидела безутешная Лорна, а он не мог произнести ни слова. Лорна испуганно вскинула голову и посмотрела на мужа, ничего не понимая.

– Пол...

– Ты меня всегда держала за дурака, Лори. Похоже, ты уверена, что таковыми были все мужчины, когда-либо любившие тебя. Но ты ошибаешься. Этот мальчик – мой сын. Я его вырастил и любил еще до того, как он появился на свет. Но, видит Бог, я не дурак.

Пол Колеман был почти лыс, к тому же обильно потел. Он в отчаянии посмотрел на Роберта, затем снова уставился на жену.

– Пол... я...

– Помолчи... Следуйте за мной, пастор, – добавил он, направляясь к двери. – Рейс, которым прилетают родители, задерживается, и я не знаю точно, во сколько они прилетят. Хотя сейчас все это мало меня волнует. Единственно, чего я хочу, это спасти моего... моего сына.

После этих слов он повернулся к Роберту и впервые посмотрел ему прямо в глаза.

– Пол, – крикнула Лорна.

Но тот уже пропустил Роберта вперед и закрыл за собой дверь. Он будто бы не слышал отчаянные рыдания супруги по ту сторону двери. Коридор был все так же скупо освещен и тих, как несколько минут назад. Было чуть больше половины восьмого, через несколько минут посетители должны были покинуть больницу. Войдя в палату, Роберт сразу увидел Дэнни: тот лежал на больничной кровати с приподнятым изголовьем, вытянутые руки покоились вдоль тела, глаза пристально смотрели в потолок. На вошедших мальчик не взглянул.

– Ему сделали энцефалограмму. Проверили, не ударился ли он головой, – Пол подошел к кровати и поправил одеяло. – Жена рассказала, что он стоял, глядя на стену. Когда мы сказали, что отвезем его в больницу, он вцепился в картину. Вон она, – он указал куда-то на пол. – Не знаю, какого дьявола она ему понадобилась, но вытащить его из дома без чертовой картины был невозможно.

– Пол...

– Секунду, – перебил он. – В этой ситуации мы оба – жертвы. Я не держу на вас зла, ваше преподобие. Я мог бы соврать вам, что все эти годы, как идиот, ни о чем не догадывался. Но это не так. Я люблю Лори. Я всегда ее любил и простил в тот же день, когда Дэнни родился. Но я не могу делать вид, что ничего не знаю и не понимаю, это было бы несправедливо прежде всего по отношению к Дэнни.

Он покачал головой и отошел к окну. Роберт тем временем приблизился к Дэнни. На мальчике была синяя пижама. Его укрывал нарядный домашний плед, возможно, вышитый руками самой Лорны. Пастор коснулся пальцев мальчика. Они были холодны. Наклонившись и

поцеловав его в лоб, он заметил легкое, едва уловимое движение глаз.

– Привет, Дэнни. Я Роберт, – сказал он, усаживаясь в кресло, обитое искусственной кожей, которое стояло рядом с кроватью. Дэнни медленно повернул голову и посмотрел на пастора, однако лицо его не изменилось: на нем не отразилось ни радости, ни печали. На его лице не было даже страха, который, возможно, дремал где-то внутри. – Вы не могли бы оставить нас вдвоем?

Пол не ответил. Он молча пересек палату и вышел в коридор так же решительно, как несколько минут назад. Роберт сочувствовал этому человеку. Сколько лет он заботился о Дэнни, зная правду. Молчал, пряча глубоко в себе всю ту боль, которую вызывала в нем унижающая его достоинство ситуация. И никого ни в чем ни разу не упрекнул. Выдержал бы подобное испытание сам Роберт? Этого он не знал. Как не знал и того, какое из двух испытаний сильнее – его или Пола Колемана.

Он поднялся с кресла, отошел к противоположной стене палаты и поднял картину, которая стояла на полу, прислоненная к стене. Снова уселся возле Дэнни. Ничего особенного, пейзаж как пейзаж: домик в горах, белье на веревке, пруд, на берегу пасутся овцы. Но почему он был так важен для Дэнни? Какое значение скрывала в себе эта картина, если Дэнни не пожелал ехать в больницу без нее?

– Я знаю, что происходит, – сказал Роберт, обращаясь к Дэнни. – Это тот человек, верно?

Мальчик не шелохнулся. Он по-прежнему пристально смотрел на пастора, но глаза у него были совершенно пусты.

– Я тоже видел его, Дэнни. И не я один: в городе много других людей, с кем в эти дни случилось нечто похожее. Пожалуйста, поговори со мной. Чтобы помочь тебе, я должен знать, что произошло.

Мальчик поднял левую руку и легонько стукнул кулаком по картине. На его запястье виднелись следы от уколов, из вены торчала трубка, по которой в кровь поступал питательный раствор.

– Дэнни, – повторил Роберт. – Ты должен со мной поговорить. Ты видел человека в шляпе? Это был он, да?

Над изголовьем кровати звякнули четки из деревянных бусин. Кто-то заботливо повесил их на стену, так что маленький крест оказался у мальчика над головой. Роберт еще раз осмотрел картину. Кое-что привлекло его внимание: в одном из окошек домика виднелся силуэт. Он провел по нему кончиком пальца.

– Это он, – пробормотал мальчик чуть слышно.

– Кто – он? Тот, кто с тобой все это сделал?

Но Дэнни молчал, будто бы ничего не говорил. Он моргнул. Едва различимая гримаса заставила губы напрячься, но в следующий миг лицо стало неподвижным, как прежде.

– Это он, тот человек? – повторил пастор.

В этот миг он заметил одну деталь, которая при других обстоятельствах ускользнула бы от его внимания, и, возможно, никто ее прежде не замечал. Он поднял картину повыше и направил на нее лампочку, подвешенную на прищепке у Дэнни над изголовьем.

– Что за черт?..

Дэнни как будто задышал быстрее.

В соседнем окошке виднелся еще один силуэт: крошечное, но вполне различимое личико ребенка, прижимающего ладони к стеклу.

– Это я... – всхлипнул Дэнни.

И закричал.

– Не надо так делать, – взмолился Джим, отрываясь от Элизабет и едва сдерживая желание вновь прижаться губами к ее рту. – Это нехорошо, Элизабет. И ты это отлично знаешь.

Она смотрела на него молча – такая притягательная, доступная, полная желаний. Он не узнал собственный голос, да и девушка, которую он уже немного знал, за тысячные доли секунды изменилась до неузнаваемости и была уже другим человеком, более мудрым и проникательным, а пережитая трагедия делала ее еще более взрослой.

– Я тебе не нравлюсь, – ее голос прозвучал как будто издалека. Она отстранилась и опустила глаза.

– Это не так. Но у меня есть принципы. Я, конечно, понимаю, что ты пережила ужасное потрясение, что ты запуталась и в какой-то степени тебя все это развлекает. Но, прикасаясь к тебе, я чувствую угрызения совести. Я как будто пользуюсь твоим горем... Ты еще очень молода, Элизабет. Слишком молода... Не знаю, поймешь ли ты меня.

Тряпичные шторы, обрамлявшие окна кухни, были распахнуты. Свет фонарей пробивался сквозь ветки ив, отбрасывающих на столешницу кружевные тени. Джим машинально погладил чашки, стоя к Элизабет спиной, и несколько секунд не шевелился. Невозможно представить, какой был бы кошмар, если бы в этот момент ее мама вошла в дом. От одной мысли, что Мэри Энн увидит, как ее дочку-подростка целует мужик на двадцать лет старше, кровь стыла в жилах и все нутро переворачивалось. Не говоря о том, как бы отреагировал на эту новость Алан, да и весь городок. Джиму придется бежать, побросав все вещи. Перед его мысленным взором мелькали заголовки газет:

«Известного писателя, автора детских книг, застали с несовершеннолетней в провинциальном городке».

Его бы мигом превратили в одного из тех сорокалетних дегенератов, которые едут на Филиппины с единственной целью завязать отношения с девушкой.

«Известного писателя, автора детских книг, заживо сожгли в провинциальном городке».

Джим повернулся к Элизабет, молча стоявшей за его спиной. Ее прелестные руки неподвижно свисали вдоль бедер: живое воплощение невинности! Невозможно передать, какое чувство вызывала в нем эта юная девушка. «Заботиться о ней», – сказал человек во сне. Но как мог Джим заботиться о ком-то, если не сумел позаботиться даже о себе самом?

– Не подходи ко мне, Элизабет, – взмолился он. – Я всего лишь мужчина, на чьей совести все грехи, какие только можно представить. Мои слабости утащат меня в преисподнюю... Сжался хоть ты надо мной!

Элизабет вытерла нос рукавом платья.

– Мне жаль, Джим. Мне правда очень жаль. Не знаю, что на меня нашло. – Она посмотрела в окно и вздохнула. – Наверное, мне лучше вернуться домой. Позвоню маме и скажу, что не надо меня забирать. Это было ошибкой. И теперь мне стыдно.

– Не надо никуда уходить. Давай просто забудем все как неудачную шутку. Иди сюда, хочу кое-что тебе показать. – Сделать ситуацию менее значимой – лучшее, что он мог. Элизабет пала духом, и, действуя как-то иначе, он бы еще сильнее растравил ее рану. Он пересек гостиную, приглашая девушку следовать за собой, и взял ноутбук, стоявший в центре стола. – Принтер наверху, в кабинете. Мне бы хотелось распечатать то, что я собираюсь тебе показать. На бумаге будет нагляднее.

Они поднялись на второй этаж и очутились в галерее, огибавшей домик по периметру. От нее вел довольно широкий коридор, куда выходили двери комнат, располагавшихся по обе стороны. Джим открыл последнюю, впустил Элизабет и зажег свет. Ничего особенного в кабинете не было: стол из каобы, кресло, обитое коричневой кожей, небольшой диванчик, где можно уместиться вдвоем. На полу – потертый персидский ковер в пурпурных и золотистых тонах. Джим поставил ноутбук на стол и воткнул провод в розетку. Элизабет с любопытством следила за каждым его движением. Джим догадывался, какая битва происходит сейчас в душе этой маленькой женщины, которую он целовал несколько минут назад. Он мог бы отдать жизнь за то, чтобы провести еще пару минут, прижимаясь ртом к ее губам, но было очевидно, что нельзя поддаваться этому капризу. Стараясь дышать глубоко и ровно, он украдкой глядел, как покачивается подол ее зеленого платья. Дождался, пока компьютер загрузится, и расположился поудобнее. Элизабет подошла к столу и уселась ему на колени. Джим смутился. Условия не слишком благоприятные, чтобы показывать ей фотографию, которую прислал Ларри. Но по крайней мере на втором этаже никто не мог видеть через окно, что творится внутри дома.

– Хорошо, дражайшая Катрина, – весело проговорил он. Элизабет

повернулась к нему и тоже улыбнулась. На юном лице вновь появилось счастливое выражение, и Джиму это нравилось. – Посмотри внимательно на фото, которое я тебе сейчас покажу. Скажи, узнаешь ли ты кого-нибудь, договорись?

– Договорились.

На экране появилась черно-белая фотография. Мужчины в темных костюмах-тройках, крахмальных воротничках и шелковых галстуках позировали на пороге строения, очень напоминавшего старую лесопилку. У одного из них были тонкие усики, завитые кверху, в руке он держал трость, левая нога стояла на ступеньке лестницы. Рядом с ним – молодой человек лет тридцати. Руки в карманах брюк, туловище обтягивает элегантный жилет, из крошечного кармашка на груди свисает часовая цепочка. Молодой человек пристально смотрит в камеру. Волосы у позирующих зачесаны назад. Все они, за исключением молодого человека с цепочкой, улыбаются. Элизабет зажала руками рот и откинулась назад.

– Это он! – воскликнула она, указывая на молодого человека, стоявшего рядом с пожилым господином. – Джим, это он. Тот призрак!

– Видишь типа с усами и тростью? – спросил Джим. – Это Тобиас Мори, владелец лесопилки, а рядом с ним его сын, Люсьен Мори. Когда я, поджидая тебя, увидел эту фотографию, я был уверен, что это тот же тип, которого мы видели в комнате рядом с твоей мамой. Но мне хотелось, чтобы ты подтвердила.

– Люсьен Мори... – прошептала девушка, растягивая гласные. – Но почему именно он? Ничего не понимаю.

– Это нам предстоит выяснить.

Элизабет выгнула брови, затрясла головой и снова посмотрела на Джима, словно вспомнив что-то важное.

– Письмо, – воскликнула она. – Письмо Беатрис, которое мы с сестрой нашли на чердаке. Это ведь ее муж, верно?

– По-моему, ты права. К сожалению, мне не удалось узнать, что случилось с ним и его женой после того, как скончался Тобиас. С 1923 года они как сквозь землю провалились. Нигде ни единого упоминания – ни о детях, ни об адресах проживания, ни о том, где похоронены. Ни тем более о причинах смерти.

– Они действительно жили у нас? – продолжала она.

– Да, но не думаю, что его появление в твоём доме как-то связано с тем, что происходит в других местах. Кроме того, мы не знаем причину, по которой он появился здесь именно после смерти твоего отца и твоей сестры... – Джим тут же раскаялся в своих словах; однако Элизабет

посмотрела на него внимательно и едва заметно улыбнулась. – Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Может, его притягивают боль и страдание? – она снова перевела взгляд на фотографию. – В его жизни было много потерь, и, когда умерла Пенни, он пришел в ярость.

– Слишком много ниточек торчит из этой истории. Но сейчас мы хотя бы знаем, кто он.

Джим изучал портрет мужчины, стараясь не замечать касания ее шелковистых волос, упавших ему на руку. Молодое лицо, крупные черты, высокие скулы, миндалевидные глаза. Рот крупный, но пропорциональный, волосы вьющиеся, хотя фиксатор выпрямил непокорные завитки, и теперь они послушно повторяли контур головы, зачесанные к затылку. Всего на фото позировали восемь человек, включая Тобиаса Мори. Но он был единственным, на чьем лице не было ни намека на улыбку. Джим вспомнил письмо и полные отчаяния слова Беатрис.

– Он любил музыку, – прошептала Элизабет, не отводя глаз от изображения. – В письме жена говорила, что они уезжают в Париж. Может, он вернулся в Пойнт-Спирит, потому что здесь похоронены его родители?

Джиму не хотелось делать скоропалительные выводы. Ситуация была слишком запутанной. Он не сомневался, что странное существо, так похожее на человека с фотографии, было виновником катастроф. Но какова причина? Что заставило призрак так ненавидеть всех этих людей? Он украдкой наблюдал за лицом Элизабет: казалось, взгляд таинственного Люсьена Мори захватил ее целиком. Его облик сам по себе оказывал на нее магическое воздействие, притягивал, гипнотизировал. Это было вполне объяснимо, ведь Элизабет прожила с ним рядом не один год и впервые увидела, кто он и как выглядит. А главное – отныне у него было имя и было прошлое. И все-таки слишком много неизвестных. Стоило Джиму задуматься об этом, и сердце начинало взволнованно биться.

– Джим, ты это видел? – Элизабет коснулась пальцем тачпада и переместила изображение вниз, а затем увеличила масштаб.

– Что именно?

– Вот, смотри. На полях что-то написано.

Джим отправил фотографию на печать и выжидающе протянул руку, готовясь поймать отпечатанный снимок. Жужжание принтера нарушило окружающую их напряженную тишину. Их щеки почти соприкасались. Он снова уловил запах цветочных духов и почувствовал отчаянное желание ее поцеловать, но сдержался. Пальцы ухватили выползший из принтера лист и поднесли к свету лампочки. Да, Элизабет права. Он в самом деле различил

какую-то надпись, сделанную курсивом. Старую и почти вытертую: на оригинальной фотографии она была почти незаметна.

– Боже мой! – взволнованно вскрикнула Элизабет.

«Пойнт-Спирит, 1923: Тобиас Мори, Люсьен Мори, Джон Роуз, Лукас Грант, Альберт Оуэнс, Боб Джонс, Оскар Маркусо, Роберт Дж. Нортон».

– Звони маме, Элизабет, – пришел в себя Джим: к этому моменту он готов был вскочить с кожаного кресла и повалить девушку на пол. – И скажи ей, чтобы предупредила Алана: мы к нему едем. Объясни, что мы должны сообщить кое-что важное и чтобы они никуда не уходили из дома.

Он был пьян в стельку, однако это не помешало ему разыскать пикап, припаркованный за два перекрестка от «Укулеле», а затем пересечь весь город до того проклятого светофора. Стоя на перекрестке, Пол Джонс чувствовал себе довольно нелепо. Улицы были пустынные, тьма, как непрозрачная мантия, стелилась над крышами окрестных домов, а он стоял как болван посреди центрального бульвара с включенным правым поворотником, издававшим металлическое пощелкивание. Бобби Макей тихонько напевал «Джоанну», которую он слышал уже тысячу раз. Почему она ему так нравилась? Он и сам не знал. Джуллиус Моррисон, мэр города, как-то рассказывал, что песня основана на реальных событиях. Этот Бобби приобрел в Кентукки старое здание, некогда служившее скотобойней, и переделал его в бар. Ходили слухи, что кое-кто видел там отрезанную голову, но, главное, куча народу клялась и божилась, что их вытолкала из заведения неведомая сила. Ужасная история! Всему виной был призрак танцовщицы из кабаре, которая покончила с собой, узнав о смерти своего любовника от руки ее родного отца. Вот Бобби и посвятил ей свою песню. Джоанна – так звали девушку, и песня тоже так называлась, а Джонс иной раз терпеливо искал именно ее, пока наконец не находил.

Даже не верится, размышлял он, что человек его возраста, одной ногой в могиле, снова и снова включает печальную песню, слушая историю про то, как какая-то баба травится от тоски из-за погибшей любви.

– В глубине души я романтик, – проворчал Джонс. Он побарабанил пальцами по рулю и покосился на красный сигнал светофора. – Но какого фига я здесь торчу, если кругом ни души...

Внезапно краем глаза он заметил фигуру, вразвалку бредущую по тротуару, и медленно повернул голову. На секунду ему показалось, что это один из пьяниц, которые подрались в заведении Лоретты, но стоило взглянуть попристальнее – в его состоянии это было не так просто, – как силуэт терял четкие очертания. Он прижался носом к стеклу. Непонятный субъект замер напротив пешеходного перехода, ссутулившись и безжизненно уронив руки. Все это выглядело довольно дико. Джонс догадывался, что, учитывая градус алкоголя в крови, он бы с трудом отличил слона от павиана, и все же тут было что-то другое. А может, он просто-напросто спятил?

– Что за ерунда?

Внезапно силуэт устремился навстречу пикапу. Он не шагал, а словно маршировал – ни дать ни взять мажоретка в пышной юбке, марширующая по улицам города в сопровождении оркестра, со смешной палочкой, которую она ловко вертит в руках. Сцена в самом деле озадачивала: на ходу силуэт высоко вскидывал колени, ноги у него были длинные и какие-то слишком уж худые, руки беспорядочно раскачивались взад и вперед, как будто тип их не контролировал. Джонс ощутил во всем теле неприятный озноб. Открыв рот, смотрел он на странное существо – высокое, непропорционально длиннорукое. В какой-то миг оно снова остановилось, будто размышляя, в каком направлении двинуться дальше. Вскинув голову, понюхало воздух – по крайней мере так показалось Джонсу, – снова качнулось и продолжило свой путь, пока не остановилось у полицейского участка.

Наблюдать за тем, как эта штука взбирается по лестнице, словно ее зомби покусали, было для Джонса слишком. Он нажал на газ и рванул так, словно за ним гонится сам дьявол. Черт его знает, что это было. Выяснить, а тем более еще раз видеть эту фиговину он не собирался. Может, это чертов псих, а может, обдолбанный наркоман, во всяком случае было очевидно, что движется он в правильном направлении: в полиции ему точно мозги вправят. Джонс попытался представить себе физиономию шерифа Ларка, когда фиговина ввалится к нему в кабинет, не выдержал и улыбнулся. Скорее всего, это кто-то из местных ребят, просто сильно не в себе. Такие в пятницу вечером суют себе в нос всякую дрянь, а этот еще и заблудился или обделался с перепугу.

Пикап удалялся от центра, и мысли Джонса постепенно возвращались к реальности. На заднем сиденье плескалось несколько бутылей едкого щелока. Очень скоро ему предстояло взяться за уборку дерьма. Какой-то шутник, понимаешь, уделал ему всю кухню, а это было совсем не смешно. Как же невыносима жизнь, когда тебе не тридцать лет: ни выносливости, ни силы! Если бы в те годы кто-нибудь осмелился совершить в его собственном доме подобное кощунство, он бы гонял мерзавца по всему Пойнт-Спириту, пока не догнал. И уж тогда ничто бы его не остановило – ни жалость, ни страх угодить в застенки к Ларку, а то и в тюрягу за попытку убийства. Размечтался пьяница несчастный. Джонс подъехал к крыльцу оскверненного дома. Светляки, пляшущие вокруг фонарей, кваканье лягушек, доносившееся из пруда, вернули его к относительной объективности. Перед ним была цепь, которая отгораживала его владения от внешнего мира. Как ни странно, плакат с надписью «Внимание: здесь проживает лесоруб! Он кусается» красовался на своем месте. Следов

собачьего дерьма видно не было. Джонс неторопливо, с достоинством – ни дать ни взять поддатый городской пижон – вылез из «Бронко», лишь самую малость споткнулся о ступеньку и качнулся в противоположную сторону, чтобы удержать равновесие. Выволок сумки с заднего сиденья, направился к крыльцу. Он готов был мамой поклясться, что еще совсем недавно собственной ногой долбанул эту чертову табличку! Однако сейчас все было, как всегда, и плакат виднелся на своем месте. А может, ничего и не было? Ни потасовки в баре Лоретты, ни долговязого придурка, шагавшего, как шарнирная кукла, в сторону полицейского участка, ни подлянки с домом...

Уже на ступеньках Джонс вновь ощутил тревогу, свойственную человеку, который и сам не знает, что его ждет за дверью собственного дома. Он был уверен, что, уходя, погасил весь свет, однако теперь отчетливо видел сквозь синие шторы, что маленькая лампочка включена и освещает всю гостиную теплым янтарным светом. Джонс задрожал, хоть и не был робкого десятка. Им овладело чувство одиночества, бездомности, непостижимости происходящего, а заодно неспособности сосредоточить на чем-нибудь взгляд, сохраняя при этом вертикальное положение. Он коснулся дверной ручки и не слишком уверенно вставил ключ в замочную скважину. Очень медленно открыл дверь. Он все еще сжимал в руках пакеты с покупками, однако даже чуть слышный шорох дешевого пластика приводил его в ужас. Похоже, подумал он, в дом проникли воры; однако эта идея плохо сочеталась с внешним обликом его дома, лишенного каких-либо признаков уюта или элементарного ухода. Там не было ничего – ни самой завалющейся картины, ни вышитых подушек. Ничего такого, что могло бы привлечь потенциальных грабителей. И все же...

Он сделал несколько шагов и остановился у двери в гостиную, чувствуя себя в своем доме чужаком и отказываясь верить собственным пьяным глазам. Его грязную, захлавленную гостиную омывал все тот же мягкий желтоватый свет. Все поверхности были тщательно протерты, их украшали вазочки с цветами. На журнальном столике стояли маргаритки, а на обеденном столе – желтые розы. Его ноздрей коснулся аромат жаркого и запеченной картошки. Он обернулся: кухня сверкала чистотой, кругом виднелась всякая утварь для приготовления тортов и прочих хитроумных блюд, а на белой столешнице возвышалась большая глиняная миска картофельно-морковного пюре. Откуда, черт побери, все это взялось? Неужто он и правда пьян в стельку? Но в следующий миг он подпрыгнул от неожиданности и попятился: до него донесся женский голос. По лестнице спускалась женщина: нарядный фартучек, вышитый цветами, светлые

волосы, уложенные волнами, из которых торчали шпильки.

– Джонси, – воскликнула женщина. – Сколько раз я тебе говорила: не опаздывай к ужину, сынок!

Если в его крови еще оставался алкоголь, он тут же испарился: перед ним была его мать. Женщина приближалась уверенно, слегка виляя бедрами, как танцовщица-мулатка из кабаре какого-нибудь большого города. Она взяла сумки из помертвевших рук старика Джонса и, мурлыча под нос песенку, направилась в кухню.

– Мама? – пробормотал Джонс. Он проводил ее непонимающим, растерянным взглядом.

– Сынок, отец вот-вот вернется с лесопилки, а ты и сам знаешь, он вечно не в духе. Пойди умойся и накрывай на стол. Ты что, привидение увидел? Эй, Джонси!

Привидение?! А чем еще могла быть вся эта чертовщина, если не привидением?

Мать бросила на него нежный взгляд. Ее длинные ресницы, мягкие розовые губы – что бы ни приключалось в жизни со стариной Джонсом, этого он не забывал никогда, как и ее нежные объятия и поцелуи. Иногда, уже приближаясь к старости, он принимался думать о детстве, вспоминая страдания матери, которую отец частенько поколачивал. Как иной раз хотелось ему, подростку, крепко ее обнять, заслонить собой... Он надеялся, что когда-нибудь все изменится и он сможет защитить ее от боли. Но, несмотря на мечты, его окружала все та же унылая и несправедливая реальность: отец был человеком крупных габаритов, чрезвычайно сильным, с бурным темпераментом и ручищами лесоруба. Тяжелая нижняя челюсть, дикая первобытная красота – мать любила его без оглядки, охотно прощая все его маленькие слабости, которые со временем свели ее в могилу.

Всякий раз, когда Джонс выходил в задний двор, он заставал там мать, которая развешивала белье, что-то напевая себе под нос. И всякий раз замечал что-нибудь новое: то фингал под глазом, то сломанную руку, висящую на перевязи, которую она сама же и смастерила. Опухшая губа, глаза, полные слез. Но стоило ему появиться, как она принималась петь, улыбаясь ему так нежно, как ни одна мать на свете не улыбалась своему сыночку. «Все прекрасно, Джонси», – бормотала она. Но все было совсем не прекрасно, и он это знал.

– Но ты ведь ни разу ничего не сделал, верно, Джонси?

Мужской голос, выговаривавший каждое слово так бережно, как будто читал сонет, заставил его обернуться. Он увидел его возле окна.

Высокий человек в шляпе, частично скрывавшей лицо, внимательно смотрел на него из самого дальнего и темного угла гостиной.

– Я был ребенком, – прошептал он и снова посмотрел на мать.

– Ты не помешал отцу забить ее насмерть в ту ночь, когда он вернулся пьяный и пах чужими духами. Мог, но не помешал.

Джонс сделал усилие и сосредоточил внимание на незнакомце. Внезапно заболела голова, да так сильно, что он застонал. Теперь человек стоял рядом с ним. Услышав шум проезжающей мимо машины, Джонс вновь задрожал.

– Конечно, ты мог вмешаться... – продолжал мягкий голос. – Тебе было шестнадцать, ты был взрослым парнем и вполне мог заступиться. Но предпочитал ничего не замечать и, как последний балбес, до глубокой ночи выпивал с приятелями, а вернувшись поутру домой, оплакивал себя, а не ее, не так ли, Джонси?

– Это несправедливо!

– По отношению к ней?

Хлопнула дверь. Сапоги с железными набойками прошагали по дощатому полу. Джонс услышала звон стекла, крики матери, хотел бежать к ней на помощь, но не мог пошевелиться.

– Он бы и меня убил! – крикнул он вне себя.

Человек поднял голову. Джонс видел резкие, тонкие черты лица. Губы шевельнулись, как будто он собирался что-то сказать. Джонс отметил, что никогда раньше не видел этого человека и понятия не имел, кто это может быть. Всею виной его прошлое, его мерзкое, отвратительное прошлое! Он был всего лишь мальчишкой, запуганным папашей.

– А может, тебе и вправду пришлось бы умереть под его кулаками, – прошептал человек ему на ухо. В глубине кухни все еще слышались задыхающиеся стоны матери и невнятное бормотание отца. – Но это был бы честный и порядочный поступок. Она бы осталась жива. Прожила бы жизнь... А еще ты мог бы его убить, когда подвернется возможность. Но ты ничего не сделал, Джонс... Совсем ничего... Остаток жизни прожил бок о бок с ее палачом. Он научил тебя обращаться с оружием, пьянствовать и быть одиноким. Это твой приговор. – Он кивнул на мать, неподвижно лежавшую на полу в коридоре. – Думать всю жизнь только о ней.

Со дня смерти Виктора Берри прошло несколько месяцев, а Мэри Энн по-прежнему жила погруженная в тишину, пропитанную горем, которое снесало ее день за днем. Сестры переехали жить в ее дом. Чтобы прийти на помощь младшей Морелли, они побросали все свои дела. Но, несмотря на внимание и любовь, которой они окружили двух осиротевших девочек, даже слабая улыбка не возвращалась на ее губы и лицо еще долго искажала гримаса страдания. Повседневность убивала Мэри Энн. Мелкие домашние дела и вопли Пенни, постоянно требующей внимания, приводили ее в отчаяние. У нее не оставалось сил ни на что, кроме жалости к себе самой.

Когда Мэри Энн вышла замуж за Виктора Берри, ей было семнадцать. К тому времени она махнула рукой на учебу, целиком поглощенная красавцем почти на двадцать лет старше, которого все уважали, любили и осыпали лестью. Виктор принадлежал к тем людям, которые, как говорится, сделали себя сами, был умен, хитер и до крайности самоуверен. Он воплощал в себе все, о чем могла мечтать семнадцатилетняя девушка. Разумеется, красив и высок ростом, с хорошим положением в обществе и безграничным уважением всех встречных и поперечных. Иногда он выкидывал какие-нибудь забавные фокусы, и она хохотала. Ему не изменяло чувство юмора, он всегда был жизнерадостен и излучал оптимизм. Но с течением времени обнаружилась и негативная сторона этого союза: долгие отлучки, казавшиеся порой нескончаемыми, потому что она оставалась совсем одна; страх, что он попадет в аварию, перелетая Атлантику или проделывая все эти головокружительные трюки, которые приводили в восторг всех, кроме Мэри Энн. Виктор успокаивал ее нежным словом и неустанным вниманием, а домой возвращался с кучей подарков для нее и девочек. Как радовалась Элизабет, разворачивая очередную игрушку и обнимая отца! Все это компенсировало долгие разлуки и бессонные ночи. Главное – девочки были счастливы.

Она так и не узнала, изменял ли ей муж когда-нибудь, хотя в глубине сердца была в этом уверена. Вполне естественно, что Виктору и его приятелям-трюкачам после выступления хотелось развлечься в далеком и незнакомом городе, и они пускались во все тяжкие. В ту пору Мэри Энн была еще совсем юной, ей в голову не приходило, что можно предать любовь, пусть даже на несколько часов. Но со временем она начала замечать мелочи, читать между строк, обращать внимание на детали,

которые раньше казались пустяками. Она страдала, но умела молчать. Так оно все и было до последнего дня его жизни. Уважаемый человек, нежный отец, терпеливый и снисходительный супруг. Он ни разу не повысил на нее голос, ни разу между ними не вспыхивало ссор, и все-таки Мэри Энн чувствовала себя бесконечно одинокой...

Она долго и скрупулезно соблюдала траур, не замечая человека, который был рядом с ней, заботился о ее дочерях. По чистой случайности человек этот жил в соседнем доме. Иногда сквозь большие окна его красивого особняка в колониальном стиле Мэри Энн видела, как Алан занимается повседневными делами. Ей нравилось за ним наблюдать. Она замечала, что супруга Молоски трижды в неделю заходит к нему помочь с бесчисленными хозяйственными делами, которые предполагало содержание трехэтажного особняка, однако иной раз он сам высовывался в окно и принимался неуклюже вытряхивать коврик. Мэри Энн умиляли мелочи, окружавшие быт этого человека. Она знала, что он перенес такую же трагедию, что и она, и однажды оказался в их Богом забытом городке, где его единственными собеседниками были пациенты да местный пастор, с которым они в восемь вечера пили пиво. Переменив место жительства, Алан сбежал от тоски, чего сама она не имела возможности сделать. Куда ей было податься? Вот почему временами стены собственного дома нестерпимо давили ей на плечи, а побегу плюща, взбиравшиеся по стенам, не только украшали фасад, но и душили Мэри Энн. Но как бы там ни было, Алан всегда был на своем месте. В окнах дома, в саду, на улице – со своей неизбывной печалью, любезной улыбкой, пестрым шарфом, казавшимся в зимние дни особенно ярким, или в шелковой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей, когда наконец воцарялась жара и так трудно было покинуть прохладу сада. Алан. Его глаза цвета лесного ореха, его вечно улыбающиеся губы, его угольно-черные волосы. Алан, подстерегающий Элизабет, когда та перелезала через изгородь, разделявшую их участки, и топтала его рододендроны и петунии. Всегда и всюду Алан. Куда ни глянь – везде он.

Случалось и так, что, укладываясь в свою одинокую кровать и погружаясь в сон, она представляла себе интимную встречу с Аланом. И из-за этих фантазий потом краснела и смущалась. Она не привыкла к таким переживаниям и чувствовала себя оскверненной. Но постепенно стыд пропадал, а фантазии посещали ее все чаще, даже во время бодрствования. Она представляла, как Алан входит в ее темную спальню, покрывает ее поцелуями, шепчет на ухо непристойности, которых она в жизни не слышала. Она мечтала, как его длинные пальцы ласкают каждый уголок ее

тела, как ее жадный рот прижимается к его губам, и от возбуждения у нее учащалось дыхание.

– Алан... – пробормотала она как-то раз, задремав в гостиной.

Стыд и срам, несмотря на то что все быстро забылось. Карлота и Амелия сидели на диване напротив, глядя на нее широко раскрытыми глазами, и вдруг расхохотались. Мэри Энн ничего не понимала – она же спала, но сестры с готовностью изложили ей причину смеха, и она чуть не умерла от смущения.

– Надо бы тебе почаще к нему заглядывать, – насмешливо сказала Карлота. – Он так надрывается ради тебя и девочек. Весь город говорит, что он по тебе с ума сходит!

И все же полностью уверена она не была. Ее ужасала малейшая возможность отказа с его стороны. А потом начались эти странные сны. Человек, которого она когда-то давно видела около кровати младшей дочери, являлся к ней на рассвете и нежно нашептывал на ухо, как она прекрасна. Она просыпалась ни свет ни заря, мокрая от пота. Иногда рубашка была задрана, тело обнажено почти до поясницы, и она смутно помнила, что испытывала удовольствие, которое в другое время показалось бы ей до крайности непристойным. Она была напугана. Но видения не прекращались. Во сне этот человек овладевал ею решительно и безжалостно. Когда она просыпалась, у нее болело все тело. А бывало и так, что на внутренней стороне бедер она обнаруживала синяки. Было ли это на самом деле? Или она потихоньку сходила с ума? Разумеется, сестрам про ночные приключения она не рассказывала. Это было невыносимо! Иногда ей приходило в голову, что ее собственные тайные желания преследовали ее в мечтах так часто, что в конце концов обрели материальную форму. Хотя, конечно, подобное объяснение ее не удовлетворяло. С течением времени она все отчетливее помнила то, что происходило во сне. Когда Пенни стало хуже, мужчина являлся каждую ночь. В сумерках комнаты Мэри Энн различала его кошачьи глаза, слышала мягкие шаги по ковру, чувствовала тяжесть чужого тела на своем ложе. Как правило, она погружалась в забытие, но иной раз пыталась кричать, и тогда существо зажимало ей рот и нежно шептало, что она должна быть хорошей девочкой, что она красива, обольстительно юна, что она не сумеет найти достойного мужчину, который ее удовлетворит, и что этим займется он. Настал черед успокоительных таблеток, поверхностного сна и смутного, но вполне обоснованного страха, как бы это существо не повадилось к Элизабет. И вот на фоне всего этого – смерть младшей дочери. В ту ночь, погрузившись в глубокий сон, вызванный снотворным, она видела, как

человек рыдает возле нее. Он сидел на краю кровати, спиной к ней, лицом к окну, и плакал, заслонив лицо призрачными руками.

– *Ma petite, c'est terrible*^[2], – повторял он.

– Не вздумай забрать мою дочь... – попыталась сказать она, но голос звучал чуть слышно, слов было не разобрать.

Он посмотрел на нее возмущенно. Вскочил, напряженно и растерянно размышляя над ее словами. Устремил на нее глаза, полные слез и скорби. А затем исчез и не появлялся вплоть до этой ночи.

А что, если она, Мэри Энн, была причиной всех этих бедствий? И это по ее вине в какой-то момент, на первый взгляд ничего особенного не значащий, призрак, или чем он там был на самом деле, задумал совершить свои злодеяния? Сомнения и тайные переживания преследовали Мэри Энн много дней подряд. В тот момент, когда она закрыла за собой калитку, они терзали ее так же, как и все прошлые дни. Алан вышел на крыльцо и смотрел на нее так, словно она – святая, появившаяся внезапно посреди холодной туманной ночи.

– Мэри, – воскликнул он. – Ты давно здесь, в саду? Входи, погрейся.

Мэри Энн сообразила, что прошло уже довольно много времени с тех пор, как она вышла на улицу, размышляя о случившемся. Она думала о нем так спокойно и безмятежно, как ни разу до сих пор.

– Я шла за Элизабет... – она взглянула на часы, – но сейчас еще слишком рано. Хотела узнать, не проводишь ли ты меня.

Алан нахмурился.

– За Элизабет? А где она?

– У Джима Аллена. Она собиралась зайти к нему, поболтать про книжки и взять автограф.

Алан покачал головой и пропустил ее внутрь.

– Ну и ну... А тебя не пугает, что девочка один на один с мужчиной? Мы ведь не слишком много о нем знаем. Он кажется хорошим человеком, и все же мужчина – это мужчина, и...

– Алан, – воскликнула Мэри Энн насмешливо и чуточку устало. – Моя дочка не глупая. Уверена, что его общество окажет на нее благоприятное влияние. Не знаю, поймешь ли ты меня. Общение с этим писателем – единственное, что делает ее в последнее время счастливой. Ты бы видел, как меняется ее лицо, когда она говорит о нем...

– И все-таки он мужчина, Мэри, – настойчиво повторил он. – А она – маленькая женщина. Если он охоч до этого дела, она покажется ему легкой добычей.

Мэри Энн улыбнулась. Такой поворот событий не приходил ей в

голову.

– Что-то в этом Джиме Аллене внушает мне доверие.

– Да, мне тоже. И все-таки...

Алан помог ей раздеться, повесил пальто на вешалку у двери. Они прошли в гостиную, где он только что растопил камин. Напротив камина – кипа старых газет. Кочерга, прислоненная к одному из кресел. Мэри Энн вспомнила последние слова, произнесенные Аланом в спальне: «Если я обниму тебя прямо сейчас, я пропал, Мэри».

– У тебя красивое платье, – сказал он. – Надеюсь, ты надела его не для того, чтобы поразить воображение Джима Аллена.

Он обернулся и внимательно посмотрел на нее. В это мгновение Мэри Энн испытала чувство, которое еще ни разу не замечала за все время, проведенное с ним рядом: безусловную любовь, благодарность за ту заботу, которой он ее окружал.

– Не говори глупостей, – она с трудом выдержала его пристальный взгляд. Слишком долго находилась она под действием таблеток, а постоянная острая боль не позволяла видеть свет, струящийся между ними. Она не чувствовала себя достойной его любви, особенно помня то, что происходило с ней между сном и явью. Как объяснить этому человеку, что ее преследует странное существо, которое вытягивает из нее все самое темное? Что по его вине она потихоньку ото всех рыдает, чувствуя себя оскверненной, гадкой? – Ты же знаешь, какая я.

Он молча уселся с ней рядом. Под его взглядом она почувствовала себя неловко.

– Я сделаю это, Мэри, – твердо произнес он. – И ничто на свете не сможет мне помешать. Ни это существо, ни отчаяние, ни какая-нибудь катастрофа, которая разразится как раз в этот момент. Я всего лишь хочу, чтобы ты это знала.

– А что ты собираешься сделать? – растерялась Мэри Энн.

Впрочем, она все понимала. Алан склонился к ней, взял обеими руками ее лицо и страстно поцеловал, не давая времени разобраться, что к чему, что-нибудь сказать или хотя бы пошевелиться. До чего же сладкими были его губы, как нежно и осторожно обнял он ее за талию, покрывая лицо поцелуями. Все было так, как она себе представляла. Мэри Энн закрыла глаза и отдалась ему. Впервые за много лет ей не было ни больно, ни страшно.

Проснувшись она через час в кровати Алана, завернутая в одеяло. В комнате было полутемно. Сидя в кресле перед окном и прижав к губам кулак, Алан неподвижно любовался городом. Маленькая лампа на одном из

столиков мягко освещала его фигуру.

Он обернулся, и Мэри Энн стало жутко. Тени причудливо падали на его лицо, и его глубокий неподвижный взгляд показался ей холодным, чужим.

– Когда это, ты говоришь, началось? – спросил он, не меняясь в лице.

Мэри Энн опустила глаза. Она пригнула голову и уткнулась в плечо: ей хотелось куда-нибудь спрятаться.

– Мэри?

– Какая разница, – вздохнула она и зарылась головой в подушки. Она услышала шаги по ковру, почувствовала руки, пытавшиеся повернуть ее лицом к нему.

– Мэри... Мэри... – шептал он, покачивая ее. – Ты должна все мне рассказать, Мэри. Все объяснить. Потому что в противном случае я не смогу тебе помочь.

Алан встревожился не на шутку. Она всегда знала, что, если однажды настанет день, когда она ему отдастся, он непременно заметит отметины, которые подолгу оставались на ее теле. Он откинул одеяло, которое она держала обеими руками, и раздвинул ей ноги. От стыда и смущения она задрожала.

– С каких пор это у тебя? – в отчаянии повторил он свой вопрос, коснувшись пальцами едва различимых синяков, которые к этому времени пожелтели и стали почти прозрачными.

– С тех пор как Пенни... с тех пор как ей стало хуже.

Алан сжал зубы. Лицо его сделалось собранным, жестким. Он отодвинулся от Мэри Энн. Она чувствовала, что он вне себя: ясный, практичный ум материалиста отказывается вместить в себя все эти сведения, он растерян и... сейчас он ее, возможно, ненавидит.

– Я не могу от него защититься, – всхлипнула она. – Я в этот момент отключаюсь. Он приходит во сне... Приходит и накидывается на меня! Он говорит мне ужасные вещи, Алан! Про тебя, про меня, про все, о чем мы думаем, чего желаем. А главное, я боюсь: вдруг с Элизабет начнется то же самое!

Алан задержал дыхание и посмотрел на нее в глубочайшем смятении. Он был полураздет, мышцы его тела дрожали, словно каждое произнесенное ею слово вонзалось в него глубоко и болезненно, подобно кинжалу.

– Я не позволяла ему проделывать такое со мной.

– Господи, Мэри Энн, – воскликнул он. – Неужели ты считаешь, что я тебя в чем-то виню? Что презираю тебя за то, что ты стала жертвой какого-

то явления, от которого я даже не могу тебя защитить? Ты правда так думаешь? Поэтому ты так холодна?

Мэри Энн посмотрела на него в смятении. Алан был не рассержен, а обижен.

– Мне казалось, ты меня осуждаешь...

– Ради всего святого! – воскликнул он. – Я могу упрекнуть тебя лишь в одном: почему ты раньше мне не сказала, что с тобой происходит? Что ужас, отразившийся в твоих глазах на похоронах Пенни, был из-за тех жутких ночей, когда ты была совершенно одинока и беспомощна и никому про них не говорила! Мэри, как ты могла вообразить, что я тебя осуждаю? В какой момент тебе пришли в голову такие мысли?

– Я не знала, Алан... Пойми, мне тридцать семь, и половину своей взрослой жизни я провела в одиночестве. Я одна с девочками с тех пор, как погиб Виктор. Он был единственным моим мужчиной. Ты даже не представляешь, как мало я обо всем таком знаю!

Она посмотрела на Алана, чье лицо мягко освещала лампочка, и вздохнула. Его черты смягчились, хотя он по-прежнему был взбешен. Он понимал и жалел Мэри Энн, но эта история приводила его в ярость. Она собиралась что-то сказать, но он погладил ее обнаженные плечи, снова укрыл одеялом, словно желая спрятать от всего мира, и поцеловал.

– Я влюблен в тебя, Мэри. Ты даже представить себе не можешь, как сильно я в тебя влюблен, – печально проговорил он.

– А я в тебя.

Она слабо улыбнулась.

– Раз так, ты не должна от меня ничего скрывать, каким бы стыдным тебе это ни казалось. Я не позволю, чтобы он еще раз к тебе прикоснулся, ясно?

Мэри Энн медленно кивнула. Алан обнял ее так сильно, что ей стало больно.

– Теперь я понимаю, почему ты отпустила девочку к Джиму... – прошептал он, не дожидаясь ответа. Она закрыла глаза и прижалась к нему еще теснее. – Ты думаешь, что так она будет защищена. Подальше от дома... Господи...

Элен Дункан не заметила, как открылась дверь. Час назад Ларк и Оливер Перкинс отправились в бар Лоретты, и по физиономии шерифа – немислимая помесь ротвейлера и дога – они собирались застрять там надолго. Было чуть больше восьми вечера, у Элен ныли ноги. С каждым днем ей становилось все сложнее сидеть неподвижно два часа кряду, она всерьез подумывала о том, чтобы сесть на диету, иначе ее варикозные вены лопнут годам к сорока. Первым делом надо зайти в «Коконут», купить Томми что-нибудь из еды. Она уже съездила домой за чистой одеждой. Затем посидела под дверью камеры, пытаясь выяснить, что же все-таки произошло. Разговаривать Томми не захотел и по-прежнему выглядел невменяемым. Казалось, одно воспоминание о происшедшем сводило его с ума. Глаза застыли, как стекляшки, щеки покраснели от слез. Глядя на него, Элен испытывала безотчетный ужас: если Томми, человек бывалый, привыкший ко всякого рода испытаниям, впал в подобное состояние, то что же такое с ним произошло?

Наконец он задремал, прикорнув на выцветшем тюремном матрасе, и она потихоньку ушла. Зашла в уборную, рассеянно любовалась на свое отражение в зеркале. Отметила, что все это время не может выбросить из головы погибших в аварии ребят. Двое семнадцатилетних подростков, впереди вся жизнь, полная открытий и нового опыта. Вот почему она не обратила внимания на шаги по линолеуму, не услышала звук открываемой на первом этаже двери, а затем сухой щелчок, с которым дверь захлопнулась.

Томми крепко спал, укрытый шерстяным одеялом. Он не видел причудливую фигуру, которая в замешательстве топталась перед его камерой. Когда он открыл глаза и всмотрелся в клубящуюся тьму, разбавленную лишь тусклым светом, сочившимся сквозь зарешеченное оконце под потолком на одной из стен, вся кровь, циркулировавшая по его телу, бросилась в голову. Виски бешено стучали. В ушах что-то невыносимо жужжало, воздух перестал вмещаться в легкие, а когда ему захотелось крикнуть, из горла донесся жалкий хрип, такой слабый, что даже он сам едва услышал. Он скатился с лежанки на пол и пополз в дальний угол камеры. Фигура переминалась с ноги на ногу, не произнося ни слова и рассматривая Томми своими кукольными глазами. Томми что-то забормотал. Что-то неразборчивое, умоляющее, путаное вырывалось из его

рта. Он не хотел смотреть на фигуру, не желал чувствовать невыносимый ужас, который сковал мышцы его тела, не давая шевельнуться или произнести более-менее связанную фразу.

– Приветик, Томми, – все тот же пронзительный скрипучий голос. – Соскучился?

Существо подошло к решетке и просунуло руку между металлическими прутьями. Рука неестественно вытянулась, будто резиновая, пока один из длинных пальцев не царапнул Томми по лицу. Затем существо похлопало его по щеке чем-то вроде кисти руки.

– Тебя нет, – прохрипел Томми. – Это невозможно. Ты не существуешь. Тебя не может здесь быть. Это – сон. Чертов сон – вот это что. Самый обыкновенный сон.

Кукла покачала головой и хитро улыбнулась, так что два ряда мелких острых зубов сверкнуло между черных и тонких, будто обведенных фломастером, губ.

– Ага, размечтался. Вот он я! – существо поклонилось и принялось напевать: – «В камере осужденный ждет смерти, трик-трак, и никто не узнает про это». Ты хорошо себя вел? Трик-трак.

– Ты не существуешь!

– Говори, придурок: ты хорошо себя вел? Вдруг, когда я тебя распотрошу, явится дьявол и уведет тебя за ручку?

Непомерно длинная ручища втянулась обратно и приняла обычное положение. Раскачиваясь из стороны в сторону, существо прошлось вдоль решетки, постукивая пальцами по металлическим прутьям.

– Отвечай, Томми, а не то я войду к тебе в камеру и вырву тебе язык. «Трик-трак... и никто не узнает про это».

– Пощади меня! – простонал Томми: если эта штука приблизится, он сойдет с ума.

– Врунишка...

– Кто ты такой? Чего тебе надо? Почему ты выбрал меня?

Кукла вставила морду в решетку: голова ее вытянулась и просочилась сквозь прутья. Оказавшись внутри, она пришла в нормальное состояние.

– Врунишка Томми, – проскрипело существо. – Даю тебе последний шанс исповедовать свои грешки. Если будешь хорошим мальчиком, я тебя пожалею и расправлюсь с тобой побыстрее. А может, и нет! Я еще не решил.

Шея куклы начала удлиняться. Томми всем телом вжался в стену камеры. Он не мог этого вынести, это было больше, чем способен был вместить его разум.

– Чего тебе от меня надо, подлая тварь? Чего я такого сделал? – повторял он.

– Мне нужна твоя жизнь, Томми. Твоя кровь пахнет тухлятиной. Ты совсем не такой хороший мальчик, как все думают. Правда ведь, дурачина?

– Вон отсюда!

Шея марионетки вытянулась еще сильнее. Теперь уже тело целиком просачивалось между прутьями, постепенно перемещаясь внутрь камеры. Все перевернулось в сознании бедного Томми: он понял, что скоро ему предстоит умереть. Рука, туловище... Голова, нога... Вот оно и внутри. Оно здесь, рядом!

– Я тебе ничего не сделал! Не трогай меня!

– Не трогай, не трогай меня! – кривлялась кукла в считанных сантиметрах от него. Голос был уже не таким, как раньше: теперь это был женский голос, который Томми узнал. Этот голос преследовал его много лет подряд с тех пор, как он вернулся из Афганистана. Напрасно он надеялся, что забыл его. – Защити! Не отдавай им меня...

От неожиданности Томми вскинул голову. Он все еще сидел на полу, прижав колени к груди и обхватив их руками, а марионетка стояла над ним.

– Я не хотел. Я был мелким... Я был мальчишкой. А она... Что это за шутка? Что за чертова шутка?

– Не трогай меня! Не трогай меня! Не оставляй меня с ними, Томми!

Женский голос гремел у него в ушах, словно ему по голове били деревянной колотушкой. Образы и воспоминания толпились перед его внутренним взором: тот бар, лагерь в Кабуле, юная девушка среди солдат. А потом – алкоголь, хохот мужчин, плач девушки, весь этот кошмар.

«Не трогай меня», – вопил голос.

«Не оставляй меня с ними».

«Не позволяй им меня трогать».

– Он был хороший парень. Трик-трак, – распевало существо, скаля острые зубы. – И был у него секретик. Трик-трак. Он славный был солдатик. Трик-трак.

– Сжался надо мной, господи! – взмолился Томми. – Пожалей мою душу и прости меня. Я был пьяным мальчишкой, который не понимал, что творит. Прости мне мои грехи. Прости невежество. Пожалей мою душу. Сжался...

– Заткнись, дурак. Я – твоя единственная надежда! Я гнев божий, – существо захохотало.

Томми смотрел на него во все глаза. Кукла протянула ручищи, вцепилась ему в плечи и рывком поставила на ноги. Костлявые пальцы

вонзились в тело Томми.

– Ну что, потанцуем, зеленоглазый солдатик? – скрипела тварь.

– Господи, прости меня, – только и успел выговорить Томми.

Ему следовало провести в больнице чуть больше времени. Но он возвращался домой, и руки, сжимавшие руль, дрожали. Обычно у него в машине бормотало радио. Окошки он не открывал, чтобы в салон не проникал холод. Однако сейчас было жарко, а единственное развлечение, которого алкала его душа, была ночная тьма, клубящаяся повсюду, остроконечные тени деревьев, уносящихся вдаль, как бесплотные духи в бесконечных полях, да ветер, который просачивался сквозь крошечную щелку, оставленную в окошке.

Перед глазами Роберта все еще стояло равнодушное лицо Дэнни, лежащего в больничной кровати, внезапная дрожь его тела, его отчаянные крики: «Не дай ему забрать меня. Не дай ему вылезти из картины». Если бы он только мог избавить сына от этого кошмара, который застыл у него в глазах...

Медсестра вколола ему успокоительный. Дэнни уснул, вцепившись в запястье Роберта своей худенькой ручкой. Он и не взглянул на безутешно рыдавшую мать, которая, услышав крики, чуть дверь с петель не сорвала. Не взглянул мальчик и на Пола Колемана. Дэнни желал видеть перед собой только его лицо, только его рука могла утешить его, пообещать ему, что ничего страшного не случится, что он в безопасности, что больше никто не заберет его и не испугает.

С каким трудом покинул он палату Дэнни! Ни разу в жизни не испытывал он такого беспокойства, такого страха, сконцентрированного в одном участке мозга, такого бессилия. Он даже не посочувствовал Полу, когда на глазах у того мальчик умолял Роберта остаться. Лицо Лорны исказила гримаса стыда и страха. Она не могла понять, почему Дэнни так себя ведет. Ни понять, ни смириться с этим. Чуть позже, когда Роберт вышел в коридор и понуро, нетвердой походкой направился глотнуть свежего воздуха, Пол устремился вслед за ним, умоляя о помощи. Полосатая рубашка Пола была мокрой от слез и грязной от поплывшего макияжа Лорны. Но что, что мог сделать Роберт, как он мог им помочь?

Изложить Полу свою версию происходящего – все равно что признать свою вину в преступлении, которого не совершал. Этот человек ничего не понимал. Он уставился на картину так, словно сама преисподняя полыхала на несчастном шершавом прямоугольнике. Он разбил ее о стену, и осколки стекла разлетелись по всему полу. Затем разнес в мелкие щепы хрупкую

раму. Как будто это могло что-то остановить. Какая наивность!

Пол Колеман. Унылый обыватель Пол. Человек, который ограничил свою жизнь работой, чтобы супруга могла вести ту жизнь, которую желала. Его сердце было явно крупнее мозгов, и все-таки он что-то предчувствовал, что-то понимал, и от этого пребывал в растерянности и тревоге. Роберт ожидал, что встреча лицом к лицу с правдой вызовет в нем взрыв унижения и ярости, но ничего похожего не произошло. Да, это было абсурдно. Но таков Пол.

Он обнял Роберта и отчаянно зашептал, что понимает, какую боль ему причинил. Какого он ждал ответа? Не ты отнял у меня сына, Пол. Во всем виновата твоя жена, а заодно и я сам. Я со своей глупой привычкой всюду соваться с добром. Я со своим призванием, трусостью и тоской. Только я во всем виноват, Пол.

– Только я... – пробормотал он.

* * *

– Я заберу к себе Дэнни на несколько дней. Со мной он будет в безопасности. И объясню ему все, что не осмеливался рассказать столько лет.

Пол кивал в ответ, как болванчик.

– А если это всего лишь ночные страхи?

– Лори, закрой рот.

Лорна уставилась на Пола так, будто за всю их со-вместную жизнь он ни разу не сказал ничего более здравого. В этот момент Роберт горячо пожалел, что вообще знаком с этой женщиной. Пол соглашался: он верил в Бога, а значит, и в дьявола тоже. Все происходящее неплохо умещалось в его голове.

– Да, Роберт. Всего на несколько дней. Я считаю, что это справедливо... У тебя есть право.

– Когда его выпишут.

– В смысле, ты заберешь ребенка, когда его выпишут?

Лорна смотрела на них птичьими глазами, и лицо у нее было как в телесериале. Должно быть, она уже прикидывала что-то насчет адвокатов, а заодно представляла, как весь город будет показывать на них пальцем. Но промолчала.

«Славный парень этот Пол», – пришло в голову пастору. Он тихонько

засмеялся, хотя все, чего ему хотелось, – это выйти из машины и заказать себе еще виски. Двух рюмок оказалось достаточно, чтобы размышлять спокойнее. Он даже не запомнил названия кафе. Желтые и красные огоньки, Портленд, одиночество. Пьян он не был. Зато мог размышлять более свободно, и это означало, что страх вливался в него во всей своей красе. Разве не был он всего лишь человеком? Какое ужасающее одиночество! Но потом он увидел свой дом, черепичную крышу, живую изгородь, чудесные деревья, плющ, взбирающийся по стенам. Увидел ее, свою Амелию.

Он почувствовал воодушевление. Она стояла напротив дверей как бесплотный дух, ее тонкую лебединую шею согревала шаль. Черные волосы рассыпаны по плечам. Ее красота, в обычное время тщательно скрываемая, мигом бросилась ему в глаза. Она была скромна, но прекрасна.

Что он мог сказать? Он вздохнул.

– Роберт! Где ты был? Я беспокоилась.

«Ах, любовь моя, – невольно подумал он. – Я был в аду моего собственного отчаяния».

– Амелия...

– Что с тобой?

Ему показалось, что он сейчас пошатнется или упадет. Сил хватало только на то, чтобы вытащить ключ из кармана брюк. Амелия смотрела на него во все глаза. Он почувствовал ее руку у себя на щеке, жар пальцев, осязающих каждую пору на его коже.

– Роберт, не молчи!

– Будь так добра... Открой дверь и помоги мне.

Он боялся, что потеряет сознание.

– Роберт!

Он едва не оттолкнул ее, перешагнув порог, и, не зажигая свет, рухнул на диван. Она помогла ему снять пальто, зажгла настольную лампочку. Потрогала лоб.

– Роберт, ты весь ледяной. У тебя давление упало. И все же, что произошло?

«С чего начать? Жил да был молодой человек двадцати шести лет...» – размышлял он.

Но постепенно он пришел в себя. Амелия приготовила ванну и терпеливо дождалась, пока он хорошенько отлежится в пару и солях. Никогда в жизни не случалось ему раздеваться при помощи женщины, но Амелия так ловко и изящно расстегивала и снимала с него одежду... Полумертвый, бессильный, он впервые в жизни послушно отдавался

чужим рукам. Кто-то другой беспокоился, чтобы он не ушибся, укладываясь в ванну, нежные руки прикладывали к его лбу влажное полотенце. Стоя на коленях, Амелия терла губкой его плечи – сперва одно плечо, затем другое. Сейчас она увидит имя на татуировке... Он приходил в себя и был не один. Как же ему было плохо, какая неблагодарная штука – жизнь! Оголенные нервы, накопившееся напряжение толкали его в бездонную пропасть. И вдруг как свет в конце тоннеля – Амелия...

– Роберт... – прошептала она, когда он уронил руку в пену, покрывавшую все его тело, – это же тот самый Дэнни, верно?

– Дэнни...

Как объяснить этому ангелу с нежными глазами, что он вовсе не идеальный человек?

Снова уже знакомый страх. «Я не обладаю тобой, я никогда тобой не обладал, но мысль о том, чтобы потерять тебя, невыносима», – мысленно проговорил он.

– Не смотри на меня так. Думаешь, я не знала? Ты меня за дурочку держишь?

Он приподнялся – и ванна мгновенно опустела чуть ли не наполовину. Она по-прежнему стояла на коленях, и его внезапное движение ее напугало. Она смотрела на него пристально, словно жалея его метущуюся душу.

– Мне жаль... Амелия...

– Жаль? Ради бога, Роберт, о чем ты должен жалеть? Я бываю в церкви и знаю этого мальчика с младенчества. Думаешь, я ничего не заметила? Не видела, как он смотрит на тебя с последнего ряда кресел, будто ты и есть бог?

Роберт ничего не понимал.

– Как ни придешь в церковь, этот малыш сидит на заднем ряду. Он глаз с тебя не сводит. Достаточно посмотреть на эти глаза – это же вылитый ты!

– Представь, я ничего не замечал. На заднем ряду, ты говоришь? – он действительно не обращал внимания на Дэнни.

Амелия вздохнула.

– Дэнни – копия тебя самого. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это видеть. И хотя мальчик ничего не знает, ты ему всегда помогал. Думаешь, я и этого не замечала? По-твоему, непременно надо видеть имя на татуировке, чтобы понять что к чему?

– Значит, ты все знала? – спросил он.

– А кто про это не знает? И все-таки люди тебя уважают. И всегда уважали. Это же маленький городок. Ребенок похож на тебя как две капли

воды, но он уже большой. Двенадцать лет назад ты пастором еще не был.

Ему снова стало дурно. Выходит, про это знает весь город. Ему хотелось умереть.

– Люди... всегда и всюду люди, – пробормотал он. – Но мне это безразлично. Я беспокоюсь только за Дэнни.

– Да, Роберт. Люди все знают.

– Я сквозь землю готов провалиться. Дай-ка мне вон то полотенце. Пора вылезать из ванны, пока у меня снова не упало давление.

Амелия взяла его под руку. Длинные пряди волос липли к ее лицу, рукава промокли насквозь, но она ничего не замечала.

– Мне жаль, что я тебя в это втянул, – сказал Роберт. – Ты представить себе не можешь, что сейчас творится с мальчиком. Существо, которое жило в твоём доме, преследует его, и я не могу понять почему! Точнее, догадываюсь: потому что он мой сын, а моя семья отсюда, из этих мест. У существа есть какая-то причина. Понятия не имею, как его остановить.

– Твоя семья, Роберт. Это и есть причина. Нам только что звонил Джим Аллен. Элизабет была у него, когда он получил письмо из Сан-Франциско. Мэри Энн как раз собиралась идти за ней, и вдруг звонок. Он приехал сам и принес фотографию. Твой прадедушка работал на старой лесопилке, он тоже есть на фотографии, и с ним еще несколько человек. Один из них – этот призрак; другой – его отец Тобиас Мори, а остальные – предки тех, кого он преследует.

– Он жил здесь! – Роберт смолк, неподвижно глядя на Амелию.

– Так вот, – продолжала она, – его зовут Люсьен Мори. Тебе что-нибудь говорит его имя? Это сын Тобиаса.

Роберт отрицательно покачал головой. Он был так взволнован, что, вылезая из ванны, даже не прикрыл свою наготу. Взгляд его был устремлен на Амелию. Та покраснела.

– Нет, впервые слышу, – он взял протянутое ею полотенце и обмотал вокруг бедер.

– Мы волновались. Алан звонил тебе, но не дозвонился. Он сказал, что оставил тебя дома, что ты встречался с этим существом. Я уже собиралась ехать к тебе...

– Слишком много событий для одного дня, – пробормотал Роберт. – С ума можно сойти.

Амелия протянула ему руку. Роберт с трудом удерживал себя, чтобы не сжать ее в объятиях. Но что, если она его оттолкнет? Он бы этого не перенес. Он вышел из ванной, она следовала за ним.

– Пожалуйста, растопи камин в гостиной, – попросил он ее. – Ты

насквозь мокрая. Простудишься еще, чего доброго. Пойду что-нибудь накину. Просто невероятно: раздела меня, как ребенка, усадила в ванну... Как теперь в глаза тебе смотреть?

– Ах, Роберт! Не говори глупостей.

Когда он спустился вниз, Амелия сидела у камина. Она сняла верхнюю одежду, неловко придвинула ее к огню. Стоя на верхней ступеньке, он полюбовался контуром ее обнаженных плеч, бретельками лифчика, контуром груди. Амелия не знала, что он на нее смотрит. Лишь услышав шаги по ковру, она поспешно прикрылась, но было поздно: Роберт уселся рядом и, преодолевая стыдливость, убрал волосы с ее плеч.

– Я сегодня растерял все свои принципы. Не думаю, что упаду в обморок, увидев тебя в нижнем белье.

Амелия посмотрела на Роберта. Щеки ее сделались пунцовыми. Он нежно провел пальцами по ее виску.

– Роберт... – прошептала она, задыхаясь от волнения.

Он уселся на диван позади Амелии.

– Позволь я вытру тебя, а то схватишь воспаление легких, – он откровенно любовался ею. – Ничего не случится, если мы посидим еще немного.

Он закрыл глаза. Силы его покидали. Тепло постепенно согревало тело. Наконец-то он расслабился. Прошло минут десять, а может, меньше. Он задремал, и ему снился сон.

Он лежал на Амелии все там же, напротив камина, и осторожно ласкал ее, запустив руку под платье. В какой-то момент ему захотелось сорвать с нее это платье, яростно проникнуть в нее, забыть обо всем на свете, но он сдержался. Амелия была сама нежность, невинность, наивность. Он вновь почувствовал дуновение ветра у себя на лице. Ее глаза скользили вниз по его телу, но тут он схватил ее руки и заставил снова раздеть себя. Он уловил в ее глазах сомнение, замешательство и особенное выражение, которое появлялось у нее на лице, когда он улыбался. Сколько лет прошло с тех пор, как он в последний раз прикасался к женщине? Он не мог вспомнить. Кажется, это было давно, очень давно. Но сейчас его не слишком волновало, что она подумает. Все, что ему хотелось, – насытиться ею, насладиться сполна, почувствовать во всем мире только ее одну. И это неповторимое ощущение, что его тело ему не принадлежит, что это не он лежит между ее раздвинутых ног...

А еще там был тот человек. Он помнил его имя: Люсьен. Он неподвижно стоял у окна и внимательно смотрел на Роберта. На его бледном лице застыло выражение затаенного коварства, а взгляд был

пронзительный и недобрый. Но присутствие постороннего будто бы не касалось Роберта. Его не смущало, что Люсьен на них смотрит, не смущало выражение его лица и то, как жадно облизывает он губы.

– Mon Dieu, mon ami, – шептал человек. – У тебя неплохо получается. Захватывающее зрелище. Что ж, я тебя поздравляю...

– Роберт...

Он вздрогнул и открыл глаза. Неужели он уснул? Амелия стояла рядом, спешно пытаясь водрузить на место верхнюю часть платья.

– Сейчас не время для сна. Мы должны ехать ко мне. Уже десять!

Он не помнил, где находится и что произошло. Помнил Дэнни, его крики, бьющуюся в истерике Лорну, Пола, умоляющего помочь, цветные огоньки, бесчисленные рюмки виски... Ванна, человек, прерывистое дыхание, ее губы с ароматом клубники... Неужели это и вправду была она?

«Mon Dieu...» – повторил пастор.

Дом не изменился с тех пор, как Джим вошел туда впервые. Однако в этот раз он не был обычным гостем, приглашенным для формального знакомства. Карлота накрыла ужин в гостиной на широком столе орехового дерева – старинном, на толстых устойчивых ногах, украшенном затейливым орнаментом, чьи очертания напомнили Джиму детство, бабушку, ощущение старины и уюта. Элизабет сидела за столом, почти не шевелясь, рядом с матерью и Аланом. Старая фотография, которую Джиму удалось раздобыть, все эти лица, пристально смотревшие в камеру, наполнили смыслом череду необъяснимых происшествий. Мэри Энн вздохнула. Конечно, она знала Люсьена Мори. У нее и сомнений не было, кто это. Карлота тоже взяла снимок и всмотрелась в лица. У нее задрожали пальцы. Эта женщина, несмотря на присущую ей силу, побледнела до снежной белизны и выскочила вон из комнаты, подальше от «него».

– Люсьен, – прошептала Мэри Энн.

Карлота выглядывала из кухни с таким видом, будто бы та заклинала самого дьявола. Вернувшись, поставила на стол блюдо с рисом и сказала:

– Не произноси это имя. Вдруг он подумает, что ты его зовешь?

Услышав столь смелое заявление, Мэри Энн не выдержала и горько усмехнулась. Алан прикоснулся к ее руке. Заметив это, Элизабет украдкой взглянула на Джима. Снова эти девчачьи глаза с их лукавством, эта зовущая улыбка, полная желаний и тайных обещаний. Джим поднял брови с таким видом, будто только что исповедовался в смертном грехе, и заговорщицки ей подмигнул. Еще два года. Выдержит ли он? Уверенности у него не было. В глубине души он понимал: Ларри, его агент, прав. Извращенец, проклятый извращенец.

– Вон они! Вижу машину Роберта, – воскликнула Карлота, отодвигая занавеску. – Надеюсь, он в порядке. Бедняга.

Еще одна непростая ситуация. С каким придыханием рассказывала Амелия о том, что чувствует пастор. Как с трудом сдерживала слезы, объясняя свой визит к нему без сопровождения Алана или сестры. «Ох уж эти городишки, удаленные от остального мира, полные недомолвок и тайн», – думал Джим. Что еще ему предстоит узнать? Что-то подсказывало, что ниточка взаимосвязанных событий уходит в бесконечность, а они пока топчутся в самом ее начале. А Джим и вовсе знал меньше всех. Кто он такой? Чужак, автор детских книжек, готовый продать душу дьяволу при

виде школьного платица. И все же он чувствовал себя причастным ко всему этому делу и, главное, был уверен, что обязан помочь.

– Роберт, как дела? Как Дэнни?

Алан вскочил с дивана и горячо пожал ему руку, как будто они не виделись давным-давно. Пастор улыбнулся.

– Так много всего навалилось, – признался он. – Завтра будет новый день, Алан. Надеюсь, ситуация как-то прояснится. По крайней мере я очень на это надеюсь. Но сейчас у меня совсем нет сил. Я выжат как лимон.

– Могу себе представить, – кивнула Карлота. – Тебе нужно поесть и отдохнуть.

Мэри Энн тоже встала, за ней поднялась дочка. Роберт провел рукой по волосам Элизабет, в ответ девочка его обняла.

– Так, все за стол, – скомандовала Карлота. – Нам всем нужно поесть. Я битых два часа стояла у плиты, чуть в обморок не грохнулась.

– Роберт...

– Привет, Джим. Похоже, твоя теория насчет тихого городка канула в Лету.

Джим от души расхохотался.

– И не говори! Из этого можно было бы извлечь несколько томов остросюжетной прозы. На всю жизнь писанины хватит, – отшутился он. – Рад тебя видеть. Хорошо, что Амелии удалось убедить тебя приехать.

Амелия стояла неподвижно, как свеча. На лице у нее изображалось подобие улыбки, но в следующий миг она уселась за стол. Незаметно прикоснулась к щеке: неужели опять покраснела?

– Как я могу отказать Амелии? – признался Роберт, глядя на нее с нежностью. – Вытащила она меня с трудом. Хотя признаться, полезно иной раз побыть на людях.

– Ну же, садитесь, – взмолилась Карлота.

– Умираю от голода, – воскликнула Мэри Энн. – Толком не ела вот уже несколько дней подряд.

– Прости за заминку, Карлота.

– Спасибо, Джим. Ты очень любезен.

В тот вечер они ужинали, как одна большая семья. Даже Джим чувствовал себя превосходно – до тех пор, пока взгляд его не задевал нежное личико Элизабет, сидевшей напротив.

– Итак, хочу предложить одну вещь – начал Алан. – Кому-то она может показаться безрассудной. Но мы с Мэри решили, что на сегодняшний день это самое разумное, что можно сделать. Оставить вас в этом доме одних – плохая идея. Комнат хватит на всех. Когда я говорю «на всех», я имею в

виду себя, Роберта и Джима. Понимаю, что для тебя, Джим, это лишние волнения и суета, и ты имеешь полное право отказаться. В любом случае я всего лишь озвучиваю приглашение Мэри.

Джиму показалось, что на лице у него разгорелся настоящий пожар, как у подростка. У Элизабет приоткрылся рот, а глаза ее сверкали.

– Вы проведете здесь всего несколько дней. Точнее, ночей, – добавила Мэри Энн. – Пока мы не разберемся, в чем дело... Возможно, ваше присутствие...

Карлота застыла как соляной столп. Амелия покраснела.

– А что скажут соседи?..

– По-моему, – перебила ее Мэри, – сейчас нас меньше всего должно беспокоить, что подумают соседи. Я ни минуты не хочу оставаться одна в комнате после того, что там случилось. Я знаю, что Джиму и Роберту организовать такую ночевку не так просто, но...

Мэри Энн покосилась на Джима. Карлота не унималась.

– То есть ты хочешь сказать, что Алан будет спать у тебя в комнате? – набычилась она, глядя на племянницу.

– Тетя Карлота, – вспыхнула Элизабет. – Моей маме почти сорок. Вряд ли меня хватит удар, если Алан будет спать в ее комнате. Они оба – совершеннолетние.

– Тридцать семь, дорогая. Не добавляй маме лишних лет, – пробормотала Амелия.

В первый раз за вечер Мэри Энн улыбнулась. Карлота мрачной стеной стояла перед племянницей. Джиму стало смешно, но он сдержался. Алан придал своему лицу вежливое выражение и тоже внимательно следил за сценой. Затем поднес ладонь ко рту, сдерживая смех.

– Джим...

– Не беспокойся, Мэри Энн. Я вас не оставлю. Как раз отдохну от работы над книгой. Вряд ли я сейчас способен на чем-то сосредоточиться. А тут, глядишь, и правда пригожусь.

– Что и требовалось доказать, – заключил довольный Алан. – В конце концов речь идет всего о нескольких ночах. Чистая мера безопасности.

– Роберт, – пробормотала Амелия чуть слышно. – С тобой все в порядке? Ты побледнел.

– Все хорошо. Просто устал. Завтра буду чувствовать себя лучше.

Когда ужин закончился, Джим, Роберт и Алан вышли в сад. Доктор Фостер хотел поговорить с ними наедине. «Без Элизабет и сестер», – добавил он вполголоса. Он не мог сохранять спокойствие, рассуждая об этих событиях. Алан поведал им историю Мэри Энн, описал происшествия

последних дней, а заодно и то, что поделывал с ней этот человек по ночам. Роберт переменялся в лице, а Джим застыл не мигая.

– Мэри не хочет, чтобы сестры знали – сказал он. – Это для нее слишком унижительно. Да и как отреагирует девочка? Но вам я просто обязан все рассказать.

– Значит, она полагает, что он того и гляди наведается к Элизабет? – недоверчиво спросил Джим.

– Лично мне кажется, что вряд ли. У меня сложилось впечатление, что к девочкам он испытывает что-то вроде отеческой любви. Вспомните, что раньше его видели возле кровати Пенни. Есть и еще одна немаловажная деталь... Мэри Энн мне призналась, что, когда девочка умерла, он рыдал, оплакивая ее смерть. Он страдал. И страшно обиделся, когда она попросила его не забирать девочек. Все это до крайности запутанно. Просто голова кругом идет.

– Подождите, давайте уточним, – сказал Роберт. – Вы хотите сказать, что существо изнасиловало Мэри Энн?

Алан кивнул. Его губы были плотно сжаты, рот вытянулся в прямую линию.

– Боже правый... – Роберт схватился за голову.

– Мы должны выяснить, что за жизнь была у этого типа. И почему коллеги из Сан-Франциско не смогли ничего про него узнать начиная с 1923 года. Вряд ли он осмелится тронуть Мэри, если она будет не одна. Впрочем, тогда, в комнате, рожа его выражала не страх, а издевку.

– Это призрак, Джим! – воскликнул Роберт. – Он не может быть таким сильным. Ничего не понимаю...

– Тем не менее он исчез, как только нас увидел, – заметил Алан. – Это значит, что общество людей ему не нравится и пользоваться женской слабостью он предпочитает в одиночестве.

– Наверняка в этом неплохо разбирается Кэтрин Вудс. Вот бы с ней посоветоваться. Боже, сам себя не узнаю. Ведь я – пастор!

– А что делать, Роберт, – примирительно сказал Алан. – В первую очередь надо защищать твоего сына от этой пакости. Надеюсь, он в безопасности. Пока он в Портленде с Лорной и Полом, ему ничего не грозит.

– Согласен, – кивнул Джим.

В окне появилась Амелия, прервав беседу троих мужчин. В руке она сжимала пиликающий телефон.

– Алан, тебя. Кажется, что-то важное. Это шериф, он уже звонил дважды.

Алан потер виски.

– Интересно, что там на этот раз?

Занятый своими мыслями Джим пристально смотрел на дорогу. Алан повернул направо, и вскоре они оказались в центре города. Он переговорил с шерифом. Дела были плохи. Что-то случилось с Томми Нортоном. Алан не понял большую часть того, что втолковывал ему Ларк, где-то на заднем плане слышались вопли Элен, а голос шерифа казался непривычно серьезным.

– Как думаешь, что это могло быть?

– Понятия не имею, Джим. Я мало что понял из его объяснений. Ларк был очень обеспокоен, а для него это странно.

– Хорошо, что Роберт остался с сестрами, – пробормотал Джим, и в голосе его отчетливо звучала тревога. – Надеюсь, мы вернемся не слишком поздно. Твои рассказы про этого призрака и то, что он вытворяет с Мэри Энн, это...

Алан посмотрел на него с любопытством.

– Это – что? – переспросил он. – Лично у меня не получается отнести это к какому-либо известному классу явлений.

– Нечто дикое, противоестественное...

– Трудно найти правильные слова, когда речь идет о Мэри и ее утрате. Когда-то умерла от рака моя жена. Вы не знали? Да, я вдовец. Так мы это называем. У моей матери не было родителей. Значит, она была сирота. Но как назвать потерю ребенка? Для этого даже слова не существует. Потому что это ненормально. Человек обязан пережить родителей. Жизнь строится по правилам, хотя иногда случаются сбои. А теперь еще и это... Что мы можем поделать? У меня даже никакой чертовой догадки нет.

Джиму хотелось его успокоить, но он сам был слишком взволнован происходящим. Он тщательно подбирал каждое слово, чтобы хоть как-то уменьшить ярость, владевшую этим человеком, который столкнулся с ситуацией, ускользавшей от его понимания.

– Ларк всю свою жизнь провел в нашем городе, и семья его тоже отсюда, – продолжал Алан. – Должен же у него быть хоть какой-то ответ, какая-то гипотеза. Если нет, поговорю с Полом Джонсом, лесорубом, ему лет восемьдесят или больше. Хоть кто-то из этого проклятого городка должен знать, откуда у этого призрака ноги растут.

– Не кипятись. Надо беречь нервы, особенно сейчас.

Алан не ответил. Джиму показалось, что от владевшего им гнева у

доктора пропал голос. Соблюдение приличий и сохранение спокойствия было для него в эти минуты непосильной задачей. Интересно, как бы отреагировал Алан, если бы узнал, что было между Джимом и Элизабет? Если бы услышал про ее сон, про то, что он, Джим, должен о ней заботиться? Или стал свидетелем их поцелуя? Но вскоре они припарковались напротив полицейского участка, и по глазам Алана он твердо понял, что лучше оставить все это при себе. Доктор был взбешен, и подобный разговор мог бы иметь два возможных последствия: он бы окончательно обезумел – или убил Джима на месте. Его раздумья прервало появление Ларка: не дожидаясь, пока они вылезут из машины, он сам бросился им навстречу.

– Я к нему пальцем не прикасался! – воскликнул шериф. – Он жив!

Они захлопнули дверцы. Физиономия Ларка была искажена, седина виднелась как будто более отчетливо, чем еще совсем недавно, а дрожащие складки на подбородке придавали лицу встревоженный и потерянный вид.

– Что значит – жив?

– Клянусь, доктор, сколько занимаю этот пост, в жизни не видел ничего подобного. – Он толкнул дверь участка и понесся куда-то так резво, что оба его посетителя едва за ним поспевали. – Когда я принес ему кофе, мне показалось, что он мертв. Я даже трогать его не стал. И что вы думаете? Жив! Быстрее, прошу вас. Мы не можем терять ни минуты.

Да, такого они не могли себе даже вообразить. Томми стоял посреди камеры, однако его ноги не касались пола: они зависли в воздухе в нескольких сантиметрах, не различимых на первый взгляд. Руки подняты в форме креста и закреплены тонкими прозрачными нитями, которые проходили сквозь ладони, и голые ноги крепились к прутьям тюремной решетки. Зрелище было просто невероятным. Все выглядело так, будто парень самостоятельно стоит на ногах. Глаза защиты теми же нитками. Голова бессильно свесилась набок, из плеч вылезают нитки, так же как и из бедер, из икр. Джим замер у двери в камеру, не слыша торопливое дыхание Алана и шерифа. Внезапно кто-то произнес его имя, затем последовал стук упавшего на пол тела. Только тогда он очнулся и бросился на помощь.

– Режьте нитки. Осторожно! – крикнул Алан.

Он не понимал, что делает. На своих плечах он чувствовал неподвижное тело Томми. Вскоре Томми навалился на него всей своей тяжестью, и оба рухнули на ледяной цементный пол. Алан перерезал скальпелем нити, стягивающие Томми веки.

– Пульс есть. Джим, передай-ка мой кейс!

– У него и в спине нитки, – пробормотал Ларк.

«Кейс», – мысленно приказал себе Джим, стараясь собраться.

– Немедленно давай сюда кейс!

Джим метнулся в сторону и протянул кейс Алану. Только теперь он впервые отважился заглянуть Томми в глаза. То, что он увидел, было настолько ужасно, что ему стало нехорошо.

– Томми!

Парень едва заметно шевельнулся. Бледный, лицо осунулось, руки и ноги багрового цвета. Нити оставили по всему телу множество крошечных точек, но крови видно не было. Такое впечатление, что опытный хирург, не жалея времени и сил, подвесил живую марионетку для какого-то диковинного спектакля. Только тут Джим заметил в дверях Элен. Она не решалась войти, лицо было каменным.

– Томми, ты слышишь меня? – крикнул Алан.

– Пульс есть? – спросил Ларк.

– Томми! – Алан слегка похлопал его по щекам. Томми открыл глаза. – Ну же, парень. Ты меня слышишь? Если понимаешь, что я говорю, моргни.

Томми моргнул. Он разжал губы, собираясь что-то сказать, но лицо исказилось от боли. Ресниц у него на глазах почти не осталось, одно веко кровоточило.

– Соберись, приятель. Ты должен реагировать. Ничего ужасного не произошло. Все раны поверхностные! Посмотри на меня, Томми. Это я, Алан Фостер.

– Доктор Фостер...

– Вот, умница. Я с тобой. Ты отделался легким испугом. У тебя ничего нет, так что вставай. Попытаемся вместе?

Парень был явно не в себе. Он посмотрел себе под ноги и с помощью Джима и Ларка кое-как поднялся на ноги. Тело его дрожало, как осиновый лист. Элен принесла плед, а Алан накинул его Томми на плечи.

– Отвезем его в клинику, – спохватился Алан. – Пусть эту ночь он проведет под присмотром. Попрошу Терри выйти в ночную смену, с ним Томми не останется один ни на минуту.

– Я тоже возле него подежурю, – сказала Элен.

Только сейчас Алан и шериф повернули голову в ее сторону. Джим тем временем внимательно осматривал одну из нитей, зажав ее пальцами. Кто мог совершить такое зверство? Так или иначе, этот кто-то аккуратно поставил башмаки Томми в углу, а рядом пристроил сложенные носки.

– Отличная мысль, Элен, – говорил Алан. – Просто замечательная. Возьму у Томми анализы и проведу полное обследование.

– Что происходит в городе, доктор Фостер? – в отчаянии спросил

шериф. Выглядел он скверно.

– Доктор... мне нужен священник, – прохрипел Томми. – Хочу исповедоваться.

– На это у тебя будет достаточно времени, – ответил Алан. – Впереди целая жизнь.

– Какого черта здесь творится? Кто это сделал? – не успокаивался шериф.

Алан направился к двери, Томми ковылял рядом с ним, держа его под руку. Джим достал из кармана листок с фотографией и протянул его шерифу, указывая пальцем на изображение Люсьена Мори.

– Вот что здесь происходит. Узнаете кого-нибудь?

– Марионетка, – заскулил Томми. – Я же вам сказал, что она меня прикончит. Я предупреждал, что она за мной придет!

Ларк поднес фотографию к своим старым выцветшим глазам, затем озадаченно посмотрел на Джима.

– Разумеется, я их узнаю. Но какое отношение они имеют ко всей этой истории?

– По крайней мере у нас есть с чего начать, – язвительно заметил Алан.

– Дьявольская марионетка! *Трик-трак*.

– Да что с тобой, Томми? – взвыла Элен.

Алан тащил Томми за собой, как заплутавшего в городе пьяницу.

– Вот что, шериф, – решительно сказал он, выходя из камеры. – Вытащите из постели заместителя, и пусть он немедленно прибудет сюда. Если вы не хотите новых жертв помимо тех, которые уже есть, вы должны нам рассказать, кто этот тип и какое он имеет отношение к остальным людям, изображенным на фотографии. Если присмотреться, там указаны имена, и по случайности это имена предков наших соседей, которые пострадали в последние дни.

Ларк уставился на Алана, затем на Джима. Снова перевел взгляд на фотографию и прижал пальцы к губам.

– Это 1923 год. Вы что, смеетесь надо мной? Какое отношение имеют эти люди к тому, что происходит?

– Похоже, что я смеюсь? – доктор начал терять терпение. – А случай с Томми – тоже шутка?

– Он вернется... Он знает все наши секреты...

– Томми, никто за тобой не вернется, – перебил его Джим. – Мы его остановим.

Томми усмехнулся.

На физиономии шерифа застыло выражение полнейшего замешательства. Он протер глаза и заявил:

– Доктор Фостер, эти люди имеют отношение к лесопилке. Но фотография датирована 1923 годом. Снимку больше девяноста лет.

Передав Томми на попечение Элен, Алан подошел к шерифу. На секунду Джиму показалось, что доктор сейчас ударит его кулаком по лицу, но тот лишь взял снимок и поднес к глазам.

– Этот тип – Люсьен Мори. Слышали про него? Это по его вине через два дня нам предстоит двое похорон, из-за него покончила с собой женщина, не говоря о том, чему вы только что были свидетелем и что я лично могу вам рассказать. Поверьте, от человека моей профессии такое редко услышишь, но, если бы вы видели то, что видел я, вы бы наверняка думали то же самое.

Джим подошел к ним ближе. Он уже не был уверен, что Алану удастся себя сдержать.

– Элен, – сказал шериф, – отведи Томми в офис и пусть обуется. Мы сейчас придем.

Элен увела Томми. Кусая губу, Ларк неуклюже прошелся туда-сюда и повернулся к остальным.

– С парнем случилось несчастье. Я не слишком ориентируюсь в этой теме, но могу найти кого-нибудь, кто хорошо знает историю Брайдел-Вейла.

– Это было бы замечательно, – Джим был тронут. – Я просил друзей в Сан-Франциско найти какую-нибудь информацию, но особых результатов не получил. Только официальная история лесопилки да несколько незначительных деталей.

Ларк посмотрел на него искоса.

– Это вполне объяснимо, мистер Аллен.

– В смысле?

– Когда происходит подобное несчастье, да еще в такую бурную эпоху, какой были двадцатые годы, в городишках типа нашего грязное белье стараются прятать побыстрее и без особого шума. Это провинция, господин Аллен. Здесь всегда так было.

Алан закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул.

– Шериф... вы обязаны нам сказать, что произошло.

Ларк кивнул.

– Ладно. Парня пока оставьте с фельдшером и Элен. Человек, к которому мы поедем, живет за городом. Конечно, сперва я ему позвоню. Он не слишком приветлив с чужаками. Тем более если они заставляют его

ковыряться в старом дерьме.

Пол Джонс опустил голову на стол и вытянул руки, будто уже помер. Он не знал, сколько времени провел в таком положении, но точно помнил, что так и не вышел из гостиной, мать бродила по дому как призрак, с каждым разом все более жуткий, а человек ушел.

– Джонси, у меня болит голова.

Она едва волочила ноги. Теперь было очевидно, что голова у нее проломлена каким-то тупым предметом и из отверстия раны лилась кровь. Один глаз заплыл и не открывался. И все-таки она улыбалась, когда смотрела на него.

– Ты что-нибудь замечаешь, Джонси?

– Еще бы не замечать, – проворчал он. – Замечаю, например, что ты мертвая, но при этом таскаешься по дому взад-вперед.

– Мне нужно снять с веревки белье, малыш. Вот-вот пойдет дождь.

Вечерние лучи подсвечивали деревянные балки на крыльце, роняя на окна пятна света. На стенах виднелись крапинки тени, которые отбрасывали грязные оконные стекла. Вазы с цветами исчезли, как и нарядные подушки в вязаных наволочках. Гостиная была как прежде, пустая и холодная, лишенная каких-либо признаков жизни. В точности как его мать.

Джонс поднял голову, но на нее старался не смотреть. Он слышал шуршание мягких туфель, осторожные, медленные шаги. Иногда мать останавливалась, глядя на дверь; затем продолжала свой утомительный маршрут из гостиной в коридор, до лестницы и обратно. Лицо у нее было потерянное, безучастное – возможно, она не понимала, куда попала, и не могла найти выход. Ее блуждание напоминало кошмарный сон. А он так и сидел неподвижно, с недоумевающим видом человека, который не знает, как вести себя в столь бредовой ситуации. Может, сам Бог наказывает его за грехи? Но, с другой стороны, разве честно так жестоко наказывать? Хорошенькое дело: изуродованный ходячий мертвец, роняя капли крови, ведет с тобой загробным голосом нескончаемые беседы. Призрак умершей матери, который бродит по дому и зовет тебя: «Джонси, Джонси!» Аккуратные бигуди давно исчезли с ее головы, волосы свисают кое-как мокрыми сосульками, фартук в цветочек перепачкан грязью и кровью.

– Джонси, по-моему, я ушиблась.

– Еще бы. Это папаша тебя зашиб.

Она не слышала Джонса. Через два часа безумного спектакля он выбился из сил и перестал отзываться. Милые домашние мелочи, по которым он столько лет тосковал, расплывались и гнили. Он повторял про себя, что не существует более ужасного способа наказать сына, чем показать ему восставший труп матери.

Да, он мог ее спасти, но не спас. Вот где ловушка. И напрасно он столько лет подряд пытался себя оправдать. До него донесся скрип – вероятно, его издал старый сервант или шифоньер, мебели в доме оставалось не так много. Он отвернулся, чтобы не видеть мать. На щербатой этажерке справа стояли две книги и несколько допотопных выцветших журналов. Еще он увидел ружье. А может, взять и покончить с этим кошмаром? Пустить пулю в лоб – да и дело с концом. Разнести ко всем чертям черепную коробку. Сколько лет ему осталось? Пять, шесть? Невелика потеря. Старый забулдыга, одинокий и никчемный. Кто станет по нему скучать?

Он улыбнулся и вышел в коридор. Мать как раз в этот момент наматывала очередной круг по гостиной. Она ощупывала голову дрожащими пальцами, другой рукой пыталась отряхнуть фартук. В коридоре стоял шкафчик, где Джонс хранил бутылки со спиртным. Он достал херес и отхлебнул прямо из горлышка. Он слышал, как вдалеке проехал грузовик, чуть слышно в окно стучали ветки, квакали лягушки в пруду. Слышал загнанное дыхание матери, которая теперь тупо билась головой в стену, потом повернулась к нему, и приступ тошноты согнул его пополам.

– Сынок, боюсь, как бы у меня не отвалилась голова. Надо бы сходить в город купить еще мяса. Твой папаша ест много мяса, и если в доме его не окажется, он рассердится.

Внезапно он понял, что держит в руках ружье, сжимая обеими руками приклад и стараясь никуда не смотреть. Он снова уселся в кресло. Положил ружье на стол рядом с бутылкой.

– Джо-о-о-онсиии!

Лесоруб повернулся к матери спиной. Страшно не было.

– Я люблю тебя, мама, – громко сказал он. – Я всегда тебя любил. Всю жизнь мучился оттого, что мог тебе помочь, но не помог. Я мог бы сказать, что хотел что-то сделать, но это было бы вранье. Но все равно я любил тебя. Всем сердцем. Всегда – только тебя. Прости меня, мама...

Он слышал скрип половиц, но не обернулся. Ему не хотелось видеть эту потустороннюю реальность. Настал момент поставить точку. Он медленно повернулся, держа ружье в руках. Матери нигде не было. Стояла

полная тишина. Слабая лампочка на крыльце перестала мигать и отбрасывала ровный желтоватый свет на полчища мошек, толпившихся под ее металлическим козырьком. Капельки крови, которые мать оставляла за собой на полу, тоже пропали. Наконец он поднял глаза на дверь и увидел кухню: она была такой же мертвой и пустой, как утром, когда он собирался в город, еще до всей этой шутки с дерьмом, которая сейчас уже не имела ни малейшего значения. Дрожащей рукой он отодвинул ружье, потянулся за хересом, собираясь отхлебнуть добрый глоток, но передумал и швырнул бутылку в стену, так что она разлетелась на тысячу кусков.

Это была всего лишь мысль, и она осенила его так внезапно, что он чуть не потерял сознание. Стало ли ему легче? Впервые в жизни он знал точно, что не лжет сам себе.

«Я мог что-нибудь сделать и не сделал... Но ты никогда меня за это не винила и никогда не переставала меня любить».

Оставив дочь и сестер на попечение Роберта, она собиралась принять ванну на втором этаже. Ванную комнату заполнял горячий пар, и ее тело погрузилось в блаженную негу. Она все еще чувствовала на своей коже нежные пальцы Алана, его поцелуи, объятия, слышала его уверения, что ей нечего бояться, что он рядом и непременно о ней позаботится. Эта ночь была единственным светлым пятном со дня смерти Пенни. Впервые за долгое время она знала, что не одинока, что рядом близкий человек, и это ощущение было для Мэри Энн бесценно. Чувствовала ли она спокойствие? Нет, это слово не годилось. Поддержка и понимание подходили гораздо больше. Присутствие всех этих людей в доме наполняла ее уверенностью, в которой она так нуждалась. За считанные дни Джим Аллен превратился в опору для всей семьи, не говоря уже о пасторе: несмотря на погруженность в собственные проблемы, он без раздумий согласился пожить в их доме. «Возможно, все гораздо проще: эти люди нуждаются в обществе друг друга», – размышляла она. Она чувствовала прилив сил, как глоток свежего воздуха. После страшной трагедии для нее впервые приоткрылась дверца в новое измерение.

Она накинула шелковый халат, вышла из ванной и босиком направилась в свою комнату. Ей пришло в голову, что дом пуст – снизу не доносилось ни звука. Она подошла вплотную к деревянным перилам и посмотрела вниз, но ничего не увидела. Только слабое мерцание, излучаемое телевизором, пронзало глубокий ночной сумрак. Она подумала, что все, вероятно, уснули, не досмотрев передачу. После смерти мужа она скучала именно по таким вечерам. Наконец-то дом наполнился жизнью! И главное, наконец-то Элизабет снова счастлива.

Причина такой перемены была ей отлично известна, как бы она ни строила из себя дурочку в глазах Алана. Однако признание в том, что она понимает свою дочь и знает о ее влечении к Джиму Аллену, стало бы предметом ненужного спора. Алан смотрел на Элизабет так, будто она его собственная дочь, и Мэри Энн не хотела тревожить его лишней раз, тем более в такое непростое время. Не то чтобы она безоглядно верила в самообладание этого писателя в отношении ее дочери, однако его общество избавляло ее от множества страхов. Впервые за долгое время у девочки блестели глаза, и Мэри Энн ни за что не осмелилась бы разрушить это волшебство. Она просто не была на такое способна, несмотря на мысли об

их возможном сближении. Впрочем, такие мысли не слишком настойчиво ее преследовали: с одной стороны, она хорошо знала свою дочь, с другой – доверяла порядочности и осмотрительности Джима. Как обстоят дела на самом деле, она не беспокоилась: главное, девочка счастлива.

Занятая этими мыслями, Мэри Энн сама не заметила, как оказалась у себя в комнате и подошла к шкафу, чтобы достать что-нибудь из одежды. Амелия включила отопление, но она озябла и боялась простудиться. Мельком взглянула в зеркало: несмотря на то что она сильно исхудала, щеки были на месте, овал лица не пострадал, причин волноваться не было. Она чувствовала себя отдохнувшей и помолодевшей. Откинула волосы за спину и несколько секунд всматривалась в свое отражение. Комната позади казалась больше, чем была на самом деле. Кровать с высоким деревянным изголовьем и нарядным пологом занимала чуть ли не полкомнаты. Ни за что на свете не согласилась бы она расстаться с этой обстановкой: каждая мелочь казалась ей такой изысканной, благородной. Мебель поблескивала матовым блеском, она отлично сохранилась, несмотря на почтенный возраст. Мэри Энн не любила современную мебель, терпеть не могла бездушные прямые линии. И обожала колониальное убранство своего дома, персидские ковры и позолоченные рамы, украшенные затейливыми завитушками. Она лично покупала все эти лампы Тиффани, украшавшие столики. Обожала блошинные рынки и лавочки подержанных вещей и, хотя в последнее время едва добиралась до конца собственной улицы, уже мечтала, как наведается в антикварный магазин в центре города. Она проводила в нем долгие часы, выбирая какую-нибудь безделушку для обстановки дома: серебряный канделябр, зеркало, картину. Внезапно в коридоре послышались шаги. Мэри Энн обернулась и поспешно направилась к двери, уверенная, что это ее дочь, но в коридоре было пусто. Она закрыла дверь, чтобы переодеться. Вокруг стояла непривычная тишина. Затем за спиной раздался сухой щелчок, она повернулась, но в этот момент свет погас, и комната погрузилась в темноту. Она подошла к окну, размышляя о том, что, вероятнее всего, в доме вылетели пробки, а может, что-то случилось с проводкой на улице. Однако лампочки на крыльце горели, подсвечивая ледяной холод ночи. Она увидела его неожиданно: он стоял у двери, однако на этот раз она бодрствовала, была в полном сознании и, главное, даже не притрагивалась к снотворным таблеткам. Она замерла. Человек также не двигался. Она видела складки у него на брюках, линию плеч и манеру непринужденно опираться о стену, так, словно он давно уже за ней наблюдает.

– Люсьен, – машинально поговорила она.

Человек шевельнулся. Мэри Энн попятилась.

Он медленно, шаг за шагом приближался. Волосы тщательно зачесаны назад, однако несколько прядей беспорядочно топорщатся надо лбом. Белая рубашка. Детали его одежды были нечетки, очертания тела будто бы расплывались, размытые сумраком. Сумрак почти полностью поглощал пространство комнаты. Единственное, что она знала наверняка, – он здесь, очень близко, на расстоянии вытянутой руки. Она чувствовала на себе его цепкий недобрый взгляд.

– Не подходи, Люсьен Мори, – сказала она. – Я знаю, кто ты.

В лицо дохнуло холодом. Нечто невидимое вынудило ее отступить в другой конец комнаты, а затем резко толкнуло на кровать. Мэри Энн перевернулась ничком и поползла в сторону деревянного изголовья, но, когда она почти уже касалась его рукой, та же сила перевернула ее навзничь, навалилась сверху, обездвижила. Только теперь она по-настоящему испугалась. Хотела закричать, но голосовые связки не подчинялись.

– Madame... – услышала она, – будьте более стоворчивой. Ишь, какой у вас, оказывается, характер!

– Не трогай меня, – повторила она, задыхаясь. Сердце бешено колотилось в груди, но она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. – Не смей!

– Mon amour... вы непредсказуемы, но это возбуждает меня еще больше.

– Отстань от меня...

Люсьен подошел к кровати, присел на край и склонился над Мэри Энн. Погладил складки одеяла, сдержанно улыбнулся, повернувшись к ней вполборота.

– Когда-то я думал, что любовь – единственный двигатель, который управляет миром, – нежно проговорил он. – Только любовь – и больше ничего. Как я был наивен. Любовь вянет вместе с телом или попросту исчезает.

– Не смей ко мне прикасаться.

Его рука скользнула под шелковый халат, пальцы проворно расстегнули пуговицы, но Мэри Энн только быстрее задышала в ответ. Ее живот вздымался и опадал, грудь сжималась от тоскливого беспокойства. Он положил ладонь ей на талию, наклонился и поцеловал в щеку.

– Вы меня обижаете... – прошептал он ей на ухо.

– Иди к черту.

Люсьен выгнул брови в притворном изумлении.

– Ну и выражения у вас, мадам!

– Я тебя ненавижу...

Это существо издевается над ней. Ей захотелось его ударить. Лицо склонилось к Мэри Энн совсем близко. Его красота была ослепительна. Взгляд томный, неторопливый, будто он любит каждую черточку ее лица, каждым дефектом кожи, порожденным возрастом. Он ее словно загипнотизировал. Какая-то часть ее естества приказывала немедленно вскочить, выбежать из комнаты, однако тело не подчинялось. Она попыталась что-то сказать, но человек страстно ее поцеловал.

Вокруг происходило что-то странное. Комната уже не была прежней. Горели свечи в канделябрах, в камине у противоположной стены уютно потрескивал огонь. В глазах человека сверкали ревность и жадность. Она из последних сил попыталась его ударить, но Люсьен перехватил ее отяжелевшую руку и с силой сжал запястье.

– Вот этого не надо... Это лишнее...

– Пожалуйста, отпусти меня. Это не мой дом, я не понимаю, где я.

Все смешалось. Ее охватила паника, такая же сильная, как ужас, с которым она когда-то смотрела на больную дочь. Нестерпимые чувства теснили душу. Люсьен лежал на ней, она чувствовала касание его кожи, его язык скользил по ее губам, руки ласкали ее тело. А внутри его она ощущала огромную, бесконечную боль!

– Боль... Какое невыносимое страдание... – Ей снова хотелось кричать, но наслаждение уже струилось вдоль позвоночника, принося бесконечно приятные спазмы. Его присутствие поглощало всю ее без остатка, оно лишало ее воли, она не могла его оттолкнуть. Она не желала его отталкивать! Неужели такое возможно? Неужели все это происходит на самом деле? Это же абсурдно!

– Не лишайте меня того, что принадлежит мне по праву, мадам, – шептал он ей на ухо. – Не злите меня, потому что у меня нет сердца.

– Даже для меня?

Он снова поцеловал ее и кивнул.

«Даже для тебя», – звучало в самом далеком уголке ее сознания.

– Садитесь, господа, – сказал старик. – Не в моем обычае принимать гостей в двенадцать ночи, но, когда раздался твой звонок, Ларк, я сразу же понял, что в нашем драгоценном городе что-то произошло.

Шериф горько усмехнулся. Старик сварил кофе с молоком и поставил на стол чашки.

– Знакомься, Рудольф, – отозвался Ларк, – это Джим Аллен. Он из Сан-Франциско. Джим – писатель. Только не пугайся: его работа никак не связана с тем, что происходит. Он всего лишь добрый друг семьи покойного Виктора Берри. А доктора Фостера ты, наверное, и без меня знаешь.

Старик кивнул, тяжело опускаясь в кресло, и в знак приветствия прижал руку к груди. Остальные расселись вокруг стола.

Джим положил на стол фотографию. Рудольф взял ее кончиками пальцев и поднес к глазам. Худой человек с длинными костлявыми руками. На нем был малиновый халат и старые тапочки в тон. Некоторое время он задумчиво рассматривал снимок через крохотные очки без оправы, сидевшие поверх крючковатого носа. Затем вздохнул.

– Сколько лет я не видел эти лица, – промолвил он.

– Послушай, Рудольф, – голос Ларка звучал более настойчиво, – ты должен рассказать нам все, что знаешь об этих людях. Я же говорил тебе по телефону, в Пойнт-Спирите творится настоящий ад. У нас не так много времени.

Старик отложил снимок и скользнул глазами по лицам сидевших перед ним троих мужчин. Складки его атласного халата поблескивали в слабом свете старенькой люстры.

– Все, что я о них знаю, мне когда-то рассказал отец, – сказал он. – Не забывайте, что мне девяносто два года. Когда была сделана эта фотография, я еще не родился. Истории о трагедиях, особенно в забубенных городишках вроде нашего, переходят от родителей к детям, от дедов к внукам. Расскажу вам то, что рассказывал мне отец. Это все, что я могу для вас сделать.

– Мы были бы вам очень признательны, – откликнулся Джим. Алан молчал, о чем-то размышляя. Но Джим заметно оживился.

– Ладно, – пробормотал старик. Затем глубоко вздохнул и начал: – Тобиас Мори восходил к старинному роду плантаторов из Батон-Руж. Его предки нажили свое состояние, торгуя сахарным тростником: их плантации простирались вдоль всей Миссисипи. Там было двое братьев, Тобиас и

Гратьен, так что можно только гадать, какое наследство досталось каждому. Тобиас переехал в Пойнт-Спирит из Парижа. Несмотря на богатство, этот человек все время придумывал какое-нибудь новое дело, а лесопилка была многообещающим начинанием. В наш городишко он вбухал кучу денег. И долгие годы все шло как по маслу. – Он улыбнулся. Снял очки и кивнул на кофе. – Наливайте себе, прошу вас. Только что сварил.

– Спасибо, – ответил Алан.

Старик посмотрел на него поверх очков и продолжил:

– Жители города обожали слушать его истории. Он был парень не промах, когда речь заходила о работе. Когда же рабочий день заканчивался, часами сидел в таверне и рассказывал о своих предках, об усадьбах, окруженных дубовыми рощами, об учебе в Париже в годы *Belle Époque*. В общем, тот еще фрукт, как говорил мой отец. А теперь перейдем к делу.

У Тобиаса было двое сыновей: старший Жан-Клод и младший Люсьен. Молодые люди, надо заметить, мало походили друг на друга. С Жан-Клодом Тобиас обошелся скверно. Это был юный бунтарь, работать не любил и до переезда в Пойнт-Спирит проматывал состояние по всему Парижу. О нем ходила дурная слава. В конце концов отец отправил его в Новый Орлеан к кузинам. Об этом парне известно мало, по крайней мере здесь. Затрудняюсь сказать, сколько раз он приезжал в Пойнт-Спирит. Может, дважды или трижды. Один раз уж точно – похоронить свою мать, Джульетту.

Люсьен не был на него похож, он был попросту из другого теста. Можно сказать, полная противоположность старшему брату. У него была склонность к музыке: играл на скрипке, фортепьяно и бог знает на каких еще инструментах. Но, несмотря на многообещающее будущее в Париже, он со своими родителями и супругой Беатрис переехал в нашу дыру помогать Тобиасу с лесопилкой. Отца Люсьен обожал, хотя тот был человек сложный и непредсказуемый. Отец утверждал, что жесткость и дисциплина старых плантаторов были у него в крови. С работниками он был прямолинеен, иногда даже груб. Тем не менее у него имелся отличный нюх на всякого рода прибыльные дела, касающиеся лесопилки, которую Тобиас уже задумал передать своему второму сыну. На самом деле Люсьен пообещал своей молодой жене, что они проживут здесь недолго. Отец был уже пожилой и лесопилку свою обожал; Беатрис же, наоборот, была человеком городским, привыкшим к парижским театрам, к роскоши...

– Я читал письмо, которое дочери Мэри Энн Морелли нашли на чердаке. Его написала Беатрис, – перебил его Джим. – Она мечтала как можно скорее вернуться в Париж и боялась людей с лесопилки.

Рудольф кивнул, а Алан смотрел на него, не отрываясь.

– Что уж, причины имелись как для того, так и для другого. В 1923 году Тобиас скончался от инфаркта, через два года умерла его жена Джульетта. Люсьен собирался продать лесопилку и вернуться с Беатрис в Париж: после смерти отца ничто не держало его в наших местах. Парень тяжело перенес смерть обожаемого родителя, он очень страдал. Вдобавок жена у него как раз об эту пору была в положении и, конечно, хотела рожать в своем родном городе. И все бы ничего, если бы не одна загвоздка: бригадиры Тобиаса. – Он легонько постучал пальцем по фотографии. – Узнав о планах Люсьена, они запаниковали. Что будет с лесопилкой? А с ними? Прошло несколько ужасных месяцев. Паника и страх оказаться в нищете, без работы и доходов от Брайдел-Вейла передались всем. Люсьен то и дело куда-то отлучался. Все были в курсе, что он на дружеской ноге с влиятельными бизнесменами из Нью-Йорка. Но толком никто ничего не знал, и это, сдается мне, было самое худшее. Но Люсьена все уважали, и никто, ни единый человек, не имел смелости сказать ему что-то поперек или хотя бы потребовать объяснений. Отец рассказывал, что, когда этот человек появлялся верхом на лошади, все вели себя так, будто перед ними сам дьявол. И вовсе не потому, что парень он был плохой, боже сохрани! Просто от него зависело слишком многое, при этом он был прохладен с работниками, а мягкие черты постепенно приобретали суровость.

Я уже говорил, что Люсьен был человеком непредсказуемым. Но в отношениях с супругой проявлялись лучшие качества его натуры. Он был заботлив и чуток, обожал свою Беатрис и все время находился при ней. Еще он был привязан к одной из старых служанок, женщине по имени Магали, своей няньке. В их обществе он преображался, становился другим человеком, и характер его смягчался. Он очень любил свою жену. Когда выяснилось, что она беременна, возвращение в Париж сделалось неизбежным. А тут еще и эта трагедия: смерть отца. Коротко говоря, в городе начался настоящий хаос, и с каждым отъездом Люсьена страх неизвестности возрастал...

И тут случилось нечто омерзительное... Во время одного из его отъездов, когда Беатрис осталась одна с прислугой, события ускорились. Как-то вечером она вышла на прогулку без Магали, что в ее положении выглядело довольно странно – впрочем, срок беременности был еще невелик, – и столкнулась с Джоном Роузом и Лукасом Грантом: было еще не поздно, но эти молодцы уже как следует набрались. Их бесило то, что происходило вокруг Люсьена, вот они и слетели с катушек. На следующий день несчастные даже не могли вспомнить, что сотворили накануне. Они

догнали Беатрис в лесу, изнасиловали, и она потеряла ребенка, которого носила во чреве. Ужас, да и только... Это был их приговор. До самой смерти отец не мог забыть, как Люсьен Мори, вернувшись домой спустя несколько дней, вскочил верхом на своего черного монстра и мчался во весь опор до самой лесопилки. Не слезая с коня, выхватил два кинжала, которые торчали у него за поясом, и перерезал горло обоим забулдыгам при всем честном народе. Зарезал их, как двух зайцев.

– Это были прадедушки Патрика и Брэди Роуза, подростков, которые разбились в машине, – пояснил Алан.

– Именно так. Когда они поняли, что натворили, попытались подбить остальных, чтобы те как-нибудь им помогли. Все знали про убийство, но были слишком напуганы. Нашелся способ вывезти их семьи из города, посадить на корабль и отправить подальше от Пойнт-Спирита, но Люсьен вернулся через два дня, и ничего уже нельзя было сделать. У них не было времени, они не знали, что он приедет так скоро.

Джим покачал головой.

– И все же он убил двоих на глазах у всей лесопилки. И никто ничего не сделал?

Рудольф тихонько засмеялся.

– Молодой человек, в 1923-м в стране свирепствовал сухой закон. Были строжайше запрещены продажа, покупка, изготовление и даже транспортировка спиртных напитков. Все делалось подпольно. У Люсьена Мори были мощные связи среди мафиози, занимавшихся подпольной продажей алкоголя. Не сказать, чтобы он сам этим увлекался, но влияние Парижа было велико, а Люсьена всегда окружали люди определенного статуса, которые заработали в нашей стране большие деньги благодаря обороту спиртного на черном рынке. Они зависели от него, и его бригадиры отлично про это знали. Вот почему этого парня пальцем боялись тронуть, кроме того, весь город понимал, что именно произошло: жена обещана двумя его же собственными доверенными людьми, которым он помог подняться и разбогатеть, погиб младенец... За такое чудовищное предательство существовала единственная расплата: жизнь.

– А что случилось с остальными?

– Остальные бригадиры так ничего и не сделали. Кое-как помогли, посочувствовали. Но работа у Люсьена после этого происшествия превратилась в сплошной кошмар. Чем дальше – тем хуже. Через неделю после трагедии Беатрис покончила с собой: повесилась на балке под крышей. Бедная девочка не вынесла стыда и потери ребенка. Когда врачи объявили, что иметь детей она больше не сможет, она впала в настоящую

депрессию. Вообразите, что означала в то время подобная новость. Тело нашла Магали, поднявшись на чердак за простынями. Когда Люсьен об этом узнал... он обезумел.

– Боже правый, – пробормотал Ларк.

Рудольф пожал плечами.

– Парню было тридцать лет, Ларк. Он не был готов к такому удару и потерял рассудок. В ту ночь весь город услышал, как по мостовой проскакал его конь. Жители закрывали ставни и двери. Пойнт-Спирит дрожал от страха. Та часть города, где мостились домишки рабочих, построенные Тобиасом и его сыном, погрузилась в кромешную тьму. В таком состоянии Люсьен был еще менее предсказуем. Но действовал он вполне разумно. Доскакал до лесопилки, как будто выехал прогуляться. Впрочем, отец потом не раз говорил, что цель у него была одна: разнести в щепки наш городишко вместе со всеми жителями.

– И он убил остальных бригадиров, – предположил Джим.

– Кое-что похуже: сжег лесопилку, а заодно и лачуги лесорубов. Уничтожил все подчистую. Всю оставшуюся жизнь жители Пойнт-Спирита вспоминали ту ночь. Вообразите только: множество голосов вопят что есть силы; работяги Брайдел-Вейла, у которых не было ничего, кроме домишек и убогого скарба, суетятся в яростных языках пламени. Ад на земле, да и только. А посреди хаоса – Люсьен на коне, любующийся делами рук своих.

В комнате повисла тишина. Ларк кашлянул, рассматривая лица на фотографии.

– Люсьен Мори... – наконец произнес старик. – Это человек отказался от блестящей карьеры ради лесопилки, которая в итоге лишила его всего, что он имел. И он отомстил... С той ночи в Пойнт-Спирите ничего не было прежним, особенно в верхней его части, которую занимал Брайдел-Вейл. Лишившись работы и жилья, полгорода были обречены на ужаснейшую нищету, да что там – на гибель. Альберт Оуэнс, дед Лоррейн, ненадолго пережил пожар. Выстрелил себе в голову три недели спустя. Из-за пристрастия к азартным играм у этого парня накопилось слишком много долгов, рано или поздно ему предстояло их выплатить, иначе грозили плачевные последствия. Вот он и выбрал самый легкий путь, как и Роберт Нортон, родственник одного из твоих парней, – добавил он, поглядев на Ларка.

– А что случилось с Нортоном? – спросил Алан.

– Пил, пока не помер. Все ему было нипочем, даже сухой закон, – засмеялся старик. – Иной раз допивался до того, что сам не знал, куда ноги несут. Однажды оказался на лесопилке. Тело нашли много дней спустя.

– Невероятно, – воскликнул Джим. – А как сложились судьбы остальных? Что было дальше с Люсьеном?

Рудольф постучал пальцем по фото.

– Маркусо, прадеду пастора, и Бобу Джонсу удалось пережить трагедию, но прошлого вернуть не удалось. Постепенно Брайдел-Вейл кое-как оклемался, однако временами казалось, что над этим местом висит проклятие. Запустить новое дело так и не удалось. Люсьен продал земли. При желании жители могли бы построить тематический парк *un parcque tembtico*, но всякий раз, когда на лесопилке появлялись признаки жизни, даже спустя годы после исчезновения Люсьена, все быстро прекращалось, а хозяева разорялись. После пожара, уничтожившего лесопилку, Люсьен распустил прислугу и заперся в доме со своей бывшей няней, той самой Магали, которую, к слову сказать, в городе считали колдуньей. Цветом она напоминала горелую головешку. Худая, длинная, как швабра. Когда приезжали парижские друзья Люсьена, обеспокоенные его здоровьем, старуха выгоняла их со двора чуть ли не с ружьем в руках. Выбираясь в город, проклинала всех и каждого, кто подвернется под руку. А потом убиралась восвояси, навьюченная покупками, чтобы не появляться в городе еще месяц. Все остальное – сплетни, легенды и бабкины сказки. Где похоронили Беатрис, никто не знал. Ничего не известно и про могилы Магали и Люсьена. Только эти двое могли бы рассказать, что происходило в доме.

– Но ведь у него был брат, – заметил Алан. – Он стал владельцем дома?

– Жан-Клод умер через несколько лет в Новом Орлеане. С ним-то как раз все ясно: оставил после себя целую армию внебрачных детей, рассеянную вдоль Миссисипи. А все по вине распущенности и беззаботной жизни. Поговаривали, его убили во время потасовки в кабаке где-то во французском квартале. Кто знает, как оно было на самом деле. После смерти отца он не получил ни цента. Думаю, многим задолжал. В итоге несчастного ждала участь Оуэнса, деда Лоррейн. Впрочем, злые языки уверяют, что его убил папаша девчонки из высшего общества, у которой он якобы отнял честь, – усмехнулся он. – Жан-Клод был известный проказник. От такого всего можно ждать.

– Все равно не понимаю, – задумчиво проговорил Джим. – Что стало причиной событий в доме? Как они связаны с вашей историей? Не говоря уже о смысле всех этих злодеяний. С тех пор прошло столетие, но...

Рудольф прервал его движением руки.

– Дом стоял запертый до тех пор, пока не приехал Виктор Берри. И

человек этот купил его не потому, что влюбился в его старину, красоту или благородство, мистер Аллен. Этот человек был внуком сестры Джульетты, супруги Тобиаса.

– Вы хотите сказать, что муж Мэри Энн был одной крови с Люсьеном Мори?

Аллен застыл, как восковая фигура, уставившись на старика.

– Он особо и не скрывал. Вряд ли он обсуждал свое происхождение с юной женой, но в городе про это знали. Никто не удивлялся этому факту, никому он не казался странным. Так или иначе, их связывали кровные узы.

Разговор принял неожиданный оборот. Джим и Аллен в замешательстве переглянулись. Они такого не ожидали и теперь не могли прийти в себя от изумления.

– Есть еще кое-что, – продолжил Рудольф. – Дети Тобиаса, хоть и выросли в Париже, родом были из Нового Орлеана, как и прочие члены семьи, которые тоже происходили из этих мест. Когда Тобиас был молод, обеспеченных молодых людей часто отправляли учиться в Париж. Там он женился и, несмотря на то что родился в Новом Орлеане, там же вырастил обоих детей. Что же касается Магали, она родилась в темнокожем семействе, известном в округе благодаря увлечению черной магией и вуду. В течение многих лет весь город верил, что старуха наслала на лесопилку проклятье; а кое-кто и вовсе уверял, что она прилюдно прокляла Пойнт-Спирит и всех обитателей этого города. Сейчас трудно поверить, но в ту пору исповедование религии, отличной от христианства, было делом крайне опасным, а Магали происходила из семьи вольноотпущенных рабов с Гаити, людей робких, ведущих самый добропорядочный образ жизни. Когда родился Люсьен, она устроилась на работу за хорошее жалованье в семью Тобиаса Мори. Люсьена она растила как родного сына и переживала за него как мать.

– А брат Тобиаса? Неужели никто из его семьи не предъявил права на дом, не хватился исчезнувшего Люсьена?

– Гратьен умер за десять лет до того, как скончался его брат Тобиас и последние отпрыски семьи, осевшие в Новом Орлеане, мистер Фостер. Некому было интересоваться домом, затерянным в глуши Орегона. Пару раз они приезжали, осматривали дом и приценивались, но никто его так и не купил. Может, и тут виновато проклятье, – пробормотал Рудольф. – Дом ожил лишь тогда, когда им всерьез заинтересовался один из потомков. Что же касается Люсьена, многие пытались выяснить, куда он подевался, но прошло уже много времени. Человек с деньгами, как у него, мог отправиться на край света, если бы только захотел. Никто так и не узнал,

чем занимался Люсьен, пока жил в заточении. Может, он и делился с кем-то из родственников своими планами. Но о том, что там произошло, знали опять-таки лишь Магали и сам Люсьен.

Джим поднял глаза на стены, оклеенные обоями, и погрузился в раздумья, помешивая ложечкой кофе. В этой истории было нечто пугающее, он не знал точно, что именно. Ясно было одно: в череде событий отсутствуют важные звенья. Алан сидел сторбившись, оперев локти в колени, и неподвижно рассматривал ковер на полу. Несколько раз он машинально кивнул, проведя ладонью по затылку, затем выпрямился и посмотрел на Рудольфа. Джим знал, что сейчас его прежде всего беспокоило, как отреагирует на эти события Мэри Энн, учитывая, какую роль сыграл в них ее покойный супруг. Тишину нарушил Ларк:

– Мальчишки этих бригадиров погибли в аварии, а внучка Оуэнса повесилась на балке, как Беатрис...

– И это еще не все, – перебил его Джим. Все посмотрели на него, включая Алана. – В первый момент история казалась мне бессмысленной и по-своему даже смешной. Я был уверен, что это выдумки и бредни. Но помните, когда нашли Лоран, кто-то написал на зеркале губной помадой, которую она держала в руке, слово «привет».

Алан вскинул голову.

– Верно, – отозвался он. – Марионетка, или как там зовут эту штукину, преследовавшую Томми, нацарапала у него на спине то же самое. А вспомните сынишку пастора, одержимого злым духом...

Несколько секунд Рудольф размышлял, поглаживая свою острую бородку, так что костяшки на его худых пальцах стали еще заметнее.

– Люсьен Мори убил двоих ближайших помощников за то, что они сделали с его женой, – сказал он наконец. – Остальные умерли своей смертью. Прочие влачили жалкое существование и состарились в нищете. Возможно, он желал того же для их потомков, последних оставшихся в живых отпрысков этих семейств. Вы не задумывались об этом? Взять, к примеру, эту марионетку и все прочее, о чем Ларк рассказывал по телефону: честно говоря, звучит довольно жутко, прямо фильм ужасов. Если вы хотите кого-нибудь свести с ума, лучшего способа не найти. Лично я бы действовал именно так, а я как раз верю в такие вещи. Моя бабушка-мексиканка внушила мне почтительное отношение к мертвым. На этом основано почитание предков: если ты не уважаешь мертвых, с тобой может случиться все что угодно.

Никто не пошевелился. Все уставились на старика, не произнося ни слова. Тот в ответ также смотрел на них.

– Мы никогда не узнаем, насколько мощным было колдовство, которым занималась Магали, – продолжил он. – Но если именно этот дух сводит с ума обитателей города, косвенно связанных с давней историей, ему про это что-нибудь да известно. Единственный выход из положения – пусть он сам все нам расскажет. Я же знаю только то, что говорил отец – человек, который мало видел, зато много слышал.

– Неужели можно преспокойно распивать чай с этим существом, слушая его рассказы о прошлом, – проворчал Алан. – Не уверен, что могу встретиться с ним лицом к лицу и не попытаться убить его... еще раз.

– Дом обыскали, но ничего особенного не нашли, – продолжал Рудольф. – Отец рассказывал, что весь город места себе не находил от нетерпения. Это был настоящий спектакль. Люди были уверены, что увидят человеческие останки, кукол вуду, истыканных булавами, и прочее шарлатанство Магали, но ничего подобного они не обнаружили.

– На что вы намекаете?

– То, о чем мы говорим, так и лежит внутри дома. Нужно всего лишь хорошенько поискать. Магали была умная женщина и вряд ли выложила свои колдовские причиндалы на видное место. Она была настоящая ведьма. Не такая, которую рисуют в детских книжках. А всамделишная. В этом я нисколько не сомневаюсь.

Джим остановился перед домиком; мыслить трезво у него не получалось. Алан сразу отправился к Мэри Энн, а ему нужно было взять кое-что из одежды, а главное, отправить по электронной почте письмо в Сан-Франциско. Усевшись наконец перед ноутбуком, он первым делом записал все имена, которые старик Рудольф упомянул в продолжение вечера. Было бы непростительной ошибкой забыть эти бесценные сведения, если он собирался нарыть что-то новое.

Ему хотелось поговорить с Ларри, рассказать ему обо всем, что происходит. Он вспомнил важный разговор, состоявшийся у них с Ларри спустя месяц после неслыханного успеха «Катрины». В ту пору Джим был более «духовным», если можно так выразиться.

– Мироздание показывает тебе удивительные вещи, – сказал Джим. Он стоял в кабинете Ларри напротив окна с бокалом вина в руке. – Дивный вид, закат солнца, сельва невероятной красоты... Но признайся, видел ли ты когда-нибудь что-то действительно необычное, что не вмещалось бы в твои собственные представления о мире?

– Видел в Индии, как слониха накакала на туриста. Пожалуй, это было правда удивительно, – отшутился Ларри.

Джим ожидал, что после этих слов агент захихикает, но тот молчал, выжидающе глядя на него.

– Я другое имел в виду.

– К счастью, это был взрослый. Окажись на его месте ребенок, его бы потом не нашли. Куча дерьма с глазами – вот как это выглядело. Автор глазастой какашки в «Вотсапе» тоже наверняка видел эту сцену.

Джим подозревал, что в глазах такого типа, как Ларри, вся эта история выглядела полной бессмыслицей. Он остановился на единственном разумном решении, которое обдумывал уже не первый день: нанять детектива. Он знал одного с неплохой репутацией. Его звали Артур Вердиско, это был склонный к полноте человек с одутловатым лицом, с которым они как-то раз опрокинули пару рюмок: познакомились чисто случайно на одной из его презентаций. У Вердиско была дочка двенадцати лет, обожавшая книжки про Катрину, и Джим не раз видел их в очереди за автографом. Вердиско признался ему, кем работает, – хотя в ту пору это не слишком его заинтересовало. Так или иначе, этот человек, ни на секунду не перестававший думать о своей работе, оставил ему свою визитку: «А то

знаете, мало ли что».

Что ж, «мало ли что» нынче в разгаре, сказал себе Джим. Про запас у него имелось несколько имен, которые хоть как-то помогли бы прояснить суть дела. Это были имена без лиц, зато с прошлым и даже с конкретным местом обитания: Новый Орлеан.

Он написал Вердиско письмо, очень подробное и убедительное. В письме сообщалось, что он занялся расследованием для одного романа – что, впрочем, не было лишено доли правды – и ему понадобились некоторые сведения, которые у него самого отняли бы слишком много времени. Имена Жан-Клода и Магали были первыми среди упомянутых. Объяснить важность этого дела, не показавшись излишне заинтересованным, было не так-то просто. Про Жан-Клода он мог сообщить чуть больше информации: известно было происхождение его семьи и ее отношение к плантациям Батон-Руж. Зато про темнокожую женщину, которая вырастила Люсьена, он не знал практически ничего: ни фамилии, ни даты рождения, ни тем более имен членов ее семьи. Только то, что сообщил Рудольф, – иначе говоря, нуль. Надежда на то, что об этой женщине удастся что-нибудь разузнать, была исчезающе мала. И все же попробовать стоило.

Он еще раз проверил почту, затем взглянул на часы. Вряд ли Ларри спит в это время, а для писателя вроде Джима вполне нормально отправлять деловое письмо в два часа ночи. «Музы сопутствуют мне в эту ночь», – подумал он не без иронии. В конце письма указал, куда отправить счет, кратко заметив: «Не стесняйтесь в расходах». Отправив почту, выключил компьютер и направился в комнату, чтобы взять кое-что из одежды и несессер.

Когда он уже выходил за дверь, зазвонил стационарный телефон – так внезапно, что его чуть удар не хватил. Нет ничего тревожнее внезапного телефонного звонка в глухую ночь, тем более в такое время. Джим схватил трубку. К его удивлению, на противоположном конце провода звучал голос Алана.

– Он снова напал на Мэри, – сказал тот приглушенным голосом. Видимо, предполагал, что Элизабет где-то поблизости. – Больше я ничего не знаю, Мэри почти ничего не помнит. У нее на запястье синяк в форме пальцев.

– Она в порядке? Как это произошло?

Алан умолк, где-то в глубине раздался голос Карлоты.

– Не хочу говорить об этом, Джим, когда ты будешь у нас. Лучше расскажу все сейчас. – Алан торопливо задышал, спешно куда-то

перемещаясь. – Мэри поднялась наверх, чтобы принять ванну, остальные смотрели в гостиной фильм. Она потеряла сознание, но помнит, что там был человек, и он ее толкнул. Неизвестно, сколько времени она провела в отключке. Очнулась в спальне на полу. По ее мнению, прошел час или чуть больше.

– И что, никто ничего не слышал? – перебил его Джим.

– Никто ничего. Элизабет спала на диване, остальные сидели возле нее. В конце концов Карлота заметила, что Мэри Энн не спускается, постучала в дверь и ее разбудила. Роберт поехал к себе кое-что забрать. Когда он уже был в дверях, я тебе позвонил. Просто безумие, честное слово.

– Я приеду через пятнадцать минут. Обшарим весь дом, будем искать любые подозрительные предметы. Я отправил имена, которые назвал Рудольф, одному из моих друзей. Дождемся ответа. Ты должен успокоиться.

Алан издал неопределенное восклицание, означавшее положительный ответ, и повесил трубку. Когда Джим наконец добрался до их дома, он сидел на ступеньке крыльца, курил и вертел в руках камушек. Поднял глаза и посмотрел на него пристально, выпуская изо рта дым. Джим уселся с ним рядом и улыбнулся.

– Не надо так убиваться, Алан, – сказал он, но тот не ответил, полностью погруженный в раздумья. – Как Мэри?

– Спит. Элизабет прилегла вместе с ней. Она ничего не помнит. Остальные уверены, что у нее упало давление. Только мы с тобой знаем, что произошло в этой комнате на самом деле. – Сказав это, он швырнул камень в кусты. Попытался сказать что-то еще, но был слишком взволнован. Касаясь в разговоре случившегося, он будто бы всякий раз вспоминал, что его самого там в это время не было, что он ничего не сделал. – Как мне ее защитить? – спросил он, и слова повисли в воздухе. Алан и не искал ответа, ему просто было безумно жаль Мэри Энн. – Это все равно что сражаться с ураганом, Джим. Знаешь только, что он может разразиться в любой момент. И ничего больше...

В густых волосах Алана, всегда эффектно откинутых назад, Джим заметил несколько белых прожилок. А он сам? Когда начнет стареть он, Джим? Долго ли еще его истории будут сочиняться с привычной легкостью? Скоро ли иссякнет воображение, так что он не сможет больше писать? Это были суетные, праздные мысли, особенно если учесть состояние Алана. Джиму всегда бросалась в глаза элегантность доктора. Сам он никогда не умел выбирать себе одежду, ходил в неизменных

джинсах, максимум – в брюках, что выглядело чуть более прилично, волосы торчали во все стороны, как у бунтующего подростка, не знающего забот; Алан же в собственном облике всячески лелеял налет романтики, присущий человеку, который запросто может намотать на шею зеленый или оранжевый шарф в сочетании с итальянским костюмом, подобная эксцентричность восхищала Джима в людях.

– Ты не должен ни в чем себя винить.

– Не понимаю, зачем он это делает, чего ему надо? – продолжал доктор. – В нашем мире существуют свои законы. Я готов поверить, что есть другое измерение, что, когда мы умрем, окажемся в мире ином, но не могу себе представить, что эти два мира способны смешиваться таким диким образом! Это несправедливо по отношению к нам, тем, кто пока здесь, на Земле. Получается, мы слабее! – он помотал головой и печально улыбнулся. – Прости, Джим. Ты-то вообще не имеешь отношения к этой истории. Приехал в глубинку спокойно поработать, а в итоге втянут в историю, которую лучше на ночь не рассказывать, и...

– Не говори глупости, – перебил его Джим. – Всю свою жизнь я только и делал, что писал детские книжки. Когда я приехал сюда, мне хотелось заняться чем-то новым, почувствовать себя способным на что-то еще помимо подросткового чтения про Катрину.

– Мы должны все сделать сами, Джим. Ты понимаешь, что я имею в виду? Рассказать всему городу, что происходит, означало бы вызвать настоящий хаос, а этого мы допустить не можем. По крайней мере до тех пор, пока не будем знать наверняка, что нужно этому существу.

– А что говорит Ларк? Когда мы вернулись, он был встревожен и почти не разговаривал.

Алан усмехнулся и глубоко затянулся сигаретой. Джим впервые видел, как он курит.

– Я оставил его в клинике с Томми и Элен. Что он может сказать? Этот человек отдал нашему городу всю свою жизнь. Но о том, что здесь творится, он тоже будет молчать, пока мы не узнаем что-либо определенное и не выясним, как нам избавиться от этого духа. Он сказал, что очень беспокоится за старика лесоруба, Пола Джонса. Если не ошибаюсь, он собирался к нему заехать с утра пораньше. Его удивляет, что старик с его генеалогическим древом до сих пор ничего не почувствовал. – Он покосился на Джима и умолк. Со стороны казалось, что он пытается прочесть его мысли. А может, просто ищет подходящие слова. – Слушай, у Рудольфа ты упоминал про какое-то письмо. Якобы тебе отдала его Элизабет.

Джим внимательно рассматривал железную решетку и цветы, украшавшие сумрачный сад.

– Наверное, надеялась, что мое воображение поможет извлечь из этого письма что-нибудь ценное, – осторожно предположил он. Посмотрел на Алана: тот не сводил с него глаз. – Да ладно. Это всего лишь письмо. Не думаешь же ты...

– Она доверилась тебе, Джим. И ее мать тоже. Честно сказать, мы все в тебя верим.

Слова прозвучали как предупреждение, замаскированное лестью. Джим щелкнул языком и, обнаружив на ступеньке пачку сигарет, вытащил одну и закурил.

– Боюсь, не рановато ли. Мы оба знаем, что Элизабет – умная девочка. Я чувствую в ней сильную личность. Буду с тобой откровенен, – он повернулся и посмотрел Алану в глаза. Затем пожал плечами. – Не стану отрицать, она мне кажется привлекательной и было непросто пресечь некоторые ее действия в отношении меня. Но клянусь, я ее и пальцем не тронул.

– Действия Элизабет в отношении тебя?

– Именно так. Представь себе, для моих книжек я создал идеальную героиню. У Катрины есть все, что необходимо автору, подобному мне: красота, ум, наивность девушки-подростка и одновременно сила взрослой женщины. Когда я встретил Элизабет, я увидел Катрину. И страсть, которая меня охватила, была направлена именно на Катрину, воплотившуюся в Элизабет. Наверное, меня понял бы художник. Влюбиться в собственное творение – вот это случилось у меня с Элизабет.

Алан ответил сдержанной полуулыбкой.

– Что ж, спасибо за искренность. Но только, пожалуйста, не разбивай ей сердце.

– Господи помилуй, Алан... Это она мне того и гляди сердце разобьет, а не я ей. Мне тридцать семь. Единственные мои родственники, оставшиеся в живых, парочка бабулек, пахнущих камфарой, которые время от времени напоминают, что у меня есть семья и ее члены-долгожители. Я ни разу не был женат, у меня не было времени на так называемые отношения. Я жил и дышал ради Катрины, мечтая сделать из нее нечто выдающееся. И ты считаешь, что возраст и опыт позволяют мне разбить чье-то сердце? Я не из той породы мужчин. Мне даже подростком побыть не удалось. Сразу родился стариком.

– Но ты рано или поздно уедешь, – Алан покачал головой. – Возможно, не сейчас и не завтра. Но дом твой не здесь, Джим. Твоя жизнь – это Сан-

Франциско, и я хочу, чтобы ты про это не забывал.

Джиму хотелось добавить, что его дом может быть в любом конце света, все, что ему нужно, – это компьютер и немного вдохновения, чтобы снова и снова создавать милые вещицы; что его тошнит от одиночества. Он бросил сигарету, поднялся на ноги и оказался напротив входной двери. Фасад дома, каждый кирпичик на нем внезапно показались ему чрезвычайно выразительными. Они будто бы разговаривали с ним. Этот дом казался ему наделенным собственной жизнью, излучающим особую неповторимую энергию. Трагедию окружал ореол поэтичности, во всем происходящем ощущался привкус романтики, которую сейчас, в непроглядных ночных сумерках, различал только он, Джим. Он не мог ненавидеть этого человека, он даже его не боялся; так или иначе, Люсьен был всего лишь несчастным юношей, влюбленным в свою супругу, юношей, которого предали. Он – жертва, волей судьбы превратившаяся в палача. Джим смутно помнил бледное лицо у окна в комнате Мэри Энн, слабую торжествующую улыбку, которой этот человек встретил вошедших. Затем вспомнил про то, что он натворил в их городе. Есть что-то еще, размышлял Джим, чего никто пока не знает, и это что-то витает в доме, в его стенах, никем не видимое, но от этого не менее грозное.

«Надо лишь хорошенько поискать», – подумал он.

– О чем ты думаешь?

Голос Алана вернул его в реальность. Джим чувствовал, что вибрации дома притягивают его с неодолимой силой. Он отбросил наваждение, посмотрел на часы и улыбнулся.

– Между прочим, уже три часа утра, а у нас впереди полно дел. Думаю, надо отдохнуть, чтобы встать пораньше. Дом большой, искать придется долго. Ты рассказал Роберту, что мы узнали?

Алан кивнул.

– Завтра он служит мессу на похоронах двоих несчастных парней. Но больше всего его беспокоит Дэнни Колеман. Я посоветовал ему пару дней подождать. Раньше мальчика все равно не выпишут, и, если Роберт хочет с ним поговорить, он должен хоть немного прийти в себя. Завтра узнаем, как у него дела. По-моему, малыш просто до смерти напуган.

– И что Роберт, согласен с тобой?

– Надеюсь. Амелия пойдет с ним на мессу, а затем он собирается навестить ту женщину, гадалку. В глубине души эта идея кажется мне вполне здоровой. Уж если кто и разбирается в вуду, колдовстве и прочей чепухе, то это как раз она. А мы с вами тем временем займемся домом. Мне нужно съездить в клинику переговорить с коллегой доктором Лопес, это

займет час-другой. Ей придется хотя бы на пару дней взять на себя моих пациентов и, разумеется, присматривать за Томми. Хочу подержать его в клинике, да так, чтобы его ни на минуту не оставляли одного. Доктору Лопес я полностью доверяю. Всю историю рассказывать ей совсем не обязательно, просто скажу, что у Томми галлюцинации и паранойя. Услышав, что его преследует марионетка, она сделает те же выводы. Ларк пообещал, что Элен нам поможет.

– Но Элен работает. Приемная шерифа не может оставаться пустой.

– Полицейский участок расположен напротив, и большую часть времени Томми будет под присмотром. А мы займемся своими делами. Элен в курсе происходящего и понимает, что Ларк не хочет, чтобы дело получило огласку. Она предана старику и очень любит Томми. Из них всех Элен наиболее адекватна. Она найдет общий язык с доктором, если в мое отсутствие возникнут какие-то сложности.

– Общими усилиями мы рано или поздно получим ответ, Алан. В Сан-Франциско у меня есть знакомый детектив, в случае необходимости он отправится в Новый Орлеан или отправит кого-то вместо себя, чтобы добыть максимум информации о семье Тобиаса Мори и этой Магали. Завтра я с ним поговорю.

– Отлично, держите меня в курсе: расходы я возьму на себя.

Джим искоса посмотрел на Алана и покачал головой.

– Ни в коем случае. Это мое дело. Я чужак, в ваших краях недавно, эти события напрямую меня не касаются. И все же я в них втянулся, как и ты. Моя задача – помогать. На что мне еще, по-твоему, тратить деньги? На что вообще годятся эти чертовы деньги, если не на помощь другим людям, когда это необходимо?

Алан вздохнул и поднялся.

– Не знаю, как благодарить тебя за все, что ты для нас делаешь, – сказал он, похлопал Джима по плечу и открыл дверь.

Тот не ответил, покачал головой в знак одобрения и вошел внутрь дома.

В кухне горел свет, Карлота сидела за столом. При виде вошедших она изобразила на лице улыбку и, запахнув накинутую на плечи шаль, жестом пригласила их войти. На столе стояли чашки из тонкого фарфора, чайник и крошечные стаканы. Джим заглянул в один из стаканов: на дне виднелись остатки какого-то напитка. Карлота налила Алану чаю и кивнула на стакан:

– Наливаю себе глоток-другой, когда не могу уснуть, – сказала она и покачала головой. – Это настойка из трав, очень легкая.

Волосы в этот вечер Карлота распустила, что было для нее

нехарактерно: длинная темная волна спадала от плеч до талии, завиваясь на кончиках. Джим обратил внимание, как изменили ее эти распушенные волосы: черты лица как будто расслабились и стали мягче. Лицо у Карлоты всегда было ясное, чистое. Старушечий пучок, тугой и безупречный, строгие внимательные глаза делали эту женщину намного старше, чем она была на самом деле. Алан чмокнул ее в щеку и уселся на соседний стул. Карлота пробежала глазами по комнате, встала и вытащила из буфета миниатюрную бутылку.

– Амелия уже спит, Элизабет наверху у Мэри Энн, – пояснила она, наливая ликер в стакан, который протянула усевшемуся за стол Джиму. Алан отрицательно покачал головой, и она закупорила бутылку. – Когда пойдешь наверх, я разбужу сестру, Алан.

– Надо будет все рассказать Мэри, – ответил он. – Я не могу скрывать от нее то, о чем вы уже знаете: что Виктор – отпрыск семейства этого человека. Это было бы несправедливо, Карлота. Надеюсь, ты понимаешь.

Она наклонилась вперед, уперлась локтями в стол и посмотрела на Джима.

– Ну как?

– Очень вкусно. Отличная настойка. Сама делаешь?

– А как же? Мята, мелисса, корица, ромашка... Остальное – секрет. Затем настаивать пятнадцать дней на спирту, но, честное слово, ожидание того стоит. Мой дед был большой мастак в этом деле.

– Карлота...

– Знаю, Алан. Я все понимаю. Единственное, чего я хочу, – чтобы сестра перестала страдать, – чуть слышно проговорила она. Алан взглянул на нее с некоторым беспокойством. – Когда я уехала из Детройта и перебралась сюда, я отлично сознавала, что делаю и чего себя лишаю. Я всегда заботилась о сестрах. А что мне еще, черт возьми, оставалось делать? Я же старшая. Мы все были поздними детьми, и, когда родители нас оставили, мне было девятнадцать. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы с Мэри больше не приключался этот кошмар. Она у нас младшая... Все это просто в голове не уместается...

– Тебе надо отдохнуть, – сказал Джим. – Мы все очень устали. Завтра посмотрим на эту историю другими глазами.

Она задумчиво умолкла, затем встала.

– Я покажу тебе твою комнату, – сказала она Джиму. – Последняя дверь направо. И подожду Роберта здесь в гостиной. Мне нужно все убрать, а он, скорее всего, вот-вот придет.

Джим допил остатки настойки, и они вместе поднялись наверх. Он

едва держался на ногах от усталости. Полный упадок сил. Когда нога его коснулась последней ступени, он увидел Элизабет, выходящую из спальни Мэри Энн. На ней были короткие штанишки и тонкая майка, дававшая воображению богатую почву для фантазий. К счастью, Карлота почти полностью ее собой заслоняла, и Джим возблагодарил Бога за эту случайность. Элизабет поздоровалась и пожелала ему доброй ночи. Должно быть, выражение его лица было совершенно идиотским. Карлота отвлекла его от размышлений, толкнув одну из дверей. Она показала ему ванную и вошла вслед за ним, чтобы закрыть ставни.

– Я оставила на комодке пару полотенец, – сообщила она, подойдя к шкафу, стоявшему напротив кровати. – А здесь запасной плед, если вдруг замерзнешь. Вряд ли тебе понадобится москитная сетка, в такой холод все мухи передохли, но, если что, можешь ее повесить. В общем, чувствуешь себя как дома.

– Спасибо, Карлота.

Она посмотрела на него краем глаза и остановилась возле кровати. Зажгла лампочку на ночном столике, пожелала доброй ночи и вышла, оставив его в одиночестве. Когда ее шаги стихли в конце коридора, он разделся и осмотрел комнату. Она была почти точной копией спальни Мэри Энн: классическая кровать с высоким деревянным изголовьем, строгий буфет, пара елизаветинских кресел в углу. Откуда взялись эти кресла? Сидел ли в них Люсьен? Были ли эти обои на стенах сто лет назад? Кто спал на этой кровати? Потолок покрасили недавно, в этом нет ни малейших сомнений, зато люстре у Джима над головой лет сто, не меньше. Спал ли некогда призрак на этой кровати? Джим выключил ночник и любовался тусклыми лучами света, которые просачивались сквозь щели в деревянных ставнях. У него почти не было времени о чем-то подумать. Он слишком устал и мгновенно отключился.

Его последней мыслью было воспоминание о ней.

Элизабет не знала, в какой миг это началось.

Она крепко спала, как вдруг ее разбудила скрипка. Она осторожно встала с кровати и подошла к окну. На газоне, на все еще нежной и шелковистой траве, рядом с качелями, которые раскачивал ветер, в тени ивы и дуба стоял человек. Ей почудилось, что она все еще спит и видит сон. Но тут человек поднял глаза, прижал скрипку к плечу, взмахнул смычком, и тонкий пронзительный звук поплыл над садом, пока не затих. Человек склонился в легком торжественном поклоне. Элизабет понимала, что окно закрыто, однако мелодия слышалась отчетливо: она убаюкивала, уносила куда-то. Ей захотелось танцевать. Шестнадцатые, тридцать вторые, восьмушки, половинки... Череда обезумевших нот – они взлетали над высокими горделивыми дубами и пропадали в сумраке ночи, посеребренном луной. Странный, тревожный звук – эта высокая нота походила на крик раненого животного – заставил ее вздрогнуть от наслаждения. Музыка окутывала, околдовывала. Ей хотелось кружиться, подняв руки над головой и полностью отдавшись этой безумной мелодии, которую, казалось, слышала она одна. Человек улыбнулся. Она видела его напряженные глаза, наполовину скрытые тенью от шляпы. Она будто бы чувствовала вибрацию струн, словно всякий раз, когда его пальцы скользили по грифу и брали новую ноту, в ее голову проникал заряд энергии, который возбуждал еще больше. Но вот смычок мягко пробежал по струнам, и все ноты прозвучали одновременно. Словно это была не одна скрипка, а две или три. И все же играл он один.

Чтобы удержать равновесие, Элизабет опиралась рукой о подоконник. Но, когда в следующий миг нота соль прозвучала резко и неожиданно, оторвала лицо от стекла и вскрикнула, размахивая руками и улыбаясь.

«Слушай музыку, отдайся ей, пусть она войдет в тебя», – шептал ей на ухо голос.

«Как у него получается так играть? – думала Элизабет. – Так проворно и легко перебирать пальцами? Ну да, это же призрак. Он может все что угодно».

«Танцуй для меня, Элизабет», – не унимался голос.

Музыка подхватывала и кружила, словно маленький смерч, сотканный из нот. Элизабет покачивала головой и улыбалась, с восхищением наблюдая за собственными ощущениями. Но вдруг беспричинная веселость

оборвалась. Ликование стихло. Смычок нежно коснулся струн и извлек чуть слышный печальный звук.

«Какая огромная, непереносимая боль!» – мелькнуло в сознании Элизабет.

«Танцуй, танцуй, *ma petite*, не останавливайся», – властно требовал голос.

А может, это скрипка ее заколдовала?

Элизабет повернулась к кровати. Она впервые заметила, что тетушки Карлоты в комнате нет. Ее по-прежнему охватывало ощущение счастья, абсолютного экстаза. Ей хотелось получше рассмотреть человека со скрипкой, но включить свет она не решалась.

– Играй, играй же, умоляю тебя, – прошептала она, улыбаясь, а тело, словно загипнотизированное, по-прежнему танцевало под беспорядочные и полные тоски аккорды Люсьена.

Ах, какая это была чудесная мелодия! Обезумевшие ноты сменяли одна другую, воспаряли и обрушивались вниз, делаясь все более беспокойными и страстными. Элизабет покружилась, сделала пируэт и тут внезапно заметила стоящий перед дверью чей-то силуэт. Она засмеялась. Джим смотрел на нее с любопытством, хотя глаза у него были до странности неподвижны: казалось, он погружен в глубокий сон.

– Ты что, лунатик? – Элизабет подошла к нему, все еще размахивая руками в такт музыки. – Ты слышишь его? Слышишь скрипку?

Джим кивнул. Его рот исказило подобие улыбки. Ей показалось, что он пьян или под кайфом.

– Пора спать, красавица, – выдавил он из себя с явным трудом. – Я шел в уборную... Дверь была не заперта, и я подумал...

– Это он, Джим! – перебила Элизабет. – Этот человек. Смотри, вон он, в саду. Играет на скрипке. Слышишь музыку? Она просто невероятная.

Джим подошел к окну. Очередная высокая нота разрушила меланхоличную композицию, мелодия зазвучала иначе, но с прежней проникновенностью.

– Да, я его вижу...

– Но его видим только мы с тобой! Правда, удивительно?

Не прерывая игры, Люсьен посмотрел на нее и улыбнулся. Смычок взлетел и снова опустился на струны. Джиму стало нехорошо. Он уселся на край кровати и уставился на танцующую по комнате Элизабет. Наконец она очутилась возле него и страстно поцеловала в губы.

– О, нет... – пробормотал он.

– Не хочешь ничего слышать, давай целоваться!

Одним прыжком, будто цирковой акробат, она подлетела к двери и заперла ее изнутри. Джим ее не останавливал. Его силуэт был едва различим в сумраке комнаты, он слышал только скрипку и голос Элизабет.

– А где тетя? Разве она не должна спать с тобой в одной комнате?

– Наверное, вышла. Мы с тобой одни, дорогой, не считая этого человека и скрипки.

Она легонько толкнула его в грудь и вновь поцеловала – жадно, не торопясь. На Джиме были только пижамные штаны, его голая грудь была теплой и гладкой. Пахнущие медом губы обжигали, словно у него подскочила температура, а взгляд был как у заплутавшего пьяницы, который сам не знает, как здесь оказался. Элизабет не выдержала и тихонько засмеялась. Музыка не стихала. С каждой минутой она звучала все громче, все настойчивей. Джим смотрел на Элизабет с нескрываемым вожделением. До этого мгновения Джим на нее так не смотрел. Он любовался ею неторопливо, словно присматриваясь к подарку, который ему только что преподнесли. Его глаза скользили по ее фланелевым штанам, не спеша поднялись до белой полупрозрачной майки, словно пытаясь рассмотреть то, что она под собой скрывала. Он что-то пробормотал сквозь зубы, слов она не разобрала и снова засмеялась. Ее волосы были распущены, темные блестящие завитки спадали на лоб, лезли в глаза. Элизабет откинула волосы и погладила его щеку. Надо же: взрослый мужчина – и одновременно маленький мальчик...

– Я должен...

Она снова впиалась в его рот поцелуем, заставляя умолкнуть. Она чувствовала его возбужденную плоть под мягкой тканью пижамных штанов. Когда прозвучала очередная исступленная нота, Джим откинулся на кровать.

– Это Паганини, Катрина... Он всего лишь играет Паганини.

– Да, но он играет для нас с тобой. Для тебя и для меня.

Джим повернул голову и посмотрел на нее невидящими глазами, словно не понимая ни слова из того, что она ему говорит. В это мгновение Элизабет осенило: Джим спит. Он спит и даже не догадывается, где он.

– Джим... – прошептала она ему на ухо, – оставайся со мной. Спи здесь...

Он засмеялся, тихо и нежно. Нехотя, будто с трудом, поднял руку и погладил прядь ее волос.

– А потом меня убьют...

– Ложись рядышком. Никто не войдет.

Она улеглась возле него, положив ногу ему на талию. Дыхание Джима

участилось. Глаза его были закрыты. Казалось, он всем своим существом прислушивается к скрипке. Она гладила его грудь и живот, легонько щекоча пальцами горячую кожу. Как страстно она его желала! Но спешить не хотелось. При других обстоятельствах Джим ни за что на свете не допустил бы такого тесного сближения, но музыка подчинила его, поработила. Он не сопротивлялся. Она взяла его руку. Рука была большая, сильная. Она раздвинула его пальцы и переплела со своими. Ее крохотная ручка в его большой руке казалась кукольной. Она погладила его запястье, провела пальцами вверх до локтя. Кожа от кисти до локтя была покрыта нежными волосками, светлыми, золотистыми, различимыми лишь на ощупь. Элизабет внимательно рассмотрела его грудь. Она видела благодаря свету, сочившемуся из окон: грудь вздымалась и опадала, подчиняясь тому же безумному ритму, что и скрипка. Она была гладкой, лишенной волос и нежной, как у подростка. Она поцеловала его в щеку, затем в шею. Джим вздрогнул, словно от испуга, взглянул на нее из глубины своего заколдованного сна и тяжело вздохнул.

– Веди себя хорошо, Катрина.

Чтобы не рассмеяться, Элизабет зажала рот ладонью. Она чувствовала непривычный жар, яростное, неистовое желание – чем больше она ласкала тело Джима, тем более нестерпимым становилось это желание. А еще она чувствовала, что и Джим под ее ласками распаляется все сильнее.

И тогда что-то произошло. Скрипка испустила целую серию пронзительных звуков, таких резких, что заболели уши. Несколько струн пропели одновременно, подобно птичьей трели, скорость мелодии стала невероятной, головокружительной, безумной. Джим вздрогнул, словно внезапно проснулся, и Элизабет испугалась, увидев перед собой его черные глаза, смотревшие так напряженно, будто он только что пришел в себя и не понимает, где находится. Но, к ее удивлению, он ее поцеловал. Он сделал это по-взрослому, слюняво, почти непристойно, засунув язык ей в рот и шаря по деснам, как никто никогда еще не делал. Он почти до боли сжал ее в своих объятиях.

– Джим...

Его пальцы скользнули по ее бедрам. Он стащил с нее пижамные штаны – проворно, как по волшебству. Его опыт удивил Элизабет. От полнейшей расслабленности он перешел к активному действию, чего она никак от него не ожидала. В следующий миг он раздел ее полностью и бегло окинул взглядом ее тело.

– Ты – произведение искусства... – прошептал он, набрасываясь на ее рот с прежней страстью. – А я – проклятый художник...

– Сделай это, Джим... – чуть слышно ответила она.
Ему оставалось лишь подчиниться.

Лоретта проснулась на рассвете. Пробуждение было внезапным, будто кто-то потряс ее за плечо. Ей снился Ральф. Он снился уже не первый раз. Снова и снова один и тот же проклятый сон. Она стоит в ванной перед зеркалом, в одной руке – бутылка джина, в другой – опасная бритва ее мужа. В ту ночь она даже на бигуди перед сном не накрутилась. Давненько она ничего такого не делала. Во-первых, не хотела украшать себя ради него – в противном случае еще неизвестно, как бы он отреагировал; во-вторых, с каждым разом ей было все труднее заниматься собой хотя бы для того, чтобы себе нравиться.

На самом деле ничего неожиданного или удивительного в этом сне не было. Воспоминания, обрывки мерзких событий, которые так хотелось забыть, – возможно, именно поэтому прошлое возвращалось к ней во сне, когда она не могла сопротивляться. В обычное время она старалась не вспоминать ни самого Ральфа, ни того, что с ним стало. У нее не было сил вспоминать про это. Да ей и не хотелось. Разумеется, не всегда все было так плохо. Но в Ральфа она влюбилась в пятнадцать лет, а когда девчонка в этом возрасте целиком отдается первой любви, все заканчивается трагедией. Так случилось и с ней.

Вагончик, где они ютились, глупышке вроде нее казался пятизвездочным отелем. Ральф нашел неплохую работенку на заводе по производству стекла в двенадцати милях от дома. Парень был хоть куда. Рослый, крупный и с такими светлыми волосами, что в солнечных лучах выглядел чуть ли не альбиносом. Каждое утро ровно в пять он просыпался, чтобы идти на работу, и возвращался домой не раньше четырех пополудни. Во-первых, ему не хотелось являться раньше времени, во-вторых, он завел привычку оставлять свой старенький грузовичок напротив Шуга-Бич, зависать на пару часов и набираться до полумертвого состояния. Уже в ту пору выносить Ральфа, пьяного и в скверном расположении духа, было непросто. Однако настоящий удар последовал позже, через полгода после свадьбы.

Они перебрались в местечко попримичнее. Бросили ко всем чертям опостылевший Олбани и оказались в Пойнт-Спирите. Отец Ральфа скончался от инсульта, и, будучи единственным сыном, Ральф унаследовал дом и немного денег, остававшихся на счету. Ради такого дела он даже на некоторое время бросил пить. Впрочем, ненадолго. На медкомиссии перед

приемом на работу врачи диагностировали у Ральфа рак ободочной кишки, который распространился по всему телу и затронул лимфатические узлы. Для обоих наступили скверные времена: с одной стороны, Ральфа пожирал рак, с другой – за собой он утаскивал Лоретту.

Такой она и видела себя во сне – двадцатипятилетней, с невесомым телом балерины, бутылкой джина и опасной бритвой в руках. Она смотрела на свое отражение, прихлебывая из бутылки, потом любовалась синяками на предплечье, а заодно – следами особо меткого удара, который изуродовал ей губу, придав лицу неожиданно капризное выражение. От джина рану щипало, но это ей не мешало: наоборот, приносило странное удовольствие. Она испытывала что-то вроде катарсиса. Боль очищала, освобождала от страха и как минимум позволяла чувствовать себя живой, а этого в сложившихся обстоятельствах уже было достаточно. Когда боль стихала, все постепенно возвращалось на круги своя, Ральф временно оставлял ее в покое, а иногда даже принимался жалеть – могло даже показаться, что он ее любит. Имело ли смысл цепляться за это временное облегчение? Да и какое это имело значение теперь?

Она не могла бы ответить на вопрос, почему спустя столько лет все еще его не бросила. Но никто бы ее и не понял. Приняли бы за сумасшедшую. Как женщина вроде нее могла жаловаться на такого замечательного мужа, как Ральф? С окружающими он был неизменно любезен и подобоострастен, трудился на совесть до полного изнурения, с гостями был вежлив, как хорошо воспитанный мальчик из состоятельной семьи. Впрочем, их гостями были лишь старые друзья отца. Ральфу претила мысль, что какой-то посторонний мужик может случайно ее увидеть. Если такое случалось, ей приходилось расплачиваться сполна, потому что это была целиком ее вина: надела слишком открытую блузку, не застегнула верхнюю пуговицу, не так подала чашки или просто нескромно повернулась. Ральфу было все равно. Но если в Олбани Ральф приползал домой на четвереньках, в Пойнт-Спирите приходилось соблюдать приличия.

По сути, в этом-то и заключалась основная проблема. В городе отсутствовала служба помощи женщинам, подвергающимся насилию, или другое надежное место, где она могла бы укрыться и рассказать про свой маленький ад, чтобы больше никогда в жизни не чувствовать себя вонючим дерьмом, подлой лисой или как там он еще ее обзывал во время побоев – разумеется, всякий раз заслуженных: сегодня за то, что вовремя не подала ужин, вчера – за плохо отглаженные брюки. Или за оскорбление: подумать только, попросила купить кое-что из еды, а заодно юбку для себя лично!

Когда Ральф смотрел на нее «такими глазами», она уже знала, что будет дальше. Первым делом он заявлял, что у нее вообще не та фигура, чтобы носить юбки, далее напоминал, что еда в доме кончилась исключительно потому, что она съела весь холодильник. И наконец, что задница у нее с каждым днем все жирнее и юбка вряд ли налезет. Ей едва исполнилось двадцать четыре, а у нее уже выпадали волосы. На нервной почве. К несчастью, как-то раз один из этих волосков спикировал прямиком в тарелку к Ральфу. В тот вечер он колотил ее до тех пор, пока она не потеряла сознание. Метил, знамо дело, туда, где синяков не видно. То в желудок, то по бедрам, а то еще по спине. Никто и не догадывался, чем на самом деле занимается славный парень Ральф. «Сукин сын Ральф», – пробормотала она и снова приложилась к бутылке.

На самом деле Ральф тогда попросту одурел от лекарств. Вот уже третий месяц подряд он сражался с раком, и каждый раз было все сложнее отражать атаки. И все же у него хватило сил рассечь ей губу вопреки обычаю бить с расчетом, чтобы никто не видел. Потом он повалился на кровать и уснул без задних ног.

Так было всегда. Сон, полный воспоминаний. Она и бутылка. Упитья до смерти или вскрыть себе вены – вот и весь выбор.

Лоретта поднялась с кровати. Нечего заикливаться на дерьме, которое неизменно погружало ее в глубокую тоску. Она похоронила мужа больше двадцати лет назад, и с тех пор для нее настала свобода. На деньги, оставленные Ральфом, она открыла бар «Укулеле»: в этом и заключалась ее месть. Она так и видела, как муженек в гробу ворочается. Еще бы: вдова-то процветает! Да не как прислуга или послушная женушка, а как свободный и независимый человек с собственным делом, с судьбой, принадлежавшей лишь ей самой. С каким наслаждением приходила она на могилу, чтобы все ему рассказать!

– Сняла сегодня со счета все твои денежки, Ральф. Да-да, те самые. Я-то про них ничего не знала. Смотрю – надо же: а тут немало! Но ты за них не беспокойся, дорогой: я нашла помещение неподалеку от дома и хочу открыть свое дело. Дома у нас с тобой я тоже кое-что поменяла. Одежду твою раздала нищим – почти не ношенные вещи. Священник, который занимается помощью беднякам, остался очень доволен. А мне и хорошо: больше места для собственных вещей. Накупила себе целую гору барахла, а главное – юбки...

Она произносила эту речь, сидя на мраморной могильной плите и представляя себе Ральфа, и как его огромные синие глаза вылезают из орбит, превращаясь в «такие глаза». Но сейчас муженек лежит себе под

землей в сосновом гробу и больше не может ее ударить.

Плавное течение воспоминаний прервалось: издалека донеслась скрипичная музыка, и она высунулась в окно. Мошки толпились вокруг фонаря, стоящего возле дома. Некоторое время она недоверчиво прислушивалась к далекой мелодии. На миг ей почудилось, что это воют дикие звери. Иногда по ночам в городе слышались странные звуки, большинству которых трудно было дать объяснение. Через секунду – снова та же мелодия: тихая, едва уловимая, далекая. На этот раз она звучала чуть быстрее. Кто-то играл на скрипке, и, черт побери, делал он это мастерски. Лоретта посмотрела на часы – пять утра. Кто может играть на скрипке в такое время? И кто слушает музыку в такое раннее утро?

Она надела тапки, накинула зеленый халат и в полной темноте спустилась на нижний этаж. Сон как рукой сняло. Главное – уснуть потом снова и проспать до восьми. Она открыла холодильник и налила себе добрый стакан холодного молока. Когда же она собралась вернуться обратно в комнату, стакан чуть не выскользнул у нее из рук и не разбился вдребезги об пол. За столом в кухне кто-то сидел. Сгорбленный силуэт в саване, перепачканном землей. Целый букет запахов мигом заполнил дом, как аромат жаркого из горшка, стоявшего на плите: свежая земля, сырость, ферментированный сыр. Сердце Лоретты бешено забилося в груди. Она не могла поверить тому, что видела собственными глазами. Бодрствует она или спит? Может, все это страшный сон, ночной кошмар? Не произнеся ни слова, она уставилась на сгорбленный силуэт. Одну руку сидящий положил на столешницу. Было заметно, что ткань савана обтрепалась и потемнела. Из руки торчало сгнившее мясо, фаланги пальцев чернели, будто обуглились. Человек шевельнулся, поднял голову и взглянул ей в лицо. Лоретта вскрикнула. Плоти на лице почти не осталось, одна глазница чернела пустотой. Сидящий приоткрыл рот и улыбнулся. Как клоун на ярмарке. Губы разъехались широко и страшно: улыбка получилась во все лицо, заехав даже туда, где некогда располагались щеки.

– Привет, Лоретта, – весело прохрипел он. – Где ужин, тупая лиса?

И посмотрел «такими глазами». Волна тошноты подступала от желудка к горлу, Лоретта испугалась, что вот-вот потеряет сознание. Но мысль о том, как она грохнется посреди кухни перед этой штуковиной, сидящей на стуле, неожиданно отрезвила ее, наполнив еще большим ужасом. Она поднесла руку ко рту и уставилась на существо, как две капли воды похожее на умершего мужа.

– Ты же умер, – пробормотала она, снова поднеся руку ко рту, чтобы сдержать очередной приступ тошноты.

Ральф – точнее, то, что от него осталось, – опять улыбнулся, продемонстрировав почерневшие десны. В этот миг один из зубов выпал и с отвратительным стуком покатился по столу.

– Чертова психичка, хватит болтать, тащи сюда свой поганый ужин, если не хочешь, чтобы я тебе морду своротил!

– Ральф...

Он сделал попытку подняться. Саван зацепился за ножку стула, и одна рука отвалилась, запутавшись в ткани. Указательным пальцем оставшейся руки он погрозил Лоретте.

– Тащи ужин, лиса, – прогнусавил он.

Лоретта попятилась. Спрятаться, бежать из дома. Немедленно проснуться! Она не сомневалась: видение порождает ее разум, ничего подобного на самом деле не может быть. Она ухватилась за эту мысль изо всех сил, потому что это был единственный способ противостоять безумию, такому властному и жесткому, что существовать с ним дальше было бы невозможно. Внезапно тошнота прекратилась. Стоя в противоположном углу гостиной, она смотрела на мужа с ненавистью. У нее откуда-то взялись силы.

– Сам себе ужин делай, сукин ты сын! – взвизгнула она.

Существо вытаращило на нее единственный глаз и медленно покачало головой, будто его смертельно оскорбили. Лоретта не стала дожидаться, как оно поведет себя дальше. Выскочила из гостиной с такой прытью, будто тапки сами летели по воздуху. Вот она у входной двери. Выскочила за дверь, очутилась в саду. Резко затормозила, обернулась к дому и посмотрела на окна кухни.

– Вечно одно и то же, – с досадой проворчала она. – Ты остаешься, а я убегаю, как ошпаренная курица. Не бывать этому больше!

Она сменила направление так резко, будто кто-то положил ей руку на голову и крутанул, как фишку в настольной игре. В два прыжка оказалась у лачуги в саду, где хранилась всякая утварь. Вошла внутрь. Пошарила в пыльной рухляди и всяком мусоре, подыскивая что-нибудь подходящее. Вот и топор. Зажав его в руках, Лоретта направилась напрямиком к дому.

– Верну тебя туда, откуда ты явился, ублюбочный козел.

Распахнула дверь – руки и ноги дрожали от страха – и вдруг поняла, что в доме пусто. Ральфа и след простыл. Она постояла, прислушиваясь к своему дыханию и ударам сердца. Потом упала на колени. Халат давил на плечи, в желудке плескалось молоко, она до сих пор чувствовала вонь мяса, земли и сыра. Склонилась на полом, отложила топор, и ее стошнило.

И снова все та же скрипка – где-то там, вдалеке. Причудливые, едва

различимые звуки. Нежная мелодия окутывала Лоретту, будто бы обнимала своими созвучиями, нашептывая: «Не бойся. Позволь музыке проникнуть в тебя. Настало время забыть свою боль». Это было последнее, что она слышала. Нехотя поднялась с пола и, едва передвигая ноги, потащила в гостиную. Тупо посмотрела на диван и повалилась на него без сил. И тут же уснула или потеряла сознание.

Не только Лоретта слышала в ту ночь мелодию скрипки. Пэтси Логан – так же известная, как Пэтси-парикмахерша – дрыхла без задних ног, как вдруг проснулась, разбуженная ночным кошмаром. Она лежала неподвижно – так взволновал ее сон. Стараясь унять неистовое сердцебиение, испуганно шарила глазами по потолку. Тут-то до нее и донеслись звуки скрипки.

Да, ей снился кошмар. Она брела по узкой и темной улице неведомого города. Дома, стоявшие по обе стороны улицы, были ей незнакомы. Но она упрямо шла вперед к какой-то смутной, но слишком определенной цели. И еще: ей было страшно. В одном из садов, тянувшихся вдоль улицы, она увидела иву. Гибкие ветви дрожали, словно колыхаемые порывами ветра. Они походили на тощие руки с длинными пальцами, и пальцы эти указывали в ее сторону. А она все шла, шла, потому что знала, что должна покинуть это место, потому что город вокруг – не ее город, надо как можно скорее уйти оттуда. Во сне до нее тоже доносилась скрипка. И, проснувшись, она все еще слышала далекую мелодию, бессвязные печальные созвучия. Она вновь сделала попытку сосредоточиться на главном. В ветках ивы виднелась какая-то сторбленная фигурка. Что это? Сперва Пэтси подумала, что это крупная птица. Но тогда все происходящее не имело смысла. Она прошла еще несколько метров, так что древесная крона открылась ей почти целиком, замедлила шаг, всматриваясь в фигурку краем глаза и стараясь как можно подробнее ее рассмотреть, чтобы выяснить наконец, что это за чертовщина. Внезапно ее охватила паника. Ветка качнулась, нагнулась к земле, и фигурка спрыгнула. Постояла посреди сада, а затем направилась к ней. Сомнений не было: перед Пэтси была женщина. Высокая, очень худая. Сумерки мешали разглядеть черты ее лица, но талия была очень тонкой. Когда женщина подошла к подножию изгороди, тянувшейся вокруг дома, Пэтси заметила, что кожа у нее чернее черного, а вокруг головы повязан тюрбан из пестрой ткани, полностью скрывавший волосы. На женщине была длинная юбка и просторная рубаха. Пронизывающий взгляд, полные губы. Продолговатые глаза делали женщину похожей на кошку.

– У вас красивые волосы, – сказала она с явным французским акцентом.

Пэтси собиралась что-то ответить незнакомке, но слова застряли в

горле, и она только улыбалась. Женщина протянула руку и коснулась одного из ее светлых локонов. Смуглое запястье, унизанное браслетами. На вид женщине было больше сорока.

– Мне надо идти, – сказала Пэтси. Почему-то она боялась незнакомой женщины.

– Будьте осторожны. Жалко лишиться таких чудесных волос.

– Мне пора домой. Доброй ночи.

Женщина на прощание помахала рукой, и Пэтси продолжила путь, пока не добралась до дома. Она вошла в гостиную, поднялась на верхний этаж, села напротив зеркала и некоторое время рассматривала свое отражение. Сняла резинку, стягивающую ее длинную гриву, взяла ножницы и принялась ее кромсать. Сперва один завиток, затем другой. Вот она ухватила целую прядь и резанула по диагонали, приговаривая: «У вас красивые волосы. Очень красивые волосы. Будьте осторожны. Будьте осторожны. Волосы. Волосы. Волосы».

Пэтси вытерла со лба пот. Ну и жуть! Она заметила, что у нее на животе, в районе желудка, что-то поблескивает. Серебристое пятнышко, довольно увесистое. Его не должно там быть. Она в страхе ощупала свой живот: запутавшиеся в одеяле парикмахерские ножницы. Пэтси рывком уселась на кровати. Дрожащими руками ощупала голову и в ужасе вскрикнула: волос не было. Ее роскошная светлая шевелюра исчезла, а одеяло усыпано завитками волос, словно труп – погребальными цветами. Пэтси отрезала их во сне!

Она вскочила, посмотрела на себя в зеркало. Руки у нее задрожали. Это было невероятно. Просто ужас какой-то! Она тихонько вскрикивала, ощупывая голову и подбирая светлые завитки, рассыпанные по простыне, одеялу, полу.

«Я во сне отрезала себе волосы! Что я наделала? Что, что я натворила???» – спрашивала она себя.

К крикам Пэтси добавились вопли ее подруги Роуз Бейкер – учительницы, матери двух дочерей, проживавшей через семь домов от пострадавшей. Как раз в этот миг Роуз спустилась в кухню. Никакой скрипки слышно не было. Всего несколько минут назад она мирно спала рядом со своим мужем, как вдруг на лестнице, ведущей вниз, послышались приближающиеся шаги. Должно быть, дочки проснулись посреди ночи и принялись бегать по дому. Дилан, ее супруг, конечно же, ничего не слышал: когда раздались шаги, звук беготни и скрип деревянных ступеней, он храпел, как трактор. Роуз надела тапочки, накинула шелковый халат, вышла из спальни и заглянула в комнату дочек, собираясь им что-то сказать, но те

крепко спали. Где-то снова послышался грохот. Она вздрогнула. Выглянула на лестницу, спустилась на несколько ступеней вниз. Черт побери, а? Если они не закрыли с вечера лаз для кошек и в кухню залез енот, она приберет Дилана и накажет девочек до самого совершеннолетия. Войдя в кухню, Роуз не только тряслась всем телом, но и зубы у нее во рту отбивали дробь. Ни дать ни взять, форменный маракас! Она ненавидела енотов всей душой. Эти твари агрессивны, поэтому она на всякий случай схватила стоявшую за дверью швабру и двинулась вдоль стены, то и дело натываясь в сумерках на рассыпанные коробочки со специями, разбитые стаканы и столовые приборы, валявшиеся по всей кухне. Еще один сухой удар – на этот раз хлопнула дверь у нее за спиной – заставил резко остановиться. Нет, никакой это не енот. Она вздрогнула всем телом: лежащая на полу бесформенная тень двинулась в ее сторону. Сжимая в руке швабру, Роуз попятилась, натываясь на предметы, которые с такой осторожностью обходила всего несколько секунд назад. То, что на нее надвигалось, имело руки и ноги. То, что на нее надвигалось, имело зубы и когти. Она споткнулась о банку с макаронами, повалилась ничком, но все равно кое-как продолжила отступление. Однако штука, которая на нее надвигалась, явно была проворнее. Наконец Роуз уперлась спиной в буфет с закрытыми дверцами. Она потыкала впереди себя шваброй, как копьем. Штука оказалась прямо напротив ее лица. Не выдержав, Роуз завопила от ужаса. Существо с черными глазами, фиолетовыми губами и вздернутым носом одновременно с ней разинуло рот и испустило вопль. Шея существа вытянулась, физиономия прижалась к лицу Роуз, а пасть опять распахнулась, да так широко, что казалось, тварь вот-вот вывихнет себе челюсти. Но этого Роуз уже не видела. Она рухнула без сознания прямо на килограмм рассыпанного риса, а сверху на нее свалились две банки йогурта.

Когда Роуз отключилась, часы показывали половину шестого утра. В это время, как и в любое другое утро, Молоски прибыл к себе на заправку, а Мелиса открыла кафе. Через полчаса фуры дальнотойщиков, направлявшиеся в Портленд, Такому и Сиэтл по федеральной трассе номер пять, пролегающей между Сан-Диего, Сакраменто и Лос-Анджелесом, начнут подтягиваться за столики, чтобы позавтракать после четырех часов пути.

Молоски вылез из «Бьюика», вошел в кафе и поприветствовал Мелису, которая в этот момент как раз заправляла волосы под свою неизменную розовую шапочку мороженщицы. Она затянула передник и аккуратно

поправила бейджик с именем-фамилией.

– Доброе утро, Морли, – сказала она, наливая кофе. – Тебе с молоком или без?

Старик вытащил изо рта зубочистку и устроился на одном из крутящихся табуретов у барной стойки.

– С молоком, – ответил он. – Ты слышала музыку?

– Какую музыку?

Молоски кивнул на окно.

– Которая пиликает на весь город. По-моему, это скрипка. Я ее слышал из дома. И сейчас, когда вылезал из машины, тоже.

Мелиса нахмурила брови и отрицательно помотала головой.

– Не слышу я никакой скрипки. Кстати, Морли, мне тут рассказали, что ты попал в переделку сегодня ночью в баре у Лоретты.

Молоски пощелкал языком и кивнул, поднеся чашку к губам.

– Глупости...

– Ясно. Хочешь пончик?

– Спасибо, не надо.

Еще не рассвело, и лужи, собравшиеся в колеях, оставленных тяжелыми фурами, покрылись тоненькой корочкой льда.

– Сегодня хоронят Патрика и Брэди, – пробормотала Мелиса с печалью в голосе. – Бедные парни. Им не повезло.

Она бросила поверх фритюрницы полный сочувствия взгляд, размышляя о несчастных парнях и их судьбе.

– Да, очень жаль.

– Вчера вечером я говорила с их родственниками, – продолжала она. – На похороны пойти не смогу, вот и решила хотя бы выразить соболезнования. И Грантам, и Роузам. Черт подери, Морли, ты и не представляешь, как рыдали бедные матери.

– Такое впечатление, что нас сглазили, – заметил Молоски. – Сперва Лоррейн, потом эти парни. А Томми Нортон в клинике доктора Фостера.

Мелиса посмотрела на Молоски с любопытством. В руке она сжимала шумовку, которой ловко переворачивала пару десятков жарящихся оладий.

– Томми? С какой стати он попал в клинику?

– Я вчера встретил Бобби, хозяина «Коконута», – продолжал Молоски. – Он видел, как доктор Фостер, Элен и Ларк вели Томми в клинику. Тот был явно не в себе. Шатался как пьяный. И бредил. Бобби расспросил Элен, когда та возвращалась в участок. У парня посттравматический стресс, что меня лично не удивляет. Томми долго служил в Афганистане, вернулся не так давно. А оттуда нормальными не

возвращаются. Рано или поздно это дело сказывается. Наша страна объявляет тебя героем. Но кладбища и психиатрички набиты как раз такими героями. Отправляешься в ад, мечтая послужить родине, а возвращаешься законченным психом. Этот ад они притаскивают с войны, и потихоньку он их сжирает. Эй, у тебя олады сейчас сгорят.

– Черт!

Мелиса повернулась к сковородке и принялась молниеносно переворачивать бледные кругляшки. Молоски допил кофе и подошел к окну. С этой точки открывался почти весь город. Узкие улочки, уставленные зажженными фонарями, представляли собой ручейки света. Он видел, как вдалеке зажглись окна какого-то дома. Чуть в стороне также вспыхнули окошки. Постепенно окна, дорожки и сады загорались, будто соединенные невидимыми электрическими проводами. Сначала одна улица, затем другая. И наконец, большая часть города получила свою порцию преждевременного бодрствования.

– Нет еще и шести... – пробормотал Молоски, нахмурившись.

– И что?

Он махнул рукой, на что-то указывая. Мелиса, повернув жар под сковородкой, неохотно приблизилась, вытирая о передник руки.

– Что случилось?

– Глянь-ка, – сказал он, кивнув на город. – Люди просыпаются в одно и то же время. А сейчас нет и шести. Ты когда-нибудь такое видела?

Мелиса прижала свой курносый нос к застекленной витрине бара и напрягла зрение.

– Понятия не имею, чего у них там. Может, сон плохой приснился.

Молоски хмуро покосился на нее, щелкнул языком и вновь уставился на город.

– Ага, всем одновременно... Издеваешься? Такое впечатление, что в скаутском лагере пропел горн.

– Да я-то тут при чем? Ну, встали пораньше, чтобы подготовиться к похоронам. Собираются устроить процессию. Мне что за дело?

Мелиса вернулась за стойку и снова принялась готовить завтрак, больше не удостоивая старика вниманием. Тот продолжал наблюдать за поведением домиков и целым роем огоньков, будто бы связанных между собой.

– Очень странно, – проворчал он. – Слишком странно...

Уж Молоски-то знал: если в городе происходит что-то странное, жди беды.

Дэнни Колеман по-прежнему видел сны: он так и сидел внутри нарисованного домика. Он понимал, что находится в больнице, рядом родители, а преподобный Роберт заходит его проведать. Он слышал их разговоры. Мать была в отчаянии, а отец казался усталым и несчастным. Тем не менее он ничего не мог поделать. Всякий раз, когда он приближался к окошку, пол под ногами наклонялся, и он, словно с горки, летел вниз и ударялся о стену. Несколько раз ему удавалось выглянуть наружу, этого хватало, чтобы увидеть мать, спящую в больничном кресле с подставкой для ног и ручным управлением, и отца, наматывающего круги по палате. Во второй раз, выглянув в другое окно, он увидел пастора: тот сидел возле него и спрашивал его о человеке в шляпе. В этот миг ему удалось громко крикнуть, впрочем, пастор наверняка услышал не крик, а обычный голос, потому что не испугался. Тогда он понял, что окна – это что-то наподобие его собственных глаз, а человек в шляпе не желает, чтобы он общался с другими людьми. Вот он и придумал фокус с горкой: стоит Дэнни приблизиться к окну и он делает так, что пол наклоняется. Дэнни приходилось бежать что есть силы, чтоб успеть заглянуть в окно. Если ему везло, выглянуть удавалось ровно настолько, чтобы успеть осмотреться, крикнуть или даже что-то сказать, но не более. Чем дольше он смотрел в окно, тем сильнее наклонялся пол. В тот раз, когда ему удалось провести у окна больше всего времени, он буквально завис в воздухе, пока у него не соскользнули руки, а потом кубарем скатился к противоположной стене. Далее пол возвращался в исходное положение и оставался таким до новой попытки Дэнни пробраться к окнам. В конце концов мальчик вымотался и потерял надежду.

Но однажды снова услышал голос за пределами дома. Знакомый, юный голос, полный любви. Все, что он мог, – забраться на стол и оттуда рассматривать мир снаружи, не приближаясь к окнам. Ни стол, накрепко приделанный к полу, ни какой-либо другой предмет мебели не шевелились, когда пол приходил в движение. Это напоминало макет кукольного домика с игрушечной мебелью.

– Дэнни, Дэнни! Ты меня слышишь?

Он вскарабкался на стол и напряг зрение, стараясь рассмотреть что-то еще, кроме поля, деревьев и овец, которые бродили туда-сюда, словно охраняя дом. Вдали он различил маленькую фигурку в платье, волнуемом

ветром. Фигурка махала ему рукой, на голове у нее красовалась соломенная шляпка с развевающимися ленточками.

– Дэнни, это я! Ты видишь меня? Это я – Пенни!

Услышав имя, Дэнни замер. Ноги у него подкосились.

– Пенни? – переспросил он едва слышно.

– Дэнни, я знаю, что ты меня видишь. Я хочу, чтобы ты меня выслушал! – крикнула она. – Этот дом – у тебя в голове, Дэнни! Только ты сам можешь с ним справиться! Ты должен выбраться оттуда и убежать! Нужно бороться!

Дэнни задрожал от страха. Фигурка Пенни не двигалась и с каждым разом казалась все более крошечной и далекой.

– А как я выберусь? Он меня ни за что не отпустит... – пробормотал он и поспешно обвел глазами комнату.

– Дэнни! Твое тело свободно, а разум заперт в домике! Вылезай оттуда и беги ко мне! Но только делать это надо прямо сейчас! Я тебе помогу!

Неожиданно Пенни пронзительно свистнула, сунув пальцы в рот. Овечки как по команде обернулись и затрусили в ее сторону.

– Ну же, прыгай! Все это совсем не то, чем кажется! Быстрее, Дэнни!

Он заметался. Спрыгнул со стола, кинулся к окошку. Пол ту же пришел в движение и изменил угол наклона. Дэнни показалось, что он лезет в гору, покрытую льдом. Босой, в больничной пижаме, без носков; ноги его скользили! На этот раз наклон был настолько крутым, что он откатился на несколько метров назад. Пришлось начинать продвижение к окнам с нуля.

– Дэнни, скорее! У нас мало времени!

Мальчик вспотел. Чем ближе был он к окнам, тем сильнее наклонялся дом. Последнее усилие – и вот оно, окно! Ноги оторвались от пола и повисли в воздухе. Что теперь делать? Дэнни держался из последних сил. Вспотевшие руки скользили, он не представлял, как продержаться в таком положении долгое время. Пальцы уже готовы были разжаться. В последнем, почти нечеловеческом усилии он повис на одной руке. Подтянул колени, как акробат, упер ступни в подоконник и ударил в стекло.

– Не могу... Не хватает сил...

Он услышал, как где-то очень близко всхлипывает мать. Услышал голос преподобного Роберта, который повторял, что его любит, что он должен быть сильным и что все будет хорошо. Глаза наполнились слезами бессилия и ярости. Пенни свистнула еще раз. Она как могла отвлекала овечек. Их морды больше не напоминали смиренных ручных животных. Налитые кровью глаза, оскаленные зубы, клацающие, когда овцы открывали и закрывали рот. Дэнни еще и еще раз ударил ногой по

оконному стеклу. Он сделал это без особой надежды, уже почти готовый сдаться и скатиться вниз.

– Я хочу уйти отсюда! Ты не имеешь права меня удерживать! – задыхаясь, выпалил он.

И внезапно стекло поддалось. Мальчик сгруппировался, как герой мультика, и резко выбросил ноги наружу. Еще один удар – и стекло разлетелось вдребезги. Одна нога оказалась за окном. На раздумья времени не оставалось. Услышав звон стекла, овечки обернулись и затрусили к дому. Дэнни завис в окне. Он уже наполовину вылез и теперь отдыхал, восстанавливая силы перед решающим броском.

– Кажется, сейчас меня сожрут эти твари, – прошептал он, соскакивая на траву.

– Скорее, Дэнни! Беги ко мне!

Ни разу в жизни он не бегал с такой скоростью. Трава щекотала пальцы ног. Он мчался по широкой дуге, огибая дьявольских тварей, которые стягивались к нему рысью, предвкушая поживу. Но он не останавливался. Не собирался сдаваться. Когда до Пенни было уже рукой подать, чьи-то зубы сомкнулись у Дэнни на лодыжке, да так, что он взвизгнул от боли.

– Давай руку! – крикнула Пенни.

Он сделал последний рывок, и Пенни изо всех сил схватила его за руки.

– Она меня не пускает! – взвизгнул Дэнни, чувствуя, как одна из овечек тащит его назад.

– Она ничего тебе не сделает! Смотри на меня, Дэнни, смотри только на меня. Ее нет, она не может никуда тебя утащить. Ты должен в это поверить. Я здесь, и я тебя им не отдам.

Овечка вцепилась ему в ногу мертвой хваткой. Но Пенни крепко его обняла. Ее зеленые глаза, ее чудесные каштановые волосы под соломенной шляпкой внезапно вызвали у Дэнни приступ сильнейшей душевной боли. Это была она, его подруга, такая же прекрасная, как когда-то при жизни, такая же добрая, как в те дни, когда заступалась за него в колледже. Ее руки стиснули его еще крепче, она смотрела на него с нежностью.

– Их не существует, – повторил Дэнни. – Не существует!

В этот миг овечка, вцепившаяся в ногу, и боль от ее зубов пропали. Пенни крепко держала Дэнни обеими руками. Поляна и домик побледнели и растаяли. Теперь они были вдвоем посреди поля, поросшего маргаритками. Глаза улыбавшейся Пенни смотрели на Дэнни с такой любовью, которой он никогда не видел ни в чьих глазах.

– Послушай, Дэнни. У меня очень мало времени.

– Ах, Пенни...

– Когда я исчезну, ты вернешься в свою палату, в реальность. Пожалуйста, выслушай меня, я должна сказать тебе кое-что очень важное, чтобы ты потом передал моей сестре.

– Но я не хочу, чтобы ты исчезала, Пенни. Не хочу снова тебя терять.

Она улыбнулась.

– Ты не потерял меня, глупенький. Я никуда не уходила.

– Пенни, – в отчаянии всхлипнул он и обнял ее.

– Я скажу тебе две вещи. Одну ты должен передать моей сестре как можно скорее. Объясни ей, что все спрятано там, где танцует принцесса. Я понимаю, тебе это кажется бессмыслицей, но она поймет. Ты все понял? – Дэнни шмыгнул и согласно закивал. – Другое послание предназначено твоему отцу. Слушай внимательно, потому что потом я тебя отпущу и ты вернешься домой. – Дэнни снова кивнул.

Пенни прижалась губами к его уху. Она говорила очень тихо, а Дэнни улыбался, широко раскрыв глаза. Его лица словно коснулся ветерок, и у себя на щеке он почувствовал горячий нежный поцелуй.

– Запомни, Дэнни, – сказала Пенни, отстраняясь, – времени осталось очень мало. Найди мою сестру. И не забывай, что я тебя очень люблю.

Произнеся эти слова, она разжала объятия, и Дэнни начал проваливаться куда-то в темную бездну. Он падал все быстрее, разноцветные пятна проносились мимо него, как будто он мчался сквозь время на американских горках, только не по земле, а под землей. Страшно не было. Он по-прежнему плакал, но на этот раз от избытка чувств. Он закрыл глаза, а когда снова их открыл, под руками ощутил больничный матрас. Он вскочил как от удара. Похожая на сову Лорна Колеман молча уставилась на него, будто увидела привидение.

– Мама... – проговорил он, спрыгивая с кровати.

– Дэнни?! Дэнни...

Он чмокнул ее в щеку и помчался в ванную, чтобы снять с себя наконец опостылевшую пижаму и переодеться. Он спешил. Очень спешил. Когда он вышел из ванной, мать по-прежнему сидела с таким видом, будто видит нечто сверхъестественное. Рядом стояла медсестра, ошарашенная внезапным преображением больного ребенка. На лице у нее отражался такой же ужас, как у Лорны. Обе тарасились на него во все глаза.

– Мама, срочно идем на похороны. Я должен видеть преподобного Роберта и Элизабет. Где моя зубная щетка? А ботинки?

– Сынок...

– Мама! – воскликнул он, но в следующий миг смягчился и задышал глубже. – По дороге я тебе все расскажу, но умоляю, отведи меня на похороны. Поверь, это очень важно.

– Миссис Колеман, – возразила медсестра, – мы обязаны провести мальчику полное обследование, прежде чем...

– Мы уходим, – возразила Лорна. – После похорон я лично доставлю сына назад в больницу. Ребенку срочно необходимо туда попасть. А я в первую очередь его мать.

– Но миссис Колеман...

Лорна бросила на нее ледяной взгляд. Медсестра закатила глаза и, ворча что-то себе под нос, вышла из палаты. Дэнни смотрел на маму. Ему хотелось ее поцеловать. Он любил ее больше, чем когда-либо.

– Спасибо, мама.

– Не за что, солнышко.

Когда они сели в машину, у Лорны дрожали руки, а щеки пылали, как будто у нее жар. С соседнего сиденья Дэнни смотрел на нее с благодарностью.

– Не грусти, мама. Нет причин грустить.

Она достала платок из кармана брюк и вытерла нос. Повернула ключ зажигания и выехала с парковки в направлении главной трассы.

– Сынок, я хочу, чтобы ты знал: я люблю тебя, – сказала она и прослезилась. – И папа тоже очень тебя любит. С тех пор как ты родился, ты для нас в жизни – самое важное. Мы наделали много ошибок, но все это... все это мы делали исключительно ради твоего благополучия и счастья...

– Знаю, мама, тебе не надо сейчас из-за этого волноваться. Я знаю, что случилось, Пенни мне все рассказала.

Лорна в ужасе посмотрела на него и, заливаясь слезами, свернула на грунтовку.

– Ты хорошая. На твоём месте так поступила бы любая мама. Ты просто испугалась...

Лорна обняла его так крепко, что Дэнни испугался, не задушит ли она его своими длинными худыми руками.

– Сыночек... Родной... Ты уже совсем мужчина. Я недостойна быть мамой такого замечательного сына...

– Мамочка, пожалуйста, мне очень нужно попасть на эти похороны, а потом мы с тобой обсудим все, что хочешь... Хотя мне не нужны никакие объяснения, я тебя уже за все простил.

Лорна вытерла слезы, выпрямилась и кивнула. Автомобиль рванулся с

места и понесся в сторону Пойнт-Спирита.

– Пристегнись-ка, сынок. Наверняка мама нарушит парочку правил дорожного движения.

Джим не помнил, когда бывал на похоронах последний раз. Подобные мероприятия надолго выбивали его из колеи. Когда умирал кто-то из знакомых, он являлся на поминки максимум на пять или десять минут: выражал соболезнования, а затем потихоньку исчезал в толпе и покидал зал, воспользовавшись всеобщим смятением. Но нынешние похороны отличались от всех предыдущих. Основная причина заключалась в том, что Пойнт-Спирит – городишка не из крупных. Церковь была забита битком. Казалось, в ней собрался весь город. Люди входили и выходили, приветствовали друг друга в дверях, курили, перешептываясь, и, вздыхая, слушали преподобного Роберта. Одни утешали соседа, другие – бывшего одноклассника, а кое-кто и родственника. Затем машины выстроились в процессию, которая потянулась в сторону кладбища. Там и сям слышался безутешный плач матерей, приглушенные, яростные возгласы отцов. Две большие фотографии, приделанные к деревянным щитам, возвышались над толпой. Джим рассматривал изображенные на них юные, свежие лица. С того места, где он стоял, были почти не видны лица покойников – с заострившимися чертами, подкрашенные и неподвижные, будто спящие, и все же безнадежно мертвые. Пахло смертью, алыми Роузми, гладиолусами и лилиями, а Джима с самого утра мучила мигрень, причину которой он не знал.

Во время погребения он держался поодаль, прислонившись к стволу дерева. Элизабет, ее мать и обе тетушки, пользуясь случаем, возложили цветы на могилу Пенни и Виктора и протерли тряпочками пыль с хрустальных ваз. Алан рано утром отправился в клинику, пообещав Джиму встретиться на похоронах. Он не видел смысла в том, чтобы возвращаться домой и вместе со всеми обшаривать чердак. Джим все взял на себя: ранним утром он, Мэри Энн и Элизабет поднялись в пыльное помещение под крышей, заставленное деревянными сундуками, которое совместными усилиями обшаривали в продолжении двух часов. Они осмотрели старые шкафы, сломанные стулья, затянутые паутиной старинные зеркала в тяжелых рамах, шкатулки, полные всякой всячины, – но не нашли ничего, что могло бы пригодиться. В одном из ящичков Элизабет обнаружила хорошенькие платица из тафты, жемчужное ожерелье, камео в коробочке из перламутра и старые фотографии. Но ничего, что напомнило бы о Люсьене и Магали. Пыль, снова пыль, парочка пауков внушительных

размеров. А теперь еще и эта головная боль...

Карлота дала ему ибупрофен, но мигрень не проходила. И еще кое-что необычное случилось в это утро: он проснулся в ванной. Да, вот так. Никаких объяснений у него не было, кроме того, что в свои тридцать семь он вдруг превратился в лунатика и теперь разгуливает по домам. Пикантная подробность, особенно если учесть, что проживает он один. Поэтому нельзя исключить, что такое случилось и раньше.

Невозможно описать, какое выражение появилось на лице у Карлоты в тот миг, когда он, полуголый, в семь утра вышел из ванной. Кажется, он ей что-то сказал. Сверлящая боль в виске сделалась невыносимой, и выражение лица Карлоты смягчилось. Затем она исчезла внизу, а затем постучалась к нему в комнату со стаканом воды и таблеткой ибупрофена. Боль отступила, но не полностью. По крайней мере, позволила Джиму в течение нескольких часов обследовать чердак и огромную библиотеку Виктора Берри. Однако действие таблетки быстро кончилось, и боль вернулась с еще большей интенсивностью. У входа в церковь Алан дал Джиму еще одну таблетку, и вскоре самочувствие немного улучшилось.

– Ну как, нашли что-нибудь? – робко поинтересовался Алан. Джим ответил отрицательно.

Глядя на Роберта, на множество людей с сокрушенными лицами, толпящихся у гробов, он спрашивал себя, удастся ли им вытащить на свет божий хоть какие-то концы этого запутанного дела. Детектив позвонил за час до того, как он вышел из дома. Артур Вердиско ликовал: он готов немедленно взяться за это дело. Лично отправится в Новый Орлеан и будет держать Джима в курсе всех своих действий. Джим напомнил ему, что не намерен скупиться в тратах и пусть тот отправит ему по электронной почте все чеки, а заодно и всю информацию, которую сумеет добыть. Разговор был краток. Артур понял, что Джиму не очень удобно обсуждать такие вещи по телефону. А затем чердак, библиотека, хитрое личико Элизабет и улыбка Мэри Энн, головная боль, два паука размером с немецкую овчарку. И наконец, похороны.

– Мэри сегодня бодрячком, – сказал Алан, когда они входили в церковь. – Спала всю ночь как убитая. Никаких кошмаров не видела. Может быть, привидение оставило ее в покое?

– Может быть, может быть... Вечно это «может быть».

У него вновь появилось странное предчувствие, что паутина тянется гораздо дальше колониального особняка Виктора Берри и восьми бригадиров со старой фотографии. Пока Джим обо всем этом размышлял, его легонько толкнул Алан. Он с любопытством смотрел на нескольких

обитателей города, разрозненно стоящих в толпе.

– Ты ничего не заметил?

Джим пожал плечами и в этот миг увидел Лоретту, хозяйку «Укулеле». В модном костюме-двойке она выглядела непривычно элегантной. Юбка-карандаш до колен, на глазах – солнечные очки, скрывающие пол-лица. «Похоже, она нервничает», – подумал Джим. К тому же все время озирается на одну из могил, будто боится, что оттуда вылезет мертвец, и на всякий случай готовится дать стрелкача.

– Да, теперь заметил, – Джим перевел взгляд на Алана, затем снова всмотрелся в толпу. – Кое-кто явно нервничает. Обрати внимание на женщину в вязаной шапке, ту, которая стоит рядом с двумя девочками и блондинкой.

Алан проследил за его взглядом и нахмурился.

– Это Пэтси. У нее парикмахерская рядом с моей клиникой. А с ней Роуз Бейкер. В прошлом году она была у Пенни тьютором.

– Они чем-то обеспокоены. Прямо-таки вот-вот обделаются от страха.

– Склоняюсь ко второй версии, – согласился Алан. – Ее муж позвонил мне сегодня утром в клинику. Сказал, что обнаружил Роуз спящей на кухне, когда вышел позавтракать. Она не помнит, как там оказалась, помнит только, что видела ужасный сон: дралась с кем-то на дуэли со шваброй в руках. А наяву она этой шваброй разметала полкухни.

– О Джонсе что-нибудь известно?

Алан нахмурился.

– Он мертв. Умер во сне от инфаркта. Ларк обнаружил его в кровати: в пижаме под одеялом. Хотя ничего удивительного в этом нет, он был уже совсем старик, к тому же пил все что под руку попадет, вплоть до одеколона. Его смерть вполне естественна.

– И настигла она его именно сейчас...

– Если старик и пережил нечто из ряда вон выходящее, знает об этом только он один. Знаю только, что он умер во сне, и лицо у него было счастливым. Мало того, он улыбался. Ларк уже созвонился с его кузиной из Калифорнии. Единственной родственницей несчастного.

Джим повернулся и поискал глазами Элизабет. Она стояла в дальнем уголке кладбища рядом с Мэри Энн, погруженная в раздумья.

– Кстати, ты говорил, что учительницу обнаружили утром в кухне. Со мной сегодня тоже случилось нечто похожее, – признался он.

– Что ты имеешь в виду? – хмуро покосился на него Алан.

– Проснулся в ванной. Не спрашивай, как я туда попал и что делал на табуретке напротив унитаза. Карлоту чуть удар не хватил, когда мы

столкнулись в дверях. Видел бы ты ее физиономию. Я был голый, а брюки держал в руках.

– То есть ты хочешь сказать, что проснулся голый? На табуретке в ванной комнате? – Алан нахмурился еще больше.

– Ну да. Честно говоря, мне это совсем не понравилось, – ответил Джим, сознавая, что звучит это довольно забавно.

– Да, пожалуй. Ты что, лунатик?

– А ты?

Алан усмехнулся.

– Понимаю, куда ты клонишь.

– Вот именно. Ты не можешь про это знать, потому что живешь один, как и я. Кто мне расскажет, лунатик я или нет? Ясно одно: если бы одна из этих женщин, хоть та же Элизабет, вошла в ванную, я мог бы прибить их на месте от испуга. Не говоря уже о том, что они обо мне подумают. Как объяснить, что я делаю в ванной в семь утра с голыми яйцами, сидя на табурете размером с садового гнома? С пижамными штанами в руках?

Склонив голову, Алан покосился на Джима и хмыкнул, сдерживая улыбку. Затем посмотрел на Мэри Энн, облаченную в нарядный костюм-двойку, и сложил руки на груди.

– Такое впечатление, что это явление захватывает все больше и больше жителей города, – пробормотал он. – И не только потомков тех бригадиров. Посмотри внимательно: осунувшиеся лица, темные очки, движения какие-то дерганые... Нет, с ними явно что-то происходит.

В нескольких метрах от них переминалась с ноги на ногу группка людей. Казалось, они погружены в какие-то тревожные мысли. Женщина с рыжими волосами, бледной кожей и темными кругами вокруг глаз то и дело смахивала со лба прядку волос, как будто бедняжку мучает нервный тик.

– Можно подумать, люди не спали много ночей подряд или чем-то напуганы. Если понаблюдать подольше, можно заметить, что в их поведении есть своя логика.

– У меня ровно те же мысли.

Похороны подходили к концу, публика, стоявшая в отдалении, разбрелась по кладбищу. Гробы при помощи веревок медленно спускали в могилы. Роберт провожал их печальным взглядом, но в следующий миг что-то отвлекло его внимание. На дорожке, огибавшей кладбище по периметру, показалась машина, которая затем остановилась в нескольких метрах от толпы. Из машины вышла высокая блондинка с мальчиком одиннадцати или двенадцати лет. Женщина взяла ребенка за руку и

некоторое время стояла неподвижно, пока народ потихоньку продвигался на выход или толпился небольшими группками подальше от центра событий. Алан насторожился и посмотрел на Роберта.

– Что случилось? – спросил Джим.

– Это Дэнни Колеман. Ничего не понимаю. Я и представить себе не мог, что он так быстро оклемается, да еще и появится на похоронах. У Лорны характер довольно скверный, и, по словам Роберта, она не собиралась так просто сдаваться.

– Так, значит, это и есть сын Роберта?

Алан кивнул. Пастор застыл как соляной столб. Он обменивался с людьми, подходившими проститься, случайными фразами, не слишком вдумываясь в их смысл. Внезапно мальчик направился напрямиком к Роберту. Встал на цыпочки и проговорил ему что-то на ухо. Пастор побледнел, затем побагровел, покосился на женщин, стоявших в отдалении. О чем-то переговорил с мальчиком, после чего тот чмокнул его в щеку и побежал к Элизабет.

– Идем, – пробормотал Алан, схватил Джима за руку и поволок прочь.

– Что происходит?

Когда они подошли, в глазах Мэри Энн стояли слезы. Она обняла мальчика. Джим обратил внимание, насколько внешне тот напоминает преподобного Роберта: те же вьющиеся светлые волосы, ясные синие глаза. Парнишка был не в своей тарелке, что-то его чрезвычайно тревожило, тем не менее он позволил Амелии себя обнять. Затем Карлота нежно его поцеловала, сказала, что выглядит он отлично и как хорошо, что он так быстро поправился.

– Я должен срочно кое-что сказать Элизабет, – робко пробормотал мальчик. – Пенни просила передать.

Услышав про Пенни, сестры переглянулись, а Мэри Энн закрыла рот рукой.

– Я понимаю, что это звучит дико, госпожа Мэри, но клянусь вам, я здесь только благодаря Пенни. Пока я болел, я видел ее. Она помогла мне выбраться из картины. Спасла меня от человека в шляпе.

Элизабет заплакала. К ним подошел Роберт.

– Она просила передать, что все спрятано там, где танцует принцесса. Я ничего не понял, но Пенни сказала, что ты знаешь, что это значит. То, что ты ищешь, спрятано там, где танцует принцесса. Кажется, именно так она и сказала. И еще, что она вас очень любит. Она была такая красивая!

– Боже мой, Дэнни... – пробормотала Амелия, всхлипывая.

– А сейчас я должен идти. Пора возвращаться в больницу, чтобы мне

сделали анализ крови. Хотя я и так хорошо себя чувствую. – Он повернулся к Роберту. – Я знаю, что ты приходил, пока я был в домике. Ты со мной разговаривал, а Пенни мне рассказала, что случилось когда-то давно.

Роберт нахмурил лоб. Он выглядел растерянным. Мальчик дернул его за рукав и улыбнулся.

– Мама обещала, что я поживу у тебя несколько дней.

– Только если ты сам этого захочешь, Дэнни, – ответил Роберт с видимым усилием. – Ты никому ничего не обязан.

Мальчик затряс головой – это движение напоминало Джиму Роберта.

– Мне только надо собрать рюкзак.

Голос у мальчика был мягкий, нежный, как у маленького ангела – образ довершали светлые волосы, щеки, порозовевшие от волнения. Он обернулся к Мэри Энн и тетушкам, которые все еще всхлипывали, затем устремил взгляд на Элизабет, которая в этот миг взяла Алана под руку, крепко прижалась к нему и шмыгнула носом, как маленькая девочка.

– Не забудь: там, где танцует принцесса, – повторил он.

Она пожала плечами.

– Спасибо, Дэнни. Ты даже не представляешь, как для меня важно то, что ты сказал. А она красивая?

– Еще красивее, чем раньше.

После этих слов он еще раз чмокнул Роберта в щеку и направился по дорожке к воротам кладбища. Там его ждала мать, прислонившись к автомобилю и держа между пальцами сигарету. Встретившись с Робертом глазами, она улыбнулась. Но это был лишь краткий миг. Затем она открыла дверцу машины, дождалась, пока Дэнни устроится внутри, и с силой захлопнула. Затем бросила сигарету на землю, села за руль и сорвалась с места, оставив за собой облачко пыли, напоминающее смерч.

– Элизабет, что означают эти слова? – спросил Алан.

Мэри Энн побледнела. Амелия ее успокаивала, легонько поглаживая по плечу, хотя и она выглядела крайне взволнованной и смятенной.

– На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин. На каменной дороге танцует принцесса, – напела Элизабет, пытаясь вникнуть в смысл знакомых слов. Мгновение спустя пристально посмотрела перед собой широко открытыми глазами и вытерла слезы. – Это все происки той женщины... Мы пели эту песенку, когда качались на качелях. Надо было искать не в доме... Мы искали в неправильном месте! Это в саду. Они там похоронены!

Часть третья. Перекресток дорог

*То мерцает пламя
моей души, оно
освещает даже могилу:
почти иссякшее,
невидимо, но вечное.
Даже смерть не в силах
его погасить.*

Лорд Байрон

Прошло более полутора лет с той ночи, когда, пьяный и уставший от бессмысленной войны, он совершил ошибку, последствия которой будут сопровождать его всю оставшуюся жизнь. По сей день Томми мучили кошмары. Снился лагерь в Кабуле, американские войска, разместившиеся на этой земле – недружелюбной, пыльной, скрипевшей на зубах песком, который ветер приносил из пустыни, наспех приспособленной для американского образа жизни. Они ухитрились даже поставить палатки, где продавали гамбургеры и хот-доги. Ни один солдат не мог долгое время питаться тем, что союзники поставляли им в лагерь в небольших грузовичках. Как ни странно, именно пища связывала солдат с домом. Вдыхать запах еды, которую когда-то подавали за семейным столом, будь то стаканчик доброго пива, отбивная или кофе, привезенные с родины. В первую очередь – человеческое достоинство, остальное не так важно.

Иногда – очень изредка – Томми удавалось забыть, что он в Афганистане. До тех пор пока на испытательном полигоне не рвались бомбы, не взлетали набитые солдатами вертолеты и оттуда, с небес, открывались ужасающие картины опустошения, груды мусора, разрушенные города и поселки.

– Я совершил страшную ошибку, Элен, – пробормотал он, глядя в потолок.

Из-за лекарств взгляд его словно остекленел. Синяков и царапин, оставленных марионеткой, видно почти не было. Его большие зеленые глаза беспокойно металась по палате не то от страха, не то из-за внутренней боли. Никогда прежде он не был так напуган. Ему было просто необходимо с кем-то поговорить.

Ларк стоял, прислонившись к стене. На похороны он заехал лишь на минуту, после чего незаметно улизнул. Он терпеть не мог похороны. Да и утешать был не особый мастак. К тому же утро выдалось на редкость суматошным: сперва Пол Джонс, потом эти ребята, а теперь еще «свой парень».

Он снял шляпу и положил на столик, где стояла тарелка с остывшей едой, к которой Томми так и не притронулся. Посмотрел на Элен. За эти дни она заметно похудела, лицо вытянулось, юбка свободно ерзала на талии туда-сюда. Элен сидела возле Томми, сложив на коленях руки и уронив голову. Ларк был уже стар и иной раз тупил; тем не менее даже он

знал, какие чувства питает Элен к этому парню. Случалось, шериф над ней подшучивал. Да, он охотно признавал Элен как профессионала, однако полагал, что она не подходит для Томми. Сейчас он раскаивался в своих грубоватых шуточках: Элен от парня не отходила ни на шаг, ухаживая за ним как одержимая, и Томми с благодарностью принимал ее заботу.

– Но я ничего ей не сделал, – промямлил он заплетающимся языком. – Жизнью клянусь, ничего не сделал. Она была совсем еще девчонка. Хорошенькая такая. Жила неподалеку. Иногда... иногда она приоткрывала свое красивое личико, и мы за ней в шутку ухаживали. Таскали все необходимое ее братьям и сестрам. Братьев и сестер у нее хватало, и все голодали... Но в ту ночь ребята как с ума посходили. Даже не помню толком, как все произошло, с чего началась эта беда. Мы будто бы опьянели от горя. Невозможно описать, что это значит. Тебя будто жжет изнутри, и ты ничего не можешь сделать, чтобы как-то утихомирить это жжение. Никакие лекарства не спасают. Мы к тому времени потеряли многих ребят! Во время операции... среди пустыни... Она так в меня верила...

Элен наклонилась к нему. Ларк кашлянул.

– Томми, но ты же не виноват.

– Нет, это не так. Я отвел ее к ним, я ее там оставил. С другими солдатами. Думаю, пусть она забудет ненадолго эту проклятую войну, познакомится хоть немного с нашей страной, узнает наши обычаи, наш гуманизм. – Он невесело хмыкнул и закрыл руками лицо. – Дети войны... Честное слово, я сам не знаю, как это началось. Она была рядом, а через секунду я потерял ее из виду. А потом услышал крики, мольбы о помощи. А ребята смеялись... Когда я добрался до их казармы, я уже на ногах едва держался. Чем бы я ей помог? Разве я мог спасти ее? О боже! – воскликнул он, не в силах сдержать рыдания. – Это был просто кошмар! Они ее насильовали! И все из-за меня! Ее глаза... как она молила о помощи... А я ничего не сделал! Они... они держали меня... Мне...

– Хватит, пожалуйста! – крикнула Элен. – Ты же сам понимаешь, что ничего не мог сделать. Раскаиваешься в грехах, которые не совершал!

– Но я позволил этому случиться!

– Ты был всего лишь ребенком в солдатской форме, мальчишкой, играющим в войну, – перебила его Элен.

Томми посмотрел на нее затравленно и испуганно. Ларк устало опустил в ближайшее кресло.

– Марионетка про это знала... Она заставила меня все пережить заново. Вернула в пустыню, в тот лагерь. И шепотом напомнила, что я ничего, ничегошеньки не сделал, чтобы помочь. Потому что я подлый трус!

Вечная война... она признает только силу, уничтожая все вокруг... Я слышал, как стонали проходящие мимо люди, слышал плач посреди дорог, видел придорожные кладбища Джалалабада...

– Томми, перестань... – взмолилась Элен.

– Марионетки не существует, – сказал Ларк. – Это всего лишь инструмент в руках злобного духа. Когда-то твой прадед работал у него бригадиром. Неужто дед не рассказывал тебе историю Брайдел-Вейла? Наверняка ты про это слышал. Вот она тебя и преследует, Томми. Призрак использует твои страхи, промахи, слабости... Если бы он хотел, чтобы ты умер, тебя бы сейчас тут не было. Он хочет сломить тебя, свести с ума.

Томми вытаращил глаза и приоткрыл рот. Казалось, он сейчас закричит.

– Но ты не один, сынок. Кое-кто сейчас в таком же положении, что и ты. И таких немало...

– Брайдел-Вейл... – прошептал Томми, погружаясь в дремоту. Успокоительные наконец подействовали, и говорить ему было сложнее. – Точно. Там-то все и началось...

Мэри Энн стояла у окна, пока Джим и Алан готовились взяться за сад. По дороге домой с кладбища все соблюдали благоговейную тишину.

Рассказ Дэнни подорвал силы Мэри Энн, хотя в глубине души она чувствовала себя счастливой. Это как еще раз проводить усопшего в последний путь. Ее маленькая дочь, ее великая любовь, ее муж. Ее религиозность, всегда такая крепкая, такая нерушимая, несколько лет назад отошла на второй план. И дело не только в призраке, не в том, что ее покойная дочь явилась к своему лучшему другу, но и во всем происходящем. Кто бы мог вынести такое непосильное бремя? Видимо, она могла.

Да, много дней подряд нестерпимая боль разрывала ей сердце, полностью лишив какого-либо желания жить дальше. Но в этот момент она почувствовала себя сильной. Может быть, именно это ощущение силы помогло ей не пасть духом, услышав слова Алана о Викторе и его родстве с Люсьеном. Было бы ей легче, если бы сам Виктор во всем признался? Она не была в этом уверена, как и в том, что по какой-то причине муж намеренно скрывал от нее эту часть своей жизни. Но правда сама вырвалась наружу. Да, Виктор ее обманывал. Что ж, одним обманом больше, одним меньше, какая разница? Она поделилась этими мыслями с Аланом. Тот посмотрел на нее с сочувствием и любовью, а затем, прикрыв дверь, потихоньку поцеловал. В тот момент Мэри Энн не решилась признаться Алану в том, что ей было известно о развлечениях Виктора во время его отъездов. Но в глубине души ей хотелось сбросить с себя этот груз, к тому же доктор был полной противоположностью Виктора. Это было для нее важно, это помогло бы ей забыть прошлое вместе с бессонными ночами, проведенными в одиночестве.

За размышлениями она не заметила, как дочь вошла в комнату и выглянула в сад с неменьшим любопытством. Мэри Энн уже открыла рот, собираясь что-то сказать, но дрожащий голос Амелии заставил ее вздрогнуть от неожиданности.

– Нам нужно поговорить, Мэри, – она подошла ближе. – Прежде всего хочу обсудить это с тобой.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего особенного, не пугайся. Я лишь хотела помочь Роберту. Через несколько дней его сын переедет к нему, и мне кажется, если бы я с

ними пожила там некоторое время, все было бы проще. Помогала бы с домом, ухаживала бы за Дэнни. У них было бы больше времени на общение, да и вообще всем вместе веселее.

Мэри Энн улыбнулась и посмотрела на Элизабет. С видом заговорщика девочка ушла на кухню, оставив сестер вдвоем.

– Ты в него влюблена, я угадала? Достаточно видеть, как у тебя блестят глаза, когда ты на него смотришь.

Амелия покраснела. Затем вздохнула и опустила глаза.

– Мне жаль его, Мэри. И не только из-за того, что он вынужден был молчать и терпеть год за годом. Я знаю, что эта ситуация очень непроста для него. Ему о многом надо поговорить с мальчиком, но день длинный, и, быть может, я помогу ему пережить трудные моменты.

Мэри Энн взяла ее руки в свои и с нежностью их поцеловала.

– Все будет хорошо, не беспокойся. Поговори с ним как можно скорее. Настало время подумать немного о себе, сестренка. Ты же знаешь, с нами будут Алан и Джим.

Несколько секунд сестры молчали, потом обнялись. Амелия вышла из гостиной, и вскоре Мэри Энн услышала, как она спускается по лестнице и выходит из дома.

Она отправилась на кухню. Элизабет стояла у стола и пила из стакана молоко, наблюдая за мужчинами в саду. Мэри Энн поморщилась, едва сдерживая улыбку: оба гостя были по пояс голые. Похоже, они о чем-то горячо спорили. Судя по тому, как размахивал руками Алан и хмурился Джим, указывая в угол сада ближе к решетке, речь шла о том, где именно копать и сваливать ли землю с одной стороны канавы или с другой.

– Если ты воображаешь, что мама не замечает, как ты смотришь на этого писателя, ты очень ошибаешься, малышка, – неожиданно произнесла Мэри Энн. Элизабет пожала плечами. – Я не собираюсь читать тебе проповедь, радость моя. Я лишь хочу, чтобы ты была осторожна и не забывала, что Джим рано или поздно уедет отсюда. – Девочка нетерпеливо посмотрела на мать и вздохнула. – Главное – будь благоразумна, Эли, – продолжила Мэри Энн. – Я не желаю, чтобы ты поступала опрометчиво или сделала что-то такое, в чем потом пришлось бы раскаиваться.

– Что, например?

– Для начала – смотри не влюбись в него.

Доброжелательность, с которой Мэри Энн всегда разговаривала с дочерью, сделала их отношения предельно доверительными. Любая другая мать принялась бы кричать и топтать ногами, предположив, что дочка-подросток того и гляди закрутит роман с мужчиной старше, голос же Мэри

Энн звучал спокойно и мягко.

– А если это уже случилось – или мне, малолетке, так кажется? – поинтересовалась Элизабет, не сводя глаз с Джима. – Я знаю, что с девочками вроде меня такое иногда бывает. Это вполне нормально и логично.

– Ты никогда не была такой, как другие девочки, радость моя. – Мэри Энн задумчиво смотрела в окно. – Я всегда знала, что тебя притягивают люди постарше, тебе интересны их знания и опыт, тебе нравится разговаривать с ними. Маленькая, ты любила сидеть на коленях у отца, когда он бывал дома и приглашал гостей. Ты слушала, о чем они разговаривают. Тебе не было еще и пяти лет, а ты уже обожала общество взрослых. Могла подолгу сидеть в их компании с какой-нибудь игрушкой в руках, прижавшись к отцу и наблюдая за происходящим. Чуть позже стало ясно, что ты унаследовала от Виктора страсть к чтению. Просила ставить тебе диск со сказками или часы напролет просиживала с какой-нибудь книжкой или комиксом, слушая детскую музыку или историю о Спящей Красавице. Ты была необычным ребенком...

Элизабет выглядела растерянной.

– Мама...

– Через несколько дней тебе исполнится семнадцать, Эли, – продолжала Мэри Энн. – Ты с детства мечтала учиться в университете, получить образование и уехать отсюда. Не отказывайся от своих планов ради мимолетного увлечения, детка. Если ты этого не сделаешь, ты никогда потом себя не простишь.

– Ты так уверена, что он ничего ко мне не чувствует и не почувствует...

– Элизабет, я плохо знаю Джима. Мне кажется, он хороший человек, он нам бескорыстно помогает, и я нисколько не сомневаюсь, что у него достойные жизненные принципы. И все-таки Джим – молодой мужчина со своими потребностями, со своим прошлым, и, главное, его жизнь – не здесь.

– А что, если его жизнь как раз здесь, мама, – возразила Элизабет дрогнувшим голосом.

Мэри Энн посмотрела на дочь, не понимая, куда та клонит. Она неторопливо откинула волосы за спину и машинально посмотрела на блестящую поверхность стола.

– Мама, я тебе соврала, – призналась Элизабет. Щеки ее порозовели. – Когда в тот день на похоронах ты сказала мне, чтобы я держалась подальше от Того, Кто Шепчет, я тебя не сразу поняла. Я не знала, что ты имеешь в

виду. Но на самом деле я его видела. И Пенни тоже. Она все время говорила, что он хороший, что это ангел, которого папа послал, чтобы он за ней присматривал, потому что она больна. Хотя я всегда знала, что это не так. Он был здесь раньше нас. И даже раньше папы.

На лице Мэри Энн отразилось недоверие. Она обернулась к дочери, и обе молча смотрели друг на друга.

– Он вовсе не добрый, Элизабет. Ты не должна...

– Я еще не все сказала, – взмолилась девочка. – Пожалуйста, дослушай меня. Когда Пенни сделалось совсем плохо и у нее выпадали волосы, она не раз говорила, что он ее утешает. Он пел ей песенки и, когда мы все ложились спать, сидел рядом с ней и рассказывал разные истории. Пенни его не боялась. Он ее не пугал, все наоборот.

– Но это существо убивает других людей. Оно сделало много такого, о чем я не могу тебе сейчас рассказать. И все это никак не назовешь добрыми поступками...

– Да, я знаю. И не понимаю, почему так. Но я точно знаю, что он не хочет меня обидеть.

– Что он тебе сказал? – было заметно, что Мэри Энн нервничает. – Прошу тебя, Элизабет, скажи мне правду.

Девушка отошла от окна и уселась к столу. Машинально провела ладонью по матовой поверхности тикового дерева и вздохнула.

– Он сказал, что когда-нибудь Джим обо мне позаботится и что я должна быть сильной, когда наступят перемены. Вчера вечером во сне я слышала скрипку. Не помню толком, что было потом. Иногда в голове вспыхивают какие-то проблески, я вроде бы что-то вспоминаю, но дальше дело не идет. Но я слышала его собственными ушами. Он стоял под окном. Потом все смешалось, и, когда я наконец что-то вспомнила, Люсьен уже был возле моей кровати. Я его не видела, но точно знала, что он рядом. Я его чувствовала.

– Господи помилуй... Этот человек похитил Дэнни, родная. А спасти его помогла твоя сестра!

– Многого я вообще не понимаю, – возбужденно воскликнула Элизабет. – Например, почему он так страдал, когда Пенни умерла, почему переживает из-за меня. А с другой стороны, все эти ужасы с нашими соседями, гибель ребят, госпожа Оуэнс... А еще я не понимаю, почему его так наказали. Они же все отобрали у него, мама!

Элизабет уронила голову. Она что-то вспомнила и покраснела.

– Ох... – пробормотала она.

– Что случилось?

– Ничего... Я просто... кое-что представила.

– Этот человек сказал тебе, что будут перемены?

– Да, что-то типа того, – девочка прикрыла глаза. – Это было вчера, но я почти не помню его слова.

– После того что было, нас уже ничем не удивишь... – Мэри Энн посмотрела на дочь и внезапно улыбнулась. Она знала, что делать. – Пожалуйста, дорогая, не забывай того, о чем мы сейчас говорили. Будь осторожна. А сейчас иди. Вижу, что тебе не терпится выйти в сад.

Мэри Энн покосилась на дочь. На губах у Элизабет играла улыбка, хотя взгляд был печален. Она не находила слов, чтобы выразить все, что испытывала в это мгновение. Она не могла описать переполнявшие ее чувства.

– Ты считаешь, что это плохо?

– Иди к ним, детка. Помоги им, – повторила Мэри Энн. – Смотри, какой чудесный вечер, но до темноты осталось не так много времени.

Элизабет пересекла кухню и вышла через боковую дверь. Когда Мэри Энн убедилась, что дома никого нет, а Карлота в любом случае не вернется в город до позднего вечера, она решительно встала и поднялась на верхний этаж. Вошла в свою комнату, заперла дверь на ключ. Подошла к окну и задернула занавески так, чтобы между ними оставалось небольшое пространство, достаточное, чтобы в комнате было светло. Ей нужен ответ, и она его получит. По крайней мере попытается. Даже если потом за это придется платить.

– Люсьен Мори, – торжественно воскликнула она. – Я знаю, что ты здесь. Ты меня слышишь. Прошу тебя, появись.

Ни звука в ответ. Ей показалось, что она слышит журчание воды, тоненькой струйкой вытекающей из крана. Ей стало не по себе. Она беспокойно переступила с ноги на ногу. Она стояла напротив кровати, в середине комнаты. На мгновение она почувствовала себя очень одинокой и беспомощной. Вытерла вспотевшие ладони о хлопковое платье.

– Люсьен Мори, – повторила она. – Я требую, чтобы ты появился. Услышь мои слова!

Прежде чем она закончила фразу, занавески за спиной шевельнулись, порыв ветра коснулся ее лица. Она закрыла глаза. До нее донесся сладковатый аромат. Воздух дрогнул, словно она стояла в лодке и ее покачивало открытое море. Когда она открыла глаза, человек стоял на расстоянии двух метров от нее, в углу комнаты. Внешне он не слишком отличался от того, как выглядел в последний раз, хотя сейчас он показался ей не таким бледным. Множество мыслей, часть из которых непристойные,

зашевелились у нее в голове при виде этого человека. Они были связаны с тем, что происходило в этой комнате раньше: вкрадчивый шепот на ухо, последующее наслаждение. Она тряхнула головой, словно пытаясь отогнать назойливых птиц, и пристально посмотрела ему в лицо. Люсьен стоял чуть сгорбившись, опершись плечом о стену. Одна вытянутая нога небрежно покоилась на другой, сложенные на груди руки утопают в складках пальто. Он моргнул и посмотрел на нее. По телу Мэри Энн пробежал холод. Наглые темные глаза, безупречная форма носа делали его облик мужественным, но вместе с тем зловещим и хищным. Крупный рот несколько его не портил – наоборот, полные, четко очерченные губы придавали лицу неповторимую чувственность. На долю секунды в этом лице промелькнуло что-то наивное, свойственное нежному юноше; однако дерзкий, пронизывающий взгляд портил это впечатление.

– Мадам, вы прибегаете к довольно примитивному способу, чтобы попросить меня об услуге, – неторопливо прошептал он нежным, обволакивающим голосом.

Сердце Мэри Энн бешено заколотилось, все тело напряглось. Внезапно она поняла, что, если это существо коснется ее хотя бы пальцем, все повторится: она вновь станет жертвой его таинственного обаяния, которое уже столько раз одерживало над ней верх, а затем забудет обо всем, что произойдет дальше.

– Я хотела поговорить с тобой, – сказала она, и голос ее чуть заметно дрогнул.

Люсьен выпрямился, волосы упали ему на лоб. В этот миг Мэри Энн впервые отметила, что волосы у него каштановые, такого же цвета, что и у Элизабет. Призрак сделал несколько шагов, но она умоляюще подняла руку.

– Не подходи, прошу... Нам нужно поговорить. Я устала ненавидеть тебя.

Последняя фраза вызвала у человека странную реакцию. Он широко открыл глаза, на лице у него изобразилось нечто вроде растерянности. Затем он едва заметно усмехнулся, холодно и недобро.

– Вы не можете ненавидеть меня, мадам... как бы вы этого ни хотели. Неужели вы еще ничего не поняли? Но так и быть: постараюсь вас задобрить. Я умею ждать.

– Чего тебе от нас надо?

– Всё.

Мэри Энн затаила дыхание. Ноги дрожали, голова странно отяжелела, в ушах будто бы жужжал рой ос.

– Люсьен, я должна кое-что понять, разобраться в том, почему мои

дочери так тебя любили и почему ты все это делаешь. Скажи, какая у тебя цель?

Человек переменял позу. Теперь она отчетливо видела его одежду, мягкие складки атласа, из которого была сшита рубашка, его пальто, темные брюки, нежную кожу, лишенную волосков. И в то же время во всем его облике присутствовало нечто бесплотное, эфемерное. Руки явно сильные, крепкие, но с длинными хрупкими пальцами. Казалось, его окружало что-то вроде кипящей ауры, которая постепенно растаяла. Его облик стал более плотным, телесным, реальным. Интересно, у него в груди бьется сердце, спрашивала она себя. А строение тела – соответствует ли оно обычному телу человека со всеми его мышцами и органами? Способен ли он любить и страдать?

– Цель... – чуть слышно мягко прошептал Люсьен. – Нет, я не преследую никакой цели. Мне ничего не известно о будущем. По сути, я тот, кем не являюсь. В ваших дочерях течет моя кровь, кровь моих предков. Они принадлежат моему роду. Вы унизили меня, мадам... когда я плакал из-за вашей дочери. Из-за Пенни. Я пытался спасти ее тело, когда вы, мадам, предавались жалости к себе самой. И что же? За годы верности и защиты вы отплатили мне презрением.

– Я думала, ты хочешь отнять у меня моих девочек. Мне казалось, ты их можешь обидеть.

– Вы ошибались.

– Поэтому ты меня наказываешь? Используешь мое тело против моей воли?..

Лицо Люсьена исказила гримаса осуждения и обиды. Мэри Энн умолкла и снова сделала шаг назад.

– Использовать ваше тело против воли... Все это слишком человеческие понятия, не имеющие ничего общего с тем, что я собой представляю. Ваш разум воспринимает мою энергию так, будто я и вправду человеческое существо, Мэри Энн... Он анализирует информацию о том, что вы чувствуете, и истолковывает ее по-своему. Если вы полагаете, что кто-то сейчас увидит за этой дверью двоих любовников, вы ошибаетесь. Я не злоупотребляю вашим гостеприимством, мне достаточно вашей энергии. Вы испытываете удовольствие. Это удовольствие вы называете по имени и вновь ошибаетесь. Ваш разум привязан к видимости, он ограничен. Тело не позволяет вам видеть того, что вижу я, чувствовать то же, что я чувствую. Все, что по эту сторону, контролируется живыми. Я – всего лишь энергия. Я перетасовываю ваши импульсы и самым гуманным образом превращаю их в удовольствие... – Он хитро подмигнул и направился к ней. Половицы

заскрипели под его ногами. – Что вы сейчас видите?..

– Вижу человека из плоти и крови... Эй, не подходи.

– Человека, который может вас коснуться, и вы почувствуете его прикосновение. – Его пальцы скользнули по ее щеке, затем он взял ее руку и прижал к своей груди. – А что слышите?..

– Слышу, как бьется сердце. – У нее кружилась голова. Существо излучало роковой, губительный жар, от которого она слабела и теряла волю.

– Эволюция свойственна не только людям... – сладко шептал он ей в ухо. – Мое нынешнее состояние меня тоже многому учит. Когда я проснулся на этом новом, неведомом мне плане реальности, я был будто ребенок, беззащитный и испуганный. Я ничего не понимал. Но постепенно в памяти оживали воспоминания, и все мои страдания вновь обрушились на меня. Я вспомнил свои несчастья... А теперь... научился соединять разрозненные частицы, атом за атомом, я могу вылепить собственное тело или по крайней мере нечто, похожее на то, чем был прежде. Это фальшивая видимость, как и то, во что превратилась моя жизнь.

После этих слов он коснулся губами ее щеки. Затем отодвинулся и замер. Мэри Энн погрузилась в полудрему. Ее остекленевшие глаза смотрели на него, не мигая.

– Почему ты причиняешь мне такую боль?

Люсьен в отвращении сморщил нос и сжал зубы.

– Разве это боль? Боль – это когда тебя предают те, кого ты вскормил. Боль – потеря всего, что ты любишь. Вот что такое боль, мадам. Не жалейте их. Вы даже вообразить не можете, что копошится в их трусливых душонках.

– Но вы убили подростков. Подростков, совсем еще детей! – воскликнула она, но призрак схватил ее за горло и уставился ей в глаза яростно и возмущенно.

– Нет... – яростно зашептал он. – Вы действительно ничего не понимаете... Они сами виноваты в том, что так вышло, они – и еще невежественная юность, когда ничего не ценишь. Потому что они не любят жизнь и не пользуются ничем из того, что она предлагает. Я им показываю их собственные страхи, только и всего. Я нашептываю им на ухо про их пороки, но шепот проникает так глубоко, что они начинают бояться самих себя. Я исповедую их собственные грехи и позволяю им видеть весь тот ужас, который скрывает их разум... Я всего лишь...

– Ты меня сейчас задушишь, Люсьен. Убери руки...

– Да, я вас задушю, если вы не прекратите говорить глупости. Впрочем,

умереть – лучший способ узнать всю правду.

Люсьен подтолкнул ее к кровати, и Мэри Энн повалилась навзничь. Он подошел к окну, окинул взглядом сад сквозь узенькую щель между штор и вздохнул.

– Будьте благоразумны, мадам. Отныне вы знаете: я не собираюсь обижать вашу дочь. Она – часть меня, как некогда ваш супруг. Все остальное не ваше дело. Когда-нибудь ваши сомнения рассеются. Копите силы на будущее. А вот молиться не стоит, это вам не поможет.

– Что ты имеешь в виду? Что должно произойти?

Люсьен заговорщицки улыбнулся. Приблизился к кровати и навис прямо над ней. Мэри Энн показалось, что она уплывает, что тело ее невесомо, что в мире не осталось ничего, кроме его присутствия и этих глаз, которые внимательно за ней наблюдают. Он склонялся все ниже, его губы коснулись ее уха.

– Я люблю вас, мадам. Люблю по той простой причине, что вы были чревом, которое в течение девяти месяцев вынашивало мое потомство. Нет, не надо мне возражать... У вас есть много причин благодарить меня, я бы даже сказал, слишком много... Не обманывайте мое доверие, иначе мне придется отнять у вас то, что вы больше всего любите, и вы познаете такую безумную и беспощадную боль, что предпочтете быть мертвой, нежели живой. Не стоит мною пренебрегать. Не заставляйте меня сделать это. Ваш доктор, ваши сестры... Вам есть что терять. Со временем вы многое поймете.

– Ты мне угрожаешь? – спросила она с ненавистью.

Он прикрыл глаза и улыбнулся.

– Ну что вы. Всего лишь предупреждаю.

Прошло три дня и три ночи, пока в толщах земли, которой будто бы ни разу не касалась ничья рука, лопата Алана не наткнулась на что-то твердое. Три дня кряду Алан и Джим, сменяя друг друга, работали без перерыва до полного изнурения. Сначала образовалась канава, достаточно глубокая, чтобы спрятать труп – а может, и два трупа. Затем канава превратилась в полноценную траншею. Они копали так глубоко, что в конце концов понадобилась железная лестница, чтобы спускаться и подниматься. Иногда они теряли надежду, потому что им ничего не попадалось, хотя в глубине души оба понимали, что следует продолжать начатое.

В продолжение этих трех дней ничего особенного не случилось. По крайней мере в доме сестер Морелли. А вот в городе все было наоборот. Амелия отправилась к Роберту, чтобы пожить у него, и в итоге выяснилось, что новый виток отношений пастора с Дэнни вовсе не главный источник проблем. Каждый день, когда пастор входил в церковь, там уже поджидали шестеро или семеро, а то и больше, прихожан, которым не терпелось немедленно рассказать ему о своих странных снах, ночных кошмарах и видениях, которые их преследовали. Пойнт-Спирит охватила эпидемия ночного безумия. Многие сказывались больными или просто-напросто запирались в домах, отказываясь принимать пищу и выходить наружу, чтобы ехать на работу. Тем же, кого не коснулись странные происшествия, выпало на долю выслушивать жалобы и бредовые идеи членов семьи. На церковных собраниях прихожане утверждали, что кое-кто из соседей блуждает по городу подобно лунатикам. Другие выскакивали с дикими воплями из дома, будто сам дьявол гонится за ними по пятам, а спустя несколько часов их обнаруживали в каком-нибудь удаленном уголке города, причем большинство утверждало, что их преследуют. Клиника доктора Фостера была до отказа набита людьми с нарушениями психики, потерявшими сон от мании преследования или жутких видений. Палаты небольшого больничного корпуса превратились в укрытие для больных и членов их семей. Пришлось закупать кровати, нанимать новый персонал, проводить реорганизацию, чтобы дать прибежище неожиданно большому наплыву страждущих. Как-то раз, выйдя с работы, Алан заметил посреди дороги костлявую и сгорбленную фигуру Тома Колера, плотника. На нем были только трусы-боксеры и халат. Увидев Алана, Том рысью преодолел разделявшее их расстояние и заключил его в объятия.

– Я умею летать, – сообщил он, поднял руки и помахал им в воздухе. – Я улечу от этой зубастой фиговины. Представляете: с зубами, но без крыльев. Крыльев-то у нее нету, ха-ха!

В первый миг Алан подумал, что малый напился в стельку. Однако перед ним был еще один случай лунатизма. Алан проводил Тома Колера до дома, но и по дороге тот пару раз пытался взлететь. Было очевидно, что бедняга спит.

А взять двадцатилетнюю Табби Лу, про которую судачил весь город. Заветным желанием этой девушки было стать моделью и уехать в Нью-Йорк. И вдруг за неделю Табби поправилась ни много ни мало на шесть кило и чуть не рехнулась. Никто толком не знал, в чем причина столь стремительного набора веса у будущей модели, следившей за собой с величайшей тщательностью. И вот как-то ночью мать застучала красотку перед холодильником. Та спала, как сурок, но при этом сметала с полок все, до чего дотягивались руки.

Мэр города Джулиус Моррисон не находил себе места. Как, черт возьми, объяснить эпидемию, которая обрушилась на жителей города? Даже шерифу Ларку не удавалось утихомирить старого дурня, утратившего какие-либо признаки здравого смысла, и оградить его от обуревавших весь город слухов. Через неделю предстоял традиционный праздник начала года, а этого типа куда больше беспокоила прибыль от мероприятия, нежели пара десятков полубезумных горожан, блуждавших ночами по коридорам клиники, вздрагивая от малейшего шороха.

Впрочем, речь шла не о паре десятков жителей. Пострадавших было куда больше. Они-то и беспокоили Алана, потому что отказывались лечиться или хотя бы признать, что с ними что-то происходит. Иной раз, проходя по улицам, чтобы забрать машину и вернуться к Мэри Энн, или заходя в магазин купить что-то из еды, он замечал эти мелкие признаки психического нездоровья: нервный тик, вызванный недостатком сна, темные круги вокруг глаз, тревожность, агорафибию или повышенную раздражительность.

И наконец, Джим. Его лунатизм продолжался. Как-то посреди ночи он проснулся в ванной. Но это еще полбеды. В следующий раз Алан обнаружил его на качелях Пенни: тот как ни в чем не бывало раскачивался прямоком над пропастью, которую они собственными руками вырыли в саду. Доктор чуть со ступеней не скатился, устремившись ему на помощь: Джим запросто мог загреметь на дно ямы, свалившись с узкой деревянной дощечки, и переломать себе ноги, а то и голову разбить.

Алан подозревал, что во всем виноват стресс: происходящее

непосильно для психики человека, не имеющего непосредственного отношения к событиям. Тем не менее эти события полностью захватили Джима, потому что так или иначе касались Элизабет, которая тонко и умело прибирала его к рукам, что не укрылось от глаз Алана. Эта девочка – а на самом деле вовсе не такая девочка, как могла показаться на первый взгляд, – с каждым днем становилась все более зрелой и женственной, хотя через несколько дней ей исполнялось всего семнадцать. Застенчивость подростка уступала место острой женской смекалке. Алан украдкой за ней наблюдал, когда все собирались в гостиной или садились за ужин или обед. Эти посиделки очень любила Карлота: сковородки и кастрюльки успокаивали постоянно одолевавшую ее тревогу. Под руками Карлоты рождались изысканнейшие блюда. Она с удовольствием готовила для всей компании, а затем принимала комплименты. В остальном же она не менялась. Обычная холодная полуулыбка. Преисполненный достоинства и гордости кивок. Карлота оставалась верна себе и, несомненно, останется такой до конца жизни.

Так или иначе, с каждым днем Мэри Энн становилась все сильнее и крепче. Она ежедневно навещала могилу дочери и мужа, где проводила время до полудня. Ночью засыпала мгновенно без всяких таблеток. Алан был чрезвычайно доволен ее состоянием. Мэри Энн преобразилась, в ней проснулось нечто чувственное, сладострастное. Год за годом, живя как во сне, она оставалась неприкаянной тенью, однако настало время уступить место другой женщине, уверенной в себе и эмоциональной. Каждую ночь она отдавалась ему со страстью, которую невозможно было описать.

Томми Нортон и Дэнни Колеман были единственными счастливицами, которые отделались легко. Томми через несколько дней переехал к своей коллеге Элен – сам Ларк сообщил как-то вечером, попивая с Карлотой кофе, что у парня вроде бы все позади. Дэнни больше не боялся, когда наступала ночь, и он отправлялся спать. Амелия читала вслух какую-нибудь книжку, пока мальчик засыпал, а днем Дэнни всюду сопровождал Роберта, куда бы тот ни направлялся. Он любил бывать в церкви, ему нравилось листать книги по психологии и религии, которые хранились у Роберта дома. За ужином он то и дело приставал к пастору с вопросами про Бога и Библию. В эти мгновения Амелия понимала, почему Дэнни отлучался из дома повидаться с отцом. Его влекли тайны, о которых Роберт рассказывал со своей кафедры. Все, чего мальчик не понимал, в чем сомневался, обрушивалось на пастора в виде шквала вопросов. Роберт посмеивался, когда Дэнни смотрел на него, ожидая однозначного и быстрого ответа, а затем принимался отвечать, и зачарованный мальчик не

сводил с него глаз. Амелия замечала особый огонек в глазах этого ребенка, чей интеллект значительно превосходил средний уровень, не говоря уже о восприятии жизни и способности любить. Она не знала, что это – гены или просто каприз судьбы, но так или иначе Дэнни всегда можно было обнаружить на последнем ряду скамеек, и началось это задолго до того, как он узнал, что тот, кем он так безмерно восхищается, на самом деле – его родной отец.

– Итак, откроем шкатулку, – объявил Алан, усаживаясь за стол в гостиной.

Все были в сборе, кроме Дэнни и Элизабет. Мэри Энн со свойственным ей тактом попросила девушку подняться наверх вместе с мальчиком и что-нибудь почитать. В первое мгновение Элизабет возмутило то, что ее просят удалиться. Ей тоже не терпелось узнать, что лежит внутри изъеденного временем ящика, и хотелось остаться, но вмешался Джим:

– Элизабет, прошу тебя... – обратился он к девушке. – Побудь наверху с Дэнни.

Она уставилась на него не мигая, затем опустила взгляд и смиренно удалилась, что обескуражило Алана и потрясло Амелию. Роберт удивился не меньше остальных. Госпожа Вудс, ясновидящая, которая пришла несколькими минутами раньше, нахмурилась, провожая взглядом поднимавшихся по лестнице Элизабет и Дэнни. Карлота с отсутствующим видом барабанила по столу пальцами.

– Давай, Алан. Открывай уже наконец этот проклятый ящик, – пробормотала Мэри Энн. – И будь что будет.

– Эх, была не была, – отозвался тот и поддел ржавую петлю.

Он потянул железную защелку, и та с легкостью отскочила. Петли пронзительно скрипнули. Крышка приоткрылась. Запах влажной земли и тлена потянулся по гостиной, словно в воздухе развеяли невидимую пыль. На миг всем собравшимся послышалось внутри сундука что-то вроде едва заметного шепота.

– Итак, ящик мы открыли, – торжественно провозгласила Кэтрин Вудс, тяжело поднимаясь с кресла. – Сейчас я начну доставать предмет за предметом. Я буду прикасаться к каждому из них и попробую определить, что это может быть. Если сама догадаюсь, разумеется.

– А что означают все эти надписи и рисунки? – спросил Алан, проведя пальцами по шершавой поверхности.

На внутренней стороне крышки были изображены непонятные символы и слова, виднелся аккуратно вырезанный крест, на котором висели

цепочки и какие-то бутылки, а также диковинные буквы неизвестного языка.

– Это крест вуду, доктор Фостер, – сказала старуха. – И означает он совсем не то, что у католиков. Это перекресток дорог. Для религии вуду – воплощение священного места, где пересекаются пути мертвых и живых. Остальные символы, скорее всего, означают loa – духов-охранителей; их сотни, и каждый выполняет свою функцию. Как правило, культовые предметы защищают человека от имени своих loa. В учении вуду человеческой судьбой управляют божества.

– То есть что-то вроде ангелов? – спросил Роберт.

– Именно так, ваше преподобие.

Кэтрин склонилась над ящиком, достала несколько предметов и разложила их на столе.

– Думаю, наша первая знакомая не нуждается в представлении, – заявила она, показывая собравшимся куколку, одетую в истлевшие красные тряпки. – Этот предмет никого не должен пугать. Чего только не ввали про кукол вуду в страшилках и ужастиках. Но религия вуду – вовсе не только черная магия. Это языческий культ гармонии и терпимости, основанный на связях мира живых с миром мертвых, как и многие другие верования от начала времен... – она провела пальцами по гладкой поверхности воска.

– На связях? – усмехнулась Карлота. – Какие связи могут соединять мир живых с миром мертвых?

– Мисс Морелли, – начала старуха, – религия вуду зародилась в разгар работорговли. Это было единственное убежище для черных рабов, но практики ее существовали еще в древности, в племенах Западной Африки. Вместе с рабами эти верования пересекли Атлантику, смешались с христианской религией, заимствовали ее символы (главным образом потому, что адепты боялись разоблачения из-за ненависти, которую испытывал белый человек к подобным вещам), и религия вуду изменилась. Однако изначально все держится на этой связи, как и во множестве других древних учениях: живые обращаются к мертвым, а заодно и к духам за советом, помощью, защитой, мстью...

Джим окинул взглядом предметы, разложенные на столе. Отталкивающего вида куклу Кэтрин придерживала дрожащими пальцами. Рядом лежала глиняная пустышка, или диковинный маракас, сделанный из тыквы, и коробочка из какого-то материала вроде обожженной глины. Он взял ее в руки и открыл. Внутри оказался вонючий желтоватый порошок.

– Позвольте-ка мне взглянуть, мистер Аллен, – попросила женщина. Обмакнула палец в содержимое и понюхала, затем вытерла руку об юбку. –

Похоже на кукурузную муку. Ею наносили священные символы, которыми покрывали пол и стены. В ритуалах вуду не используют чернила или какую-либо иную краску. Химические вещества по своему составу не подходят для заклинаний.

Амелия рассмотрела маракас. Затем осторожно взяла его в руки. В ответ на ее прикосновение внутри маракаса звякнул бубенчик.

– Не делайте этого, пожалуйста. Это священный маракас, внутри него семена и змеиные гремучки.

После этих слов Амелии показалось, что маракас жжет ей руку, и она поспешно положила его на место.

– С помощью этого предмета служители вуду вызывают лоя – или духов. Его вибрации их притягивают. Несколько месяцев назад я бы лишь посмеялась над этими суевериями, но, учитывая обстоятельства, лучше его не трогать. Лоя в самом деле напоминают ангелов, как удачно выразился пастор, однако есть среди них и демоны, и неупокоенные души.

– Звучит не просто дико: это напоминает самое настоящее безумие, – взмолился Роберт.

Мэри Энн печально улыбнулась и положила руку ему на плечо.

– Это не безумие, дорогой пастор. Во всем есть иерархия, – уверенно возразила ясновидящая. – Вы – пастор своей церкви. У служителей вуду тоже есть свой пастор: оунган. Им может быть даже женщина. К сожалению, сейчас уже не вспомню, как их называют. По-моему, мамбо, но я не уверена. У каждого оунгана есть свой священный маракас. А значит, владелец этого ящика занимался отправлением ритуалов.

Алан сунул в ящик руку и вытащил стеклянную баночку с загустевшей красной жидкостью.

– Не трогайте, доктор. Это заговоренная свиная кровь.

– Какой ужас! – воскликнула Амелия.

Кэтрин отложила баночку в сторону и достала нечто вроде курильницы, несколько разноцветных свечей, кусочки ткани, еще одну восковую куклу, флакончики с маслами и несколько мешочков, в которых, судя по виду, хранилась сушеная трава. Далее на столе появились ножницы, барабан со свисающими по краям красными лентами, еще несколько коробочек с травами и пеплом. Наконец старуха торжественно положила на стол человеческий череп, ножи и железный крест. Затем наклонилась над ящиком и издала удивленный возглас.

– Господи, – произнесла она, поднося руку ко рту. – Вы видите этот рисунок на дне?

Остальные тоже заглянули в ящик. На дне красовалась сине-красная

змея. Ни время, ни земляная сырость не приглушили яркую расцветку этого пресмыкающегося.

– Змея, – отозвалась Мэри Энн упавшим голосом.

– Это не похоже на ящик обычного оунгана. Насколько мне известно, такими предметами не пользуется священник вуду в обычном понимании этого слова. Все это когда-то принадлежало бокору.

– Что еще за бокор? – раздраженно спросил Алан.

– Бокор – это дьявол религии вуду, – ответила Кэтрин дрожащими губами. – Черный маг, колдун, который использует свои знания в самых ужасных целях, доктор Фостер. Черная магия в соединении с некромантией служат в его руках для заклинания темных сил.

Джим с трудом сохранял спокойствие. Он бегло осмотрел предметы, разложенные на столе, вспоминая Магали и все их запутанное дело. Пока Кэтрин Вудс перебирала магические предметы, остальные сначала в недоумении переглядывались, а затем в ужасе уставились на эту прямую, как свеча, неустрашимую старуху, пристально глядящую внутрь сундука.

– Так значит, та женщина, няня Люсьена, была бокор? – спросила Мэри Энн, глядя на Джима, который держал в руке маракас и тихонько им потряхивал.

– Не знаю, миссис Морелли. – Старуха с тревогой посмотрела на Джима. – Прошу вас, положите его на место. Мы не знаем, что...

– А по-моему, я все правильно делаю, – перебил ее Джим, вновь тряхнув маракасом. – Пусть кто-нибудь из них появится и объяснит нам, что значит вся эта чертовщина, почему полгорода впало в коллективную паранойю и с какой стати я просыпаюсь в самых неожиданных местах...

Внезапно он умолк, ощутив у себя на лице жар. Ему показалось, что где-то вдали маракасу вторят удары в барабан. Что-то мелькнуло и исчезло в коридоре. Какая-то тень. Джим прислушался и направился к двери. Высунул голову в коридор и посмотрел по сторонам, но ничего не увидел. Он вернулся в гостиную. Все смотрели на него так, словно перед ними сумасшедший.

– Джим, какого черта ты мечешься? – спросил Алан.

– Да так. Показалось.

– Не вижу ничего забавного, – пробормотала Карлота.

– Я и не собирался шутить. Мне что-то почудилось, вот я и решил проверить: может, это Дэнни или Элизабет за нами подсматривают.

Внезапно до него донесся запах костра, словно кто-то растопил камин. Невидимое пламя яростно трещало, пожирая дрова и ветки. Он растерянно уселся в кресло и прислушался. Где-то далеко знакомые голоса обсуждали,

что хорошо бы сжечь все эти предметы. Забавно, усмехнулся Джим и закрыл глаза. Ему пришлось сделать усилие, чтобы сосредоточиться на звучании голосов и извлечь из путаных слов какие-то логические выводы, но вместо этого он задремал.

Чей-то смутный образ настойчиво и бесцеремонно лез ему в голову. Элизабет на кровати рядом с ним, нежное пение скрипки, юное обнаженное тело свернулось возле его ног, словно чудесная змея. «Устраивайся поудобнее, Катрина, – шептал он. – Остайся со мной. Дай-ка я тебя поцелую». – «Конечно, Джим», – повторяла она. Но затем судорога пробежала по его телу. Разум утратил способность мыслить логически, руки как зачарованные скользили по небольшому худенькому телу. «Извращенец, извращенец!» – вопил ему на ухо Ларри.

А вот и другой образ. Другая ночь. Его постель. В гробовой тишине Элизабет проворно забирается под простыни. Лунный свет просачивается сквозь щели в запертых ставнях, ее нежный маленький рот скользит по его телу.

– Что ты делаешь, бесстыдница...

– Что ты сказал?

Он вернулся в комнату и вновь увидел стол и Алана, склонившегося над спинкой стула.

– Мне нужно на минутку выйти, – через силу пробормотал он.

– Ну так что, как тебе наша идея сжечь все это барахло? Если не хочешь в этом участвовать, мы все сделаем сами. Пепел можно зарыть в той же яме.

– Отличная идея, Алан. Я пойду домой. Мне на телефон пришло письмо от детектива, а я не могу сосредоточиться. Прочитаю на ноутбуке. Так по крайней мере лучше для глаз.

Голова раскалывалась от боли. Нет, он все-таки убьет эту чертову «Катрину». «Катрина и извращенец». «Растление Катрины».

Пока он собирался, в голову пришла еще одна мысль, еще более жуткая. Он не должен присутствовать в этом доме, он просто-напросто не имеет на это право. Он должен был встретиться с этой девушкой как-то иначе. Например, в одной из модных кофешек Сан-Франциско, в обычном месте, где собираются обычные люди. Он что, переспал с ней? Разум в ужасе заметался. Он чувствовал во всем теле озноб, и огромное, безбрежное желание внезапно завладело всем его существом. Желание сладостное, почти болезненное. Он представил себе, как обнаженная Элизабет, лежа на полу, извивается, как взрослая опытная женщина, приглашая его овладеть ею, поиграть с ней. У него закружилась голова.

Ему пришлось ухватиться за дверной косяк, чтобы не упасть. Он почувствовал руку Мэри Энн.

– Джим... не позволяй ей играть с тобой, не давай ей делать это, – зашептал прямо ему в ухо нежный, но настойчивый голос.

– Что?

Мэри Энн смотрела на него. Все наблюдали за ним с удивлением.

– Ты в порядке, Джим? – услышал он голос Роберта, готового поспешить ему на помощь.

– Да... Должно быть, давление упало.

Джим неподвижно смотрел в глаза Мэри Энн. Он любовался ее красотой, ее спокойными чертами, нежностью ее лица, их взаимопониманием...

– Мэри... я никогда... никогда не думал...

Она коротко моргнула, и на губах у нее промелькнула мягкая, едва заметная улыбка.

– Я знаю, – ласково ответила она. – Не позволяй ей с тобой играть. Я знаю, о чем говорю. Не давай ей вертеть тобой, а не то она с ума тебя сведет, Джим.

В голове Джима толпились беспорядочные образы, странные представления набегали и исчезали, будто бы кто-то их властно ему внушал. Мэри Энн взяла его за руку и потихоньку вышла вслед за ним. Поняла ли она, кого он имеет в виду? Он не был уверен.

– Джим, я знаю, что это существо просило тебя позаботиться о ней. Элизабет во всем мне призналась. А что, если его цель – покончить со всеми нами? Так или иначе, умоляю: когда придет время, не оставляй ее одну.

– Не говори глупости, этого не произойдет.

– Джим, дай мне слово.

– Мэри, с вами ничего не случится. Успокойся, прошу тебя.

В ее глазах мелькнуло отчаяние.

– Хорошо. Если тебе от этого спокойнее, даю слово. Но прошу тебя, забудь про эти глупости, ничего плохого не случится.

Лицо Мэри Энн на мгновение расслабилось, и Джим зашагал вниз по ступеням. Он хотел покинуть это место, оказаться как можно дальше от ауры этого дома и от болезненного воздействия, которое на него оказывала его атмосфера.

– Я скоро вернусь. – Он обернулся к Мэри Энн. – Мэри, я не злой человек. Ты должна все время помнить об этом.

– Я знаю, Джим.

Новый Орлеан,
24 сентября 2016 года

Дорогой господин Аллен!

Я в этом городе уже третий день, и у меня появилась информация, которая, как мне кажется, могла бы вас заинтересовать. Не далее как вчера я обследовал улицу Саут Рампарт. Вы не можете себе представить, сколько здесь самых невероятных заведений! Они ютятся буквально в каждом углу и кормятся за счет людских суеверий. Деньги творят чудеса, а старые мошенники обожают доллары. Разузнал я и кое-что насчет Магали Моржетто – именно так звучит ее полное имя. Здесь это имя помнят все адепты вуду.

Как вам правильно сообщили, она родилась во французском квартале и была дочерью Джонаса Моржетто, великого знатока этого дела, который оставил после себя в Новом Орлеане большое число последователей, основав целую школу, как называют ее в здешних местах. Семья Моржетто была уважаемой и богатой. Но когда я спросил этих людей о причинах, по которым его дочь устроилась в семью из Батон-Руж, чтобы работать простой няней, они в ответ захохотали. Я выглядел в их глазах полным идиотом. Безусловно, у этих людей есть свой здравый смысл, но присуща им также и природная тупость. Не хочу углубляться в подробности, но говорят, в то время среди поклонников запретного культа ходили слухи – что-то вроде гаитянского предания, популярного среди чернокнижников, – что однажды родится белый ребенок, сын богатого плантатора и светлокосей мулатки. Мальчик, наделенный особым даром. Фанатичка Магали вбила себе в голову, что Люсьен и есть тот самый ребенок – какие-то знаки ей на это указывали. Больше они ничего не сказали, хоть я им и

пообещал по сто долларов каждому. Думаю, они предпочитают не обсуждать такие вещи, тем более с чужаками. В общем, Магали решила быть к ребенку как можно ближе. Надеюсь, что это будущий мессия или что-то в этом роде. Слепо доверять этой информации не стоит. Возможно, все это лишь плод чьей-то разыгравшейся фантазии. Зато теперь мы по крайней мере знаем фамилию женщины. Кроме того, можем предположить, что их могилы именно там. А дальше следует самое интересное. Магали Моржетто вернулась в Новый Орлеан в конце 1924 года. И не одна, а в сопровождении своего мессии. К сожалению, нам не удалось обнаружить могилу Люсьена Мори. Мы знаем, что его семья похоронена на кладбище Сент-Луис-1 на Бейсин-стрит, останки покоятся в мавзолее, увенчанном куполом и обнесенном изгородью из кованого железа. Нам даже позволили войти туда, однако мы не обнаружили плиты ни с именем Люсьена Мори, но с именем Магали. Сейчас мы уверены, что она покоится на кладбище Сент-Луис-2. Там есть несколько могил с фамилией Моржетто, а также и безымянные могилы с криптами и красными крестами, воткнутыми в бетон. Скорее всего, Магали похоронена в одной из этих могил, принадлежавших членам ее семейства. Нет сомнений, что для общины вуду это были громкие похороны, и все-таки нам не удалось установить с точностью, где именно она погребена.

Важный момент во всем этом деле – возвращение Люсьена Мори в Новый Орлеан, и это будет вторым пунктом нашего расследования. Он потерял супругу в 1923-м, но после продажи крупного деревообрабатывающего предприятия, которым владел на правах собственника, прожил в Орегоне еще год. Поработав в архиве загса, напали мы и на след его брата Жан-Клода. Он был отцом семерых детей, их имена также нам известны: все дети от разных матерей. Нашли мы и свидетельство о смерти Жан-Клода, датированное 14 марта 1927 года. Я вам пришлю его в свое время вместе с прочей

документацией.

А теперь вернемся к основной теме. Вначале мы думали, что Люсьен Мори вернулся в Париж: на эту мысль нас навели слова нынешнего владельца одного из особняков, старинной плантации в Батон-Руж, превращенной чуть ли не в музей, о профессиональной карьере Люсьена в этом городе и пребывании там чуть ли не с рождения. Но это не совсем верно. Есть документы, подтверждающие, что семья Тобиаса Мори жила в Новом Орлеане, пока детям не исполнилось пятнадцать и семнадцать лет, и только после этого перебралась в Париж. Это доказывает школьный аттестат Люсьена Мори.

Высылаю вам смету моего помощника. Мне пришлось нанять его для работы в архиве и с документами, которые мы раздобыли. Это настоящий профессионал. Отлично знает город и имеет полезные связи. Он проживает здесь и, уверяю вас, сделает все возможное, если вам понадобятся его услуги. Я помню, что вы просили меня не стесняться в расходах, но все же считаю необходимым ставить вас в известность о том, что касается подобных вопросов.

Надеюсь, наши расследования увенчаются успехом. Как только появятся новые данные, я вышлю их вам по электронной почте. Кроме того, по мере возможности отсканирую все документы, то есть свидетельства о рождении и смерти. Все это также вышлю вам в виде ксерокопии по обычной почте.

С уважением,

Артур Вердиско

(Конфиденциальность сначала и навсегда.)

Джим закрыл ноутбук и принялся рассматривать потолочные балки. Не было еще и семи вечера, но небо хмурилось и ему пришлось зажечь на письменном столе лампу, чтобы не сидеть в кромешной тьме. Некоторое время он не двигался. Он уже не думал ни об электронной почте, ни об Элизабет и абсурдных помыслах, наводнявших его разум, пока он не вернулся домой. У него по-прежнему кружилась голова. Он поднес руку к груди, нагнулся – ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание, – и глубоко, размеренно подышал, чтобы хоть как-то прийти в чувства. Им овладел приступ необъяснимой тревоги – подобное случалось и раньше из-за работы, дедлайнов и глупых обязательств, которые он не считал важными и все же обязан был выполнять.

Где-то за пределами его маленькой гостиной, в коридоре, устланном ковром, он услышал скрип половиц и посмотрел в направлении звука. Тысячи крошечных точек, напоминающих пылинки, плясали в воздухе перед его глазами. Биение сердца успокоилось. Он снял очки, потер пальцами переносицу и прикрыл глаза. Теперь он видел ясно. Вытянутый, неподвижный силуэт стоял напротив двери, украдкой рассматривая Джима. Он напряг взгляд и на мгновение потерял его из виду. Когда же вновь обнаружил, незнакомец уже переместился в глубь гостиной. Джим сделал попытку подняться, но колесики кресла отъехали слишком далеко от стола, так что руке не на что было опереться.

– Не думал, что произведу на тебя такое скверное впечатление, *chéri*.

Он хотел что-то ответить, но понимал, что всего лишь открывает рот, а из горла не доносится ни звука. Он неподвижно сидел в кресле, отъехавшем на метр от письменного стола, уцепившись руками в подлокотники, и широко открытыми глазами рассматривал человека, который пристально уставился на него, чуть склонив голову. На его губах играла недобрая улыбка. Он медленно прошел к противоположной стене комнаты и встал возле окна. Затем изящным, почти манерным движением откинул со лба волосы. Джим рассматривал его брюки, костюм-тройку, тонкую рубашку с закатанными по локоть рукавами, неторопливое, тщательно выверенное движение, с которым он засовывал руки в карманы брюк. Он снова поднял взгляд на лицо человека: тот рассматривал его с любопытством и иронией.

– А ведь я чуть было не вошел в гостиную и не вырвал у тебя из рук

эту нелепую штукювину, – произнес он с лукавой усмешкой. – Если ты собиpался бросить мне вызов, то почти добился своего. Но я и не подозревал, что вы, современные люди, настолько невежественны. Даже эта ясновидящая... *mon Dieu*...

– Кстати, спасибо за видения, – не дрогнув, ответил Джим. Он был собран и готов ко всему. – Очень любезно с твоей стороны сделать меня наконец участником собственной жизни. Благодарю, Люсьен.

Призрак повернулся, оперся плечом о стену и поклонился.

– О, не стоит благодарности! Временами я бываю щедр, – пошутил он, поднял брови и улыбнулся.

– А твоя марионетка не с тобой? – Джим притворно улыбнулся. Несмотря на парализовавший его страх, он сохранял присущую ему ироничность, которая не покидала его даже в минуты крайнего напряжения.

Люсьен сжал губы, отошел от стены и приблизился к столу. Вынул правую руку из кармана и провел пальцами по столешнице с разложенными на ней бумагам и блокнотами. Его действия сбивали с толку и одновременно гипнотизировали Джима. Наконец он оперся о стол и замер, сложив на груди руки.

– Эти игрушки безобидны, если у тебя чистое сердце, Джим. Как вы все не можете этого понять. Большинство людей живут суевериями, страхами, пустыми религиозными предрассудками, собственными страстишками... Я – не более чем зеркало, в котором отражаются их собственные пороки. Не имеет смысла меня ненавидеть...

– Я тебя не ненавижу, а просто не понимаю.

– Ты веришь в Бога, Джим?

Тот отрицательно помотал головой. Люсьен в ответ мягко улыбнулся. Все его движения были деликатными, осторожными, на удивление изысканными. На миг Джим почувствовал облегчение, но призрак вновь посмотрел ему в глаза, и ощущение легкости улетучилось.

– Я тоже в него не верил, и, когда все пошло прахом, не стал ни в чем упрекать. Хотя, уверяю тебя, всей душой хотел бы во что-то верить, чтобы обвинить это что-то в своих бедах, утратах и невезении.

– У меня слишком много вопросов и мало ответов.

– Ничего удивительного.

– Понятия не имею, какая чертова роль отведена мне во всем этом деле, в которое я втянулся по собственной инициативе. И все-таки мне непонятно...

Люсьен поднял руку, призывая Джима быть терпеливым.

– Всеу свое время. Я знаю, у тебя много вопросов. Но больше всего тебя интересует, с какой стати я готов ответить тебе на каждый из них. Итак, по порядку. Твое участие в этом деле не случайно, Джим. Я выбрал тебя в тот вечер в Сан-Франциско, когда ты чуть не угодил под такси... Я знаю, ты часто вспоминал тот вечер. Мой ответ – да, это был я. Присутствовал я и во многих других эпизодах твоей жизни, которые ты даже не можешь вспомнить. Именно я заставил Виктора влюбиться в твои книги, а заодно и в образ Катрины, такой совершенный, так похожий на крошку Элизабет...

– Ты? Но зачем?!

– Ты ей подходишь.

– Что значит – подхожу? И к чему все эти смерти вокруг?

– Слишком много вопросов. Возьми себя в руки, Джим.

– Нет, это безумие какое-то... Я ничего не понимаю!

Люсьен выпрямился. В неживом свете настольной лампы лицо его казалось холодным, лишенным чего-либо человеческого.

– За всю свою жизнь и всю свою смерть я убивал очень редко, Джим. Я знаю, что тебе известна та давняя история. Не заставляй меня пересказывать ее еще раз. Вот и Мэри Энн тоже взвинчена... А у меня не так много терпения, поверь.

Джим вздрогнул. В голове у него все смешалось.

– Пытаюсь понять, кто ты и почему так поступаешь. Но, если ты мне не поможешь, вряд ли я сумею разобраться. Скажи, почему ты здесь?

– Я ничто, Джим. Туман, пар, чистый разум, лишенный оболочки. Призрак, привидение, называй как хочешь. Я – все это одновременно... От земной жизни я унаследовал все свои несовершенства, страхи, ярость и страдание, которые привели меня в бездонный и непроницаемый мрак. Я жертва, Джим. Жертва этого мира. Хочешь в этом убедиться? Сейчас я тебе покажу.

Человек положил руку ему на плечо. Джим почувствовал, как по всему его телу будто бы прошел разряд тока. Пол задрожал, воздух сделался густым и плотным. Джима подбросило, затем он качнулся из стороны в сторону и упал ничком на пол. Стены сделались прозрачными, комната завертелась вокруг него. Только Люсьен остался там, где стоял. Его лицо было обращено к небу, которое открылось над их головами. Затем настала тишина, нарушаемая лишь тихим журчанием воды и звуками ночи. Джим открыл глаза. Он был в густом непроглядном лесу. Вдали слышались чьи-то крики. Мимо прошла женщина в рваном платье. Она протягивала руки вперед, в глазах у нее застыли гнев и отчаяние. Внезапно женщину кто-то

схватил. Она упала на ветки, ударилась животом о корягу, затем ее куда-то потащили. Вокруг слышался смех – все более громкий, хамский, отвратительный. Джим с трудом поднялся и посмотрел на Люсьена, который почти не двигался. Лицо его выражало отчаяние.

– Я научил их всему, что они умели. Я дал им стол и кров. Они обязаны мне жизнью. И вот как они отплатили...

Один из мужчин набросился на женщину, повалил, начал насиловать. Женщина закричала. В этот миг Джим чуть не бросился ей на помощь, но Люсьен силой удержал его. Затем картина покачнулась, Джим отключился, а очнулся уже посреди темной пустой комнаты. Женщина, которую он видел в лесу, висела на потолочной балке. Ее шея была неестественно вывернута, кожа была багровой. Джим отвернулся, не в силах смотреть на обезображенное тело. В этот миг он увидел высокую худую старуху: она вошла в комнату и закричала. Это была Магали.

– У меня отобрали все, что я любил. Все, что для меня что-то значило. Мою жену, маленькую жизнь, которую она вынашивала внутри себя... Вот почему я сочувствовал Мэри Энн. Я лучше других понимал, какие муки она терпела.

Люсьен повернулся и посмотрел в противоположную сторону. Джим повторил его движение. Комната исчезла. По мощеной мостовой во весь опор мчалась лошадь. Джим чувствовал бурление крови в горле, услышал вопли людей, молящих о пощаде, а затем боль... Страшную боль.

– Да, я убил. И убил бы еще и еще раз. Но ты сделал бы то же самое, как и любое человеческое существо на моем месте. Это был мой долг. Мой единственный долг, – прошептал Люсьен, кивнув на собственный силуэт, застывший перед огромным столбом пламени, охватившим лесопилку и пожирившим десятки домов. Из глубин пламени в темноту ночи доносились отчаянные крики. – Я бы их всех убил. Мне было на них плевать. У меня ничего не оставалось. Я схоронил мою бедную жену и жизнь, которую она носила внутри себя, в глухой чаще леса, где никто бы не нарушил их покой. А затем заперся в доме. Днями напролет я жалел самого себя, сходя с ума от каждого воспоминания. Горечь предательства обжигала мне рот, глаза, самые сокровенные глубины души.

Перед ними прошла Магали. Красивая, черная, как эбеновое дерево, с огромными, чуть удлинненными глазами, чей мерцающий взгляд рассеивал сумрак. Джим понял, что они в комнате Мэри Энн. Та же мебель, та же люстра с подвесками, изящные стулья. Однако все казалось подернутым какой-то дымкой, залито желтоватым сиянием, напоминающим отблеск пламени, горящего в камине. Магали уселась рядом с Люсьеном, обняла

его своими длинными худыми руками и принялась покачивать, как младенца, напевая песенку с неразборчивыми словами. Стоящий рядом с Джимом призрак едва сдерживал прерывистое дыхание. Словно вид себя самого, сидящего рядом с Магали, казался ему невыносимым.

– Магали была старше меня всего на пятнадцать лет, – продолжил он, глядя на эту сцену. – Как-то в раннем детстве я попал в переделку. Упал в колодец, который мой отец выкопал на соседнем участке. Пока меня не вытащили, я несколько минут провел в ледяной воде. Мне было четыре года. Считается, что в таком возрасте человек ничего не запоминает. Но я все помню очень отчетливо. Я был мертв, так же мертв, как сейчас. И все же как-то иначе, с другими оттенками. В продолжение этого странного транса – или, если хотите, маленькой смерти – я будто бы находился на перекрестке дорог. В центре стоял человек: старик с белой бородой и в красной тоге. Он взял меня за руку и сказал, что его зовут Агоуэ. Я был всего лишь ребенком, Джим, к тому же испуганным. Человек улыбнулся и сказал, чтобы я его не боялся, что он лоя, оберегающий от всяких напастей, связанных с водой, что он здесь, чтобы мне помочь, и что я не умру, потому что я – особенный ребенок, избранный от рождения.

Он говорил что-то очень важное о моем будущем. Запомнил я лишь то, что все его слова сотрутся у меня из памяти до определенного возраста, пока надо мной не будет совершен какой-то ритуал. Конечно, я ничего не понял. Проснулся в объятиях отца и матери и пересказал все то, что почувствовал и пережил под водой. Однако рассказ мой как громом поразил прислугу, всех этих темнокожих, и вскоре достиг ушей Магали. Адепты вуду прозвали меня «маленький воскресший бокор». Слуги начали меня бояться, и лишь немногие соглашались за мной ухаживать. До тех пор пока этим не занялась она сама. – Он кивнул на женщину, которая качала его у себя на руках. – Как раз в ту пору я проявил недюжинные способности к музыке. Мог сыграть на любом инструменте, не имея представления о том, как это делается. Магали утверждала, что дар перешел ко мне от защитных лоя, что жизнь человека начинается раньше физического зачатия, когда духовный мир решает, что должна родиться новая душа. Когда мои родители были в отъезде, Магали брала меня с собой на церемонии, которые ее отец проводил в самой глуши Нового Орлеана. Церемонии предназначались для избранных, во время них устраивались чудовищные обряды, хотя, должен признаться, меня они не пугали. Наоборот, я испытывал к ним почти болезненное притяжение и не нуждался в том, чтобы кто-то объяснял мне суть происходящего или называл имена лоя, которые выкрикивал жрец, потому что я всех их знал,

сам не понимая, откуда.

Люсьен повернулся к Джиму и вновь положил руку ему на плечо. Видение задрожало и исчезло. Вместо него Джим увидел огромную сцену, Люсьена, играющего на скрипке, других музыкантов, набитый зрителями партер... А вот и красавица Беатрис в жемчужном ожерелье. Улыбки, звон бокалов. Люсьен, целующий Беатрис. И вдруг налетел ураган: изображения замелькали, словно кадры незнакомого фильма, и рассыпались в мелкую пыль.

– Не пугайся, – сказал Люсьен: они приближались к какому-то строению, напоминающему маленькую часовню посреди леса, заросшего высокими могучими деревьями. Над часовней виднелся большой деревянный крест.

– Где мы?

– В потайном месте. Здесь я умер. Точнее сказать, родился.

Люсьен толкнул высокую дверь, на которой красной краской были начертаны сотни таинственных символов. За дверью обнаружилась группа людей, их лица скрывали багровые капюшоны. В центре перистиля виднелся столб, соединявший пол и потолок. Люсьен встал возле него. Чуть поодаль Джим заметил Магали. Ему показалось, что лицо у нее испуганное. Какой-то старик крепко держал ее за руку.

– Что это за столб?

– Потеау, – ответил Люсьен. – Космическая ось. По нему восходят молитвы, а лоя спускаются на землю.

– Надо же...

– Когда я вернулся туда, где провел свою юность, боль, ненависть и отчаяние из-за утраты всей моей семьи не позволяли мне жить нормальной человеческой жизнью. Магали отвела меня к священнику-оунгану. На некоторое время я пустился во все тяжкие: игры, безумства, женщины, алкоголь. Мне хотелось забыться. Я перестал быть собой, но именно это было им нужно.

– Но зачем?

Люсьен тихонько засмеялся.

– Бокор... – прошептал он. – Никто не владеет этой силой, потому что она слишком могущественна и опасна. Люди считают, что посвященные мужчины и женщины – обычные колдуны, черные маги, которые за хорошую плату могут кого-нибудь извести. Ничего общего с реальностью это не имеет: у бокора особый путь, одна его рука вершит добро, другая – зло. Все прочее – легенды. Я был сосудом, где скапливались запретные силы. Оунган собрался подвергнуть меня инициации. Но вмешалась

Магали. Она заявила, что это опасно, что я особенный. Но он ее не слушал.

Три дня и три ночи подряд я просидел в крошечной комнатухе без света, людей и пищи. Там не было даже воды. Мне запретили разговаривать. Комнатуха была такой тесной, что несколько раз мне казалось, что я умираю: я задыхался, мне было страшно. Но от страха тело становится более чувствительным, и силы, которые нас окружают, влияют на нас сильнее. Я был так напуган и подавлен, что машинально нашептывал заклинания, которые раньше не знал. Бессмысленные слова, которые слышал много лет назад и давным-давно забыл. Тут-то я и вспомнил перекресток дорог и того старика. Наконец меня выпустили. Вымазали в свиной крови и заплясали вокруг меня под звуки барабана и какие-то свои чертовы молитвы, от которых мне было еще хуже.

Неожиданно Джим почувствовал прилив беспокойства, будто бы тоже очутился среди этих мужчин и женщин. Кто-то принялся натирать все его тело кровью. Застучали барабаны, стоявший перед ним юный Люсьен закатил глаза и начал подергиваться в такт музыке.

– Я был их сосудом, – продолжил призрак. – Но в глубине души никто из этих мошенников не знал, что именно должно произойти. Они спрашивали меня, кто я, но в ответ меня лишь скручивали судороги и непереносимый жар обжигал все тело.

– Назови свое имя! – крикнул один из людей рядом с Джимом.

Обнаженный юный Люсьен стоял на коленях, его руки упирались в лужу крови, а голову скрывали тела танцующих. Видение было ужасно, но, несмотря ни на что, Люсьен с ними разговаривал.

– Я – Джаб.

Послышался шепот и учащенное дыхание. Присутствующие отскочили в сторону, а разодетый в красную тогу священник вытаращил глаза и задрожал.

– Бака, – крикнул Люсьен. – Бабко, Люсьен.

Магали оттолкнула чьи-то руки, которые пытались ее удержать, и ринулась к Люсьену. Опустившись на колени, подняла его с пола. Глаза Люсьена по-прежнему были белыми, а тело блестело от крови. Он был похож на ожившего мертвеца.

– Три лоа. Три демона жестокости. Это они приманили ко мне демонов. А может, те сами захотели в меня проникнуть. Ни в чьи планы это не входило. Я должен был пройти инициацию, стать бокором и самостоятельно избрать роль, которую буду играть в общине.

Люсьен засмеялся. Можно было подумать, что призраку доставляет удовольствие наблюдать за этой сценой. Однако в следующий миг юный

Люсьен ухватил Магали за шею и принялся душить. Люди закричали. Отшвырнув Магали к каменной стене святилища, он неуклюже поднялся с пола и закрыл глаза. Открыв их вновь, он улыбнулся.

– Они должны были исправить свою ошибку. Покончить со мной. В противном случае я бы принес им неисчислимы бедствия. Да, это по-прежнему был я. Всего лишь я. Но теперь со мной были три лоа, способные разнести вдребезги весь их мирок, привычный уклад жизни, все то, что было им дорого.

– Они убили тебя? – спросил Джим, и в голосе его слышалась искренняя печаль.

Люсьен кивнул.

– Да, живым мне уйти не удалось. Маленький бокор – это было слишком для их убогих умишек. Они думали, что сумеют контролировать церемонию, как делали это более двухсот лет, но духи ведут себя иной раз непредсказуемо... Их тупость была одной из причин: опасаясь молитв и заклинаний, которые старик лоа вложил в некую часть моего мозга, они превратили меня в то, что я есть. А потом я вернулся. Это и был мой путь, – он усмехнулся. – Уничтожить суеверия, к которым свелась древняя мудрость предков, покончить с фальшивыми колдунами, якобы подчинявшимися лоа своей воле ради денег или славы. Сотни религиозных общин, созданных в корыстных целях. Это не было религией предков. Не таким видели предки духовный мир. Они призывали стать свободными, как в давние времена, когда люди боялись лоа, молились им и приносили жертвы, ища защиты, исцеления или убежища. Вуду – это не бизнес. И не цирк.

– Ну, хорошо. Предположим, ты вернулся. Но какое все это имеет отношение к Пойнт-Спириту?

– Я давил этих людишек одного за другим. Ты не можешь себе представить, с каким наслаждением я всматривался в их лица, искаженные ужасом. И это я уничтожил Магали. Не смотри на меня так, Джим. Потерпи немного – и все поймешь. С каждой смертью слухи о возвращении Люсьена становились все более настойчивыми. Магали с нетерпением ждала, когда же я наконец явлюсь и к ней тоже. Она готовилась принять любую судьбу. Но я так и не пришел, и ожидание поглотило всю ее жизнь без остатка. Оно иссушило ее. Я наказал эту женщину за все то зло, которое она мне причинила, но сохранил ей жизнь ради ее же добра.

Образ святилища померк, и Джим оказался перед домом Виктора Берри и Мэри Энн.

– Мы, духи, обычно спим или дремлем. После той кровавой оргии я

чувствовал себя опустошенным. Все, чего жаждала моя душа, – это укрыться в своем доме, в единственном убежище, где я был счастлив с женой. Я провел там много времени, лежа на полу. По крайней мере так мне казалось, я же не был человеком. То, что для меня два дня, для тебя – двадцать лет, Джим. Проснулся я лишь с появлением Виктора. Он был одним из моих потомков. Я-то думал, они извели весь мой род...

– Но у твоего брата были дети, он оставил после себя потомство, – напомнил Джим.

– Его отпрысков трудно было назвать полноценным потомством. Они умирали один за другим. В них не было ничего от моей породы. И даже от брата. – Люсьен пожал плечами и горделиво поднял голову. – Надо заметить, я ничего не помнил о событиях, связанных с этим городом. Знал только, что пребывание в Пойнт-Спирите наполняет меня покоем, что это мой дом. Родилась Элизабет. Некоторое время спустя – Пенни. В ней уже тогда гнездилась болезнь. Ее клетки были поражены. Я видел смерть в этой маленькой девочке, когда ей было всего несколько месяцев. Я знал, какая судьба ее ждет. Я снова страдал. Страдал, как раньше. Когда я склонился к ее колыбели, на меня нахлынула память о прошлом. Я впал в глубокий транс, забыв вовремя исчезнуть, и ее мать меня увидела. На секунду взгляд Мэри Энн пересекся с моим. Я увидел в ней сострадание, любовь и печаль. В ее девочках текла моя кровь. Их человеческая природа связывала меня с землей. Клянусь, больше всего на свете мне хотелось вылечить больные клетки, но они разрушали мою малышку. У меня не хватило сил. Я не сумел ее спасти!

– Она очень переживала из-за дочери, – сказал Джим.

– В то время она еще не знала, что дочь больна. Пенни была младенцем. Мэри Энн переживала из-за мужа и его измен, о которых молчала. Иногда потихоньку плакала. И однажды я вспомнил, как меня предали. Вспомнил лесопилку, мою жену, обесчещенную теми, кого я любил. И тогда я узнал нечто, что до сегодняшнего дня было тайной.

После этих слов он вновь схватил Джима за руку. В лицо им подул ветер. Видение рассыпалось, подернулось туманом. Они перенеслись в современную квартиру. На низеньком столике стояли бокалы для шампанского, из-за приоткрытой двери доносились возбужденные голоса.

– Только от тебя зависит, готов ли ты видеть то, что я собираюсь тебе показать. Предупреждаю: то, чему ты сейчас будешь свидетелем, изменит судьбу многих людей. Что скажешь?

Джим в растерянности моргнул.

– Нет... ты не имеешь права лишить меня этого знания...

– Я всего лишь предложил тебе выбор, – улыбнулся Люсьен. Он поднял руку, указывая пальцем на дверь, и проговорил: – Итак, сейчас мы узнаем правду.

И тогда Джим его увидел. Высокий, стройный человек со светло-каштановыми волосами и зелеными, как у Элизабет, глазами – стоя лицом к двери, он налил себе в бокал шампанское и, наполовину обнаженный, разговаривал с лежавшей в постели женщиной, едва различимой среди простыней.

– Вот оно, предательство... – прошептал Люсьен ему на ухо.

В это мгновение человек обернулся. Это был Виктор Берри. Молодая женщина приподнялась, чтобы взять протянутый бокал. Джим едва сдержал возглас изумления.

– Не может быть.

Люсьен расхохотался.

– О, chéri... Конечно, не может. Тем не менее это так.

Он проснулся у себя в гостиной в девять вечера. Ему не удалось вспомнить, давал ли он кому-нибудь номер своего мобильного телефона. Что ж, вполне объяснимо, учитывая, в каком он был состоянии. Память возвращалась медленно. Итак, накануне вечером они на всякий случай обменялись телефонами. Он не помнил, как это случилось, не помнил и того, как переместился из кабинета в гостиную на первом этаже. Голова была совершенно пуста, воспоминания окутывал густой туман, который не спешил рассеиваться.

Джим в прямом смысле слова подполз к телефону, лежавшему на диване. Он не мог встать на ноги. Такое впечатление, что он бежал несколько часов подряд, и теперь мышцы отказывались подчиняться, какое бы усилие он ни прикладывал.

– Джим? – голос Алана напомнил Джиму про встречу с Люсьеном и время, которое он провел в отключке. Слишком много времени, неудивительно, что о нем начали беспокоиться.

– Да, Алан. Извини, я только что проснулся.

Повисла выразительная тишина.

– Ты нас до смерти перепугал, – наконец произнес Алан. – Я заходил к тебе, но мне никто не открыл. Мы думали, что-то случилось.

– Я скоро буду, – зевнул Джим. – Еще раз извини.

– Конечно, о чем речь. Кстати, мы сожгли все то барахло.

– Отлично. А кто сейчас дома?

Молчание.

– Все в сборе, Джим. А почему ты задал этот вопрос?

– Видишь ли, я получил от детектива кое-какую информацию, – начал Джим, сделав еще одну попытку встать. Он напоминал человека, которого подвергли электрошоку. – Но это еще не все...

«Нет, Джим... дальше не надо», – сказал он себе.

Уселся на диван и увидел в дверях Люсьена. Тот отрицательно помотал головой и посмотрел прямо ему в глаза спокойным и ясным взглядом.

– Послушай, – обратился Джим к Алану, – ты можешь сделать так, чтобы, когда я буду у вас, Элизабет и Дэнни не оказалось поблизости?

– Думаю... думаю, да. Я поговорю с Мэри. Джим, у тебя все в порядке?

Джим опустил голову и потер пальцами виски.

– Не совсем. Расскажу, когда доберусь до вас. Дай мне несколько минут. Скоро увидимся.

Он нажал отбой, бросил телефон на обитое потертой кожей кресло и осторожно покосился на Люсьена.

– В твоей истории много пробелов, – произнес он. – Есть вещи, которых я не понимаю. Не могу понять. Боже, как болит голова. Все тело ломит.

– Это нормально, chégi. Вспомни «Рождественскую песнь» Диккенса. Подобные путешествия не рекомендованы для физической оболочки вроде твоей. Слишком уж в тебе много мышц и костей. – Он насмешливо улыбнулся.

– Ты так и не рассказал, почему выбрал именно меня и какие у тебя цели в Пойнт-Спирите. Ты очень наглядно описал, что было в прошлом. А насчет настоящего – я только понял, что у тебя есть потомок и в нем течет твоя кровь. А так сплошные белые пятна, черт побери...

Люсьен посмотрел на него серьезно.

– Всему свое время, chégi. Кое-что тебе предстоит выяснить, а что-то откроется само, ты и спохватиться не успеешь. Надо уважать порядок вещей. Эта игра напоминает домино: первая фишка у тебя в руках, за ней последует все остальное.

– Скажи, почему я?

Люсьен промолчал. Отвесил поклон и исчез.

Он стоял перед крыльцом сестер Морелли. Ноги все еще дрожали. Дома он наскоро принял душ – непростая задача, если учесть, что он едва держался прямо и вынужден был хвататься за стены. Вести машину тоже было не так просто. Тормоз и педаль газа превратились в его непримиримых врагов, и несколько раз он чуть не врезался в заборы соседних участков. В общем, то еще зрелище, если бы кому-то пришло в голову за ним наблюдать. К счастью, все обошлось благополучно.

Он не спешил делать выводы насчет того, что ему довелось пережить в обществе Люсьена. По правде сказать, сложно было не чувствовать симпатию к этому странному существу. Разрушительный и мстительный дух – и одновременно человек из плоти и крови. Точнее, был им когда-то. Тем не менее воспринимается он именно как человек, особенно если стоит перед тобой целостный и заверченный. Все дело во внешности: четко очерченные и вполне человеческие руки, длинные пальцы, гладкая кожа. Бездонные глаза орехового цвета, пронизательные и в то же время печальные. Улыбка, манера тяжело вздыхать. Невинность, которая в нем

ощущалась временами. Умение абстрагироваться от собственной жизни, показывая ее другому. Человек, до глубины души человек. И в то же время дух. Призрак.

Джим вдохнул как можно глубже. Ему хотелось убедиться в том, что он не упадет в обморок. Руки и ноги постепенно делались более послушными. Он вскарабкался по ступенькам так, будто накануне его отмузузили после попойки, и, когда Алан открыл дверь, едва не рухнул на колени, как монах перед алтарем. Что ж, отныне он был в надежных руках доктора Фостера. Тот чуть ли не на себе доставил его в гостиную. Усадил в одно из кресел, стоящих у камина. Джим увидел накрытый стол, хмурую, сосредоточенную Амелию, занимающую одно из кресел. Рядом с ней – Роберта. Мэри Энн также вошла в гостиную и опустилась на колени возле его ног. Он слышал, как она спрашивает, что случилось. Из кухни доносился стук башмаков Карлоты, который ни с чем не спутаешь, и звон кастрюли.

Вот и Алан: он тоже о чем-то его спрашивал. Джим встрепенулся.

– Где Элизабет?

– Уехала в город с Дэнни и госпожой Вудс. В центре развешивают гирлянды к Новому году, и они решили на них посмотреть, – ответила Мэри Энн. – Джим, что происходит?

Вот и Карлота с огромным подносом. Расставляет тарелки по столу. Покосилась на Джима, улыбнулась.

– Карлота...

– Привет, Джим.

Карлота собиралась вернуться на кухню, но голос Джима заставил ее резко остановиться.

– Итак, дорогая, когда ты собиралась все рассказать?

– Что?

Джим шевельнулся, случайно задев Мэри Энн, – от неожиданности та потеряла равновесие.

– Я тебя видел в Детройте.

Карлота побледнела и нервно заморгала. Стоя напротив света, она походила на строгую гувернантку. Волосы, собранные на затылке, длинное платье сдержанных расцветок делали ее незаметной, невзрачной.

– Какой Детройт? Ты о чем?

Роберт посмотрел вокруг себя с таким видом, будто попал в этот дом впервые.

– Так вот почему ты ухаживала за сестрой, не жалея сил, – продолжал он. – Из-за чувства вины, верно? Из-за угрызений совести?

– Ты сам не понимаешь, что несешь, Джим Аллен. Ты ровным счетом ничего не значишь для...

– Карлота... – перебила ее Мэри Энн. – О чем ты говоришь? Что он имеет в виду?

Карлота вскинула голову и уронила руки вдоль тела. Она старалась не смотреть в глаза Мэри Энн.

– Карлота! – крикнула Мэри Энн. – Что он говорит?

– Джим, что происходит? – не выдержал Алан.

Джим пристально смотрел на Карлоту: та застыла у стола подобно статуе.

– Ты действительно в него влюбилась или это была хитрость, чтобы нагадить сестре? Любопытно, как бы развивались события, если бы Виктор не погиб в аварии.

– Заткнись! – крикнула она. – Ты ничего не знаешь! Ты сам не понимаешь, о чем говоришь!

– Господи... – пробормотала Амелия.

– Признавайся: ты была той женщиной, с которой он встречался, когда уезжал в свои командировки? – Мэри Энн поднялась с пола и уставилась на старшую сестру глазами, полными ярости. – Ты была любовницей моего мужа? Ты, моя сестра?

Карлота не выдержала и разрыдалась.

– Он меня соблазнил... Мэри, я этого не хотела! Я не хотела, но он меня соблазнил. Мэри, мне бы никогда не пришло в голову перебежать тебе дорогу. Ты – моя сестра, я люблю тебя всей душой, но в то время... в то время я была девочкой, и он меня соблазнил...

Мэри потеряла терпение, бросилась к сестре и влепила ей пощечину, от которой та чуть не рухнула на пол. Карлота медленно подняла руку и застыла, прижав ладонь к пылающей щеке.

– Моя родная сестра! – вне себя крикнула Мэри Энн.

Алан подскочил к ней и крепко обнял. Мэри Энн пыталась высвободиться.

Карлота склонилась над столом, уперев руки в столешницу. По щекам у нее стекали черные ручейки туши. Она смотрела на Джима, не мигая.

– Неплохо работает этот твой детектив...

Джим не ответил.

– Он обещал, что про это никто не узнает... – продолжала она под пристальными взглядами присутствующих. – Он говорил, что это всего лишь случайная прихоть, авантюра, что я для него ничего не значу. Какая я была дура! Я думала, что он в меня влюбился еще до того, как

познакомился с сестрой. А потом он погиб... Но это существо обещало, что поможет мне! Я всего лишь просила защитить сестру, перестать ее терзать, она и так достаточно страдала...

Джим развел руками в полнейшей растерянности.

– Ничего не понимаю.

– Я ему поверила, как идиотка. Как он врал, этот проклятый демон! А ведь я знала, что нельзя ему доверять.

– Что за чушь ты несешь, Карлота? – спросил Алан, сжимая в объятиях Мэри Энн.

– Он знал, что я сделала, – прошептала Карлота. Повернулась спиной к окну, всхлипнула и продолжила: – Каким сладким голоском он со мной говорил! А эти кошачьи глаза... Все это он пускал в ход, когда чего-то добивался. Будьте умницей, мадам... Никто ни о чем не догадается, – она усмехнулась. – Это было несколько ночей назад. И я поверила. Он пообещал, что оставит сестру в покое, что не полезет больше к ней в постель. А я хотела одного: чтобы с Мэри Энн все было хорошо, чтобы она снова улыбалась, чтобы прошлое стерлось вместе с моей ужасной ошибкой. Мне было всего двадцать пять лет! Двадцать пять!

– Карлота... Нет, я ничего не понимаю. О чем он тебя попросил?

Джим едва держал себя в руках. Серые точки вновь замелькали у него перед глазами, что-то давило на грудь.

– Мелочь, сущую нелепицу. Я ничего такого не хотела.

– Отвечай немедленно!

Карлота со страхом покосилась на Джима, ее нижняя губа задрожала.

– Он... он попросил, чтобы я дала тебе настойку. Дал мне мешочек с травами и сказал, что я должна тебе их предложить, всего глоточек. А потом смогу вернуться к себе в комнату. Я думала, что это несерьезно! Мелочь в обмен на свободу моей сестры. Он говорил, что у тебя заболит голова, да и только. И он сохранит мой грех в тайне. Он поклялся, что ничего не скажет, что оставит сестру в покое! Что все будет как раньше!

– Что ты сделала? – крикнула Мэри Энн.

Амелия не двигалась. Она была бледна, все ее тело дрожало.

– Я лишь хотела, чтобы ты не страдала! – воскликнула Карлота и вновь заплакала.

Джим отступил на несколько шагов и обвел глазами комнату. Он слышал скрипку, он различал мелодию, видел в окне Люсьена, чувствовал вновь то острое, жуткое опьянение, которое затем перешло в экстаз.

«Ты ей очень подходишь», – шептал Люсьен.

– Черт бы тебя побрал...

«Он сказал, что ты обо мне позаботишься», – говорила Элизабет.

Он перевел взгляд на Алана: тот смотрел на него в полной растерянности. Амелия в отчаянии выскочила из комнаты. Хлопнула дверь, вновь повисла гробовая тишина. Роберт поднялся, готовый кинуться вслед за ней. Алан жестом его остановил, и тот уселся обратно в кресло.

– Ты и представить себе не можешь, что натворила в ту ночь, – проговорил Джим. – Хочешь, я тебе все расскажу, Карлота? Ты меня отравила, в этом нет ни малейшего сомнения. Но дело даже не в этом. Главное, ты отдала меня во власть призрака и бросила в одиночестве свою племянницу. Ты – женщина. И когда-то у тебя был любовник. Ты отлично представляешь, что произошло той ночью. И остальные... остальные тоже. Ты лучше меня знаешь, что случилось потом... Я почти ничего не помню! – крикнул он.

– Нет, не говори так...

– Да, Карлота. Думаю, что именно так все и было.

– Но я этого не хотела. Клянусь тебе, я понятия не имела, что он замышляет.

Джим потерял терпение.

– Боже... Ты думаешь, что Люсьен глуп? Что он собирался оказать тебе любезность? Он не выносит предательства, он его не переваривает! Он использовал тебя, Карлота. Обманул, чтобы затем разоблачить. Чтобы все мы узнали, что ты натворила. Как ты поступила с сестрой. А главное, он тебя наказал. Он возложил на тебя всю ответственность за то, чего ты добилась своим гадким поступком. Твоей племяннице шестнадцать, Карлота. Она еще девочка!

– Нет... нет...

– Да, Карлота, и ты это сделала!

Мэри Энн пошатнулась в объятиях Алана, так что оба оказались на полу.

– Но зачем? – спросил Роберт. – К чему весь этот цирк, Джим?

– Неужели ты до сих пор ничего не понял?

Пастор пожал плечами. Карлота рыдала. Было очевидно, что она мало что понимает, ее мозг не способен вместить все то, в чем обвиняет ее Джим.

– Элизабет – его единственный живой потомок, больше никого не осталось. По той или иной причине все члены семьи Люсьена исчезли. Брата убили, родители скончались, так же как и дяди, тети, племянники и племянницы. Пенни тоже умерла. Он хочет, чтобы она забеременела!

– Боже... – всхлипнула Карлота.

Мэри Энн вскрикнула от бешенства и попыталась высвободиться. Амелия вернулась в гостиную, ее лицо пылало, она склонилась к сестре и крепко прижала ее к груди. Алан все еще держал Мэри Энн в объятиях. Никто толком не понимал, что говорит Джим.

– Люсьен... – пробормотала Мэри. – Вы с ним друг друга стоите, Карлота.

– А происшествия в городе? А несчастья, которые приключились с Дэнни? – спросил Роберт.

– Чистая забава, чтобы подтолкнуть нас друг к другу. А на людей он плевать хотел. Пользовался их страхами и страстями, чтобы выиграть время. Чтобы я очутился в этом доме.

– Но почему он выбрал тебя? – голос Мэри Энн заставил его вздрогнуть. – Что в тебе такого, кроме смазливой физиономии и успешной карьеры? И почему именно ты должен о ней заботиться? Потому что у тебя есть для этого средства, а моя дочь обожает красивую жизнь?

– Честно говоря, я и сам не знаю.

– Джим обеспечен, – осторожно предположил Алан. – Жизнь у него спокойная, упорядоченная. Это не подросток с бурлящими гормонами. Не пройдемец, который обманет или использует невинную девушку. А у Элизабет трудный возраст, ей вот-вот исполнится семнадцать. Впереди университет. Она в любой момент может познакомиться с кем-то другим, а этого как раз наше существо не желает.

– Я не знала, – жалобно проговорила Карлота. – Я бы в жизни на такое не согласилась. Это же моя племянница!

– А я твоя сестра, но меня же ты предала, – крикнула Мэри Энн вне себя от ярости.

– Мне было двадцать пять! – завопила Карлота. Внезапно она притихла и едва слышно всхлипнула: – Я разучилась спать, Мэри. Когда он был рядом, мне было хорошо, но потом все менялось. Когда же Виктор погиб, я не колеблясь все оставила ради тебя. Я была твоим должником... И не могла тебе признаться в своей ошибке. У меня не было на это сил, и я боялась причинить тебе еще большую боль. Чем бы тебе помогло мое признание? Больная дочь, мертвый супруг... Я не сказала, Мэри, потому что не могла. Но существо припомнило мне ту ошибку. Оно развлекалось, заставляя меня дрожать от страха. Это он виноват в том, что ты страдала. Во сне я слышала, как ты плачешь. Иногда я догадывалась, что он где-то рядом, что он тебя мучает... Эти бесконечные таблетки, этот страх у тебя в глазах... Я должна была положить этому конец. Вот я и уступила его

просьбам. А вовсе не в обмен на молчание: это было уже вторичным. Я хотела, чтобы он от тебя отвязался. Чтобы ты была счастлива с Аланом. Доктор – хороший человек. Ничего общего с Виктором. Он бы никогда тебя не предал.

Мэри Энн разом ослабела и в отчаянии устремилась в объятия Алана. Все еще сидя на полу, Алан прижал к своей груди эту хрупкую женщину, как младенца, и принялся укачивать.

– Это было давно, Мэри, – сказал он. – Не стоит так переживать. Сейчас главное – твоя дочь. Если мы не объединим наши усилия...

– Объединить усилия? – Мэри посмотрела ему в лицо. – По-твоему, мы должны защищаться от призрака? А не кажется ли тебе, что защищаться надо в первую очередь от самих себя?

– Я тебя не понимаю.

– Взгляни на нас, Алан. Роберт обрел сына, и надо признать, что призрак сыграл в этом не последнюю роль. А ты... Сколько лет мы любили друг друга, не подавая вида? Лишь благодаря призраку с его непристойными играми мы спустя столько лет наконец-то сблизились, Алан. Амелия... моя дорогая сестрица, чья скромность никогда не позволяла ей жить полной жизнью, ты все уже ему сказала, не так ли?

– Мэри, пожалуйста, – взмолилась Амелия.

– Конечно же, нет. Не сказала ни слова. Ты никогда не осмелишься признаться Роберту, что много лет в него влюблена. Так и проживешь всю жизнь, скрывая собственные чувства!

Амелия закрыла руками лицо. Роберт покраснел и уставился на Мэри Энн, не мигая.

– Он говорил правду, – продолжала Мэри Энн, о чем-то напряженно размышляя. – У него в мыслях не было их забирать. Он пальцем никого не тронул, пока моя дочь не умерла.

– Смерть Пенни напомнила ему гибель его собственного ребенка, – заключил Джим. У него снова разболелась голова. – Возможно, это и стало поводом. Призрак принялся терроризировать весь город.

– Ты его тоже видел, – сказал Алан, глядя на Роберта. – Что он тебе сказал?

Роберт, безучастный и погруженный в себя в течение всего разговора, улыбнулся насмешливо, почти издевательски.

– Думаю, сейчас это не так важно.

– Роберт, прошу тебя. Сейчас важно все, – возразила Мэри Энн. Она посмотрела на белую как мел Амелию. Внезапно ею овладела смесь стыда и угрызений совести.

– Он сказал, что знает тайну моего сына, – произнес он наконец. – И больше ничего.

Усевшись в одно из кресел, Джим рассматривал лицо Карлоты – та все еще стояла, склонившись над столом. Он видел ее слезы, напряженные щеки, выражение униженности на лице. Какие безжалостные слова он ей говорил! Имел ли он право быть с ней таким жестоким? Он жалел ее, он ей сочувствовал; так или иначе она была еще одной жертвой Люсьена, марионеткой, на сей раз из плоти и крови.

– Все мы совершаем в жизни ошибки, – пробормотал он, стараясь не причинить ей еще больше боли. – Вы обе – всего лишь два ребенка, две девочки, оказавшиеся во власти человека намного вас старше, – он вздохнул.

Карлота смотрела на него полными боли глазами и встала, сиюсья привести свои чувства в порядок. У каждого на лице было написано что-то свое. Амелия переживала свой стыд, не поднимая глаз от полотняной скатерти. Алан утешал Мэри Энн, которая покорно замерла в его объятиях. Мэри Энн, чьи длинные пряди волос рассыпались по плечам, прижавшись щекой к груди Алана, изучала выражение лица Роберта: сумрачное, строгое – со стороны могло показаться, что он в эти минуты далек от происходящего. Роберт находился в нескольких сантиметрах от Амелии, однако не касался ее – а может, боялся коснуться. Он был спокоен, но явно смущен и, разумеется, как и все остальные, пребывал в замешательстве.

Молчание нарушила Мэри Энн.

– Зачем ты его послушалась? – она повернула к Карлоте напряженное, непроницаемое лицо.

Та тяжело вздохнула. Подошла к сестре и уселась возле нее на пол, как монахиня. Затем взяла ее руки в свои и осторожно, торжественно поцеловала сперва одну ладонь, затем другую.

– Вы тогда еще не были женаты. Он появился в моей жизни и охмурил меня своими глупыми фокусами. Через несколько месяцев, когда я уже была влюблена до потери пульса, он сообщил, что больше не может со мной встречаться. Призрак явился несколько дней назад. Он поднял меня на смех. Якобы Виктор выбрал тебя, потому что я не могла иметь детей, я была неполноценной. Он встречался со мной забавы ради. А я довольствовалась крохами, потому что была влюблена в Виктора как последняя дура.

– Карлота...

– Мне очень-очень жаль!

Мэри Энн прижала ладонь к ее щеке. Затем опустила руку и вновь

спряталась в объятиях Алана. Карлота растерялась: она не знала что делать. Доктор ей улыбнулся сочувственной улыбкой. Вскоре она встала и ушла.

Сперва ее неторопливые шаги слышались на верхнем этаже, потом едва различимое цоканье каблуков донеслось со стороны балюстрады. Затем хлопнула входная дверь. Джим видел, как на ходу она застегивает пальто, поднимает воротник и бежит к калитке. Вот она на миг остановилась, обернулась и посмотрела на дом, а затем исчезла, проглоченная туманом.

Амелия так и недоговорила начатую фразу. Мэри Энн и Алан отправились за Элизабет и Дэнни в центр города. На Роберта она старалась не смотреть. Она не могла поднять глаза выше его ботинок. Лицо у нее кипело, будто ее того и гляди хватит инфаркт. Джим мерил комнату шагами из конца в конец. Амелия воспользовалась моментом, несмотря на то что голос ее дрожал и звучал чересчур взволнованно или смущенно.

– Наверное, будет лучше, – начала она, – если я останусь сегодня здесь, и таким образом... таким образом...

Лицо Роберта на миг приняло умоляющее выражение, но она этого не заметила.

– Нет, – мягко ответил Роберт. Амелия вскинула веки: казалось, она вот-вот потеряет сознание. – Мне хотелось бы поговорить с тобой, но только не в этом доме. К тому же мы условились, что Дэнни и Элизабет не должны знать, что произошло этой ночью, а скрывать ночные прогулки твоей сестры будет довольно сложно. Да и стоит ли им видеть тебя в таком состоянии? Пойди умойся, это пойдет тебе на пользу.

– Роберт прав, – сказал Джим, подходя к Амелии. – Лично мне проще застрелиться, чем остаться здесь на ночь. Но нельзя же всем взять и резко сменить планы. Кроме того, я не уверен, чего именно желает Люсьен. Я считаю, что мы должны смириться с текущим положением дел и вести себя так, как задумали.

Амелия кивнула и с усилием встала. Вид у нее был подавленный. Щеки горели от стыда, волосы растрепались, в глазах читалось душевное и физическое истощение. Она направилась в ванную комнату, когда же через пять минут вернулась, ей было явно лучше. Она поспешно накрыла на стол.

– Пойду пройдуся, поищу Карлоту, – пробормотал Роберт. – Надеюсь, она скоро вернется. А если это произойдет чуть позже, Элизабет будет уже спать и ничего не узнает.

Джим согласился. Несмотря на волнение, он чувствовал сильнейший голод. Нужно было срочно поесть: запах жаркого, доносившийся из кухни,

становился почти мучительным.

– Джим, не думаешь ли ты, что она?..

– Надеюсь, что нет. Черт побери, не знаю! Но вдруг... Нет, не думаю. Я не хочу этого. Она слишком юная. – Он стушевался и умолк.

Вскоре они услышали, как внизу хлопнула дверь. Шаги Дэнни вернули их к реальности. Джим улыбнулся мальчику, затем перевел взгляд на стройную фигурку, появившуюся вслед за ним. Элизабет подарила ему лучшую из своих улыбок, и на мгновение Джим забыл и о самой драме, и о ее возможных последствиях. Перед ним был ангел в джинсах и вязаном жакете. Втайне он жалел, что не помнит подробностей той ночи, и на миг почувствовал себя обманутым. Это чувство повторялось в последнее время так часто, что он начинал к нему привыкать. Какой двусмысленной, переменчивой и лицемерной может быть человеческая природа! Девушка в самом цвету, недостижимая для большинства и, однако, для всех желанная.

Он любовался ее продолговатым лицом, непослушными волосами, свободно спадавшими за спину, детским ртом. Отсутствие в ней страха и осуждения позволили ему ощутить себя неуязвимым и свободно созерцать ее красоту, изящество, грациозные движения рук. Едва уловимый аромат настоящих взрослых духов распространился по комнате.

«Можно ли обладать тобой, не чувствуя себя виноватым?» – спрашивал он себя.

В этот момент Джим не чувствовал ничего, хотя бы отдаленно напоминающее угрызения совести. Нет, только желание. Растущее, почти непереносимое желание.

Дома у Роберта Амелию окончательно покинули силы. Она не знала, что стало причиной – общее ли напряжение, признание ли Карлоты, отчаяние Мэри или же ее собственный позор, но она была опустошена, полностью опустошена. Она вышла из машины и вошла в дом, ведя за руку Дэнни. Как ни странно, мальчику нравилось так ходить. Милая привычка, не свойственная детям двенадцати лет. Однако Дэнни это нисколько не волновало. Ему были чужды условности, связанные с возрастом, хотя для своих лет он был слишком высок, а его движения напоминали танцора классического балета – обстоятельство, которое, по мнению Амелии, не раз доставляло ему неприятности. Но сейчас все это было не важно. Досужие помыслы, ничего не значащие мелочи, которые хотя бы на несколько минут заставили ее забыть этот вечер. Следя за тем, почистил ли Дэнни зубы и надел ли пижаму, она размышляла, куда делась Карлота и что сейчас происходит в доме. В глубине души она чувствовала раскаяние. Быть может, ей надо было броситься за ней следом? Или признаться Роберту в том, что чувствует, не дожидаясь внезапного вмешательства сестры? Она понимала, что Мэри Энн сделала это не по злой воле: она не была способна на низость. И в то же время все это было так неожиданно, так бестактно...

Приняв душ, она вошла в кухню и налила себе бокал вина. Она слышала, как Роберт уговаривает Дэнни надеть ночную рубашку. Его нежный голос, всегда такой кроткий и спокойный. Глубокий голос, иногда чуточку хриловатый. Убедительные, неспешные интонации человека, который привык беседовать с людьми. Вероятно, поэтому Дэнни понимал его с полуслова и был счастлив. Роберт умел донести свою волю до человека. Амелия догадывалась, что и события прошлых лет он обсуждал с Лорной Колеман осторожно, точными, правильными словами. Так или иначе, Лорна была матерью мальчика, и ее ни в чем нельзя было упрекнуть, тем более если учесть, какими молодыми были они в ту пору.

Когда Роберт вошел в кухню, она все еще была занята своими мыслями. Облокотившись о столешницу, задумчиво вертела в руках пустой бокал. Она не заметила, как он вошел. На плечо легла его рука. Она почувствовала давление его пальцев и только тогда заметила рядом всю его громадную фигуру.

– Что ж, выпить – самый мудрый поступок после такого вечера.

Амелия засмеялась, но в следующий миг сникла. У нее дрожали руки.

Роберт сидел рядом с ней, положив локти на стол и неподвижно глядя перед собой.

– Знаешь, у меня неплохо получается разговаривать с людьми, – начал он. – Я всегда это делал и надеюсь, что умею доносить до них то, что думаю. Стараюсь, чтобы другим было хорошо. И все же, должен тебе признаться, в данной ситуации я чувствую себя полным ничтожеством.

– Никакое ты не ничтожество, – отозвалась она. – Это по моей вине ты попал в неприятное положение. Я вела себе нечестно. И мне неудобно сейчас находиться в твоём доме. Я для тебя – обуза. Несмотря на то что ты благодарен мне за помощь. Ты слишком воспитан, чтобы высказать все, что на самом деле думаешь.

Сидя рядом, Роберт украдкой ею любовался. Амелия сделала глоток вина и, прежде чем продолжить, вытерла губы тыльной стороной руки. Она впервые говорила с Робертом с такой искренностью и прямоотой. Она раздавлена, ей нечего больше терять или скрывать. И он это знает.

– Не буду отрицать, я всю жизнь была тихоня. Моя сестра Мэри куда более решительная. Когда хочет добиться своего, становится храброй, как львица. Ты уже успел в этом убедиться. Или Карлота: эта – сама твердость духа, полнейшее отсутствие страха. А я... я всегда пряталась за их юбками. Так уж сложилось.

Она подлила еще вина. Ей показалось, что за окном мелькнула какая-то тень, но, соберись там хоть все адово воинство, ей плевать. Она отхлебнула.

– Ты не так уж плохо устроился. Твой сын тебя обожает. Думаю, что поступлю правильно, если завтра уеду, – подытожила она.

Впервые она посмотрела Роберту в лицо. Он сидел не шевелясь и прикрыв глаза, словно не понимая до конца смысл ее слов. Она заметила, что он дрожит.

Помолчав, он коротко мигнул. В сумерках гостиной его волосы излучали мерцание подобно светлomu ореолу. Когда он открыл глаза и Амелия увидела перед собой их синее мерцание, последние силы ее покинули. Она собралась было встать, чтобы уйти, но он схватил ее за руку.

– Подожди.

– Чего ждать? – в ее голосе звучала усталость.

– Позволь мне кое-что объяснить. Ты же знаешь, в таких делах я полный невежда. Сжался надо мной.

Она замерла, едва дыша. Затем покачала головой и вышла из кухни в сторону комнаты. Нет, она не может вынести такое поражение. Просто не может! Многие годы она провела рядом с ним, рядом со всем тем, что

предполагало хоть какой-то контакт с этим человеком... Она готова была броситься на кровать и разрыдаться, зарывшись головой в подушки, но вместо этого спокойно уселась на край. Вошел Роберт.

– Амелия...

– Нет, Роберт, не надо никаких слов. Честное слово, не надо.

– Амелия! – воскликнул он. – Ты можешь меня выслушать?

Он плюхнулся в кресло, стоявшее напротив нее, и поставил локти на колени. Бегло взглянул на ковер. Вздохнул, будто собираясь с мыслями.

– Когда это существо мне явилось... – начал он, сглотнув, – оно приняло твой облик, Амелия. Я не стал говорить про это за ужином, это было бы некстати. Оно говорило со мной о моей тайне. Оно мне косвенно угрожало... Это ты напала на меня в церкви. Дух принял твой облик. И должен признаться, выглядела ты вовсе не как скромная и стыдливая тихоня. Все с точностью наоборот...

– Ты хочешь сказать, что это была я?!

– Он прикинулся тобой, – пояснил Роберт. – Буду с тобой откровенен, и пусть мне тоже будет стыдно. Не могу видеть, как ты страдаешь. Скажу все начистоту, хотя это сложно. Я не из тех, кто привык к признаниям. Я был смущен и растерян: мне действительно показалось, что это ты. Твои волосы были распущены, а вела ты себя очень откровенно. Ты прикасалась ко мне... ты меня возбуждала. Меня чуть инфаркт не хватил, когда внезапно ты начала меняться и в конце концов превратилась в него. Дорогая... просто неловко в этом признаваться. Не говоря уже о моем собственном состоянии, – добавил он. – Я был... я был совершенно потерян. Я ни разу в жизни не чувствовал такого возбуждения. А во всем виновато оно... проклятое существо.

Амелия едва сдерживала смех. Она поверить не могла тому, что слышала.

– Неужели это правда?

– Да, представь себе. Ты же знаешь, призрак использует наши собственные слабости. Я всего лишь хочу сказать... Я пытаюсь... Пытаюсь донести до тебя...

Она встала и подошла к нему, но Роберт ее словно не заметил. Он рассматривал узор на ковре, тщетно стараясь подобрать подходящие слова и справиться с этой столь новой для него ситуацией.

– Мечты, мои мечты, – пробормотал он. – Это была ты. Такая же, как сейчас... и в то же время другая. Может, более раскованная... Или просто менее застенчивая, не знаю... Ты много раз мне снилась и являлась в мечтах, каждый раз по-разному, но на самом деле это было одно и то же.

Это было как ураган. А потом та ночь... когда я немного выпил... Да что там, просто напился до полусмерти, а ты, такая хорошая, такая добрая...

Амелия присела перед ним на корточки и положила руку ему на колено. Роберт выпрямился. Он дрожал, как дитя.

– Я полнейший невежда в том, что касается любовных признаний. Я столько лет ни о чем таком не думал, занятый только собой и своей работой, и этим... всем этим безумием... а теперь ты здесь...

Амелия не знала, что именно придало ей силы – собственное ли отчаяние, убеждение в том, что терять больше нечего, или его покорный, потерянный вид. Она поднялась с пола и страстно его поцеловала. Она всего лишь хотела, чтобы он замолчал: она не понимала ни слова из того, что он говорит. Роберт переживал гораздо сильнее, чем она, и этот факт необъяснимым образом наполнил ее энергией и решимостью. Он ее любит! Как горячи и одновременно влажны были его губы! Когда она наконец отстранилась, он выглядел как подросток на первом свидании. Она снова его поцеловала, на этот раз крепче. Он осторожно погладил ее лицо, а она стояла между его коленей, которые пылали, будто два факела: под тканью брюк она чувствовала трепет его кожи. Она вообразить не могла, насколько сложно будет Роберту признаться в своих чувствах, как труден для него малейший физический контакт. Он был как ребенок в облике взрослого. Но затем что-то будто бы в нем лопнуло, глаза засветились сверхъестественным светом. Эти глаза смотрели прямо на нее, и выражение их изменилось. Его грудь вздымалась и опадала – так взволновал его их чуть более близкий контакт. Амелия медленно отстранилась, однако Роберт с силой придвинул ее обратно, ухватив за затылок. Его глаза жадно обшаривали ее тело, будто отыскивая что-то в складках ее одежды.

– Если бы ты знала, какая ты прелестная... Если бы ты только видела себя моими глазами, видела такой, какой я видел тебя все эти годы...

Амелия затаила дыхание. Роберт ее поцеловал.

– Не уходи, Амелия... – бормотал он прямо ей в рот, покусывая ее губы. – Не уходи, а то я умру. Я этого не переживу. Я не смогу без тебя жить...

– Я никуда не уйду, Роберт.

Желание и тревога сводили ее с ума. Он долго не отрывался от ее губ, впиваясь в них все более страстно.

– Нет, не надо, прошу...

Он тоже поднялся. Подошел к кровати, заставив ее отступить на шаг, затем посмотрел так, будто не понимает или не сознает причину своих

действий. Он по-прежнему дрожал, глаза его застыли. Амелия положила ладони ему на щеки. Она почти успокоилась.

– Я никуда не уйду, – повторила она.

– И завтра не уходи. И послезавтра... Никогда не уходи... Оставайся со мной навсегда...

Проговорив это, он опять яростно впился в ее губы.

Элен ненадолго отвлеклась, пока шериф и мэр обсуждали строительство павильона, который планировалось установить в центре площади. Ларк утверждал, что павильон слишком велик, ему возражал Юлиус, который пообещал всему городу, что будет установлена просторная сцена для музыкантов и газовые обогреватели в форме вертикально стоящих зонтов для поддержания тепла, а также палатки с фастфудом для всех участников праздника. Это было последнее, что она уловила из их разговора, и единственное, что толком поняла. Слишком не терпелось ей вернуться домой, проверить, все ли в порядке с Томми, и, главное, спрятаться наконец от всей этой суеты. Сначала клиника доктора Фостера, затем участок, потом утренние звонки от одного из жителей города, клятвенно утверждавшего, что в дом проникли грабители, – все это коловращение казалось ей бессмысленным.

Каждый год, когда сентябрь подходил к концу, происходило одно и то же. Мэр из кожи вон лез, устраивая дурацкий праздник, который теперь не значил для нее ровным счетом ничего. А Ларка все это просто изматывало. Из окрестных городишек и поселков съезжалась публика. Люди охотно раскошеливались, чтобы посмотреть спектакль или послушать концерт. Как-то раз Юлиус даже привез цирк, и это вдобавок к аттракционам, народу пришло немерено, и городская казна изрядно пополнилась. Все это было очень важно, но в этот момент... в этот момент Элен ничего не волновало и тем более не интересовало.

– Иди домой, Элен, – бесцветным голосом проговорил Ларк, простившись с мэром. – С минуты на минуту подъедет Перкинс. Он займется звонками. Надеюсь, ночь будет спокойная.

Ларк неуклюже похлопал ее по плечу, на что Элен отозвалась благодарной улыбкой. В эти дни шериф будто бы забыл свой обычный сарказм и держался с ней куда более дружелюбно. Его взрывной темперамент заметно сдал, и вел он себя с ней уже не как начальник, а как родственник или друг.

Элен неуклюже поднялась. У нее затекло все тело, а штаны за эти дни стали велики и сидели мешковато.

– Поесть не забывай, – наставительно заметил Ларк. – Если что-то случится или у Томми будет еще один кризис, звони мне. А сейчас ступай домой. Не хочу, чтобы этот парень надолго оставался один. Не очень-то я

ему доверяю.

– Все сделаю как скажете, – послушно ответила Элен. Ответным жестом дотронулась до шерифова плеча, взяла сумку и удалилась.

Перкинс стоял у подножия лестницы и курил, когда она закрыла за собой дверь. Он задумчиво смотрел на площадь, на металлический каркас будущего павильона, который воздвигали в том месте, где решено было установить сцену, на суету, царившую в это время в центре города. Сбоку вдоль тротуара стояли два припаркованных грузовика, а также несколько контейнеров с металлическими брусками и палетами.

Перкинс смотрел на Элен рассеянно, а когда она спустилась по лестнице, махнул рукой и вздохнул.

– Каждый год одна и та же история, – язвительно проговорил он. – Надеюсь, три праздничных дня подряд хотя бы немного успокоят жителей.

– Я тоже надеюсь, – отозвалась Элен. Пахло свежей древесиной. Холод понемногу начинал спадать. На мгновение ей стало спокойно и хорошо. – По крайней мере по ночам не будет мерещиться, что ты на кладбище. Думаю, всем нам нужен этот праздник.

Перкинс пригладил свои редкие волосы и направился к лестнице. Элен зашагала к машине и, прежде чем сесть за руль, последний раз взглянула на металлический каркас и припаркованные грузовики.

– Увидимся завтра, Перкинс.

Тот в ответ улыбнулся и исчез за дверью участка.

Когда она подъехала к дому, в гостиной горел свет. В окне она заметила Томми. Он сидел в кресле перед телевизором. Войдя в дом, она остановилась на пороге: Томми дремал с пультом в руке, уронив голову на плечо. Сон отныне был для него освобождением, необходимой роскошью. Элен все еще стояла с сумкой в руке. Она вспоминала тот вечер, когда Томми появился у нее дома. Он сидел на трехместной софе, полуприкрыв глаза. «Я не был плохим человеком, – бормотал он. – Я ни разу никого не обидел. Я был мальчишкой, к тому же пьяным. И все равно это моя вина. Моя вина, потому что это я ее туда повел, потому что мне хотелось, чтобы девушка немного отдохнула в оазисе, где ей ничего не грозит». Он застонал от невыносимой скорби, и Элен ничем не могла его утешить.

– Томми, просыпайся, – сказала она, приближаясь к креслу. Из телевизора лился тихий ручеек голосов.

Томми поднял голову и растерянно осмотрелся. Затем выпрямился, покашлял, чтобы прочистить горло и выключил телевизор.

– Элен... – сказал он.

Потер глаза, тщетно стараясь приспособиться к яркому свету под

потолком гостиной, и улыбнулся. Улыбка вышла невинной, почти ангельской и немного печальной.

Он посмотрел на Элен.

– Ты хорошо себя чувствуешь? Пойду приготовлю что-нибудь на ужин.

Томми кивнул, не сводя с нее больших печальных глаз. Она вновь спрашивала себя, как случилось так, что женщина, подобная ей – не слишком красивая, полноватая и совершенно запущенная в плане макияжа и всего такого, – влюбилась в парня, подобного Томми. Томми обладал достоинствами, которые оценит любая женщина: юность, дерзость, уверенность в себе, отличная физическая форма, связанная с его профессией, квадратная физиономия, высокие скулы, смелый, прямой взгляд. Парню удавалось сохранять внутреннее достоинство и неколебимое спокойствие даже в этой жуткой ситуации. На первый взгляд ничего выдающегося в нем не было, но твердость взгляда и неторопливость в движениях завораживали. Элен полюбовалась завитками каштановых волос, спадавших на лоб. Она положила сумку на стол и, усевшись перед Томми, уперлась локтями в колени и уставилась на него. Настоящий солдат, подумала она. Молодой воин, способный выстоять в любых условиях. Лишь эта чертова заваруха выбила его из седла, но и теперь он готов возродиться из пепла. «Да, я могу сдаться, – было написано на лице у Томми. – Иногда обстоятельства сильнее меня, но отныне я не собираюсь склонять голову и готов смотреть смерти прямо в лицо». Что ж, его время пришло.

– Что-нибудь случилось, пока меня не было?

Томми затряс головой и тихонько засмеялся. Рана в губе затянулась, и в целом вид у него был более приятный для глаз и чуть менее brutальный. Он указал пальцем в сторону коридора.

– Она там, – прошептал он. Слова словно застревали у него в горле. – Кажется, я не назвал тебе ее имя: ее звали Амира. Она была там, в дверях. Ничего не сказала, только улыбалась несколько часов подряд, а я старался на нее не смотреть, чтобы не испугаться.

– В коридоре? Тебе что, правда померещилась какая-то девушка?

Томми коротко кивнул.

– Потом снотворное подействовало, и я уснул, – продолжал он. – Но знаю, что она ко мне подходила. Когда я уже крепко спал, к моей щеке прикасались ее длинные холодные пальцы. Она хотела, чтобы я потерял контроль. – Томми нагнул голову и снова усмехнулся. – Она пыталась...

– Скажи, она что, умерла после той ночи?

– Она исчезла, а я вернулся в Америку. Много дней пытался ее найти,

но было сложно иметь дело с местными после того, что произошло в лагере. Так я никогда и не узнал, жива она или нет. Хотя сейчас получается, что вроде как умерла. Да и не важно это, честное слово, Элен. Мозги у меня натренированы для самых разных ситуаций, и хотя история с марионеткой в плане самоконтроля – полный провал, я понял, с чем столкнулся, и отныне снова могу держать себя в руках. Пусть делает что хочет: ходит за мной, преследует, выскакивает из-за угла. Доктор Фостер сделал все анализы: я чист, как стеклышко. А вы видели, в каком состоянии я был.

– Она исчезнет, Томми, – с уверенностью сказала Элен. – Мы не знаем когда, но она обязательно исчезнет.

Томми прикусил губу, и его румяная физиономия напряглась, а на скулах заиграли желваки.

– У меня в сумке револьвер. Тридцать восьмого калибра. Стреляй смело, если что-нибудь случится.

– А что может случиться? – она не понимала, что он имеет в виду. Нельзя же убить привидение!

– Если я вдруг сойду с ума и брошусь на тебя.

– Не говори глупостей, ради всего святого!

– Это как вариант. Я лишь хочу, чтобы ты стреляла без колебаний.

Элен резко встала. Даже мысль о том, что она только что услышала, заставила ее похолодеть. Она решительно подошла к Томми и наклонилась, чтобы отодвинуть со лба упавшие волосы. Глаза у него блеснули. Они были переполнены болью, но решимости в них появилось еще больше.

– Пойду приготовлю ужин. Ты должен поесть и отдохнуть.

– Почему ты так добра ко мне? Почему так беспокоишься обо мне, Элен?

От такого прямого вопроса она покраснела, посмотрела на свои штаны – с некоторых пор на четыре размера больше, чем требуется, – и почувствовала себя нелепой и смешной. Он осмотрел ее с головы до ног, как будто только сейчас понял, что она ему что-то говорит.

– Ты хороший человек, к тому же коллега, – сказала она. – Я стараюсь, чтобы жизнь была наполнена смыслом. Я не могу тебя защитить, ты же видишь, какая я слабая, но могу ухаживать за тобой, разговаривать с тобой. Одиночество в таких делах – плохой союзник, сам знаешь.

– Ты изменилась.

– Да ну. Такая же неряха, как всегда.

Впервые Томми от души улыбнулся. Он откинул голову и посмотрел на нее устало и чуть насмешливо.

– У вас, женщин, представления о красоте отличаются от того, что

нравится нам, мужчинам. Терпеть не могу баб, которые только и думают, что бы им съесть, во что одеться, чтобы понравиться мужикам. Стадо овец, честное слово. Куда бредет одна, туда же тянутся и остальные. А ты не такая, Эли...

«Эли», – мысленно повторила она.

Сглотнула набежавшую слюну. Сейчас она чувствовала себя не только смешной, но еще и тупой.

– Ты это говоришь, чтобы сделать мне приятное. Ты подхалим, вот что. Но ужин я все равно тебе сделаю.

Томми посмотрел в окно и вздохнул.

– Я только хотел сказать, что ты очень похудела за последние дни. У тебя классная фигура. Только смотри, обратно не растолстей. Это совет друга.

Где-то в районе лестницы скрипнули половицы, и Томми вздрогнул. Не раздумывая, поднялся с кресла и подошел к двери. Он высунул голову в коридор: деревянные ступени; глубокий сумрак уходит вверх по лестнице, закругляющейся вправо. Элен видела, как он медленно отступает. Без полицейской формы, в джинсах и белой майке он казался моложе, трогательнее и нежнее, чем обычно.

– Она вернется, – проговорил он.

– Ты хочешь сказать, что когда она снова будет здесь...

Томми прислонился к стене и сунул руки в карманы джинсов. Уставился в пол, пытаясь сообразить, на что намекает Элен. Он уже успокоился, и на лице у него больше не было выражения испуга.

– Не знаю...

Внезапно Элен стало страшно. Краем глаза она что-то увидела в окне: какая-то тень мелькнула на выложенной плиткой дорожке, которая окружала сад по периметру и вела к крыльцу. Она резко встала и откинула занавеску. Это был мужчина. Она прижалась носом к стеклу и осмотрела сад. Силуэт не двигался. Он стоял прямо напротив двери, рассматривая фасад и окна первого этажа. В этот миг ей показалось, что все как-то ускорилося. Человек в длинном черном пальто и шляпе поднял голову, посмотрел на окна и улыбнулся. Элен успела заметить его большие темные глаза, породистый, четко очерченный нос. Она хотела что-то сказать, но на верхнем этаже послышались шаги, и все волосы на ее теле встали дыбом. Она посмотрела на Томми: тот побелел и застыл.

Шаги приближались к лестнице. Томми сделал шаг назад, пятясь от двери. Он чуть не задел диван, а заодно Элен, которая все еще стояла возле дивана, держась за спинку и глядя в противоположную сторону. Ни разу в

жизни сердце у нее не колотилось так быстро. Кто-то – или что-то – медленно, очень медленно, спускался по ступенькам. Она вытянула шею и еще раз посмотрела на улицу. Незнакомец исчез. Теперь все ее внимание было приковано к шагам. Вот они достигли первой лестничной площадки и остановились. Затем ступеньки скрипнули вновь. С Томми и Элен едва не случилась паническая атака.

– Уходи. Ты не имеешь к этому никакого отношения.

– Ни за что. Этой мой дом! – крикнула Элен в полный голос, как будто это могло как-то помочь.

Шаги замерли, их сменил ужасающий звук, как будто что-то тащили по полу. По мере приближения к гостиной звук становился все громче. Элен увидела тонкую руку, державшуюся за перила, длинные бледные пальцы оперлись о стену, после чего показалось юное личико, изнуренное и печальное, с желтовато-багровыми кругами вокруг полных страдания глаз. Худенькая девушка с черными волосами, крошечная и изможденная, в разорванном платье, на котором виднелись пятна, напоминающие кровь.

– Пресвятая Дева, – проговорила Элен.

Томми стоял чуть ближе к лестнице; когда он выпрямился, она увидела его напряженную шею и плотно сжатые челюсти.

Девушка двигалась неуклюже и робко. На руках синяки, пожелтевшие ногти забиты грязью. Она протянула руки к Томми и одновременно всхлипнула или застонала, Элен не разобрала. Глаза Элен были прикованы к выключенному телевизору. К высокой фигуре, которая неподвижно темнела справа от нее позади телевизора, между диваном и окном. Она слышала шорох грубой ткани у себя за плечом. Томми все еще пятился прочь от девушки, но путь к отступлению преградил подлокотник дивана. Привидение приблизилось вплотную. Что-то приговаривая и плюясь кровью, вонзило ногти Томми в руку.

– Боже... – выговорила Элен чуть слышно. Кровавые пузыри капали на майку Томми. Она посмотрела в сторону человека, но в углу уже ничего не было. Затем покосилась на телевизор: теперь он был внутри, его изображение занимало весь экран. – Боже, помоги...

Томми резко отвел руку девушки и схватил ее за плечи. Как раз в этот миг она собиралась на него броситься.

– Я ничего не мог сделать, – простонал Томми. – Я... я бы защитил тебя! Клянусь, я бы сделал это, будь у меня хоть малейшая возможность...

Существо открыло рот и завизжало. Томми подался вперед, затем снова попятился, зацепился ногой за край ковра и упал. Элен попыталась прийти ему на помощь, но чья-то рука вцепилась ей в плечо. Ситуация

стремительно выходила из-под контроля. Вопли женщины и стенания Томми слились в ушах Элен в один непрерывный гул. Давление сильных пальцев на плече немного ослабело, но затем усилилось вновь.

Тихий мужской голос парализовал волю Элен.

– Как бы ты ни старалась, детка, ты никогда не станешь для него чем-то большим, чем ты есть, – зашептал голос ей на ухо. – Посмотри на себя... Что может ему предложить такая женщина, как ты? Женщина, лишенная привлекательности, обделенная красотой, которую ищет каждый мужчина...

Тихий смех раздался у Элен в ушах, и слезы потекли у нее по щекам. Она неподвижно смотрела на экран телевизора, на искаженное изображение, которое располагалось всего в нескольких пядях от ее щеки, на сильную руку, которая держала ее так крепко, что она не могла шевельнуться. Крики из противоположного угла гостиной едва достигали ее ушей. Мольбы и сбивчивые оправдания Томми медленно стихали. Теперь они доносились издали, словно она прикрутила громкость телевизора. В тот миг все ее внимание было занято голосом.

– Ты останешься одна, Элен... Ты всегда будешь лишь симпатичной подружкой. Такова судьба женщины, лишенной женственности. Такова твоя судьба. Он никогда не полюбит тебя...

– Нет, это не так!

– Разумеется, так...

Существо опустило руку, державшую Элен в плену, и погладило ее волосы. Его губы прикоснулись к ее щеке и поцеловали. Даже в слабом луче света, который просачивался через окно, Элен различала лихорадочный блеск его глаз, его жадную, недобрую улыбку. А еще она чувствовала запах духов. Цветочных духов.

– Это неправда. Я не всегда была такой. Ты лжешь... Лжешь... Все это грязная ложь. Вы оба лжете – и эта девчонка, и ты...

В глубине души она понимала, что он прав. Но не могла же она поддаться такому унижению. Страх уступил место сложной смеси эйфории и ярости. Она развернулась к нему лицом, понимая, что он в любой момент может исчезнуть. Прямо перед собой она увидела резкие черты его лица, его глаза, которые рассматривали ее с любопытством и насмешкой.

– О, понимаю... – продолжал человек. – Это тебя не слишком волнует. Ты это переживешь. Больше всего тебя ужасает то, что ты не можешь ему помочь, верно? Вдруг у твоего ангелочка съедет крыша? Возможно, это случится не сегодня и не завтра, но однажды ты уйдешь на работу, а парень слетит с катушек прежде, чем ты вернешься домой и сможешь прийти ему

на помощь. Я прав? Разумеется, прав! – и он расхохотался, все так же невозмутимо и медлительно.

Элен закрыла глаза и зарыдала.

– Вернись на землю, Элен... отныне ты будешь жить с этим страданием. Оно не отпустит тебя ни на день, ни на час... Может, ничего и не случится и ты не потеряешь Томми. Нельзя ничего сказать наверняка... Но страдание постепенно тебя сожрет...

Стоило ему произнести эти слова, и крики раздались вновь. Элен перевела взгляд: Томми катался по полу, стараясь сбросить с себя сторбленную фигурку, которая ползала по полу и хватала его за ноги, взвизгивая как крыса. Элен так и села на ковер. Все закружилось вокруг нее. Силуэт человека качнулся. Она поползла вперед, к Томми, и только потом поняла, что происходит. Когда она была уже неподалеку от парня, девушка резко обернулась и посмотрела на нее с ненавистью. Элен завопила что есть мочи, затем ударилась обо что-то головой и бросилась прямо на существо.

– Томми! – взвыла она, поднося руку к виску. – Она ничего не может тебе сделать! Борись с этим!

– Чего ты за него так переживаешь? Пусть себе сходит с ума, – услышала она позади себя.

– Нет! – крикнула она. – Я не отдам тебя, Томми!

Элен подползала к Томми справа. Комната кружилась вокруг нее, место ушиба на голове болело нестерпимо. Внезапно боль пронзила позвоночник, ей показалось, что на несколько секунд она потеряла сознание. Томми лежал навзничь в двух пядях от ее лица – широко открытые глаза, вылезавшие из орбит, черные волосы девушки, грязные и мокрые, будто бы опутывали его тело. Она закрыла глаза, постаралась собраться силами, но из-за сильного удара тело дрожало, а в голове пульсировало.

– Оставь Томми в покое... – пробормотала она. – Ты все равно не можешь убить его. Тебя не существует... Оставь его в покое...

Яростный визг оглушил ее.

– Оставь Томми в покое... – прошептала Элен и потеряла сознание.

На рассвете Джим проснулся посреди гостиной. Наверное, ночью он снова блуждал по дому, как и подобает лунатикам. Что ж, отныне это его уже не удивляло. По крайней мере на нем была пижама – деталь немаловажная, особенно когда он услышал, как в двери поворачивается ключ, и увидел скорбную тень Карлоты. Та его не заметила: в доме царил сумрак.

Несмотря на хрупкий вид, сутулость и неуверенную походку, выражение ее глаз и крепко сжатых – возможно, из-за холода – губ было решительным, жестким. Он видел, как она повесила пальто на вешалку у двери, одернула юбку и неторопливо поднялась по лестнице. Интересно, спросил себя Джим, где она бродила столько времени? Теплилась ли в глубине ее сердца мечта о примирении или же после всего, что случилось, она его ненавидит? Возможно, похожие мысли терзали ее на протяжении всей ночи. Но ведь это она опоила его ядовитыми травами, стала причиной конфликта с Мэри Энн и виновата во всем, что случилось в гостиной.

Но, так или иначе, Джим располагался в гостиной чужого дома и занимал главное место в сногшибательной истории с бесчисленным количеством вопросов и белых пятен, которые он, сколько ни ломал голову, не в силах был расшифровать. Джим усмехнулся. Сейчас он напоминает статую в музее: боится шелохнуться, руки неподвижно висят вдоль тела. Если бы в этот момент его кто-то увидел – одна из сестер или даже Алан, – испугался бы не на шутку. Он неслышно скользнул между полосками света, которые отбрасывали щели между занавесями, и медленно, стараясь не шуметь, поднялся по ступенькам. Не справился с искушением и открыл дверь в спальню Элизабет. Девочка крепко спала, лицо у нее было невинным, как у ангела. Тело укрывало нарядное пуховое одеяло, а волосы рассыпались по подушке. Интересно, что она думает обо всем, что произошло между ними, если, конечно, что-то помнит, в смятении размышлял Джим.

Не желая задерживаться, неслышно закрыл за собой дверь и вскоре был уже в своей спальне.

Остаток ночи он провел в беспокойной дремоте. Сон не шел. Он перебирал в уме десятки возможностей. Еще одна беседа с Люсьеном, вероятно, рассеяла бы некоторые сомнения, которые вызывала у него вся эта головоломка. Он был уверен, что призрак выложил ему далеко не всю

правду. Да, своими руками Люсьен никого не убивал. Не было сомнений и в том, что он любил Элизабет, а Мэри Энн была для него аппетитным трофеем, которым он наслаждался, а временами истязал, не слишком, впрочем, усердствуя. Рассуждало же это существо об «игрушках», как оно само их называло. Догадывался он также, почему эта история не затронула Амелию. Дело в том, что Амелия была бесхитростна и практически лишена личной жизни, ей не в чем себя упрекнуть, не в чем раскаиваться. Все же прочие столкнулись со своими потаенными желаниями или грехами. Он припомнил сцену, которую описывал Роберт: Лоррейн, висящая на веревке под потолком. Какие грехи терзали бедную женщину, если призрак вынудил ее принять такое решение? Что омрачало прошлое Лоррейн, какие видения ее преследовали? А этот сундук со всеми предметами, принадлежавший, скорее всего, Магали? Помог ли он хоть как-то в их деле? Да, в общем, нет. Рассказ детектива оказался куда полезнее. Джиму захотелось прямо сейчас еще раз с ним поговорить, продвинуться чуть дальше и, главное, избавиться от неприятного чувства, что он не контролирует происходящее.

Рассвело, а он все лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок и перебирая в уме различные гипотезы. Наконец поднялся, принял душ, оделся. Ему хотелось прогуляться по городу, вернуться к себе домой и хотя бы несколько часов подряд побыть подальше от Элизабет. Было еще совсем рано, весь дом еще спал, а раз так, он позавтракает в баре у Лоретты и, как он выражался, помедитирует. Прежде всего его волновала причина, по которой Люсьен выбрал именно его – прошлой ночью он этого так и не понял, как и того, что ждет их в дальнейшем. Эти мысли не давали ему покоя.

Он добрался до бара почти на автопилоте. Небо было чистым, но лучи солнца, все еще теплые и ясные, не могли прогреть студень осенний воздух. Увидев Лоретту, стоящую за барной стойкой, он испугался. Голова ее покоилась на стойке, словно она потеряла сознание, а пальцы с длинными ногтями отбивали барабанную дробь. Услышав, как открылась дверь, она кривовато усмехнулась. Волосы ее были собраны в высокий хвост. Традиционный закос под восьмидесятые уступил место строгому стилю, более подходящему для ее возраста: хлопковое платье ярко-синего цвета, нарядный вышитый фартук.

– Экая вы ранняя пташка, мистер Аллен, – сказала она глухим хрипловатым голосом. Выпорхнула из-за стойки, подошла к Джиму и указала на один из пустых столиков. – Еще и девяти нет.

Джим улыбнулся.

– Лоретта, называй меня просто Джим, думаю, пора бы нам перейти на «ты». Кстати, ты отлично выглядишь. Этот новый стиль очень тебе к лицу.

Она наморщила носик, словно перед ней был щенок померанского шпица, и достала блокнот.

– Если будешь и дальше говорить со мной в этом духе, сделаю тебе скидку за аренду домика, – лукаво проворковала она. – Я провела несколько ужасных ночей. А ты поднял мне настроение.

– Что, тоже кошмары?

– Типа того, – уклончиво отозвалась она. – Но ничего смертельного, все это можно пережить. Ты же знаешь: то, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Джим испытывал большое искушение расспросить ее об этих кошмарах, но все-таки промолчал. Лоретта не производила впечатление женщины, от природы разговорчивой, но еще менее – любительницы потрепаться про собственную жизнь.

– Страшное дело, эти праздничные дни, – ответила она с нескрываемым кокетством. – Центральная площадь завалена ярмарочным хламом, и многие предпочитают завтракать здесь, а не в «Коконуте». А грохот молотков и болгарок? Вот уже третий день открываемся пораньше. Сейчас никого нет, но уверена: скоро не будет ни одного свободного столика.

– Праздник начала года, верно?

– Да, некоторые так его называют, хотя на самом деле правильнее было бы говорить «праздник начала учебного года», ведь сейчас сентябрь. Этой традиции десятки лет, – улыбнулась она. – Двадцать третьего сентября открылась лесопилка Брайдал-Вейл, с тех пор для города эта дата означает начало эпохи богатства и процветания. А потом ее никто так и не поменял. В эти дни устраивают вечеринки под открытым небом. Все организует мэр. Жадный козел умеет добиться того, что хочет. На самом деле он неплохой парень, но в эти дни на него столько всего валится, что он орет как не в себе. Тот еще тип. Оладушки будешь заказывать?

При словах «Брайдел-Вейл» у Джима мороз прошел по коже.

– И кофе, пожалуйста. Да покрепче. А к оладьям – клубничный сироп.

Дверь открылась. В заведение вошли одновременно несколько мужчин и женщин. Они расселись за столиками у окна. Лоретта кинулась принимать заказ, затем исчезла за стойкой. Джим наблюдал за свежими посетителями, которые оживленно о чем-то шептались и посмеивались. Внезапно он вновь услышал характерный звук открывшейся двери, но на этот раз не повернулся. Лоретта с важным видом поставила перед ним

кофе, одновременно приводя в порядок салфетницу. Когда позади него раздался знакомый голос, он чуть не подскочил на стуле. Он обернулся. Перед ним стояла Элизабет. На ней были чулки, пышная юбка и расклешенное теплое пальто. Девушка молчала, пристально глядя на него.

– Что ты здесь делаешь?

– Я пошла за тобой. Выглянула в окно и вдруг увидела, что ты выходишь. Вот и подумала, что ты либо у Лоретты, либо дома.

Определение «сконфуженный» отныне приняло для Джима новое значение. Краем глаза он поглядывал на Лоретту, однако та нисколько не удивилась, увидев Элизабет. Она как раз пересекала зал с подносом в руках. Проходя мимо девушки, чуть замедлила шаг и дружески потрепала ее по волосам.

– Можно я присяду? – спросила его Элизабет.

– Конечно... Извини... Честно говоря, не ожидал тут тебя встретить...

– Да ладно.

Она сняла пальто и уселась напротив. Ее щеки покраснелись от холода, на губах виднелась нежно-розовая помада. Хорошенький синий свитер из ангоры так очаровательно приподнимал грудь, что на мгновение Джим задумался: может ли он вообще не думать о глупостях, глядя на эту девочку.

– Чего желаешь, радость моя? – крикнула Лоретта из противоположного угла кафе.

– Того же, что и мистер Джим.

Элизабет внимательно смотрела то на него, то на Лоретту. Повисла неловкая пауза. Внезапно они заговорили одновременно, и девушка рассмеялась.

– Прости. Давай ты первая, – сказал Джим.

– Ты все помнишь. Я это вижу, – пробормотала она. – Я тоже кое-что помню и многого не могу себе объяснить. Знаю одно: эта ситуация тебя угнетает. Мне всего шестнадцать, но я уже не девочка, как бы ты ни настаивал на обратном. Джим, я не знаю, что со мной тогда произошло, наверное, это как-то связано с Люсьеном. Его музыка меня околдовала, она затягивала меня и в итоге заставила все это проделать. Не думай, что я...

– Я ничего не думаю, Элизабет. Во мне кипит целая экзистенциальная битва – это часть бремени так называемого порядочного человека. Впрочем, я все больше сомневаюсь, можно ли меня так называть.

Элизабет помрачнела. Она провела рукой по волосам и заправила выбившиеся пряди за уши.

– Я виновата не меньше. И, честно говоря, раскаиваюсь я только в том,

что почти ничего не помню.

Тут Джим окончательно запутался. Он понятия не имел, что сейчас выражает его лицо. Девушка смотрела на него. Джим был серьезен и сосредоточен. Он почувствовал, как она напряжена, и ему захотелось ее обнять.

– Ты любишь этого призрака, а он тебя использует, как бы я ни любил тебя и ни оберегал. Ты это понимаешь?

Она опустила глаза.

– Я знаю, что по какой-то причине он хочет, чтобы мы были вместе.

Джим не был уверен, стоит ли говорить ей правду. Не будет ли слишком жестоким сообщать об истинных намерениях Люсьена? Она выпрямила спину, стараясь выглядеть мудрой и зрелой, каковой, по сути, не являлась. Маленькая женщина, в этом не было сомнений, однако женщина, начисто лишенная женского опыта, не знающая элементарных правил жизни, сбита с толку.

– Он всегда заботился о моей сестре, Джим. Как бы там ни было, я не могу его ненавидеть. Пенни его любила.

– Элизабет...

– Дай мне договорить, – перебила она. – Мне не важно, почему его так заботит, чтобы мы были вместе, единственное, что я знаю: ты – хороший человек. Он привел тебя в наш город, он сделал так, чтобы мы познакомились. Что в этом плохого? Ты что, не имеешь права меня любить? Тогда и вовсе непонятно. Даже Люсьен не может контролировать любовь, он властен лишь над инстинктами, да и то не полностью.

Ее разумные доводы удивили Джима. Пока Лоретта накрывала завтрак, он молча ее рассматривал.

– Он больше не будет играть на скрипке, – продолжала она. – Он нас свел, но продолжать или нет – это уже наше дело. Если есть, конечно, что продолжать... Пожалуйста, не обращай со мной так, будто я твоя дочь, Джим. Я этого не выношу.

– Я не обращаюсь с тобой как с дочерью, я всего лишь стараюсь контролировать ситуацию, которая то и дело ускользает из рук. Тебе же только шестнадцать! – проворчал он сквозь зубы. – Возможно, я всего лишь твой каприз. Ты же совсем юная!

Глаза Элизабет затуманились.

– И что, из-за этого мне нельзя верить?

Джим склонился над столом и накрыл ладонью ее пальцы.

– Нет, Элизабет. Но я не хочу подрезать тебе крылья. У тебя вся жизнь впереди! Ты даже не знаешь, что я за человек... Я ведь не только автор

детских книжек.

Элизабет уронила голову и заплакала. Но быстро взяла себя в руки, отхлебнула кофе и жадно проглотила половину оладий.

– Ты постоянно говоришь только то, что я должна слышать, и ни слова из того, что думаешь на самом деле.

Тут Джим не выдержал и захохотал. Он снял очки и потер переносицу. Затем хмыкнул и откинул со лба волосы.

– Ну хорошо, если тебе угодно, скажу: я могу бороться с призраком, но совершенно не способен вести бой против тебя, Элизабет. И ты это знаешь.

Пышная юбка, порозовевшие щеки – какой смертный устоит перед ней? Только не Джим. Он услышал ее тихий смех и будто очнулся.

– Значит, тебе тоже жаль, что не помнишь этой ночи, – проговорила она недобрым голосом. – И не смотри на меня так. Иногда взрослые соображают медленнее, чем подростки, я вижу это по твоему лицу. И так всегда, Джим.

«Злодейка Катрина...» – мысленно упрекнул ее Джим.

– Какая умная девочка. Не понимаю, зачем ты спрашиваешь у меня то, что сама знаешь.

– Потому что мне нужно услышать это от тебя. А главное, заставить тебя понять, что ты мной не пользуешься, что я хочу того же самого. И никакой это не каприз...

– Сколько раз ты влюблялась?

Вопрос ее удивил. Она уставилась на Джима с набитым ртом и с трудом проглотила остатки оладушка.

– Я?! Ни разу...

– Черт побери, Элизабет! – его восклицание привлекло внимание посетителей, сидящих у них за спиной. Лоретта удивленно выгнула брови. Джим склонился к Элизабет и понизил голос: – Ни разу? Я у тебя что, первый? Ты серьезно?

– Ну да. Мне же всего шестнадцать, – ответила она с хитринкой.

– Не шути так.

– А почему тебе это важно?

– Теперь я чувствую себя еще старше.

Она засмеялась. Джим отодвинул тарелку. Аппетита как не бывало. Он наблюдал, как жадно поглощает она свой завтрак. Лоретта покосилась на них из-за стойки, в ответ Джим обворожительно улыбнулся. В голове его снова жужжал рой разъяренных ос, а Элизабет выглядела все более насмешливой. Стыдливость первых дней знакомства уступило место откровенности, которая имела свою негативную сторону. Джим пропал

окончательно, и он это знал.

В памяти всплыл образ ее стройных длинных ног, укутанных простынями, и сердце забилось быстрее. Внезапно его ослепило, будто вспышка: он представил, как срывает с девочки пышную юбку и овладевает ею прямо здесь, на столе. Он затряс головой и отхлебнул кофе. Тут он заметил, что Элизабет держит вилку с насаженным на нее оладушком, перепачканным в шоколаде, целясь прямо ему в лицо.

– Открой ротик. Твои – с клубничным сиропом, но мои вкуснее.

Джим машинально подчинился. Он проглотил вязкую массу и вытер губы салфеткой.

– Пока ты была скромницей, все было проще, – вздохнул он.

– Мне сложно завязывать дружеские отношения, к тому же недавно у меня умерла сестра. И все-таки я не дура. Когда я пришла к тебе в тот первый день, мне было ужасно неловко, но в первую очередь из-за страха, что ты меня прогонишь. Известный человек, кто знает, что у него за жизнь... Фотографии ничего не отражают. У тебя на них вечно самодовольный вид.

– Надо же. Спасибо, мисс.

– Но даже юная девушка типа меня кое о чем догадывается, – сказала она, подняла глаза и посмотрела на него жестким, злым взглядом. – Ты не из тех, кто умеет скрывать. Тебе известно про это?

Какая все-таки невероятная перемена! Когда же эта малышка истратит наконец все стрелы, заготовленные против него? Вызывающий взгляд, кокетливые ужимки, нежные слова и, разумеется, уверенность, которая с некоторых пор отличала ее поведение. Нет, дело не в Люсьене. Сейчас не было слышно никакой обволакивающей музыки, не было ничего колдовского или сверхъестественного, что могло бы повлиять на ее поведение. Просто Элизабет утратила всякий страх и стыд. Чистая Катрина, да и только.

– Знаешь? – повторила она. Джим машинально кивнул, представляя, как Элизабет сидит у него на коленях, и чувствуя сильнейшее возбуждение. – А, Джим?

– Да, разумеется. Мама мне часто про это говорила.

– Твоя мама? Надеюсь, мы с ней когда-нибудь познакомимся.

Джим допил кофе.

– Родители умерли, когда я был ребенком. Так что будет сложновато.

– Ого. Мне очень жаль.

Он был рад, что разговор – пусть и ненадолго – поменял русло. Элизабет поправила волосы и встала, собираясь в туалет. Джим искоса

наблюдал, как качнулась ее пышная юбка, как красиво двигались узкие бедра, когда она пересекала помещение кафе. Заметил он также, что Лоретта следит за ними, как хищная птица. Подойдя к столику забрать грязные тарелки, она бросила на него испытующий взгляд и отвернулась. По правде сказать, Джима мало волновало, что подумает Лоретта про их разговор, если она вообще что-нибудь услышала. Куда больше заботило то, как скрыть явные признаки возбуждения, вызванные чередой сладострастных образов, наводнивших голову. Он заметил, что Элизабет возвращается, но даже не взглянул в ее сторону. Это была вынужденная мера. Он сосредоточенно уставился на панель телевизора, дожидаясь, пока она снова сядет за столик.

– Я хочу пойти с тобой, – начала она с ходу. – К тебе. «Нет» в качестве ответа меня не устраивает. И плевать на твое морализаторство, а заодно и на то, что скажет мама, если заметит, что нас нет дома.

Впервые за весь разговор она покраснела. Перед Джимом снова была невинная девочка, которая пряталась у нее внутри. Джим посмотрел на нее с любопытством. Перехватив его взгляд, она опустила глаза. Ее руки лежали на столе, а еще он заметил, как вздрогнула ее нога, повинувшись трепету тела. На мгновение он пожелал, чтобы Люсьен и вправду имел отношение к тому, что произошло, – тогда бы он мог спокойно обвинить его в собственном выборе, а также и в самых разнообразных глупостях, которые роились у него в голове...

– Ладно, – коротко ответил он.

Элизабет подняла голову, ее глаза блеснули. Она собиралась что-то ему сказать, но Джим попросил счет и поспешно поднялся.

– Идем, Катрина, – окликнул он ее. Он немедленно откроет ей всю правду, и пусть она сама принимает решение. Будет что будет. – А по дороге я тебе кое-что расскажу. Возможно, ты увидишь нашу ситуацию под другим углом.

– А если не увижу?

– Тогда я пропал. Уйду в монастырь. Мы, мужчины, слабы.

Было раннее утро, но Кэтрин уже проснулась. Лежа в кровати, она рассматривала узоры на потолке. В комнате стояли сумерки. Перед тем как лечь спать, она задернула занавески, и бледный осенний свет, сочившийся сквозь щель, позволял отчетливо видеть четыре опоры, на которых держался потолок, и цветочный орнамент, украшавший их вдоль всей длины. В глубине души она обожала эту кровать – старинную, благородную, Лоррейн говорила, на ней спала какая-то королева. Кэтрин обожала старину. Предметы девятнадцатого века в течение многих лет были для них с мужем настоящей страстью, и сейчас, в своем теперь уже одиноком жилище, она бережно хранила эти реликвии: кровать, обтянутые атласом стулья, зеркала в тяжелых рамах, классический фарфор, картины в изысканном обрамлении, перламутровые шкатулки, внутри которых хранилось совсем немного ценных вещей.

Благородство, изящество изгибов, древесина каштана или черешни успокаивали Кэтрин, принося ощущение надежности и покоя. Она часто размышляла о том, что новое поколение не умеет ценить мелочи, отдает предпочтение минимализму – отсюда безликая атмосфера их домов, соответствующая поверхностному восприятию жизни. Она полагала, что в плане впечатлений мир не претерпел ни малейшей эволюции, скорее наоборот, а в своих мечтах и дремотных видениях видела себя рожденной в иную эпоху, когда деталям уделяли куда больше внимания, не говоря уже о неспешных беседах, пространных письмах или просто прогулках в тишине.

Ее жизнь подходила к концу, и она это знала. Ей было слишком много лет, и ее биологические часы неумолимо подходили к отметке, которая ожидает каждого. Она закрыла глаза и прислушалась к далеким звукам, которые доносились извне. Она представила себе площадь, полную рабочих, которые расхаживали туда-сюда со своими инструментами, а заодно и острую тревогу, отравляющую воздух каждый год за день до открытия праздника.

Как ей хотелось почувствовать себя лучше! Если бы у нее перестали болеть ноги, она бы отправилась вместе со всеми на площадь послушать оркестр классической музыки, приглашенный мэром, о котором сообщали афиши, украсившие весь Пойнт-Спирит. Затем она ненадолго задремала, размышляя о Лоррейн, о Дэнни Колемане, о семье, терзаемой беспокойным духом. В этот миг она ощутила жар. Вначале запылали щеки, затем жар

распространился по всему телу, предупреждая о неизбежном.

Странное видение завладело ею, парализовав все мышцы, не давая шевельнуться в продолжение нескольких секунд, которые казались бесконечными и почти безнадежными. Такое случалось редко, но она всегда была начеку. Она никому про это не рассказывала. Кто бы поверил, что в мире и правда бывают ясновидящие? Но именно такой она и была. Она сомкнула веки так плотно, что заболели глаза. В ушах тяжело, низко гудело, голову пронзили болезненные спазмы, от которых испуганно трепыхалось сердце. Дыхание участилось, жар во всем теле сменился холодом. Она вспотела. Тело дрожало, когда же ей наконец удалось приподняться и сфокусировать взгляд, комнаты уже не было, а она сама сидела на чужой кровати.

Видение было ярким, гораздо ярче, чем те, к которым она привыкла. Она огляделась и поняла, что находится в комнате Лоррейн. Увидела худую фигуру, которая поспешно шагала по коридору. Она знала, что, если к ней прикоснуться, окажешься внутри голограммы. Ее пальцы затеряются среди бликов и оттенков света, и она пройдет картинку насквозь. Понимание было таким отчетливым, что она встала и двинулась вслед за фигурой. Она отлично знала этот дом. В конце коридора располагалась кухня, чуть в стороне – гостиная и чудесное трюмо с зеркалом, которое она сама подарила Лоррейн за несколько месяцев до ее гибели. Ночная рубашка достигала щиколоток, Кэтрин шла босая. Лоррейн сидела на диване, сумрачный взгляд был полон недоумения, казалось, она страдает. Губы ее беззвучно шевелились, словно нашептывали жалобы или мольбы.

– Что с тобой случилось?.. – Это был не вопрос, заданный в воздух, – это был вздох отчаяния.

Войдя в гостиную и притулившись в уголке, Кэтрин заметила, что позади подруги стоит высокий человек в элегантном костюме, с виду – старинном. Он стоял неподвижно, слегка склонившись к Лоррейн. Это был еще молодой мужчина в самом расцвете сил. Большие, чуть продолговатые карие глаза, густые волосы того же оттенка, крупный рот с пухлыми, выразительными губами. Физиономия, как показалось Кэтрин, выдавало в нем человека, принадлежавшего к хорошей семье. Но почему-то все вместе отталкивало. Это был призрак, неприкаянный дух, которого несколько дней назад она обнаружила у себя в комнате. Все тот же аромат цветов, та же энергия, грозная и древняя. Вне всяких сомнений, это был он, и сейчас она видела его во всей красе. Интересно, а он ее видит?

В течение всей жизни видения случались у Кэтрин всего пару раз, но ни одно из них не было до такой степени реальным и ярким. Она

догадывалась, что, пережив такое, потом два дня проваляется в кровати, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Такова была цена, которую приходилось платить за ее редкий дар, за проникновение в прошлое или будущее людей и, главное, за пересечение запретной черты между миром физическим и духовным.

– Воспоминания невозможно стереть, Лоррейн, – пробормотал человек у нее за спиной. – Ты не была хорошей матерью, ты выпускала своего малыша одного в сад. Ты была слишком увлечена своими гостями и потеряла ребенка из виду. Ты совершила страшную ошибку.

Лоррейн вздрогнула и переменяла позу. Щеки у нее порозовели от ярости, в помутневших глазах стояли слезы. Раздался детский плач – он свободно разносился по дому, отраженный стенами и высоким потолком.

– Я была слишком юная, – прошептала она. – Я думала... думала, что он играет с другими детьми. Я не успела прийти на помощь!

– Он свалился в бассейн, не так ли, Лоррейн? Точнее, шагнул на брезент, которым ты заботливо накрываешь воду, чтобы убереечь ее от насекомых и крыс. Ты не хотела, чтобы они портили твой сад, твой идеальный мирок... Сколько ему было? Три года? Ах, какое безобразие... Единственный сын...

Он поцеловал ее в щеку и обольстительно усмехнулся. Она сидела, не шевелясь, и дрожала от ужаса. Кэтрин почувствовала сильнейшее желание броситься к ним и заключить подругу в объятия. Призрачное существо творило ужасающую, просто чудовищную несправедливость!

– Господи... Так вот, значит, в чем дело... О, Лоррейн! Почему ты мне раньше этого не говорила? Почему не просила помочь?

Призрак выпрямился и пристально посмотрел на Кэтрин. Та застыла в изумлении. Ни разу в жизни не случилось такого, чтобы дух ее заметил. Но теперь она не сомневалась: он ее видит. Он решительно, твердым шагом направился к ней. Впрочем, выглядел он довольно мирно; складывалось впечатление, что происходящее его забавляет.

– Видишь ли, бокор, – с достоинством проговорила Кэтрин, – это не твой дом. Приказываю тебе покинуть пределы живых и вернуться туда, откуда ты пришел!

Человек улыбнулся, протянул руку и осторожно взял прядь ее седых волос.

– Я мог бы показать тебе ее последние минуты, – сказал он, с нахальным видом поигрывая ее волосами. – Признаться, она раздумывала не слишком долго... Увидела веревку и мигом сообразила, что делать. А где была в это время ты, ее подруга? Она очень в тебе нуждалась.

– Ты пытаешься запутать меня, демон. Она не говорила мне, что произошло с малышом, она не делилась со мной этим горем. Не имеет смысла делать меня виноватой. Я сильнее, чем ты.

– Уверена?

В его словах слышалась издевка. Его красота была такой же могучей, как и его злодейство. Она сделала шаг назад, дух следовал за ней. Подойдя вплотную, он собрал ее волосы и заколол шпилькой. И тут же невинное выражение лица сменилось дьявольской гримасой. Глаза налились кровью, стали почти багровыми, челюсти сжались, губы расплылись в страшной улыбке.

– Сколько времени ты будешь приходить в себя после этого видения? – спросил он вкрадчивым голосом. – День? Нет, пожалуй, два. Ты стара для меня, Кэтрин. Твое тело не выносит слишком высоких перегрузок. Энергия быстро заканчивается, и каждый раз тебе все сложнее приходить в себя после таких потрясений.

Он положил руку на плечо Кэтрин. Что-то больно кольнуло ее в висок – так неожиданно, что она схватилась за первое, что подвернулось: за его руку.

– Кэтрин... Вынесешь ли ты всю правду, не имея возможности вмешаться? Как будешь жить с этим дальше, шарлатанка? Отвечай!

Кэтрин ничего не понимала.

– Ты ничего мне не сделаешь. Все, что у тебя есть, – чертов дар вытаскивать из людей их низость, грехи и ошибки. Но изменить ты ничего не можешь! Бог тебе не позволит. Ты не живой человек!

– Бога здесь нет. Он давным-давно вас покинул, старая ты шельма...

Внезапно она услышала странный шум. Она не могла определить его источник: человек ее отвлекал, сжимая плечо, так что пальцы его вонзались прямо в ее тело. Все происходило как в замедленных съемках. Она слышала, как плачет Лоррейн. Слышала крики ребенка, зовущего мать, рот малыша заполнялся водой, и крики переходили в бульканье, жуткое и зловещее.

– Так что, готова, Кэтрин?

Она вздрогнула, ноги у нее подгибались. Существо схватило ее, развернуло и встало у нее за спиной. Оно обхватило рукой ее шею, словно пылкий любовник, другой рукой указало на открытую дверь.

– Готова – для чего?

– Для того чтобы узнать правду. Единственную правду. Каковы были ее последние часы в этом мире. Полюбуйся тем, что я тебе покажу, а затем... предайся отчаянию.

В дверях она заметила другой силуэт. Она поднесла руки ко рту, с трудом сдерживая изумленный вопль.

– Не может быть! Это невозможно!

Призрак засмеялся прямо возле ее уха. Она не могла отвести глаз от нового явления, не в силах была поверить тому, что видела собственными глазами. Теперь она все поняла!

– Нет... не может быть. Этого не может быть никак и никогда. Ты меня обманываешь.

– Сама знаешь, что нет.

– Я должна их предупредить.

– Слишком поздно, Кэтрин. После этого небольшого приключения ты не сможешь пошевелиться много часов подряд. Ты мне веришь, радость моя... Так было всегда, а ты уже давно живешь на свете!

Сбивчивое дыхание Лоррейн заставило Кэтрин обернуться в ее сторону. В руках та сжимала телефонный шнур. Из открытой двери доносились звуки ночи, проникая прямо в сердце. Человек подошел к Лоррейн, осторожно склонился над ее сторбленным телом и погладил ей щеку.

– Нет, этого не может быть! – выдохнула Кэтрин с едва различимой мольбой в голосе.

– Открой глаза, Кэтрин. Воспользуйся энергией, которую я тебе предлагаю, и полюбуйся на правду.

Существо умолкло. Ноги Лоррейн, по-прежнему обутые в тапочки, конвульсивно подергивались. Кэтрин убрала ладони от лица и попыталась переместиться в центр комнаты, но дух схватил ее за руку и удержал. Ей удалось выкрикнуть всего одно слово: оно вырвалось из ее горла вместе с яростью и страхом.

– Это ты!

Элен поднялась с ковра. В нескольких метрах от нее возле двери лежало тело Томми. Оно лежало неподвижно, навзничь.

– Томми? Томми, ты меня слышишь?

– Господи... – услышала она прерывистый шепот. – Элен...

– Томми!

Она поползла в его сторону. Голова все еще нестерпимо болела. Ощупав ее пальцами, она обнаружила шишку: похоже, она крепко приложилась.

– Томми, скажи что-нибудь. Ты в порядке? Все кончилось, она ушла.

– Я знаю.

Он засмеялся. Этот внезапный смех вызвал у нее ужас. Казалось, Томми обезумел. Сначала чуть слышный короткий смешок, затем всхлипывающий хохот. Мысленно она взмолилась, чтобы он не потерял рассудок. Приблизилась к нему, заглянула в лицо. Томми мотал головой туда-сюда и смеялся. Его широко открытые глаза едва не вылезали из орбит. Бледное лицо покраснело и лоснилось, волосы рассыпались по лбу, мокрые от пота. На майке Элен заметила следы грязи и крови, на руках – отпечатки когтей. Она встала на колени и внимательно его осмотрела. Общее впечатление – лежащий перед ней человек несчастен и тяжело болен. Он позволил осмотреть свое тело, но, когда пальцы Элены прикасались к отметинам, принимался хихикать.

– Что случилось?

На лице Томми изобразилась лукавая гримаса.

– И ты еще спрашиваешь, – он снова захихикал. – Девчонка экзорциста напала на меня, Элен. Я думал, ты и так все поняла. А потом она исчезла. Испарилась одновременно с тем, другим! Правда, перед этим ее стошнило прямо поверх меня. Она пахла тинной, болотом. А потом... потом...

– Успокойся, Томми, ты меня пугаешь.

Томми захохотал. Он лежал в точности там же, на ковре, и с интересом рассматривал потолок. Элен была уверена, что парень окончательно спятил, однако в целом Томми казался спокойным, даже по-своему удовлетворенным. Он глубоко вздохнул, а когда снова взглянул на Элен, сидящую возле него в позе кающейся грешницы, вновь громко, визгливо заржал.

– Томми, ради всего святого, сдерживай себя!

– У тебя штаны свалились. И трусы наружу торчат.

Он был прав. Элен смутилась. Пока она ползла к нему по ковру, мешковатые брюки сползли и держались на бедрах. А нижнее белье было выставлено на всеобщее обозрение. Она покраснела, как помидор, и принялась неуклюже поддегивать штаны.

– Да ладно тебе, – фыркнул он. – Короче, скажу тебе так: пусть по вторникам и четвергам приходит марионетка, а в остальные дни девчонка экзорциста. Мне теперь наплевать!

– Нет, этого не будет... Ты сумеешь взять себя в руки...

– Ой, не парься. Что они мне сделают? Они и так уже все перепробовали: гонялись за мной по лесопилке, подвесили за нитки, как камбалу на витрине, а теперь еще эта штука блюет на меня и плюется, – он едва сдерживал смех. – Пусть себе приходят!

– Томми!

Парень приподнялся и, увидев пятна на майке, с отвращением ее сорвал.

– Лучше всего было бы застрелиться и покончить разом со всем этим. – Неуклюже, шатаясь как пьяный, он поднялся с пола. – Но, боюсь, так они точно станут частью моего фан-клуба. Эй, ты меня слышишь?

Элен дрожала.

– Да, я слышу тебя, Томми.

– Что будет дальше? Чего им от меня надо? Чего они до меня докопались? Бог покинул меня, – воскликнул он. – Я двадцать раз попросил у этой бабы прощения, – продолжил он, плюхаясь в кресло. – Умолял выслушать. Рассказал подробно, что и как было. А в ответ она на меня наблевала. А потом еще этот тип, который тебе улыбался... Кто этот мужик?

– Понятия не имею.

– Он ржал надо мной, когда я пытался отбиться от девки. Потом резко отошел от тебя, и ты грохнулась лицом вниз. Вот, а потом он ее увел. Видишь, как все просто! Увел ее – и все кончилось! – Он вскинул руки и затряс ими в воздухе, будто разгоняя дымовую завесу. – Девка на меня навалилась, но он ее оттащил, а потом увел. – Какого черта все это значит?

– Я... я правда не знаю.

– Где черти носят пастора? – крикнул он. – Я должен исповедаться, Элен. Я не могу так. Долго я не продержусь.

Элен поднялась с пола и села рядом с ним. Она чувствовала себя как выжатый лимон. Томми обхватил руками колени, сверху положил голову.

– Ничего себе, уже светло...

– Мы должны что-нибудь съесть. Я позвоню Ларку и скажу, что останусь сегодня дома, что ты неважно себя чувствуешь. Он поймет. Перкинс меня подменит. И... и если хочешь, позвоню Роберту и попрошу прийти прямо сюда. Роберт милейший человек, уверена, что он не откажет.

– Да, ты права...

– Ты с ним поговоришь. Только пообещай, что не сдашься, Томми, не наделаешь глупостей.

– Обещаю.

Он казался испуганным, потерянным ребенком. Элен говорила спокойно и терпеливо. Нежно погладила его по голове, осторожно убрала со лба мокрые пряди.

– Элен.

– Да, Томми.

– Я сделаю тебе новую марионетку. Я не должен был ломать твою игрушку. Я знаю, что это подарок племянника. Мне очень жаль, что я ее испортил. Я все исправлю.

Она улыбнулась.

– Я уже и забыла про нее. К тому же ты ведь их боишься.

Она потрепала его по волосам, затем коснулась пальцами отметин на спине. Следы затянулись, но до конца не исчезли. Томми держался бодрячком. Он машинально смотрел на выключенный телевизор, обхватив руками согнутые в коленях ноги. Он был почти спокоен.

– Ты их больше не боишься?

– По-моему, я уже ничего не боюсь, – тихо произнес он, прислушиваясь к звучанию собственных слов. – А может, боюсь так сильно, что уже не замечаю.

Алан остановился в коридоре напротив комнаты Карлоты. Подергал за ручку, но дверь была заперта изнутри. Его не слишком волновал тот факт, что его не пускают. Главное, он знал, что Карлота вернулась и, скорее всего, крепко спит, хотя ему надо было с ней поговорить и по возможности уменьшить напряжение, возникшее между двумя сестрами. Затем он направился к Элизабет. Дверь была приоткрыта, а кровать, к его удивлению, заправлена. Внизу послышался шум, и Алан успокоился: девочка уже спустилась и завтракает с Мэри Энн. Он поспешил к лестнице и направился вниз, в кухню.

Небо в то утро было ясным, безоблачным, и лучи солнца согревали африканские маргаритки, вьюнки, декоративные деревца и прочие растения, украшавшие сад. Он посмотрел сквозь застекленную входную дверь и увидел людей, движущихся по дороге в направлении центра. Картина выглядела безмятежно, как в прежние времена. Что ж, он только рад. В клинике ему предстояло тяжелое утро. Там еще оставались пациенты, проходящие реабилитацию после стресса. Надо поговорить с коллегой, узнать новости, заполнить истории болезни, осмотреть пациентов. В кухне он с удивлением обнаружил Мэри Энн, сидевшую в полном одиночестве за столом с чашкой кофе. Прекрасные черные волосы заплетены в косу. Длинная ночная рубашка с оборками и бантиками спадает почти к полу, а рукава небрежно покоятся на столе, как будто перед ним не соседка, а настоящая королева. Он поцеловал ее в щеку. Кожа была горячая, а глубокий печальный взгляд говорил, что она встревожена и погружена в размышления.

– Какая ты сегодня красивая. Похоже, девочки нет дома. – Он взял термос, подошел к одному из навесных шкафчиков и достал чашку. Затем вернулся к столу.

– Да, Элизабет ушла рано утром с Джимом, – задумчиво ответила Мэри Энн. – Я была в ванной и слышала, как она сбегает по лестнице.

Мэри Энн пожала плечами и посмотрела на Алана. На лице у того не было и тени гнева или недовольства. Алан уселся напротив. Год назад он и вообразить не мог, что такое возможно: он в доме Мэри Энн, а вокруг полный хаос.

– Похоже, ты с этим миришься. Неужели происходящее тебя не беспокоит?

– А что, есть другие варианты? – спросила она почти умоляюще. – Это же не я бегаю за писателем, а моя дочь. Но я ни в чем не могу ее упрекнуть.

– Готов поклясться: Джим со своей стороны сделал все возможное, чтобы этого избежать. Я беседовал с ним несколько дней назад. Он ведет себя порядочно по отношению к девочке. Да и к нам тоже.

– Я знаю. Похоже, наш Люсьен всегда прав. Все его действия имели тонкий расчет, а в итоге приносили пользу. Мысль об этом невыносима. Меня ужасает, как я тогда рыдала, как обращалась с ним, когда умерла Пенни. Знаешь, он не хуже любого из нас. Просто у него больше силы и больше власти.

– И все же он не имеет права делать то, что делал, Мэри. Сколько людей страдают по его вине, сколько жертв потребовал этот его каприз сохранить свой род. Зачем ему это понадобилось? Не понимаю, какую цель он преследует, как не могу расшифровать и всего остального.

– Этот город отнял все, что он любил, Алан. Иногда я представляю его обычным мужчиной тридцати лет, каким он был когда-то, его жизнь, семью, которую он любил, талант, которым пожертвовал. Он потерял все, и потеря была бессмысленной. У него все отняли, и это было несправедливо. Может, он вернулся, когда родились девочки? Или когда в доме снова появилась жизнь со всеми ее радостями и печалью? Я читала про это как раз на днях. Когда в покинутый дом возвращается жизнь, все, что в нем дремало, внезапно пробуждается, становясь опасным. Только и делаю, что думаю про это.

Алан покачал головой. По какой-то причине логика существа не казалась ему столь очевидной.

– У меня такое чувство, что чего-то не хватает, – пробормотал он. – Я не про Джима. Вместо него мог бы появиться кто-то другой, и в итоге все было бы только хуже. Я имею в виду каприз насчет возрождения рода. Зачем Люсьену это понадобилось? Допустим, он получит то, чего желает. А потом? Снова уснет на ближайшие семьдесят лет? Интересно, мы его еще увидим?

– Не знаю. – Она задумалась, затем на лице у нее отразилось беспокойство.

– Что случилось?

– Он сказал, что я должна быть сильной, чтобы встретить то, что грядет. Он на что-то намекал. Мне показалось, что он меня о чем-то предупреждает.

– А вдруг Элизабет беременна?

Она покачала головой.

– Я не про это. Уверена, причина в другом. Не спрашивай меня, почему, но...

– А может, это как-то связано с Карлотой? Может, он предупреждал тебя о предательстве?

– Понятия не имею.

Она пожала плечами, сложила руки на груди и погладила пальцами предплечья. Этот чувственный жест вызвал у Алана непреодолимое желание обнять ее, но он сдержался.

– Твоя сестра спит наверху, – продолжил он. – Она заперлась изнутри. Наверняка вернулась под утро. Надо бы тебе с ней поговорить. Мэри, я знаю, что не имею права вмешиваться в ваши дела, но прошло много лет, и она твоя сестра. Твоя обида ничего не изменит, и ты это понимаешь.

Он заметил, что глаза Мэри блеснули. Меньше всего ему сейчас хотелось причинить ей боль.

Он наклонился и взял ее за руки.

– Не говори глупости. Ты имеешь полное право говорить на эту тему. Как раз тебя это касается больше других. И да, ты прав: Карлота познакомилась с Виктором еще до меня. Все, что она говорила, – правда. И она не злой человек. Я не могу наказывать ее более жестоко, чем она сама себя наказывала в течение стольких лет. У меня на это нет сил, да и Виктор не заслуживает лишней минуты моего времени. Он хорошо обращался со мной и нашими дочками. Он ни в чем ни разу меня не подвел и уже не подведет. Но моя жизнь изменилась. Теперь у меня есть ты, а Элизабет я нужна больше, чем когда-либо. Я не собираюсь следовать правилам этой игры и не позволю Люсьену разлучать меня с моей семьей, если он этого добивается. Думаю, в первую очередь он хотел сделать так, чтобы Карлота заплатила за свои грехи.

Уверенность Мэри Энн передалась Алану: от ее слов у него будто гора с плеч свалилась. Он очень любил ее, но впервые она предстала перед ним как женщина решительная и волевая. Как человек, который наконец-то ощутил в себе силы преодолеть невзгоды, за чьей хрупкой наружностью отчетливо просматривалась незаурядная личность.

– Что касается девочки, я поговорю с Джимом, – продолжала она. – И непременно организую ей полный медицинский осмотр. Понятия не имею, захочет ли этот человек от нее ребенка в сложившихся обстоятельствах. В Сан-Франциско его ждет привычная жизнь, карьера. Невозможно сказать заранее, как он отнесется к такой ловушке, если в итоге наша гипотеза подтвердится.

– Возможно, нас ожидает сюрприз. Вчера он очень расстроился, узнав

про обман, в этом нет ни малейших сомнений. Я бы на его месте тоже разозлился, но единственной причиной была юность Элизбет. Он не сомневался ни в чем, кроме возраста твоей дочери.

– Но мы же его почти не знаем. Я не говорю о его доброте или принципах. Мы не знаем, что он оставил в Сан-Франциско, нам ничего не известно о его работе или его проектах. Мы не можем сказать, как он отреагирует!

Алан знал, что Джим не слишком беспокоился о подобных вещах; и все же образ беременной Элизабет приводило его в неопиcуемый ужас. Он сделал попытку выбросить его из головы и посмотрел на часы.

– Все это надо обсудить, и твоя дочь должна при этом присутствовать. Ох, мне пора, радость моя, – заторопился он. Подошел к Мэри Энн, пожал ей руку, затем крепко обнял и поцеловал. – Поговори с Карлотой, да побыстрее.

– Я люблю тебя, Алан, – пробормотала она. – Не забывай про это.

Он снова ее поцеловал.

– И ты не забывай про это, Мэри. Когда все будет позади, я заберу тебя отсюда, и мы отправимся в путешествие. Только ты и я.

Мэри Энн улыбнулась.

– Представляешь, я ни разу в жизни нигде не была.

– Я знаю.

Прежде чем сесть в машину, он посмотрел на ее силуэт в окне. Он видел ее теперь по-другому, не как сосед и не как друг. Отныне она была для него всем, впрочем, как и всегда – просто раньше он понимал это исподволь, втайне от самого себя. Он коснулся пальцами губ и послал воздушный поцелуй. Она засмеялась. Удаляясь от дома, он пожелал не разлучаться с этой женщиной никогда, ни на минуту. Но в следующее мгновение реальность оглушила его: город, суета, нестройный гул множество людских голосов. Он вспомнил про глупый праздник, зачем-то устроенный в городе. Неужели им в самом деле есть что праздновать? Сама идея праздника в такое время казалась ему кощунственной. Это было что-то вроде предчувствия. Дурного предзнаменования.

Подойдя к калитке, Элизабет наконец подняла глаза на Джима. Если бы она не научилась разбираться в его реакциях, она бы подумала, что история с Люсьеном, тетушкой Карлотой и ее предполагаемой беременностью задела его и оскорбила. Настораживала его манера говорить, привычка, которую она уже не раз замечала, подолгу задумываться над ее словами, словно стараясь обнаружить в них подвох. Несомненно, Джим Аллен всерьез разозлился на Люсьена, но не за то, что тот натворил. Было что-то еще, чего ей никак не удавалось распознать в спокойном, невозмутимом тоне его голоса. Как будто помимо злоключений, потрясших город в последнее время, существовало что-то более значительное, более важное лично для него. Элизабет не могла объяснить, в чем дело, но ясно чувствовала, что каким-то непостижимым образом Джим вышел из их команды и играл самостоятельно, терпеливо дожидаясь со стороны Люсьена ответного хода.

И лишь в то мгновение, когда он умолк и посмотрел на нее, чуть заметно хмурясь, она вновь увидела перед собой ни в чем не уверенного, вечно сомневающегося человека с растрепанными волосами и растерянным взглядом. Она понимала, что ее молчание его расстраивает. Джим сложил руки на груди и удивленно наклонил голову.

– И что? – спросил он. – Ты ничего не хочешь сказать?

– Про тетушку я знала, – уверенно ответила она. – Люсьен рассказал мне про это несколько дней назад. Помнишь, я говорила тебе, что проснулась посреди ночи и чувствовала его рядом? Тогда-то он все и рассказал. Она в самом деле не знала, что именно он ей предлагает. Но зная, кто он такой, можно предположить что угодно. Лично меня ничего не удивляет. Мне сложно ненавидеть тетю. Скорее мне ее жаль. Что же касается беременности, я и сама не исключала такую возможность, Джим.

Элизабет толкнула калитку и направилась к дому по дорожке, выложенной плиткой. Джим шел за ней по пятам.

– И это все? Больше ты ничего мне не скажешь? Тебе на все наплевать, радость моя?

– Нет, не на все, – она обернулась. – Меня не радует идея стать матерью прямо сейчас. В моем-то возрасте! Впрочем, эта мелочь не должна волновать тебя слишком сильно. Отопрешь дверь?

Она вошла в дом. Джим с удивлением подметил, что она чем-то

рассержена.

– Как может не волновать меня эта, как ты выражаешься, мелочь? – Он запер за ней дверь и бросил куртку в кресло. – Ответь, пожалуйста.

– Я всего лишь хочу сказать, что, если я и правда беременная, ты не обязан за это отвечать. Тебя ничего не привязывает к Пойнт-Спириту, и я никогда ничего у тебя не попрошу. Ни для себя, ни для ребенка. – Она отвернулась к окну. Пышная юбка качнулась на бедрах. Джим изумился еще больше. – Не думаю, что я беременна, но если это и так, не воображай, что я попытаюсь избавиться от ребенка. Ни за что! Но и у тебя ничего не потребую. Вот что я пытаюсь до тебя донести.

– Думаешь, это меня пугает? Ты считаешь меня таким идиотом? – Джим вышел из себя.

– А что? Это было бы вполне естественно. Твоя жизнь...

– Малышка, моя жизнь может проходить в любой точке земного шара, где я могу работать и сочинять свои книги. Меня обижает, что ты так плохо про меня думаешь! Мне все стало ясно с первого же момента, как я тебя увидел, Элизабет. Я пытался бороться с тобой, но борьба давалась мне нелегко. Меня пугает вовсе не ребенок. Неужели ты не понимаешь? Речь идет о твоей жизни. О твоей юности! Готова ли ты пожертвовать жизнью, предназначенной для девочки твоего возраста, ради младенца, которого тебе навязали?

– С какой стати ты думаешь, что я хочу того же, что и другие девочки? – в ярости спросила она. – Вы, взрослые, планируете жизнь ваших детей, думая лишь о том, чего сами не сумели добиться в жизни. Это несправедливо. У меня нет друзей, Джим! Мне скучно с ровесниками. Я нигде не бываю, потому что мне неинтересно. Рок-музыке я предпочитаю классическую оперу, а если мне нужно выбрать, пойти на концерт или посмотреть хороший фильм, сидя дома на диване, я без колебаний остановлюсь на втором. Я чокнутая? Нет, просто другая.

– А не задумывалась ли ты хотя бы раз за всю твою небольшую жизнь, что ты другая не сама по себе, а потому что он такой тебя сделал? – Джим сам удивился своим словам, что не укрылось от внимания Элизабет.

– Какая разница, кто виноват, Люсьен или мои родители, а, Джим?

– Успокойся.

– Не хочу!

Джим взял ее за плечо, но она отвернулась. Он взглянул на нее с удивлением. Предпринял еще одну попытку приблизить ее, коснулся губами волос. Она не пошевелилась. Едва его рука коснулась нежной детской кожи, перед глазами пронесся такой мощный ураган образов, что он

растерялся. У него закружилась голова: он увидел святилище, которое Люсьен показал ему несколько ночей назад, мокрого от пота бледного юношу, стоящего на коленях в луже крови. Столб, по которому спускались лоя и поднимались молитвы верующих: сейчас он пылал, как факел, а вокруг гудели голоса.

– Пате-Митан, – пробормотал он дрожащим голосом.

Элизабет повернулась и с удивлением посмотрела на Джима: рот у нее приоткрылся, в детских глазах застыл страх.

– Как? Что ты сказал?

Джим промолчал. Он сам не знал, что это были за слова. Элизабет показалось, что в нем появилось что-то новое. По-другому блестели глаза: они смотрели на нее со смесью преданности и желаний. Джим взял ее на руки, ухватив руками под ягодицы. Она обняла ногами его талию. Он ее поцеловал: Элизабет почувствовала его язык у себя во рту. Это был первый глубокий, настоящий поцелуй: раньше они так не целовались. Остальное напоминало чудесный сон, полный красок и оттенков, чувственных образов, которые временами терялись где-то в закоулках ее сознания. И все это было наяву. Когда же он нес ее в спальню, твердо и уверенно ступая на каждую ступеньку, на миг ей почудилось, что где-то слышатся удары в барабан. У нее мелькнула мысль, что, наверное, это отзвуки праздника в центре города, но времени размышлять не было. Опомнилась она на кровати. Джим мигом снял с нее всю одежду, и она лежала перед ним голая и беззащитная. Она смутилась. Щеки зарделись, она закрыла лицо руками, одновременно стараясь прикрыть локтями груди. Но он осторожно отвел ее руки.

– Не надо стесняться. Ты даже не представляешь, до чего ты хороша.

Он положил ей руки на бедра и легонько подтолкнул повыше, к подушке. Сорвал с себя рубашку. Склонился над ней. Мышцы у него на руках напряглись. Он оперся ладонями по обе стороны ее тела, чтобы не раздавить своим весом. Нежно поцеловал в кончик носа, затем принялся неспешно покрывать поцелуями шею и груди. Новые ощущения завладели Элизабет, лишая ее воли. Она чувствовала поцелуи на животе, бедрах, пупке. Когда же Джим на секунду прервался, в ее глазах он вновь заметил лукавые и недобрые огоньки, как в ту ночь, когда Люсьен играл на скрипке под окном ее комнаты.

– Что ты делаешь...

Внезапно она почувствовала язык Джима у себя между бедер и вскрикнула от изумления и страсти. Слова застряли в горле. Что он делает? Что означает это новое, неизведанное наслаждение? Она и представить

себе не могла, что так бывает. Она сейчас умрет от удовольствия! Но Джим как будто ничего не замечал. Она вновь закрыла лицо руками, а в следующий миг наслаждение сделалось таким острым, что она уже не сдерживала стонов. Тело выгнулось дугой, бедра судорожно заметались, она закричала.

Это было похоже на мощный выброс энергии. Когда она открыла глаза, он уже склонялся к ее лицу. Ее рот был приоткрыт, его язык не спеша облизывал ее нижнюю губу. Передохнуть он ей не дал: легонько куснул ее нежный пухлый рот и впился в него с каким-то отчаянием.

* * *

Когда она снова открыла глаза, в комнате стоял полумрак. Шторы задернуты, Джим исчез. Элизабет потянулась и взглянула на часы. Как ни странно, о маме и тетушках она не вспоминала. Прошло полтора часа: похоже, она спала. Собирая дрожащими руками разбросанную по кровати одежду, она припомнила все подробности их встречи. На этот раз она ничего не забыла. Когда она вспоминала моменты их близости, у нее перехватывало дыхание. Это было так сладостно, так приятно! И в то же время так отличалось от того, как она представляла себе подобные сцены.

Все еще обнаженная, Элизабет присела на край кровати. Юбку она держала в руке, колготки и свитер запутались в простынях. Позади нее раздался стук. Обернувшись, она испуганно вскрикнула: рядом с дверью в плетеном кресле-качалке, из тех, что часто встречаются в деревенских домах, кто-то сидел. Она инстинктивно прикрыла ладонями груди и наклонилась, чтобы загородить остальные части своего обнаженного тела. Человек легонько покачивался. Его руки покоились на подлокотниках.

– Я видел, как ты родилась, – проговорил он. – Не прячься от меня, ma petite.

– Люсьен?!

Он резко поднялся – кресло все еще покачивалось – и не спеша подошел к кровати. Усевшись перед ней на корточки, осмотрел своими восточными глазами ее груди, бедра и нежный пушок, покрывавший самые интимные части ее тела. Элизабет застонала от стыда, но не шелохнулась.

– Дай-ка я тебя одену, ma fille. – Он собрал ее вещи. Надел трусики сначала на одну ногу, затем на другую, аккуратно их расправил.

– Люсьен, – взмолилась она.

– Только не надо ныть. Не грусти, моя красотка. Он тебя не обидит, я ему не позволю. А сейчас ты должна привести себя в порядок и пообещать мне одну вещь.

Он провел своими длинными пальцами по ее щеке и с отеческой нежностью поцеловал в лоб. У призрака была такая же загадочная улыбка, как и у Джима. Он расчесал пальцами волосы Элизабет и, ловко надев на нее остальную одежду, поставил на ноги и поцеловал макушку, затем веки.

– Так что я должна пообещать? – спросила Элизабет.

– Что всегда будешь меня любить.

– Но это невозможно!

Люсьен вздохнул.

– Все равно пообещай, ma petite.

– Хорошо, обещаю!

Он сделал шаг назад, опустился на колени и поцеловал ей живот.

– Я должен идти, любовь моя. Не забудь о своем обещании.

Он поднялся, отвесил легкий поклон и исчез между крошечных пылинок, сверкающих на свету, который сочился сквозь узкую щель меж задернутых штор.

Элизабет чувствовала непреодолимое желание разрыдаться. Она надела тапочки, потерла глаза, открыла дверь и спустилась на нижний этаж. Джим сидел в кресле перед ноутбуком, пристроив подбородок на кулаки, и изучал открытый перед ним файл – глаза его перебежали со строчки на строчку. Он посмотрел на Элизабет поверх очков и улыбнулся. Затем откинулся на спинку кресла. В спортивных брюках и белой майке он выглядел лет на десять моложе. Он подвинулся и хлопнул ладонью по сиденью кресла:

– Иди сюда, Катрина. Садись. Дочитаю контракт, который прислал мой литературный агент, и поедем обедать куда прикажешь.

Ее лицо просияло от счастья.

– Поехали туда, где праздник? А тебя не пугает, что нас увидят вместе?

Джим обворожительно улыбнулся.

– Сейчас уже нет, пожалуй. Мой агент предупреждал меня, чтобы я не прослыл в округе извращенцем, пожирающим молоденьких девушек. Думаю, я сделал все возможное, чтобы этого не произошло. Но при нынешнем раскладе ты имеешь полное право похвастаться своей добычей. Ты выиграла эту битву, детка.

Элизабет взвизгнула от восторга, повисла у него на шее и чмокнула в щеку. Щелчок дверного замка заставил обоих вздрогнуть. В окне они увидели Мэри Энн, стоявшую перед дверью, как неумолимое возмездие.

Элизабет побледнела.

– Открой маме, – сказал он, возвращаясь в кресло. – Похоже, сегодня нас и впрямь ждет непростой денек.

Джим подмигнул и приготовился к худшему.

Элизабет открыла дверь. Стоявшая за ней Мэри Энн сдержанно улыбнулась. Она вошла в гостиную и прошлась туда-сюда, рассматривая обстановку, пока глаза не остановились на Джиме.

– Прости за вторжение, – сказала она.

– Разве это вторжение, Мэри Энн? – возразил Джим и покосился на экран компьютера. – Садись. Пойду приготовлю кофе.

– Мама...

Мэри Энн бросила на дочь полный осуждения взгляд и жестом заставила ее замолчать.

– Не утруждай себя, Джим. Я как раз собиралась в город. Заехала, чтобы спросить, не составите ли вы мне компанию. Мне надо поговорить с тобой и Элизабет. А потом, когда Алан закончит работу, можно где-нибудь пообедать всем вместе. Если вы не против.

– Звучит многообещающе, – с улыбкой ответил Джим. Мэри Энн удивленно вскинула брови. – Мэри, я взрослый мужчина, а не подросток. Говори прямо и спрашивай, что хочешь.

– Когда ты планируешь покинуть Пойнт-Спирит?

«С места в карьер», – подумал Джим.

Кровь ударила Элизабет в лицо. Она покосилась на Джима: его физиономия совершенно не изменилась. Казалось, материнский гнев его лишь забавляет.

– Через неделю.

– Ага, – отозвалась она, искоса глядя на дочь.

– У меня дела в Сан-Франциско. Я как раз читал про них, когда ты вошла. Если не возражаешь, мне бы хотелось взять с собой Элизабет. Это займет всего несколько дней.

– То есть ты уезжаешь, но вернешься? – Мэри Энн растерялась.

– Можно мне тоже в Сан-Франциско? – Элизабет с нетерпением взглянула на Мэри Энн. – Всю жизнь мечтала его увидеть!

– Только если мама не против.

Мэри Энн не знала, что и сказать. Она с достоинством подняла голову и вздохнула.

– Я записала Элизабет на прием к гинекологу. Надеюсь, ты меня понимаешь... – слова застряли у нее в горле.

– Элизабет все уже знает, Мэри. Можешь говорить прямо.

Мэри Энн побледнела.

– Мама... Зачем мне гинеколог? Я в любом случае оставлю ребенка. Ты на моем месте поступила бы так же.

– Конечно, малыш... И все же меня интересует, что думает про все это Джим. Его работа, его жизнь проходят в другом месте, и я не переживу, если... если ты меня покинешь...

Джим тихонько засмеялся. Обе женщины удивленно переглянулись.

– Мои планы не зависят от того, есть у Элизабет ребенок или нет. Главное для меня – другое.

– Ты ничего нам не должен. Мы пойдем, если твои планы не изменятся, и ни на что не станем претендовать, если моя дочь...

– Ты не поняла, Мэри, – перебил он. – Да, я сказал, что мои планы не изменятся. Но я вовсе не имел в виду, что собираюсь отказываться от ребенка. Или увозить Элизабет в Сан-Франциско. Она будет ездить туда время от времени, и то лишь в том случае, если ты ей позволишь. Мои планы – купить этот дом.

– Джим! – воскликнула Элизабет.

Мэри Энн застыла с открытым ртом. Всю ее решимость как рукой сняло, она выглядела сбитой с толку, потерянной.

– Видишь ли, Мэри, – продолжал он, прикрыв ноутбук, стоявший на обеденном столе в центре гостиной, – да, я хочу купить этот дом. Это никак не связано с нашей ситуацией. Хотелось бы, чтобы ты знала. Я это делаю вовсе не из-за того, что у меня нет выхода. Я все тщательно обдумал. Мне нравится это место, здесь спокойно, вот и все. Кроме того, я всегда могу вернуться в Сан-Франциско на несколько дней или на более длительный срок. Смотря как дело пойдет. И потом, тут подобралась славная компания, и мне бы не хотелось ее терять. Я имею в виду вас всех.

Он повернул голову и посмотрел на Элизабет. Щеки ее пылали от стыда и волнения. Голос Мэри Энн вернул ее в реальность, и она взяла себя в руки.

– Значит, после всего, что случилось, ты все еще собираешься здесь жить? Удивительно.

Джим поднялся с кресла и подошел к ней. Сейчас, когда этот мужчина находился всего в нескольких сантиметрах от Мэри Энн, Элизабет отчетливо видела, какой маленькой и хрупкой была ее мать.

– Я всегда говорил, что у этого места есть своя прелесть, свой магнетизм. Сложно писать роман посреди круговерти большого города, где каждые десять минут тебя отвлекают какой-нибудь очередной банальностью, которые для меня давно уже утратили всякую

привлекательность.

Мэри Энн робко улыбнулась и опустила ресницы.

– Джим, скажи: ты любишь мою дочь?

– Мама!

Элизабет кипела от негодования. Она видела, как смутился Джим, услышав такой прямой вопрос. Ей хотелось убежать куда подальше или сквозь землю провалиться. Мать сканировала глазами Джима, изучая выражение его лица и стараясь не пропустить ни единой эмоции. Он по-прежнему смотрел на Мэри Энн спокойно и невозмутимо, положив руки на бедра.

– Мэри... Тебе действительно так важно прямо сейчас это слышать?

– Да, как минимум.

– Это та цена, которую я должен заплатить, чтобы быть с твоей дочерью?

Мэри Энн выжидающе молчала.

– Хорошо, Мэри. Да, я люблю твою дочь.

Элизабет вжалась в подушки, прижимая ладони к пылающим щекам. Больше всего на свете ей хотелось кинуться в объятия Джима и осыпать его поцелуями, однако подобная вспышка чувств вряд ли пришлась бы по вкусу Мэри Энн, которая, вне всяких сомнений, все еще следила за выражением его лица, словно пытаясь найти в нем нечто скрытое или невидимое, указывающее, что ее сомнения оправданны.

– Ладно, – проговорила она наконец, устремляясь обратно к двери. Она вновь приняла свойственный ей воспитанный и любезный вид. – Пообедаем в центре, потом погуляем по городу. На площади будет концерт. Мое приглашение остается в силе.

Джим скосил глаза на Элизабет и успокоительно мигнул. Этот небольшой разговор страшно ее утомил, и она нервничала.

– Иди с мамой, Элизабет, мне еще нужно одеться и отправить несколько писем. Увидимся позже.

Девушка молча кивнула и поспешно встала. Мать открыла дверь и вышла на улицу. На мгновение, когда Элизабет повернулась, чтобы проститься с Джимом, она заметила, что Мэри Энн с тревогой смотрит на верхние ступени деревянной лестницы.

Иногда люди видят необыкновенные вещи. А может, им это только кажется.

Новый Орлеан,
26 сентября 2016 года

Дорогой мистер Аллен!

В последние дни у нас возникли проблемы, которые помешали успешному продвижению нашего расследования. На этот раз буду краток. Нам угрожали некие типы из так называемой «организации». Так например, не далее как вчера в одном из ресторанов французского квартала к нам обратились несколько цветных мужчин и любезно предложили покинуть город. Представьте себе, как мы удивились, обнаружив наш автомобиль со спущенными шинами, а полицейские в итоге даже отказались завести протокол, боясь каких-то угроз. Впрочем, с серьезными проблемами мы столкнулись еще в ту ночь, когда я отправил вам первое электронное сообщение. Как вы, вероятно, помните, в нем я писал, что Магали Моржетто помешалась на ребенке из семьи Мори. Во всем была виновата местная легенда, рассказывающая о рождении необыкновенного мальчика, сына белого мужчины и светлокожей мулатки. Мать Люсьена не была светлокожей мулаткой, как гласила легенда. Насколько нам известно, она происходила из старинного рода французских коммерсантов, три поколения которых проживали в Новом Орлеане.

Тут-то и начались проблемы. Мы опросили местных жителей – разумеется, тех, кто более-менее соглашался сотрудничать с нами. Мистер Аллен, если бы вы предоставили мне более подробную информацию, мы бы не потеряли понапрасну столько времени. Впрочем, ваши мотивы мне ясны. Уже не в первый раз я сталкиваюсь с проблемами, которые создают сами клиенты, причем в деле, не требующем особой секретности. Прежде чем отправить подробный отчет по делу, я позвоню на ваш номер сегодня же

вечером. Буду оставаться в Новом Орлеане до тех пор, пока вы не подтвердите, что моя работа завершена, поскольку мы обнаружили то, что искали. Не считаю уместным отсылать эти сведения по электронной почте.

Мой напарник прервал контракт, что вполне логично. Он житель Нового Орлеана, и надо понимать, что для человека из этих мест дело это слишком деликатное. Кроме того, мы не знаем, насколько опасным оно может стать. Община Моржетто существует уже много лет, а ряд влиятельных людей категорически против того, чтобы религиозные практики и ритуалы получали широкую огласку. Вы лично можете убедиться в том, что не существует ни книги, ни каких-либо других документов, описывающих их религиозные отправления. Это обычаи, которые переходят от отцов к детям, и адепты желают, чтобы так все оставалось и впредь. Подобный подход не кажется мне разумным, однако я уважаю чужое мнение. Хочу, чтобы вы также знали, что дело наше полностью конфиденциально, у вас не должно оставаться ни малейших сомнений в этом.

Итак, прощаюсь до вечера.

С уважением,

Артур Вердиско

(Конфиденциальность сначала и навсегда.)

Вечер подходил к концу. Сумрак вспыхнул оранжевыми огоньками, украшавшими площадь и огромную крытую сцену.

Всюду виднелись круглые столики, покрытые нарядной скатертью, сервированные фарфоровыми тарелками и высокими стеклянными фужерами. Это уже была не просто вечеринка, а торжественный ужин по всем правилам. Куда ни глянь – всюду элегантность и красота. На каждом столике красовалась табличка с фамилиями тех, кто собирается слушать концерт, заранее забронировав место. Мэр организовал выступление музыкантов самым скрупулезным образом. Уплатив несколько долларов, любой горожанин имел право насладиться зрелищем. Для тех, кому хотелось дополнительных развлечений, позади церкви устроили ярмарочные аттракционы, продавцы раскинули свой товар, установили домики с тиром и даже целый ресторан с длинными прямоугольными столами, где всем желающим подавали гамбургеры, хот-доги и тушеный картофель с начинкой на любой вкус.

На высоких подмостках из палисандра музыканты уже занимали предназначенные для них места. Среди них была пара скрипок, концертный рояль, бас-гитара, контрабас и даже труба. Приглашенные были одеты по-вечернему, в смокингах и белоснежных шелковых рубашках.

Дэнни наблюдал за происходящим, пристроившись в уголке возле прорехи между двумя полотнищами навеса, хотя больше всего ему хотелось пойти с Элизабет на аттракционы. Он обожал музыку, но сегодня душа жаждала простых развлечений. Он мечтал забыть обо всем, что произошло, увидеть родителей, которые забронировали столик под тентом и собирались развлечься и отдохнуть.

Начала прибывать публика. Гости отыскивали свои места, оживленно рассаживались в тепле газовых обогревателей, под навесом становилось шумно илюдно. Через полчаса все столики были заняты.

Со своего места Дэнни видел сидящих в дальнем от входа углу родителей и некоторых знакомых. Молоски и его жена спорили о прочности навеса. В нескольких метрах от них Дэнни заметил свою бывшую учительницу Роуз Бейкер, сидевшую за одним столиком с Пэтси, хозяйкой парикмахерской. Выглядели обе довольно скверно. Наверное, чем-то больны, подумал Дэнни: бледные, изможденные лица свидетельствовали о крайнем истощении. Он перевел взгляд: Алан и Мэри

Энн вошли в павильон в сопровождении Карлоты. Мэри Энн держала сестру под руку, словно боясь, что та потеряется в толпе, и время от времени бросала на нее нежные взгляды. Карлота, напротив, и не думала улыбаться, видя столь откровенное проявление любви, скромно опускала глаза и послушно позволяла вести себя среди людей, которые все прибывали и прибывали, отыскивая в общей сутолоке членов своей семьи.

Дэнни понимал, что ему придется и дальше наблюдать этот спектакль, потому что Элизабет сразу после обеда ушла куда-то с Джимом, и никто не знал, когда они вернутся. Девушка нечаянно опрокинула стакан с соком прямо себе на юбку и должна была переодеться, пообещав, что вернется как можно скорее. Мальчику не терпелось поскорее попасть на аттракционы и в тир – Роберт и Амелия обещали, что научат его стрелять.

В павильоне собралось полгорода. Появилась Лоретта, хозяйка «Укулеле», в темно-синем костюме, и не торопясь принялась отыскивать свое место. С одного из первых рядов ей замахали руками, приглашая присоединиться. Затем Дэнни увидел владельца «Коконута», его жену и двоих младших детей. Жар обогревателей, расставленных тут и там между столиками, согрел его, ему захотелось усесться поудобнее и слушать концерт. Алан помахал ему рукой. Он сумел рассмотреть мальчика, прильнувшего к своему наблюдательному отверстию. Алан улыбался, взглядом приглашая его к себе.

Мальчик послушался. Руки у него заledenели, пальто не спасало от крепкого осеннего холода. Он вошел в павильон, подошел к родителям и обнял обоих по очереди, затем отправился к столику доктора Фостера и встал перед ним.

– А где же Роберт и Амелия?

– Они отправились к Элен, секретарше шерифа. Томми приболел и хотел поговорить с пастором.

Алан кивнул, выразительно посмотрев на обеих женщин, и пригласил его за столик.

– А как же остальные? – спросил Дэнни.

– Элизабет скоро придет, она принимает душ и переодевается. Джим, вероятно, занят тем же самым. Он зайдет за ней, и они приедут вместе. Думаю, уже скоро. Если хочешь, чуть позже постреляем в тире.

– Сегодня за обедом Джим нервничал, – робко проговорила Карлота. – Надеюсь, он не думает, что я все еще злюсь.

– Нет, конечно, – ответила Мэри. – Когда я вошла, он как раз получил письмо от своего детектива. Тот пишет, что запутался и желает переговорить лично. Во время обеда Джим звонил ему пару раз, но тот не

ответил. Наверняка Джим и сейчас занят тем же самым. Речь явно шла о чем-то важном.

– Знаешь, Дэнни, – мягко сказал Алан, – если хочешь, посиди немного за столиком с родителями, у них тоже весело. Когда Роберт придет, я тебя позову. А родители будут очень рады, если ты проведешь с ними хотя бы часть вечера.

Мальчик посмотрел на него и улыбнулся. В следующий миг он вскочил и побежал за столик, где сидели Колеманы. Алан заметил, как просияло лицо Лорны, когда Дэнни ее обнял, как смягчился и потеплел взгляд Пола. Послышались первые музыкальные аккорды. Официанты в белых смокингах обходили столик за столиком, разнося подносы, уставленные тарелками со снедью.

* * *

Через несколько улиц от центральной площади, за перекрестком, где начинались симпатичные мощеные переулки, Элизабет торопливо мыла голову и готовилась к вечеру, означавшему для нее начало новой жизни. Эйфория заполняла ее с головы до ног. Она вспоминала нежный взгляд Люсьена, который видела перед собой несколько часов назад, его страстный шепот, когда он просил Элизабет никогда не переставать любить его. Вдалеке послышалась скрипка, на этот раз это были музыканты в павильоне на площади. Она высушила волосы и нанесла макияж. Они с Джимом договорились, что она зайдет за ним сама. Они вместе вернутся в город, погуляют вдвоем по улицам, не обращая внимания на косые взгляды соседей и перешептывания. Она усмехнулась. Никогда прежде она не была так счастлива.

Осторожно отобрала вещи, которые собиралась надеть: платье по колено с очень женственным вырезом, любимое пальто. На шею намотала шарф цвета лавра, положила фен на полочку в ванной и сбежала по ступенькам в гостиную. Она уже взялась за дверную ручку, как вдруг почувствовала резкий спазм в низу живота, такой болезненный, что согнулась пополам и чуть не упала на колени, уперев руки в бедра. Приступ был почти невыносимый. Она напрягла все мышцы и обхватила руками низ живота, инстинктивно стараясь уменьшить боль, но почти не могла шевельнуться и даже вздохнуть. Что с ней? Она замерла. Уставилась на сумку – телефон обычно лежал внутри, но с ужасом обнаружила, что в

спешке забыла его наверху.

– Боже! Что со мной?

Это единственное, что ей удалось произнести. Холодный пот заливал лоб, лицо и ключицы, выступая на коже мелкими ледяными каплями. Она задрожала. Неловко повалилась на ковер, прижав ноги к животу и обхватив колени дрожащими руками. Дыхание участилось. С ней происходило что-то плохое. Очень плохое.

* * *

В другом конце города, неподалеку от аптеки и лавки Кэтрин Вудс, Томми Нортон выронил пистолет тридцать восьмого калибра и только тогда наконец понял, что натворил. За его спиной Элен вопила так, что казалось, лопнут барабанные перепонки. «Что ты сделал? Что, что ты сделал?» – кричала она вне себя. Он, Томми, готов поклясться, что в дверях стояла марионетка. Что ему оставалось делать? Он помчался вниз и схватил пистолет. Он мамой клянется, жизнью своей клянется, что это была она! Вот почему он не сомневался, нажимая на курок. Глаза у него таращились, рот пересох, губы и щеки дрожали. В дверях лежал преподобный Роберт, из-под него растекалась лужа крови, а ниже плеча виднелось пулевое отверстие. Амелия Морелли выскочила из машины, визжа как сумасшедшая. Ее крики смешались с воплями Элен, которая, стоя на коленях перед Робертом, трясла его что было сил, чтобы он не засыпал и как минимум что-нибудь сказал.

– Что?.. Что ты сделал? Как ты мог?

– Так я же думал, что это... это...

– Боже! – истерически голосила Амелия. – Роберт! Роберт, ты меня слышишь? Любовь моя!

– Звони Ларку! – крикнула Элен. – Звони немедленно Ларку, и пусть высылают «Скорую помощь»! Черт бы тебя побрал, Томми! Он умирает! Звони Ларку!

* * *

Пойнт-Спирит – очаровательный городок. Там много добрых людей, много счастливых семей, которые создают вокруг себя атмосферу

благополучия, гармонии и всего, что только можно пожелать. Мелкие дефекты, которые тщательно скрывает каждый житель города, не столь значительны, чтобы страдать из-за них остаток жизни. Вот о чем размышляла Кэтрин Вудс, тщетно пытаясь отыскать телефон. Она битых два часа приходила в себя после транса, потом два часа одевалась и сейчас, полумертвая от слабости, бродила по дому в поисках телефона, хотя была уверена, что все равно никому не дозвонится. Она слышала звуки праздника, гомон множества голосов, приветственные возгласы зрителей и обрывки мелодии, которая заполнила весь город, знаменуя собой открытие торжества.

Кэтрин предстояло доползти до двери, выйти на улицу, которая, по счастью, располагалась всего в нескольких метрах от крыльца, и добраться до павильона. Первым делом поговорить с Мэри Энн и Аланом. Рассказать, что видела, а главное – кем именно был Люсьен. Иначе говоря, кем он не был...

* * *

Первым грохот услышал Джим. Он был в гостиной у себя дома: прижав телефон к уху, беседовал с Артуром Вердиско, чей голос звучал, почти не умолкая. Вдали прогрехотал мощный взрыв. Джим подумал, что приближается гроуз или кто-то запускает петарды, но в этот момент его разум и тело были настолько шокированы, что он не мог размышлять трезво. Он отстранил руку с телефоном от уха. Его собеседник притих: он также услышал грохот и терпеливо дожидался, чтобы Джим что-нибудь сказал или хотя бы как-то обнаружил свое присутствие.

– Я благодарен вам за проделанную работу, – сказал тот, растягивая слова. – Дайте мне несколько дней и возвращайтесь домой. А сейчас придется прервать наш разговор.

Детектив любезно простился и нажал отбой. Джим закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать, затем направился к лестнице. Поднялся, наступая на каждую ступеньку медленно и осторожно, словно приговоренный к смерти преступник, которого ведут на эшафот. Тесный кабинет, где он хранил все свои бумаги, рабочий ноутбук и записные книжки, слабо освещала небольшая настольная лампа. Джим ее не включал. На столе лежала тетрадь. Он мог бы поклясться, что не прикасался ни к одной из этих тетрадей за все время, проведенное им в

Пойнт-Спирите. Но какое значение имела сейчас такая мелочь? Он повернул голову и едва сдержал рвотный позыв. Схватился за край стола. Его тошнило. Стараясь удержаться на ногах, он ненароком задел тетрадь: она соскользнула со стола, упала на пол и открылась. От неожиданности Джима охватила внезапная паника. Он опустился на колени и склонился над тетрадью. Дрожащими пальцами подобрал ее с пола, поднес левую руку к сердцу. Самый подходящий момент, чтобы это наконец произошло. Сейчас у него будет инфаркт.

– Это был ты, Джим.

Он даже не повернулся. Знал, что Люсьен где-то рядом. Он чувствовал, как пахнут подошвы его ботинок, стоящих на ковре. Длинная худая тень упала на стену и заняла собой все пространство комнаты.

– Белый ребенок, рожденный от матери-мулатки со светлой кожей в ночь на двадцать третье июня, в день летнего солнцестояния. Ребенок со сверхъестественными способностями и безграничным могуществом... Но родители испугались, Джим. Они увезли тебя из Нового Орлеана, когда тебе было пять лет, и сделали все возможное, чтобы полностью забыть о твоём чудесном даре... Результат налицо... – не спеша произнес он. – Говорят, все дети видят то, чего не видят взрослые, но, когда родители то и дело твердят, что все это только кажется, наступает день, когда ребенок перестает что-либо видеть, не так ли? Этот великий дар, который носят в себе подавляющее большинство смертных, уничтожают с помощью здравого смысла и заурядной житейской логики. Однако твоим родителям пришлось расплачиваться сполна. Уж они-то знали, от чего отрекаются, Джим. Они не имели права тебя увозить. И все же я тебя нашел...

– Дело не в Элизабет... Не она в этом деле главная, – пробормотал Джим почти шепотом.

– Элизабет очень важна. В ней моя кровь, мои гены... Но она не владеет даром. Она женщина.

Дрожащими руками Джим перелистал страницы тетради. На первой странице – изображение женщины, подвешенной на потолочной балке; на второй – автомобиль, срывающийся со склона; мастерски нарисованная крупными штрихами марионетка бредет по улице; женщина стоит перед стариком, который рыдает и рвет на себе волосы.

– Боже... неужели я все это нарисовал? Быть такого не может...

Люсьен уселся перед ним на корточки и положил руку ему на колено.

– Переезд сюда разбудил твое подсознание, – продолжал он. – А меня от моего вечного сна разбудил Виктор с его примитивными суевериями и двойной игрой. Виктор клюнул на легенду, ходившую вокруг этого дома, он

знал, что колдуны ошиблись, что меня случайно принесли в жертву. Я не был тем, кем считала меня Магали. Кое-какие способности у меня имелись, но не до такой степени, как она воображала. Когда меня инициировали, в меня проникли духи. Будь я тем, кого они называли маленький бокор, ничто не завладело бы моей душой, я лишь стал бы еще сильнее. Вот почему они меня уничтожили.

Джим неподвижно смотрел на него.

– Я понял: ты мой прадед, – тихо произнес он.

Призрак молча скривил губы.

– Как я тебе уже говорил, в Новом Орлеане я пустился во все тяжкие.

– А эти художества? Кто их автор?

– Разумеется, ты. Когда человек спит, перестает действовать защитный барьер, оберегающий в реальном мире. Во время сна подсознание превращается в энергетическую антенну. Твое шестое чувство или тонкое восприятие слишком мощно, чтобы полностью от него отказаться. Каждый образ, который ты наносил на бумагу, в точности воплощался в реальности. Я всего лишь сдерживал твои порывы. Нет ничего ужаснее бокора, вышедшего из-под контроля. Поверь: ты опасен. Твое желание придумать историю, твоя одержимость тем, чтобы все было как можно более правдоподобно, оттачивало каждую деталь. Твоя власть безгранична, Джим... Не скрою: я следил за тобой с восхищением. Моя роль невелика: я всего лишь предупреждал жителей города, которым твои создания наносили визиты. Я будто заново родился!

– Ты лжешь...

– Вовсе нет. Сам это знаешь, что не лгу. Сказал же тебе детектив: одни и те же данные в свидетельствах о рождении, смена фамилий... Твоя мать была моей внучкой, а бабка – дочерью. Но девочек было недостаточно, должен был родиться мальчик. Этот мальчик – ты, Джим.

– Все равно ничего не понимаю... Если ты не был избранником и не обладал даром, что же сказал тебе тот лоа на перекрестке дорог?

Люсьен усмехнулся и переменил позу.

– О, лоа рассказывал про всякое. В том числе и про тебя. Остальное не важно...

Еще один взрыв заставил Джима вздрогнуть. Он выглянул в окно: облако дыма поднималось над дубами и ивами, окружающими соседние дома. Сердце забило так, словно вот-вот выскочит из груди.

– Что, черт возьми, происходит?

– Хаос, Джим. Я предупреждал, чтобы вы готовились.

Джим схватился за голову и замер, словно боясь пошевелиться.

Люсьен невозмутимо, с присущей ему элегантностью поправил шляпу.

– Это же павильон на площади! Говори, Люсьен: павильон? – призрак кивнул. Джиму казалось, что он сходит с ума. – Но там все! Ты не можешь так поступать! Не можешь все сровнять с землей!

– К сожалению, подобные чудеса мне не по плечу. Это всего лишь каприз судьбы. Единственное, чего я хочу, – оказаться в первом ряду, чтобы любоваться спектаклем, chégi... Болван мэр установил слишком много газовых обогревателей, закупив при этом дешевые материалы.

Джим побледнел. Все поплыло у него перед глазами. Он бросился к лестнице, помчался вниз, перескакивая через две ступеньки, забыв про Люсьена, который остался в кабинете. Распахнул дверь, выбежал вон. Взрывы грохотали все громче. Он бежал по улице, до него уже доносились душераздирающие крики. Павильон был забит людьми, но при этом имелась только одна дверь, через которую можно было выбежать из этого ада.

В нескольких сантиметрах от Джима, едва не задев его, промчалась «Скорая помощь». Люди бежали по улице, толкая его на ходу. Двигаясь к горящему павильону, он то и дело налетал на тех, кто двигался в противоположном направлении. Когда он уже приближался к двери, проделанной в покрытии павильона, перед ним появился Люсьен.

– Какого черта ты тут делаешь, Джим? – голос его звучал нетерпеливо.

– Я должен их спасти! Достаточно уважительная причина?

– Твоей девчонки там нет, Джим. Остальное не важно.

Джим взглянул на него исподлобья.

– Ты можешь это остановить!

Люсьен захохотал: он поднял руки, словно обращаясь к небесам.

– Отказаться от такого зрелища? Ну уж нет! – яростно воскликнул он. – Взгляни на это место, на этих людишек! В них – кровь тех, кто все у меня отнял: жизнь, жену, ребенка... Все! Люди страдают, потому что несут заслуженное наказание. С какой стати мне их жалеть?

– Но ты здесь, в нашем мире!

– Да, я здесь, и что с этого? Я не могу любить, как ты. Не могу создать семью. Я вынужден бродить, как неприкаянная душа, глядя на то, как живут другие. Живут! – Люсьен поднес руки к лицу и зарыдал. – У меня был талант... Я многого мог добиться. И заслужил хотя бы того, чтобы меня оплакали и похоронили в нормальной могиле. Меня бы запомнили таким, каким я хотел стать. А не таким, каким стал!

Вновь послышались крики. Джим повернул голову к павильону. Он уже пригнулся, собираясь проникнуть внутрь, но Люсьен схватил его за

руку и потащил в сторону, стараясь удержать подальше от огня и дыма.

– Еще ничего не закончилось. Ты не должен туда входить! Ты скоро станешь отцом! Не делай глупостей.

– Тогда прекрати это сам. Спаси людей. Сделай так, чтобы я не терял то единственное, что люблю. Не заставляй меня пережить твою трагедию. Иначе ты превратишь меня в то, что сам же и ненавидишь. Люсьен, ты не должен делать из меня жертву! Ты не можешь превращать меня в себя! Неужели не понимаешь?

Страх и ярость исказили лицо Люсьена. Глаза мерцали, в них появился красный огонек, а ногти вонзались в руку Джима все глубже.

– Если не поможешь, я войду туда сам. И обратно уже не выйду, – заявил Джим. – Наверняка тебе известно, беременна Элизабет или нет. Не сомневаюсь, что это в твоей власти. Но ты понятия не имеешь, мальчик это или девочка, а что-то мне подсказывает, что вам нужен именно мальчик. – Он пристально посмотрел на Люсьена. – Что, я угадал? Не знаю, в чем тут дело, но это твоя цель, не так ли, Люсьен? Этот ребенок очень много для тебя значит. Если я умру, не останется никого, кто мог бы обеспечить тебя потомством. У тебя не останется ни единого шанса. Все будет кончено!

Люсьен издал крик ярости и оттолкнул Джима. Тот упал, сильно ударившись головой о дерево, которое росло в двух метрах от них.

– Люсьен, – пробормотал Джим, глядя, как тот исчезает в языках пламени.

Возле кровати сидела смуглая женщина лет сорока в белом халате. В ее речи явственно слышался южный акцент. Она беседовала с ним довольно долго, но он едва ли понимал то, что она говорит. Она была обаятельна и очень любезна. Губы, покрашенные алой помадой, живая мимика, небольшая папка в руках. Затем послышался низкий мужской голос, и, повернув голову влево, он увидел Алана. Он хотел ему что-то сказать, но вместо этого закрыл глаза и провалился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся он ночью. В глубине палаты на стуле сидела понурая худая фигурка. Рядом в кресле – старуха, в которой он с удивлением узнал Кэтрин Вудс: звук ее тяжелых старческих шагов по линолеуму его раздражал, голова и так раскалывалась. В больничных коридорах слышалась какая-то суэта. Дверь была приоткрыта, и он различал фигуры, похожие на блуждающие тени. Некоторые осторожно заглядывали в дверь, другие входили в палату и через некоторое время выходили обратно.

Чье-то смутное лицо нависло прямо над ним. Он попытался сосредоточиться, но глаза заболели, словно их резануло светом.

– Он просыпается, – послышалось словно издалека.

– Джим! – Юный голос, робкий и нежный – Джим слышал его совершенно отчетливо. Это была Элизабет. – Джим, ты меня слышишь?

– Привет, Катрина.

Она разрыдалась и обняла его. Только тогда он увидел капельницу, иглу, вонзенную в тыльную часть руки, старуху позади Элизабет: опущенные веки, искореженные артритом руки, сложенные на груди.

– Что случилось? Где остальные?

Она подняла свое хорошенькое личико. В ее глазах отчетливо читалась любовь.

– Мама и Алан в Портленде. Они ждали, пока ты проснешься, но потом врач сказала, что ты в порядке, и они уехали. Джим, с Робертом несчастье. Томми в него выстрелил, когда он приехал его исповедовать. Этот безумец перепутал Роберта с марионеткой. Бедняга потерял много крови, пришлось отправить его в другую больницу. Тетушка Амелия чуть с ума не сошла.

Она кашлянула. Слишком много пустот, лагун, лишенных смысла. Итак, он ударился головой о дерево. Помнил разъяренного Люсьена, крики

людей. Помнил языки пламени...

– Что там случилось?

– Мистер Аллен, вы пострадали от взрыва, когда пытались проникнуть в павильон. Вам очень повезло, – пробормотала старуха. – Вы стояли снаружи, но взрывная волна вас настигла. Вы чудом спаслись. Если бы успели войти внутрь, вас бы с нами уже не было.

– Люсьен...

Миссис Вудс подняла глаза и коснулась пальцами седых волос. Элизабет сидела неподвижно, сложив руки на коленях и склонив голову, как маленькая страдающая женщина. Она шмыгнула носом.

– Я должна вам помочь, мистер Аллен, – заявила старуха. – Я знаю, сейчас не лучший момент, чтобы говорить про такое, но другой возможности может не быть, дело срочное. Не уверена, что другие должны знать, что произошло на самом деле. Вам, должно быть, не слишком приятно про такое слышать, но у вас имеются определенные способности, и если не взять их под контроль...

– Говорите прямо, прошу вас.

Женщина подошла ближе и оперлась рукой о плечо Элизабет.

– Роберт... Боже мой... – пробормотал Джим.

– Мистер Аллен, прошу вас, – взмолилась Кэтрин.

– А как Дэнни?

– С ним все хорошо, – откликнулась Элизабет, – но его родители погибли. Колеманы сидели рядом с обогревателем, который взорвался одним из первых. Они не выжили.

– Мистер Аллен! – настойчиво повторила Кэтрин.

– Я должен отсюда выбраться.

– Джим, выслушай Кэтрин, прошу тебя. Это очень важно.

Джим беспокойно зашевелился. Боже, что он тут делает? Где Люсьен? Он обвел глазами палату и неуклюже приподнялся. Игла выскочила из вены. Он увидел свое лицо в зеркале, висящем напротив кровати. Голова замотана бинтом, щека вздулась и посинела. Он протянул руку к Элизабет, чтобы коснуться ее кожи, и целая волна образов обрушилась на него в этот миг: ребенок, плавающий в околоплодной жидкости, Люсьен, стоящий перед Элизабет на коленях, его губы, прижатые к ее животу; Элизабет мечется перед пылающим павильоном, а Алан пытается схватить ее за руку, чтобы увести подальше от этого ада. Джим вскрикнул и в ужасе затряс головой.

– Какого черта?..

– Именно это я и пытаюсь вам объяснить, мистер Аллен. Вы можете

контролировать ваше экстрасенсорное восприятие, но, если никто не научит вас, как это делать, вы превратитесь в бомбу замедленного действия. И тогда то, что случилось в нашем городе, покажется цветочками, ягодки же будут куда хуже.

– Экстрасенсорные способности? Вы издеваетесь?

Женщина опустила веки, призывая его набраться терпения.

– Джим, выслушай то, что миссис Вудс пытается тебе сказать, пожалуйста.

– Ты беременна?

– Джим, выслушай!

Он уронил голову на подушку и закрыл лицо руками. Он вспомнил разговор с Люсьеном. Вспомнил далекую ночь, когда после аварии, в которой погибли его родители, бабушка и дед взяли его, маленького, к себе, и то, как уважительно они с ним обращались; вспомнил их осторожные перешептывания, которые со временем прекратились, свое взросление.

– Со временем вы обретете способность делать то, чего раньше не умели. Не думайте, что это что-то особенное, мистер Аллен. Всех нас окружает духовный мир, но лишь единицы способны с ним взаимодействовать. У меня тоже есть эти способности, но они гораздо слабее. В детстве ваш дар был практически уничтожен, и вы не склонны делать плохие вещи. И все же человек вроде вас представляет собой воплощенную опасность, если не выберет путь добра. Сейчас вы уже взрослый, мистер Аллен.

– И все же именно я – причина кошмара...

– До определенной степени, – возразила женщина. – Призрак вам помог: без его руководства вы бы такого не натворили. Не забывайте, вы были зрителем, прилежным учеником, погруженным в некое подобие сна наяву. Марионетка и прочие видения – всего лишь плоды человеческих страхов, материализация детских кошмаров и тайных грехов. Вы их создавали, остальное делал Люсьен. Я с ним говорила и как раз собиралась все рассказать сестрам Морелли, но вряд ли это что-то бы изменило. Самое правильное – воспитывать эту часть вашего разума, научить удерживать равновесие и контролировать видения, а главное, чтобы вы не пытались материализовать ваши желания или эмоции.

– Так и спятить недолго.

– Не думаю, что вам это грозит, мистер Аллен. Вы – человек в высшей степени необычный. Есть люди, способные исцелять, есть те, кто видит прошлое или будущее, а кое-кто умеет даже передвигать предметы. Вы же обладаете всеми этими способностями, а также многими другими. Вы –

бокоро, колдун, любая секта была бы счастлива заполучить вас, чтобы показать собственное могущество или запугать остальных. Вы даже не представляете, какой наделены силой, нравится вам это или нет.

– Я родился в Новом Орлеане. Потом родители оттуда меня увезли. Я – правнук Люсьена, вот почему я так мечтал, чтобы он появился. Детектив, которого я нанял, все это выяснил. Забавно: он решил, что соблюдает полную конфиденциальность, копаясь в грязном белье моего семейства.

Испуганная Элизабет смотрела на него, не мигая. Кэтрин выслушала Джима спокойно, затем уселась на соседнюю кровать. Джим подробно пересказал свой разговор с призраком, а также изложил свои соображения насчет одержимости Люсьена потомством.

– Отлично, – заключила Кэтрин. – Ребенок, родившийся от этого союза, может быть равным по силе или даже превосходить вас. Если родители увезли вас из Нового Орлеана, они, несомненно, знали, какие опасности вас подстерегают, если вы попадете в руки членов общины вуду. Уверена, что им все было известно, по этой причине они прекратили всякие отношения с этими людьми и их верой. Только вообразите: такой одаренный человек, как вы, способен заколдовать всю страну – правительство, религиозные институты... Этого-то и добиваются секты. Всем нужен могущественный и властный лидер. Есть люди, способные на такое благодаря всего лишь дару слова. А теперь вообразите, что способна натворить религиозная секта с кучкой верующих при поддержке такого лидера, как вы. Равновесие в мире будет необратимо нарушено.

Джим осторожно взял Элизабет за руку и вздохнул, заметив ужас и замешательство, написанные на ее лице.

– Я никогда тебе не наврежу, радость моя.

– Я знаю, Джим, но ты все равно должен позволить Кэтрин помочь. И пожалуйста, не будем говорить про это маме и всем остальным. Не стоит заставлять их страдать еще больше. Люсьен нас, конечно же, любит, но его одержимость может испортить нам жизнь.

– Ладно. Сделаю, как скажете. С нашим ребенком не случится того, что случилось со мной.

Кэтрин сдержанно улыбнулась и заправила за уши прядь волос. Старушка выглядела очень усталой, и все же ее глаза излучали спокойствие и сострадание.

– Вы должны сдерживать эти образы, – продолжала она. – Когда они вас одолевают, в первую очередь надо сохранять спокойствие и не форсировать события. Если захочется понаблюдать за видениями, постарайтесь полностью расслабиться; если же, наоборот, хотите их

заблокировать, представьте себе коридор и идите по нему, оставив видение позади. У вас достаточно времени, чтобы всему научиться. А сейчас вы должны отдохнуть. И не забывайте отслеживать в себе любую мелочь, которая может потревожить других.

Она не успела закончить, как в сумочке Элизабет зазвонил телефон. Джим услышал голос Мэри Энн, доносившийся словно издалека, затем увидел слезы на нежных щеках Элизабет. У него замерло сердце: он приготовился к худшему.

– Состояние стабильное, – объявила Элизабет, нажав отбой. – Роберт в порядке. Он поправится. У него все будет хорошо!

– Господи, какая радость, – воскликнула Кэтрин.

– А Дэнни? Кто там еще погиб? И что будет с Томми Нортоном? – У Джима было столько вопросов, что он не знал, с чего начать.

– Таковую утрату пережить непросто, мистер Аллен, но с ним Роберт и Амелия. Что касается Томми, то его, скорее всего, упекут в какую-нибудь лечебницу. Парень прошел через настоящий ад, и вы это знаете лучше, чем кто-либо. Ужасное несчастье, но ведь он не собирался убивать бедного Роберта. Ларк его обожает, кроме того, у него есть Элен. За исключением родителей Дэнни, о других жертвах мне ничего не известно. Кажется, пострадал один житель Пойнт-Спирита, но в основном это были гости. Да, настоящая беда. И все-таки не стоит вам страдать еще и по этому поводу.

– Какое сегодня число?

– Двадцать седьмое сентября, – ответила Элизабет. – А что?

Джим пошевелил губами, словно бормоча молитву, затем посмотрел на обеих женщин.

– Что случилось?

– Ребенок родится в июне. Я родился двадцать второго июня, в день летнего солнцестояния.

Кэтрин выгнула брови: она поняла, на что намекает Джим.

– Недалеко от ночи Иоанна Крестителя, – заметила она. – Важнейшей для адептов вуду.

Пойнт-Спирит, пять лет спустя

Она отложила телефон и посмотрела на сидящего в кресле Роберта. Тот молча поглаживал бороду. Его пальцы проникали в светлые шелковистые завитки, только-только начинавшие отрастать.

– Ну что, приедет? – спросил он. Брови вопросительно изогнулись; взгляд выражал любопытство. – Упрямая, как мул. И все же не думаю, что она откажется ухаживать за Сьюзен. Просто хочет, чтобы ее хорошенько попросили. Ты же знаешь нашу Карлоту.

Джим улыбнулся и уселся рядом с Робертом. На столе стоял бокал с напитком, который Алан и Мэри Энн привезли из Италии: с каждым разом он казался Джиму все более вкусным и изысканным. Алан называл напиток «граппа». Он поздно вато предупредил Джима, насколько он крепок: тот уже сделал глоток, обжигающая жидкость стекала по горлу, и ощущения были не из приятных. В тот вечер все над ним смеялись, но потом он пристрастился к необычному вкусу напитка и с нетерпением ждал, чтобы два этих типа снова отправились в Европу и привезли еще пару бутылок.

– Элизабет вернулась в Портлендский университет, – пробормотал он, поворачивая бокал в руках. – Маленькому Джимми уже пять лет, а девочке всего несколько месяцев. Отличный момент, чтобы возобновить учебу и выкроить немного времени для себя.

– Не понимаю, зачем нужны какие-то отговорки, – отозвался Роберт, – учитывая, что Мэри рядом живет у Алана, мы – в нескольких метрах от вас, а Дэнни уже семнадцать, и он тоже может помочь...

Джим отрицательно покачал головой.

– Не хочу требовать от Мэри, чтобы она отказывалась от своих путешествий ради внуков, – сказал он. – Это несправедливо, даже если она с радостью согласится. В конце концов, можно было бы нанять няню. Сам понимаешь, это всего лишь еще один предлог, чтобы Карлота вернулась, хотя я не особо уверен, что ей понравится идея вновь оказаться в доме, который ее сестра продала мне и где все началось.

Роберт улыбнулся. Джим размышлял о том, сколько раз он поджидал возле кровати Джимми, когда тот был еще младенцем, надеясь увидеть Люсьена; о том, как тщательно он осматривал каждый угол дома, стараясь обнаружить какой-нибудь знак, указывающий на то, что тот не исчез, и о тени на лице Элизабет, которая частенько грустила из-за отсутствия этого

существа, такого непостижимого и в то же время такого близкого и преданного на протяжении всего ее детства.

В первые годы отцовства Джим вполне допускал, что в любой момент может встретить Люсьена в доме. До сих пор Мэри Энн, которая давно уже перебралась к Алану, входила сюда с некоторой опаской. Иногда он замечал ее в саду, неподвижную, будто статуя: она задумчиво смотрела на окна первого этажа. В эти минуты Джиму казалось, что и она скучает по призраку – впрочем, вероятно, все было наоборот: она боялась снова его увидеть и не хотела, чтобы их встреча когда-нибудь состоялась.

Множество раз, лежа в кровати, они с женой вспоминали Люсьена, пытались разгадать причину его окончательного исчезновения. Элизабет считала, что Люсьену только и нужно было рождение ребенка, желание его исполнилось, и с тех пор он покоится в мире; однако Джим так не думал: ситуация казалась ему вовсе не такой простой. Он по-прежнему сохранял в тайне свою беседу с прадедом. Ему, как и раньше, казалось, что чего-то не хватает, однако со временем он смирился с тем, что никогда про это не узнает, и все окончилось так же, как началось: внезапно.

– Как твоя книга?

Роберт вернул Джима в реальность. Он поставил стакан на стол и вспомнил, что надо бы позвонить Ларри, пока тот не обиделся и не устроил скандал.

– Все еще в десятке самых продаваемых, по крайней мере так утверждают «Таймс» и Ларри.

– Помню, как мы с ним познакомились, – усмехнулся Роберт. – Ну и физиономия была у твоего агента, когда он увидел Элизабет! Словами не передать. Я боялся, что его хватил удар. Бедняга, я в самом деле не на шутку за него испугался.

Джим улыбнулся. Сколько бы лет ни прошло, Ларри не меняется. Но что правда, то правда: вид отроковицы с пятимесячным пузом повлиял на его артериальное давление не лучшим образом.

– Да, задал он нам нервотрепку. То еще было зрелище, когда Карлота похлопывала его по плечу, чтобы привести в чувство. Думаю, он так ничего и не понял. Хотя, честно сказать, до тех пор, пока мои книги продаются, ему что отроковица, что слониха – абсолютно без разницы: будет толкать товар в крупные сети, убеждая весь мир, как прекрасна любовь и как безупречен я сам.

Оба расхохотались.

– А что он сказал перед отъездом?

Джим посерьезнел, придал лицу торжественное выражение и поднял

указательный палец.

– Джим, тебе надо было сменить не город, а век!

Роберт расхохотался и устроился в кресле поудобнее.

– Да, парень будь здоров. Тот еще тип.

Но в глубине души Пойнт-Спирит очаровал Ларри. В то время на площади еще не установили монумент в память о жертвах, погибших в пожаре в ту осень. Шериф Ларк попросил скульптора добавить к их списку имена двоих парней, разбившихся в аварии, мисс Оуэнс и старика лесоруба Пола Джонса, умершего во сне от инфаркта. Но как же мало знали в городе на самом деле, сколько подробностей тех роковых месяцев так и остались под спудом. В противном случае Джим не смог бы спокойно жить в городе, а старушка Кэтрин, несмотря на все свое природное упорство, не смогла бы ему помочь. Эта незаурядная женщина, наделенная удивительной силой и железными принципами, с редкой для своего преклонного возраста неутомимостью месяцы напролет каждый вторник объясняла Джиму за чашкой чая, как контролировать некоторые аспекты его новой жизни. Всякий раз она встречала его ироничной фразой, понятной только им двоим: «Итак, мистер телевизор, пришло время отрегулировать каналы. Давайте, настраивайте вашу параболическую антенну. Сегодня у нас непростой денек».

В какой-то степени его новая жизнь была вполне сносной и даже по-своему увлекательной; тем не менее Джиму приходилось несладко. Погружение под гипнозом в собственное детство, память о котором таилась в самой глубине сердца, изнуряло до бесчувствия. Воспоминания о Новом Орлеане, общине, куда родители водили его до тех пор, пока страх не вынудил их прекратить всякие контакты с ее членами, отрочество, наполненное голосами и видениями, которые не укладывались в обычные человеческие представления, – все это на долгие месяцы оставило в его памяти особенный терпкий привкус. Было очень непросто избавиться от преследовавшего его чувства вины.

– Один из талантов Люсьена – музыкальная одаренность, – рассуждала Кэтрин. – Музыка занимала в его жизни очень важное место. У вас свои таланты, прежде всего это творчество, и меня не удивит, если ваши дети, особенно маленький Джимми, тоже со временем проявят себя. Такова одна из особенностей существ, подобных вам. Вы должны чутко реагировать на эти сигналы, и, если вокруг мальчика начнут происходить необъяснимые вещи, надо будет поговорить с ним и объяснить, как их контролировать, как сейчас я объясняю вам.

Постепенно они с Элизабет действительно стали замечать за

мальчиком необычные способности: в первую очередь это был талант к живописи и рисованию. С раннего возраста маленький Джимми с поразительной точностью изображал своими фломастерами все, что видел вокруг. Он умел сочетать цвета как настоящий взрослый художник. Рисунки получались на удивление реалистичными. Ему еще не исполнилось и четырех лет, а на конкурсах среди дошкольников он уже получал премии и награды. Учителя не могли нарадоваться на такого чудесного ученика: его можно было сравнить с любым из знаменитых художников, которые в его возрасте точно так же проявляли свою одаренность. Но, помимо успехов в рисовании, с мальчиком не происходило ничего сверхъестественного – ничего такого, что пришлось бы скрывать от других. Джимми рос жизнерадостным, с удовольствием ходил в детский сад, прилежно выполнял учебные задания и играл с детьми – словом, его жизнь мало отличалась от жизни любого ребенка того же возраста.

И все же они не забывали тот вечер, когда Роберт и Амелия пришли к ним поужинать вместе с Дэнни. Джимми было четыре с половиной, от матери он унаследовал чудесные волосы и зеленые миндалевидные глаза, однако походка и манеры были в точности как у Джима. В тот вечер, когда гости ушли, Элизабет уложила мальчика в кровать и принесла ему стакан воды, чтобы оставить на столике возле кровати на тот случай, если ближе к утру он проснется и захочет пить. За ужином Амелия нервничала, и Роберт не мог понять, в чем дело. И вдруг Джимми посмотрел на него своими глазницами и сказал:

– Все в порядке, просто тетушка ждет ребенка.

Лицо Джима приняло ошарашенное выражение. Минут через пятнадцать он рассказал об этом происшествии своей жене. Элизабет посмеялась и попросила мужа успокоиться. Но успокоиться у Джима все никак не получалось; даже когда он улегся в кровать, все говорил, говорил – пока сон не сморил его.

На другое утро он повел Джимми на прогулку и объяснил, как важно никому не говорить о том, что он видит, что у него самого тоже есть этот дар, и оба они должны вести себя осторожно, потому что другие люди их просто не поймут.

– Как, даже тети? И бабушка? И Алан?

– Никто, радость моя. Представь себе, что ты – супергерой, как в комиксах.

На круглом личике Джимми изобразилась притворно горделивая гримаса, затем он улыбнулся.

– Супергерои хранят свою силу в тайне, чтобы делать добро.
– Вот именно, и ты – один из них. Даже друзья супергероев не знают их тайну. Ты понимаешь меня, радость моя?

– Да, папа.

Когда родилась Сьюзен, Джимми было почти пять. Мальчик обожал наблюдать за сестренкой и часами сидел возле ее кровати, нянчился с ней и сюсюкал. И вновь Джим и Элизабет ждали, не встретят ли они Люсьена, но тот так и не появился. Только тогда им наконец стало ясно: Люсьен исчез навсегда.

* * *

– Идет твоя жена, – сказал Роберт: он поднялся с кресла и все еще с бокалом в руках подошел к окну.

Послышался звук автомобильного двигателя, шаги по мощеной дорожке, затем открылась дверь. Вид у Элизабет был растерянный и обеспокоенный. Джим и Роберт вопросительно уставились на нее. Что-то явно случилось.

– Все в порядке, любовь моя? Ты сама не своя.

– Когда я возвращалась из Портленда, позвонили из колледжа. Мы должны срочно ехать в клинику. Директор сказал, что у Джимми приступ эпилепсии.

Джим вскочил с кресла и поспешно надел куртку.

– Я посижу с девочкой, – пообещал Роберт. – Предупрежу Амелию, чтобы она тоже пришла. Как только что-нибудь узнаете, немедленно звоните мне.

Джим молча кивнул, вышел из дома и в сопровождении Элизабет сел в машину.

– Мэри Энн и Алан сейчас в Детройте у Карлоты. Думаю, им ничего пока не надо говорить.

– Ты прав, Джим. Лучше их не беспокоить. Едем в клинику, мне почему-то кажется, что ничего ужасного не случилось. Они возвращаются завтра.

– Откуда он взялся, приступ эпилепсии? В нашей семье ничего похожего не было. Скорее всего, тут что-то другое.

Элизабет с нежностью посмотрела на Джима и положила руку ему на плечо. Ей было уже двадцать два, но лицо ее по-прежнему было невинным,

тело сохраняло очарование юности, а взмахи ресниц, как и прежде, сводили Джима с ума. В эти минуты она выглядела почти спокойной. Еще бы! Юная девушка с сильным характером, а он... А он знал: случилось что-то серьезное.

Амелия, которую вызвал Роберт, явилась через четверть часа. Она тоже сообщила Роберту, что не стоит звонить Мэри Энн раньше времени. Какой смысл беспокоить людей, не зная, что именно произошло с мальчиком? Это может быть все что угодно: тепловой удар, упал во дворе или бог его знает что с ним еще приключилось.

Она надеялась, что после возвращения сестры и Алана, отправившихся навестить Карлоту, та одумается и приедет с ними. Амелия знала, что ее отъезд не связан с переживаниями, злостью или страхом. Карлота вернулась в Детройт, чтобы начать собственную жизнь подальше от катастрофы, причиной которой она стала, и восполнить нехватку жизненной энергии.

Первым делом Амелия поднялась наверх, проверить, как там дела. Девочка безмятежно спала. Черты лица, которые Джимми целиком достались от матери, девочка унаследовала от отца. Густые черные волосы, вьющиеся и блестящие, прямой, как у Джима, нос, длинные породистые пальцы на крошечных ручках. Амелия вздохнула и наклонилась к малышке, чтобы взять ее на руки и побаюкать, как некогда баюкала Пенни, но девочка спала так крепко, что тревожить ее она не стала. Поцеловала в лоб, укрыла одеялком и вернулась к Роберту, который переместился на кухню и шарил в буфете в поисках арахисовой пасты и хлеба.

– Все будет отлично, дорогая. Не переживай.

На шестом месяце Амелия напоминала шар: беременность протекала непросто. По утрам ее мучила тошнота, сутками напролет до трех ночи хотелось одного: арахисовой пасты. Имелась и другая пагубная страсть: корнишоны. Они никогда не нравились Амелии, сейчас же стали неотъемлемой частью жизни: она нуждалась в них, как в наркотике или витаминах.

– Хоть бы они уже позвонили. Неопределенность хуже всего. – Она опустила на стул и нежно погладила свой живот.

– Скорее всего, ждут результаты анализов. Наберемся терпения, – ответил Роберт. Он уселся рядом с женой и протянул ей ложечку с пастой. – Открой ротик, любовь моя. И не надо так волноваться. Скорее всего, мальчик заигрался и стукнулся головой. Такое случается.

Она послушно открыла рот и проглотила содержимое ложки. Разговор перешел на Дэнни и скорое поступление мальчика в университет, как вдруг

наверху послышался какой-то шорох, а вслед за ним – радостный лепет малышки. В первое мгновение оба застыли, ожидая, что девочка вот-вот снова уснет или, наоборот, расплчется; однако лепет становился все громче, и в конце концов малышка засмеялась. Через некоторое время она умолкла, и в доме вновь воцарилась тишина.

– Уснула, – заключил Роберт.

– Похоже на то. – Амелия все еще прислушивалась. – Ладно, займусь обедом. Наверняка они вернутся поздно. Скажем Дэнни, чтобы шел обедать сюда.

– Отлично. Только прошу тебя, не надрывайся. Ты же знаешь...

Послышался сухой удар, за ним шаги. Они повернули головы и посмотрели на дверь. Затем осмотрели гостиную и деревянную лестницу.

– Ты слышал?

– Да.

Они переглянулись. Роберт резко поднялся со стула. Амелия тоже неуклюже встала, придерживая руками живот. Роберт поднял руку, делая знак не шевелиться. Осторожно прошел по гостиной, пока пальцы не коснулись перил. Все его пять чувств были предельно обострены. Амелия следовала за ним по пятам, стараясь ступать как можно более осторожно. Девочка снова залепетала и засмеялась, на этот раз едва слышно. Наконец Роберт поднялся наверх, убедился в том, что Амелия идет за ним по лестнице, держась за перила, и перевел взгляд на открывшийся перед ним коридор второго этажа. Дверь в комнату Сьюзен была приоткрыта. Он заметил, что ее колыбелька легонько покачивается. Взялся за ручку двери и осторожно открыл. Теперь перед ним была вся комната. Амелия едва сдержала возглас изумления. Роберт услышал, как она пятится назад к лестнице.

Он прижал руку к сердцу и замер. Прямо перед ним располагалась кровать девочки, а над ней склонялась темнокожая женщина. На голове у нее красовалась шляпка: алые цветы на темном фетре. Ее одежда – узкое платье с открытыми плечами – плотно облегла высокую худую фигуру. Рука тянулась к Сьюзен. На запястье Роберт заметил множество разноцветных браслетов: когда женщина прикоснулась к лицу ребенка, браслеты нежно звякнули. Именно этот звон приводил малышку в такой восторг.

– Боже мой...

Женщина повернула голову и посмотрела на вошедших. В ее глазах не было ничего жуткого или пугающего. Она спокойно кивнула, здороваясь с ними, и вновь повернула к колыбельке свое невозмутимое лицо. Глаза у нее

были удлинённые, миндалевидные, почти кошачьи. Сейчас эти глаза пристально смотрели на девочку.

– *Bonjour, messieurs*, – проговорила она мелодичным голосом, не отводя взгляда от колыбельки. – *La petite* хочет спать.

Она склонилась ещё ниже и осторожно обхватила ребенка худыми эбеновыми руками. Затем отпрянула, ловко подхватив девочку.

Роберт и Амелия застыли, разинув рты. Ставни были прикрыты, и крошечные пылинки плясали в лучах света, льющихся сквозь щель. Их текущие тени делали силуэт женщины почти прозрачным.

– Магали... – нарушил молчание Роберт.

– *Oui, monsieur, Magalie Morquette*.

Она обернулась к нему, держа девочку на руках и касаясь подбородком пухлого детского личика. Голос у нее был нежный, мелодичный, в нем явственно различался французский акцент:

– На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин. На каменной дороге танцует принцесса.

Клиника Алана казалась чужой и неприютной. В других обстоятельствах, стоило им произнести его имя, их бы мгновенно обслужили; сейчас же это было явной ошибкой. Они упомянули Алана, и все превратилось в телесериал. Нет-нет, вам придется подождать в соседнем зале, на деревянных банкетках, обтянутых кожей, пока дежурный врач вас не вызовет.

Зал ожидания выглядел роскошным, но холодным. Джим заметил темнокожего мужчину: тот стоял, прислонившись к кофейному аппарату. Руки сложены на груди, одна нога согнута в колене, вид невозмутим и беспечен. Джим обратил внимание на безупречный итальянский костюм и черты лица – выраженно африканские, необычные для Пойнт-Спирита. Ему не понравилось, с какой поспешностью незнакомец отвел глаза, заметив, что на него смотрят. Вскоре мужчина ушел.

Элизабет рассматривала незнакомца с немалым любопытством, но ничего не сказала. С годами она стала гораздо более сдержанной, тогда как Джиму сохранять спокойствие временам удавалось все сложнее. Он вышел в больничный сад подышать свежим воздухом. Когда же чертов дежурный доктор появится наконец из-за дверей и позволит им увидеть сына?

Вскоре к ним действительно вышел мужчина в белом халате. Лет сорока, с умным взглядом и седыми волосами, но кожа его казалась тонкой и совсем молодой.

– Мистер и миссис Аллен? – спросил он, подойдя к ним.

Элизабет и Джим встали. Жестом врач пригласил их в соседний кабинет. Все его пространство было заполнено брошюрами, книгами по медицине и справочниками по уходу за детьми. Врач уселся за письменный стол и пригласил их занять места в креслах напротив. В его лице Джим уловил дружелюбие и озадаченность. Доктор порылся в какой-то папке, затем закрыл ее и поднял глаза на посетителей.

– Как мальчик? Что случилось?

– Не беспокойтесь, миссис Аллен, с Джимми все в порядке. Позвольте мне коротко рассказать вам о том, что произошло, а потом вы его увидите.

– А с ним точно все в порядке? – уточнил Джим.

– Да, но кое-что мне хотелось бы обсудить с вами. Сегодня в полдень во время перемены мальчик внезапно потерял сознание. По словам воспитательницы, это напоминало обморок. Он был в хорошем настроении,

играл с другими детьми и как раз был его черед бросать мяч, как вдруг он отключился. Когда подоспевший учитель попытался оказать ему помощь, у него начались судороги, сильнейшие мышечные спазмы. Разумеется, учитель сделал все возможное, чтобы предупредить эпилептический припадок. Мы провели необходимые обследования, чтобы исключить повреждения головного мозга, менингит, аллергию и любую вторичную причину, лишаящую головной мозг притока кислорода, что в большинстве случаев провоцирует подобные приступы. Существует легкая разновидность эпилепсии, которая встречается у детей как раз в этом возрасте, мы называем ее «мальшювая болезнь»; но она не приводит ни к судорогам, ни к припадкам, ребенок находится в спутанном состоянии сознания, однако не падает в обморок. Этот вариант мы также исключаем. Так или иначе, сейчас ваш мальчик совершенно здоров и никакими заболеваниями не страдает.

– Значит, мы можем его забрать?

– Разумеется, мистер Аллен, однако в течение некоторого времени его здоровье придется постоянно контролировать. Наблюдайте за ним и, если появится что-то необычное, немедленно везите к нам.

Джим уже собирался встать, но доктор жестом попросил его не спешить.

– Подождите, прошу вас. Есть еще кое-что.

– Что? – Элизабет затрепетала, и Джим крепко сжал ее руку.

– Он не произнес ни слова с тех пор, как пришел в себя. Мысли и чувства выражает с помощью рисунков. Так вот, мистер Аллен: не было ли у него какой-либо травмы, которая, по вашему мнению, могла бы на него повлиять?

Джим и Элизабет переглянулись.

– Джимми – жизнерадостный мальчик. Ничего такого с ним не случилось. В колледже он дружит со всеми детьми. А почему вы спрашиваете?

– Взгляните на его рисунки.

Из лежавшей перед ним пластиковой папки доктор достал два листа и положил оба на стол. Джим замер от удивления. Элизабет вскрикнула. На одном из рисунков мальчик изобразил огромное деревянное здание, охваченное пожаром, и черного коня с сидящим на нем всадником. Здание располагалось на холме, на склонах которого лепились одинаковые домики. Возле домиков в языках пламени метались куклы. Джим посмотрел на другой рисунок. На нем изображалось помещение вроде гостиной, возле окна стоял мальчик, а в кресле сидела женщина с испуганными глазами и

широко открытым ртом. Бесформенное существо с волосами, скрывающими физиономию, ползало по полу, упираясь на вытянутые руки. В углу виднелась тень человека в шляпе, контуры были чуть смазаны, словно его нарисовали углем, тем не менее образ получился четкий и реальный.

– Как видите, рисунок мало напоминает творчество пятилетнего ребенка. В таких случаях мы советуем родителям пореже включать телевизор.

Доктор говорил сдержанно, тщательно подбирая слова. Джим посмотрел на жену: бледная, руки дрожат, заметно, что сильно нервничает. Он опустил руку под стол и легонько коснулся ее колена, призывая к спокойствию. На несколько секунд он сосредоточился и в мельтешении бесчисленных образов различил силуэт Люсьена, стоящего перед Элизабет в одной из комнат их старого дома, его пронзительные глаза, в которых отражались любовь и печаль.

– Не надо так, – прошептала она. – Ты же знаешь, я не люблю, когда ты вторгаешься в мои мысли.

Джим улыбнулся и вновь перевел взгляд на доктора. Тот снял трубку местного телефона и теперь с кем-то разговаривал.

– Итак, ваш мальчик в палате. Мне подтвердили, что результаты обследований в полном порядке. Видимо, речь идет о каком-то особенном случае, однако прошу вас: если вы позволяете ему смотреть фильмы ужасов, не делайте этого. У ребенка слишком богатое воображение.

– Да, разумеется...

Элизабет толкнула супруга локтем: ей не терпелось выйти из кабинета. Оба проследовали за врачом по больничному коридору.

Когда они вошли, Джимми сидел на кровати. Перед ним стоял детский столик. Мальчик что-то увлеченно рисовал под бормотание стоявшего в глубине палаты телевизора. На экране мелькали мультики. Мать понизила звук и направилась к сыну. Голову Джимми покрывали чудесные пышные кудряшки. Он дунул на завиток волос, кинулся в объятия матери и чмокнул ее в щеку.

– Солнышко, ну ты даешь. Знаешь, как мы испугались, когда нам позвонили! Ты хорошо себя чувствуешь?

Маленький Джимми кивнул и устремил взгляд на Джима, который сидел на кровати и с любопытством изучал лежавший перед ним рисунок.

– Тебе нравится? – спросил мальчик без тени тревоги или беспокойства.

Джим взял бумажный листок. Знакомая сцена: площадь, белый

павильон, группа людей входит гуськом через небольшую дверь; мальчик и высокий мужчина, изображенные со спины, держатся за руки.

– По-моему, здорово, Джимми.

Мальчик улыбнулся. Он обнял маму за талию, не сводя глаз с Джима. Глаза его были живые и лукавые, но... другие.

Сладковатый запах наполнил больничную палату. Джим протянул руку над белыми, безупречными простынями и коснулся лица сына. Почувствовав прикосновение теплых пальцев к щеке, мальчик пристально посмотрел на отца. Тот закрыл глаза, рука его замерла. Все это длилось мгновение. Когда он вновь их открыл и взглянул на Элизабет, та догадалась: что-то произошло.

– Что такое, Джим?

Тот порывисто встал с кровати и очутился в противоположной стороне палаты. Мальчик спрятал свою маленькую кудрявую головку в складках платья Элизабет. Джим поднял руку, приказывая ей молчать.

– Джимми, – тихо произнес он, пристально глядя на сына.

Но мальчик на него не смотрел. Он по-прежнему жался к Элизабет. Та, внимательно следя за движениями мужа, прижала сына покрепче к себе и поцеловала в макушку.

– Джимми, – повторил он. Мальчик не отзывался. – Люсьен, – чуть слышно произнес он.

Мальчик повернул голову, выходя из своего странного дремотного состояния, несколько раз моргнул, поднял брови и посмотрел на отца.

– Что, папа?

– Ничего, сынок...

Джим и Элизабет переглянулись. Она инстинктивно отодвинулась от мальчика, склонилась над ним, крепко сжала в ладонях его щеки. Губы ее были приоткрыты, из глаз текли слезы. Она старалась сохранять спокойствие, чтобы мальчик не испугался и не заметил, как она потрясена, но ей плохо удавалось.

– Люсьен? – повторила она, и голос ее дрогнул.

Мальчик кивнул.

Все еще с приоткрытым ртом и красными от волнения щеками Элизабет перевела взгляд на Джима. Руки ее придерживали мальчика за голову. Но тот решительно отстранился. Теперь он сидел на подушке возле столика, заваленного фломастерами и листами бумаги. Джим, державшийся на безопасном расстоянии, вновь приблизился к кровати и сел, откинув край матраса. Мальчик следил за его перемещениями с величайшим вниманием. Глаза его были полуприкрыты, рот расслаблен. Джиму

показалось, что на невинном лице сына появилась легкая, почти неуловимая усмешка. Казалось, мальчик терпеливо дожидается реакции с его стороны. Он с любопытством следил за родителями, упершись локтем в столик и сжимая в руке фломастер.

– Неужели ты все помнишь? – тихо спросил Джим.

Мальчик отрицательно покачал головой, не сводя с него пристального взгляда. Он по-прежнему был спокоен.

– Так вот почему ты потерял сознание... Энергия Люсьена оказалась слишком сильна для твоего хрупкого тела...

Мальчик снова кивнул и пожал плечами.

– Но ты с каждым разом вспоминаешь все больше, правда, солнышко? Джимми опять согласился.

– Ясно, – произнес Джим. Он посмотрел на жену, которая как ни в чем не бывало сидела рядом с сыном, и улыбнулся. – Так вот в чем заключалась цель... Вновь обрести жизнь... Боже... А мы-то дураки... Как же мы сразу его не раскусили? – прошептал он.

Воспоминания злосчастного вечера пять лет назад, голос Люсьена возле павильона пронзили его сознание подобно острым стрелам: «перекресток дорог»; «жизнь и смерть»; «Я не могу любить, как ты. Не могу создать семью. Я обречен на скитания, подобно неприкаянной душе, пока остальные живут, Джим. Живут!»

Стараясь сохранять спокойствие, он не спеша поднялся и посмотрел на сына. Затем прижал руку к груди, направился к двери. Заметив, что мальчик преспокойно вернулся к рисованию, вышел в коридор и прислонился к стене. У него кружилась голова, он боялся, что потеряет сознание и рухнет без чувств зубами об пол. Голос Люсьена снова пронзил его сердце, сладкий аромат заполнил собой узкое пространство коридора: «У меня был талант... Я бы многого мог добиться...»

Стоя в успокоительной тишине больничного коридора, он думал о том, что его обманули, обвели вокруг пальца. Разум его был измучен, истощен. Он тяжело вздохнул. Темнокожий посетитель, которого он уже видел в зале ожидания возле кофейного аппарата, появился внезапно: стильный, колоссального роста, он стоял перед ним почти неподвижно. Джим поднял голову, прислонившись спиной к холодной стене, и пристально посмотрел незнакомцу в лицо. Человек был не стар, моложе его самого, но, когда их глаза встретились, опешил и сделал шаг назад. Он понимал, кто перед ним, и боялся.

– Уходите, – чуть слышно проговорил Джим.

Мужчина, дрожа от волнения, сделал шаг по направлению к Джиму.

Достал платок, вытер лоб и смущенно кашлянул.

– Мистер Аллен, – произнес он с отчетливым французским акцентом, – община Моргетто уже не та, какой была столетие назад. Потомки ее основателей отказались от темных ритуалов и уродливых обычаев прошлого. Мы всего лишь хотим увидеть мальчика и сделать все, что в наших руках, чтобы все его потребности были удовлетворены. Поверьте, все, что нам надо, – равновесие между миром земным и духовным. У вас необыкновенный сын, он – живое воплощение наших древнейших верований.

Он неуклюже засунул руку в карман пиджака, достал визитную карточку и дрожащими пальцами протянул Джиму. Секунду Джим колебался, но затем взял карточку.

– Заходите к нам, мы примем вас с величайшими почестями, и никто никогда про это не узнает. Никому нет дела до чуда.

– Почему я должен вам доверять? Всего каких-то сто лет назад по вине ваших предков произошла трагедия.

Человек потупился.

– Вы правы, но наши духи, наши лоа научили его, как вернуть жизнь, которую у него отняли. Мальчик не должен расти с ужасными воспоминаниями Люсьена. Помогите ему вырасти человеком, которым он так и не стал.

– Необыкновенные мужчины и женщины, которые усилят могущество вашей секты, – вы ищете именно их, не так ли?

– Да что вы, бог с вами! – обиженно воскликнул незнакомец. – Мужчины и женщины, подобные вам и вашему сынишке, научат этот мир уважать мертвых. Помогут объяснить, что убийство другого человека противно человеческой природе, чтобы мы наконец поняли, что мы – высшие существа и что Бог существует. Что Бог есть! Уважение к вере, *chevalier*. Уважение к ближним, к религиям и духам, к ангелам – называйте, как хотите. Смерть – это не конец. И ваше дитя – тому доказательство. Есть надежда, что помимо жизни, полной боли и утрат, существует выбор и человек может выбрать жизнь!

– То есть жить без страха смерти?

– Конечно! Потому что смерть и есть жизнь, *monsieur*...

Джим снял очки и протер глаза. Он и не заметил, что Элизабет вышла из палаты и стоит рядом с ним.

– Но Люсьен все еще был здесь, когда жена была беременна.

– Я в курсе, *monsieur*, и это величайшая тайна. Надеюсь, со временем мы ее разгадаем. Если это вам как-то поможет, могу ручаться, что душа

соединяется с плодом на сорок восьмой или сорок девятый день беременности. Это подтверждают наши исследования. Вот и все, что я могу вам сказать.

– Пожалуйста, уходите.

Человек с достоинством кивнул, почтительно склонился перед Элизабет и одернул пиджак.

– Мы еще увидимся, – пообещал он. – Для нас будет большой честью показать вам то, как выглядит сейчас община Моргетто.

Джим нехотя улыбнулся и сунул карточку в карман брюк. Когда мужчина скрылся за одной из дверей в конце коридора, он посмотрел на Элизабет и обнял ее.

– Джимми... То есть Люсьен уже оделся. Поехали домой, Джим. Я жутко устала и хочу увидеть малышку.

– Скажи, что ты думаешь обо всем этом. – В его голосе слышалась мольба. Он заглянул в палату: мальчик, сидя на кровати, перебирал фломастеры, взгляд его казался потерянным. – Прошу тебя, Элизабет.

Она опустила веки – лицо у нее при этом стало совсем детским – и кивнула на дверь.

– Это наш сын, Джим. Кем бы он ни был – Джимми или Люсьеном. Он заботился обо мне и о моей сестре, он любил нас. Он был рядом с нами все наше детство. Что ты хочешь от меня слышать? У него отняли все, что он любил, у него отобрали жизнь, мечты и устремления, а теперь у него появилась новая возможность быть человеком, как прежде, но без этой трагедии. Ты считаешь, я способна ему отказать? Он нас соединил и... – слова застряли у нее в горле, и она всхлипнула. – Он совершил много ошибок, сжег чуть ли не целый город, – она попыталась шутить, заливаясь слезами, – но вот он здесь. Он добился того, чего желал, и единственное, о чем он просит, – жизнь. Жизнь, Джим. Его жизнь.

– Спасибо, Элизабет, – ответил он.

Она удивленно вскинула брови.

– За что?

– Мне нужно было это услышать. Я думаю то же самое, и было бы невыносимо, если бы ты придерживалась другого мнения.

Элизабет зарыдала.

– Ах, Джим!

– У твоей мамы случится инфаркт, а физиономию Карлоты, когда мальчик начнет пересказывать свои воспоминания, даже вообразить страшно!

Элизабет тихонько засмеялась. Люсьен вышел в коридор, она

поспешно вытерла слезы и взяла его на руки.

– Идем, герой!

Они направились в сторону выхода, но, подходя к выходу из больницы, снова увидели темнокожего мужчину. Тот заметил, что мальчик смотрит на него с любопытством и улыбается. На лице человека появилась ответная улыбка – широкая, искренняя. Не говоря ни слова, он распахнул перед ними стеклянные двери, и они вышли, оставив его в холле.

– Этот дядя заходил ко мне в палату, – сказал мальчик.

Джим открывал машину. Он подхватил мальчика на руки, усадил в детское кресло и пристегнул ремень безопасности.

– Что ты говоришь!

– Да, папа.

– И что он тебе сказал?

– Что я должен быть добрым и не думать про плохое.

– Отличный совет. К нему стоит прислушаться.

– А еще он сказал, что ты мне купишь скрипку. Ты ведь купишь?

Джим кивнул и поцеловал его в нос.

– А как же! Обязательно.

Он усмехнулся и захлопнул дверь. Элизабет уже сидела в машине и поправляла макияж, рассматривая свое лицо в зеркале заднего обзора.

Пока они выезжали с парковки в сторону центральной площади, Джим покосился на мраморный монумент, поставленный в память о той ночи, во время которой он в последний раз разговаривал с Люсьеном. Он бегло взглянул в зеркало заднего обзора: мальчик пристально за ним наблюдал, и в его глазах читалось странное и недоброе выражение, знакомое Джиму уже давным-давно. Из прошлой жизни, подумал он. Жизни, до поры до времени лишенной боли и потерь, наполненной явным желанием продемонстрировать миру свой талант, привнести в него нечто прекрасное, чтобы о нем помнили. Семью, новую любовь, неповторимый человеческий опыт. И вот позади сидит Люсьен в образе ребенка, медленно созревающий в чистоте и невинности нового тела. Это тело рано или поздно покажется ему слишком маленьким, тесным, но к тому времени весь мир будет лежать у его ног. Джим заметил, как мальчик улыбается ему такой знакомой, такой неповторимой улыбкой. Потом взгляд его кошачьих глаз переместился, и Джиму показалось, что он с облегчением вздохнул.

– Спасибо, мама, – прошептал мальчик.

Удивленная Элизабет обернулась. Ее щеки были все еще красными от слез, а на губах виднелась гримаса любви и скорби.

– Солнышко, почему ты это сказал?

Люсьен будто бы что-то высматривал в окошке, а голос его показался матери неожиданно ясным, разумным и взрослым.

– Потому что ты сдержала свое обещание, – пробормотал мальчик. – Ты обещала, что будешь любить меня всегда. Так и вышло.

notes

Примечания

1

День независимости США.

2

Ma petite, c'est terrible (фр.) – моя малышка, это ужасно.

Table of Contents

Маленка Рамос Тайна дома Морелли

Часть первая. «Привет»

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

Часть вторая. «Пляшите, черти»

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[Часть третья. Перекресток дорог](#)

[38](#)

[39](#)

[40](#)

[41](#)

[42](#)

[43](#)

[44](#)

[45](#)

[46](#)

[47](#)

[48](#)

[49](#)

[50](#)

[51](#)

[52](#)

[53](#)

[54](#)

[55](#)

[56](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)